

ГИНДЕНБУРГ

ВАЛЬТЕР РАУШЕР

ЛАДОМИР

WALTER RAUSCHER

HINDENBURG

Feldmarschall und Reichspräsident

Ueberreuter
Wien

ВАЛЬТЕР РАУШЕР

ГИНДЕНБУРГ

Фельдмаршал и рейхспрезидент

Научный редактор перевода —
доктор исторических наук Б. М. Туполев

Научно-издательский центр
«Ладомир»
Москва

Перевод с немецкого С. А. Липатова
Оформление В. С. Филатовича

- © 1997 by Verlag Carl Ueberreuter, Wien
- © С. А. Липатов. Перевод, 2003.
- © Б. М. Туполев. Статья, комментарии, 2003.
- © В. С. Филатович. Оформление, 2003.

ISBN 5-86218-441-4

Репродуцирование (воспроизведение) данного издания любым способом без договора с издательством запрещается.

ГИНДЕНБУРГ: ОТ ТАННЕНБЕРГА ДО МАРБУРГА

Уже в названии своего труда австрийский историк Вальтер Раушер выделяет две важнейшие ипостаси Гинденбурга — фельдмаршал и рейхспрезидент. Символичным стало само присутствие в Версале молодого лейтенанта Пауля фон Бенекендорфа унд фон Гинденбурга, представлявшего свой полк при провозглашении 18 января 1871 г. прусского короля Вильгельма I германским императором, верным слугой которого, а затем и его преемника, он считал себя всю жизнь. Этот офицер, вероятно, оказался единственным участником той парадной церемонии, пережившим сначала крах Германской империи в результате Ноябрьской революции 1918 г., а потом и приход нацистов к власти в 1933 г. В последнем событии ему суждено было сыграть зловещую, роковую роль.

Выход в свет русского перевода книги особенно актуален сегодня, так как положение в Германии в конце существования Веймарской республики иногда до деталей напоминает недавнее прошлое современной России. Написанная на основе документальных материалов, эта монография является серьезным исследованием истории германского милитаризма, особенно причин его поражения в Первой мировой войне. Автором рассматривается также становление и крушение веймарской демократии. При этом, разумеется, в центре повествования — президент Гинденбург и его роль в возникновении политической ситуации, приведшей к установлению в Германии фашистской диктатуры¹.

Наиболее яркими событиями продолжавшейся сорок лет «мирной» военной карьеры Гинденбурга, которой он, однако, счел возможным посвятить лишь 12 страниц своих мемуаров, были его встречи с императорами, королями и принцами. В сущности же основные этапы его службы почти ничем не отличались от жизненного пути большинства немецких офицеров, разве что успешнее других продвигался он по служебной лестнице. Со временем, а именно в годы Первой мировой войны, стройная фигура лейтенанта Гинденбурга приняла облик гигантской деревянной скульптуры фельдмаршала — на богатырском туловище с полными, мягкими руками стриженная ёжиком квадратная голова, украшенная воинственными усами, и потухшие глаза.

Еще во время учебы в Военной академии в Берлине, куда он поступил в 1873 г., Гинденбург сблизился с будущим генерал-фельдмаршалом Германом фон Эйхгорном, организатором кровавого похода германской военщины против украинского народа в 1918 г., и с будущим шефом военно-исторического отдела Большого Генерального штаба военным писателем Фридрихом фон Берн-

¹ Исследование Вальтера Раушера публикуется на русском языке через двадцать лет после издания в Советском Союзе монографии историка из ГДР Вольфганга Руте: *Ruge W. Hindenburg: Porträt eines Militaristen*. Berlin, 1974. (Пер. на рус. яз.: *Руге В. Гинденбург: Портрет германского милитариста*. М., 1981.) К сожалению, В. Раушер не использовал в своей работе книгу известного американского историка и журналиста: *Ширер У. Взлет и падение Третьего рейха: В 2 т.* М., 1991.

гарди, теоретиком «народа без пространства». После окончания академии Гинденбург был рекомендован и направлен в 1877 г. в Генеральный штаб, общество «полубогов», как говорил Бисмарк, где прослужил около года. В дальнейшем он занимал различные командные должности в армии, но время от времени вновь возвращался в Большой Генеральный штаб.

В 1885 г. за недолгую службу в отделе развешивания Большого Генерального штаба способности Гинденбурга высоко оценил его непосредственный начальник полковник граф А. фон Шлиффен, написавший в своем квалификационном отчете, что майор Гинденбург обладает необходимыми данными, чтобы возглавить армейский Генеральный штаб. Эту оценку разделяли генерал-квартирмейстер А. фон Вальдерзее и начальник Большого Генерального штаба Г. фон Мольтке-старший¹.

Следует, однако, обратить внимание на то, что речь здесь могла идти еще не о Большом Генеральном штабе. Каждый армейский корпус германской армии имел свой Генеральный штаб, а все командиры этих корпусов располагали правом прямого доклада кайзеру наряду с начальником Большого Генерального штаба, военным министром и шефом военного кабинета. Всего, таким образом, в германских вооруженных силах существовало почти сорок «единиц», имевших право непосредственного доклада, а вся система управления армией была ориентирована на усиление личной командной власти Вильгельма II².

С октября 1888 г. и до конца 80-х годов Гинденбург занимал должность первого офицера Генерального штаба III армейского корпуса в Берлине, одновременно преподавая тактику в Военной академии. В 1896 г. он стал шефом Генерального штаба VIII армейского корпуса в Кобленце, получив после кайзеровских маневров 1897 г. чин генерал-майора.

Последние восемь лет Гинденбург командовал располагавшимся в Магдебурге IV армейским корпусом. Когда в 1905 г. ему был присвоен чин генерала инфантерии, он уже едва ли мог рассчитывать на дальнейшее повышение по службе. В Большом Генеральном штабе поговаривали о том, что командиру IV армейского корпуса остается только повесить саблю на гвоздь. Для общест-венности увольнение 63-летнего Гинденбурга со службы в 1911 г. прошло почти незамеченным. Тогда, за три года до начала Первой мировой войны, в Германии насчитывалось 470 генералов, но из них едва ли десяток был общеизвестен. Их популярность создавалась мощным пропагандистским аппаратом, который связывал немногие «громкие имена», такие как Мольтке-старший, Вальдерзее, Шлиффен, с подлинными или мнимыми успехами якобы непобедимой германской военной машины³.

Сам Гинденбург собирался в последние годы жизни заниматься охотой и пополнением своей коллекции картин, изображающих Деву Марию, а также содействовать карьере своего единственного сына Оскара. Вместе с тем, как отмечает В. Раушер, находясь в отставке, Гинденбург продолжал сохранять живой интерес к проблемам армии, нередко часами просиживая над картами военных операций.

Неожиданно Первая мировая война вознесла его на гребень исторических

¹ См.: Ruge W. Op. cit. S. 32—34.

² См.: Förster S. Der doppelte Militarismus: Die deutsche Heeresrüstungspolitik zwischen status-quo-Sicherung und Aggression 1890—1913. Stuttgart, 1985. S. 18—19.

³ См.: Ruge W. Op. cit. S. 9—11, 34—36.

событий. 22 августа 1914 г. Гинденбург был назначен командующим 8-й немецкой армией в Восточной Пруссии, а на следующий день на вокзале в Ганновере впервые встретился со своим начальником штаба Э. Людендорфом. Решающую роль в дальнейшей военной и политической карьере генерал-полковника сыграла одержанная немецкими войсками, находившимися под его командованием, победа над русскими под Танненбергом 26—30 августа 1914 г.

Уничтожение 2-й (Наревской) русской армии Самсонова в результате ее полного окружения в Восточной Пруссии было объявлено в Германии «новыми Каннами», хотя таковые в соответствии с разработанным начальником Большого Генерального штаба А. фон Шлиффеном «учением о Каннах» должны были состояться на Западном фронте. «Не зная заранее местности в юго-западной части Восточной Пруссии и не создавая за десятилетия “волчьей ямы” для русских у Мазурских болот, как об этом утверждалось позднее в многочисленных народных легендах, — пишет В. Раушер, — Гинденбург вместе с Людендорфом, учитывая вялое наступление Ренненкампфа, планировали охват южной армии Самсонова».

Однако это категорическое заявление автора представляется необоснованным. Исторические факты свидетельствуют об обратном. Подготовка к «Танненбергу» была долгой и не напрасной. Об этом говорят материалы командно-штабных учений проводимого с 1891 г. Шлиффеном Большого Генерального штаба, ежегодно проводившихся поочередно в западной или восточной пограничных областях Германии; при этом Россия и Франция всегда обозначались в роли инициаторов войны.

Знаток германской военной истории Герхард Риттер в своем труде, посвященном плану Шлиффена, писал: с момента появления меморандума в августе 1892 г., в котором говорилось о том, что в войне Германии на два фронта против Франции и России главное наступление должно проводиться на Западе, не прекращалась разработка планов германского вторжения и на Востоке. Риттер отмечал появление после Первой мировой войны многочисленных исследований, в которых рассматривались самые разнообразные аспекты тактико-стратегического планирования, военных и командно-штабных учений Большого Генерального штаба, где «проигрывались» все мыслимые варианты ведения операций на Восточном фронте, прежде чем начнется поход на Западе: оборона Восточной Пруссии на Мазурских озерах или со стороны Кёнигсберга, отражение атак русской армии на Висле, большое германское наступление на Востоке¹.

Уже в материалах командно-штабных учений Большого Генерального штаба за 18 июня 1894 г. говорилось о том, что «намерения командующих германской Висленской и русской Наревской армий и отданные ими распоряжения приводят к решающему сражению между обеими армиями, центр тяжести которого находится благодаря охвату Наревской армии с севера в районе Танненберга»².

На командно-штабных учениях «Ост» 1901 г. в Восточной Пруссии условный противник — русская Наревская армия — опять-таки попадает в очень тяжелое положение на озерах, примерно в 40 км к северо-западу от Танненберга³.

¹ См.: Ritter G. Der Schlieffenplan: Kritik eines Mythos: Mit erstmaliger Veröffentlichung der Texte... München, 1956. S. 30—31.

² Generalfeldmarschall Graf von Schlieffen: Die Grossen Generalstabsreisen — Ost — aus den Jahren 1891—1905. Berlin, 1938. S. 25.

³ См.: Ibid. S. 223—224.

В командно-штабных учениях на Востоке 1903 г. русские Неманская и Наревская армии наступали на Вислу. Германское командование исходило из того, что войну на два фронта нужно довести до конца «не посредством отбрасывания одного или другого врага, а только возможно полным уничтожением сначала одного, затем другого противника»¹.

Сражение, развернувшееся в Восточной Пруссии южнее Остероде, должно было завершиться разгромом русской Неманской армии в районе реки Зольдау, примерно в 40 км южнее Танненберга. Материалы командно-штабных учений 1903 г., вполне в духе военно-теоретических взглядов Анри Жомини и Карла Клаузевица, заключала фраза: «Следует проводить наступление крупных вооруженных сил во фланги и тыл противника. Это единственный способ, которым мы можем, по примеру былых времен, не только защищаться от наших врагов, но и уничтожать их»².

Таким образом, еще до принятия разработанного Шлиффеном плана войны на два фронта (с учетом резкого сокращения военной мощи России в результате поражения в Русско-японской войне и вследствие первой русской революции) Большим Генеральным штабом были самым тщательным образом просчитаны различные варианты возможного хода военных действий в восточной пограничной области, причем особое внимание уделялось планам разгрома российских войск в юго-западной части Восточной Пруссии, то есть в районе Танненберга.

Между тем в связи с ослаблением России у Шлиффена мелькнула мысль о превентивной войне против Франции. Эту идею разделяли некоторые командиры армейских корпусов, прежде всего командир IV армейского корпуса Гинденбург и командир I армейского корпуса барон Кольмар фон дер Гольц, которого прочили в Главнокомандующие Восточного фронта³.

В. Раушер показал подлинную роль Гинденбурга в состоявшемся под Танненбергом сражении, где русские войска потерпели поражение из-за грубых просчетов своего командования. Упомянул автор и о том, что еще до прибытия Гинденбурга и Людендорфа Гофман подготовил операцию и самовольно разослал приказы, в соответствии с которыми уже началось передвижение немецких войск. Еще вечером 23 августа 1914 г. Гинденбург, отдыхая, гулял по берегу реки Ногат, а уже через два дня, 26 августа, началось сражение южнее Алленштайна. Позже разгорелись жаркие споры о том, кто решил судьбу битвы. «Хорошо, что Танненберг выиграл, — поэтому его выиграли многие. Если бы сражение было проиграно, то проиграл бы его я один», — сказал как-то Гинденбург.

Когда Вильгельм II поздравил командование Восточного фронта «с победой под Алленштайном», Гинденбург направил кайзеру ходатайство о присвоении четырехдневным боям названия «битвы под Танненбергом». Она должна была стать германским реваншем за понесенное Немецким (Тевтонским) орденом в 1410 г. тяжелое поражение в сражении под Грюнвальдом (Танненбергом) с объединенными войсками Польши, Литвы и русскими полками Смоленского княжества, что считалось исторической победой славян над германцами. Теперь

¹ Generalfeldmarschall Graf von Schlieffen: Die Grossen Generalstabsreisen — Ost — aus den Jahren 1891—1905. Berlin, 1938. S. 301.

² Ibid. S. 306, 309.

³ См.: Görlitz W. Der deutsche Generalstab: Geschichte und Gestalt. 1657—1945. Frankfurt a. M., o. J. S. 181.

Людендорф и Гофман претендовали даже на авторство самого названия «битва под Танненбергом».

Бесспорным является утверждение В. Раушера, что по сравнению с другими национальными героями, такими как Фридрих Великий или Бисмарк, доля собственного участия Гинденбурга в заслугах, какие ему приписывались, была несравненно меньшей. Однако в сознании народных масс Германии именно Гинденбург считался главным творцом этой победы. Со времени смерти Бисмарка у немцев впервые появилась «священная фигура» для поклонения.

Вместе с тем следует отметить, что прославление Гинденбурга, которое началось после отставки Мольтке-младшего, не было «стихийным». Большие усилия к нему приложили правящие круги страны. В периодических изданиях Гинденбург называли «звездой Востока», «ужасом России», «верным слугой Отечества». Повсюду сооружались его памятники, университеты присваивали ему почетное звание доктора наук и т. д.

Битва под Танненбергом являлась одним из важнейших событий в ходе военных действий на Восточном фронте, но она не стала решающим сражением Первой мировой войны и, в отличие от Седана или итальянского похода Наполеона 1796—1797 гг., не имела политических последствий. В то же время в немецкой историографии действия 8-й германской армии изображались как победа, «равной которой не знает военная история»¹. Однако она не повлекла за собой развала российского Северо-Западного фронта и не устранила угрозы нового вторжения русских войск в Восточную Пруссию.

Известный специалист по истории германского Генерального штаба Вальтер Гёрлиц писал, что после сражения под Танненбергом Гинденбург и Людендорф оказались в таком же положении, в каком находился Ганнибал в результате битвы при Каннах. Их победа не вызвала политического чуда. Она была не более чем частичной победой на одном из участков театра военных действий. В соединении с последующей победой над 1-й (Неманской) армией российского генерала Ренненкамппа на Мазурских озерах она имела следствием лишь стабилизацию северной части Восточного фронта².

С другой стороны, наступление русских войск заставило германское командование перебросить из Франции на Восточный фронт два армейских корпуса и одну кавалерийскую дивизию, что существенно ослабило германскую ударную группировку на Западе и было одной из причин ее поражения в битве на Марне. К тому же, скованные боевыми действиями в Восточной Пруссии, немецкие войска не смогли оказать поддержки союзным австро-венгерским войскам, которые потерпели серьезное поражение в Галиции³.

Между тем Мольтке-младший, смещенный с поста начальника Большого Генерального штаба, утратив веру в достижение решающего успеха на Западе, усматривал теперь единственную возможность выиграть войну в полном уничтожении русских армий, за которым должно было последовать заключение сепаратного мира с Россией. К этой «Восточной партии» присоединились Гинденбург и Людендорф, престиж которых чрезвычайно вырос вследствие одержанных ими побед в Восточной Пруссии. В середине сентября новый шеф Боль-

¹ Der Weltkrieg 1914 bis 1918: Die militärischen Operationen zu Lande. Berlin, 1925. Bd. 2. S. IX.

² См.: Górlitz W. Op. cit. S. 235.

³ См.: История Первой мировой войны: В 2 т. М., 1975. Т. 1. С. 328—329.

шого Генерального штаба Эрих фон Фалькенхайн поставил Гинденбурга во главе вновь созданной на Восточном фронте 9-й армии, сохранив за ним и командование 8-й¹.

Впоследствии находившиеся под командованием Гинденбурга и Людендорфа немецкие войска продвинулись до Курляндии. Однако всякий раз, когда они пытались провести крупные операции по окружению, то есть осуществить «новые Канны», противник не давал заманить себя в подготовленную западню, так что дело ограничивалось «ординарными», а не решающими успехами.

Предвестниками политического возвышения Гинденбурга стали наведывавшиеся к нему высокопоставленные персоны. Так, вскоре после битвы под Танненбергом на Восточном фронте побывали гросс-адмирал А. фон Тирпиц, поддерживавший тесные связи с фабрикантами, производившими пушки и бронированные плиты, восточнопрусский юнкер и реакционный политик Э. фон Ольденбург-Янушау, а несколько позднее — крупный промышленник Гуго Стиннес с целью уговорить Гинденбурга стать «военным канцлером», то есть, по существу, диктатором. Гинденбург отказался, сославшись на отсутствие склонности к политике. Зато уже в ноябре он становится Главнокомандующим Восточного фронта и получает чин генерал-фельдмаршала².

События на фронтах побудили магнатов тяжелой и военной промышленности потребовать реорганизации германской военной экономики, для чего, как они считали, необходимым было сосредоточение всей полноты власти в руках «сильной личности». 28 августа 1916 г., на другой день после вступления Румынии в войну с Германией, кайзер принял решение о назначении Гинденбурга начальником Большого Генерального штаба, а Людендорфа — генерал-квартирмейстером. По сути, в стране установилась военная диктатура Верховного командования. Как отмечается в книге В. Раушера, этот дуумвират уже не был связан конституционными ограничениями, от имени бессильного кайзера он вмешивался во все области политики, вплоть до организации смещения имперского канцлера.

В дни, предшествовавшие Ноябрьской революции, Гинденбург призывал немцев к единству для продолжения войны «во имя будущего» Германии. Однако, пишет автор, «большая часть населения уже не слушала идола из Танненберга». Германия, которую олицетворял фельдмаршал, разваливалась. «Как Зигфрид от коварного броска копья свирепого Хагена», повергнут был изнуренный фронт — развивал он позднее в своих воспоминаниях легенду об «ударе ножом в спину» как основной причине поражения германской армии в мировой войне. Вальтер Гёрлитц, историк консервативного направления, писал по этому поводу, что такая «картина была фальшивой, война была и так уже проиграна, хотя последнее сражение еще не было дано». Вместе с тем он констатировал, что накануне Ноябрьской революции из всех старых властей Германии, «как скала в море, все еще овеваемая мистической силой», оставалось только Главное командование армии, Генеральный штаб в Спа. Гинденбургу, благодарно державшемуся в стороне от переговоров с союзниками, и его «незыблемому престижу» Гёрлитц противопоставлял «политическую голову с политическим честолюбием» нового первого гене-

¹ См.: Görlitz W. Op. cit. S. 238, 240.

² См.: Ruge W. Op. cit. S. 73.

рал-квартирмейстера Грёнера, косвенно как бы отрицая наличие таких качеств у фельдмаршала¹.

Сам Грёнер, отнюдь не уверенный в особых военных дарованиях Гинденбурга, так охарактеризовал фактически правивший в стране дуумвират: «Старый Гинденбург, обладавший некоторыми качествами, которых не было у Людендорфа, особенно олимпийским спокойствием, конечно же мог дополнять Людендорфа, если бы тот не был намного более сильной личностью. Хотя внешне “брак” Гинденбург—Людендорф казался блестящим, однако Гинденбург был в чем-то слишком слаб, а Людендорф в чем-то слишком силен, чтобы создать облик настоящего полководца. Каждый из них сам по себе не был таковым. Для совершенного сочетания качеств военного вождя не хватило их правильного смешения — жаль и тысячу раз жаль!..»

Девятого ноября 1918 г. Вильгельм II передал Гинденбургу верховное командование армией и отрекся от престола германского императора, а позднее и короля Пруссии. Таким образом Гинденбург оказался единственной персоной, которой монарх передал свои права наследования. Монархистам это позволило изображать фельдмаршала как морально узаконенного блюстителя престола.

Гинденбург крайне болезненно воспринимал дискуссию об ответственности за отречение и бегство в Нидерланды последнего кайзера, с которым совсем недавно отмечал 30-летие его восшествия на трон. До самой смерти причастность к концу 500-летнего правления династии Гогенцоллернов крайне унетала его. Однако он проявил готовность принять «демократическую» революцию, чтобы избежать гражданской войны в стране и сохранить армию как гаранта возрождения Германии.

Гинденбург призвал защищаться от нового врага — большевизма, «несущего угрозу цивилизованному миру», обратился к ветеранам Танненберга и Мазурских озер за поддержкой. В Кольберге, где разместилось Главное командование Сухопутных войск, он приступил к написанию своих мемуаров при активном участии двух помощников.

Двадцать третьего июня 1919 г. Национальное собрание приняло предложенные Антантой условия мира, предусматривавшие разрушение великодержавной позиции Германии и фактически делавшие ее совершенно беззащитной. Двумя днями позднее Гинденбург сложил с себя командование армией, а 3 июля отправился из главной квартиры в Кольберге в Ганновер. Сама процедура подписания мирного договора состоялась 28 июня 1919 г. в Зеркальном зале Версальского дворца, где в 1871 г. Гинденбург присутствовал при провозглашении прусского короля германским императором. Завершилась целая историческая эпоха в жизни немецкого народа.

После ухода в отставку Гинденбург в июле 1919 г. сделал свое первое политическое заявление, выступив на заседании рейхстага против «лжи о виновности за развязывание войны», полностью возложенной на Германию Версальским мирным договором. Фельдмаршал изображал Верховное командование как «исполнителя воли народа и армии», которая достойно сражалась до самого конца. Завершил он выступление своим известным высказыванием: «Один английский генерал правильно сказал: “Немецкую армию можно победить, только всадив ей нож в спину”».

В действительности высказывание англичанина звучало несколько иначе.

¹ См.: Görlitz W. Op. cit. S. 287.

Перед своим отъездом из Берлина член комиссии по перемирию английский генерал сэр Нейл Малколм посетил Людендорфа и в ответ на жалобы последнего, будто правительство и народ бросили его на произвол судьбы и что немцы оказались недостойны наследия своих воинственных предков, спросил: «Вы хотите этим сказать, генерал, что вам нанесли удар ножом в спину?» Людендорфа эта формулировка привела в восторг. «Это верно! — закричал он. — Нам нанесли удар ножом в спину, ножом в спину!»¹ Эта легенда о причине поражения германской армии была подхвачена националистически настроенными кругами страны, в том числе и национал-социалистами, активно использовавшими ее в своей политической борьбе.

Гинденбург был весьма озабочен не только ростом влияния КПП и развернувшимся в стране революционным движением, но и спартакистскими тенденциями в Баварии, создававшими угрозу целостности Германии. Однако реакционные круги в Баварии предпринимали попытки привлечь его на свою сторону и даже уговаривали переехать в Мюнхен, рассчитывая поставить его во главе южногерманского контрреволюционного движения. Но фельдмаршал не одобрял подобных замыслов.

Представляется, что В. Раушер неправомерно считает Людендорфа главным действующим лицом «пивного путча» в Мюнхене 8 — 9 ноября 1923 г., не употребляя, впрочем, этого названия. Автор пишет о том, что, будучи экстремистом по натуре, Людендорф взял на вооружение насилие и радикализм. Он возглавил «Немецкий союз борьбы», куда вошли НСДАП Адольфа Гитлера и другие правозкстремистские группы и объединения, которые и произвели попытку государственного переворота. Однако в действительности ведущей политической фигурой в этом союзе являлся Гитлер. Людендорф даже не был заранее проинформирован о намеченном нацистами путче. Особенно его возмутило то, что не он, а бывший ефрейтор должен был стать диктатором. Вместе с тем появление Людендорфа в «Бюргербройкеллер» в известном смысле спасло положение Гитлера. Они вместе возглавили трехтысячную колонну штурмовиков, направившуюся в центр Мюнхена, где она была встречена огнем полиции. На процессе о государственной измене, состоявшемся в феврале—марте 1924 г., из десяти подсудимых самой известной личностью был Людендорф, но главной персоной, привлечшей всеобщее внимание, оказался Гитлер. Мюнхенский народный суд оправдал Людендорфа, а Гитлер был приговорен к 5 годам тюремного заключения. Однако уже через девять месяцев его выпустили из крепости Ландсберг на свободу².

На состоявшихся вскоре после этого президентских выборах 1925 г. подержанный национал-социалистами Людендорф с треском провалился в первом туре, получив 1% голосов. После долгих колебаний Гинденбург согласился стать кандидатом в президенты и 26 апреля был избран во втором туре, собрав 48,3% голосов избирателей. Его поддержали партии Имперского блока, в который входила и НСДАП.

В краткой речи после принятия присяги Гинденбург отметил, что рейхстаг и президент представляют собой единое целое, так как избраны народом. Они должны охранять суверенитет государства, конституционный строй Германии.

¹ Görnitz W. Op. cit. S. 291.

² См.: Шулер У. Указ. соч. Т. 1. С. 90, 94—108.

В случае же возникновения противоречий в рейхстаге президенту надлежит быть над ними и добиваться объединения всех созидательных сил народа.

В соответствии со статьей 48 Веймарской конституции от 11 августа 1919 г. президент имел право в случае необходимости принимать меры по восстановлению общественного порядка и безопасности, использовать вооруженную силу и временно отменять некоторые основные права граждан. «Обо всех мерах <...> принимаемых в соответствии с этой статьей, он должен незамедлительно поставить в известность рейхстаг. По требованию последнего меры эти могут быть отменены». Президент назначал рейхсканцлера и по представлению последнего — имперских министров. В то же время существовала возможность смещения президента посредством всенародного референдума. Рейхстаг обладал правом в случае явного нарушения главой страны конституции передать вопрос на рассмотрение Государственной судебной палаты.

Один журнал левой ориентации писал в то время, что республика является продолжением кайзеровской империи другими средствами. Это не следовало понимать буквально, но именно в отношении прусских военных традиций поразительным феноменом являлось то, что последний шеф старого Большого Генерального штаба, генерал-фельдмаршал недавней «Великой» войны, стал президентом республики. Генералу Курту фон Шляйхеру тотчас же пришла в голову идея прикомандировать к «старому господину» в качестве адъютанта находившегося в чине подполковника в составе рейхсвера его единственного сына Оскара, вместе с которым Шляйхер служил в 3-м гвардейском пехотном полку. Так была установлена тесная личная связь между главой государства и армией¹.

Сильной стороной исследования В. Раушера является стремление автора к объективной оценке деятельности Гинденбурга на посту рейхспрезидента. Как отмечается в книге, правым крутам, рассчитывавшим, что Гинденбург «железной рукой» спасет страну от демокрагии, казалось, будто он запутался в межпартийных распрях Веймарской республики. Антиреспубликанские силы выражали недоумение, почему, являясь убежденным монархистом, президент строго придерживается конституции.

О том, что последнее не соответствовало действительности, свидетельствует приводимое известным западногерманским историком и публицистом Рейнхардом Опитцем в книге «Фашизм и неофашизм» содержание беседы, состоявшейся на Пасху 1929 г. между генералом К. фон Шляйхером и председателем фракции Центра в рейхстаге Генрихом Брюнингом. Шляйхер поведал Брюнингу о согласованном с Гинденбургом плане отстранения от власти правительства большой коалиции во главе с канцлером социал-демократом Генрихом Мюллером, которое будет заменено кабинетом, опирающимся не на рейхстаг, а на чрезвычайные полномочия рейхспрезидента. Новый кабинет должен был стать переходным на пути к восстановлению монархии и ориентироваться на широкую политическую базу «национальных сил». Шляйхер заявил, что Гинденбург согласен с тем, чтобы Брюнинг возглавил этот кабинет². Уход в отставку в марте 1930 г. правительства Мюллера был историческим моментом, когда «закончился последний период правления парламентского большинства в Веймарской республике».

¹ См.: Görlitz W. Op. cit. S. 358.

² См.: Opitz R. Faschismus und Neofaschismus. Frankfurt a. M., 1984. (Пер. на рус. яз.: Опитц Р. Фашизм и неофашизм. М., 1988. С. 131.)

В свою очередь, В. Раушер отмечает, что Гинденбург обсуждал со своим ближайшим окружением вопрос о создании правого, независимого от партий, правительства, наделенного чрезвычайными полномочиями по статье 48 конституции. В группу ближайших советников президента входили его сын Оскар, статс-секретарь Отто Майснер, генерал К. фон Шляйхер и новый рейхсканцлер Г. Брюнинг.

Неоспоримо удивительное сходство ряда явлений экономической и политической жизни веймарской Германии рубежа 20—30-х годов и России конца XX в. В условиях мирового экономического кризиса в Германии происходило постоянное увеличение дефицита бюджета, сокращались инвестиции, курс марки падал, возрастала безработица, принявшая массовый характер. Кризис особенно остро проявлялся в развале банков. Правительство было вынуждено ввести новое налогообложение. Принимаемые им меры были призваны увеличить бюджетные поступления и привести к сокращению расходов имперского кабинета и правительства земель. Ради этого кабинет собирался также пойти на существенное ограничение помощи безработным. Однако рейхстаг отверг такой проект. 16 июня президент издал два первых чрезвычайных внепарламентских постановления. Когда же в рейхстаг было внесено предложение об отмене этих указов, Гинденбург распустил рейхстаг. Был определен и срок новых выборов. А еще через несколько дней президент издал новое «Внепарламентское постановление о преодолении финансового, экономического и социального чрезвычайного положения».

Состоявшиеся 14 сентября 1930 г. выборы в рейхстаг свидетельствовали о дальнейшей политической поляризации страны. Национал-социалисты стали второй по величине фракцией в рейхстаге. Существенного успеха добились и коммунисты. Представительство других партий в высшем законодательном собрании сократилось. Автор отмечает, что по стране распространилась нищета, в чем обвиняли главным образом заграницу. В снижении жизненного уровня в Германии не последнюю роль играла выплата репараций. Объявленный в марте 1931 г. без соответствующей дипломатической подготовки проект таможенного союза Германии с Австрией еще больше обострил ситуацию из-за резкого противодействия Франции. В. Раушер пишет, что «рейху необходимо было, в том числе и с военной точки зрения, снова стать великой державой, чтобы эффективно противостоять антинемецкой политике западных держав. Правые считали, что Брюнинг и Веймарская система слишком слабы для этого».

Продолжая поддерживать рейхсканцлера и принимаемые им меры экономики, Гинденбург в июне 1931 г. издал «Второе чрезвычайное внепарламентское постановление по сохранению экономики и финансов». Его реализация означала уменьшение пенсий инвалидам и жертвам войны, сокращение помощи безработным, окладов чиновникам и служащим и т. д. Германия оказалась перед лицом экономической катастрофы. Неожиданно резко возросли расходы золота и валюты, хранившихся в Рейхсбанке, возникла угроза полного прекращения его платежей. По инициативе американского президента Герберта Гувера Гинденбург обратился к США за поддержкой в установлении моратория на выплату Германией долгов и репараций.

Национал-социалисты, не простившие Гинденбургу отказа включить их представителей в состав правительства, в статье, опубликованной в берлинской газете «Ангрифф», посвященной якобы президенту Французской республики Мак-Магону, называли его президентство «смертельной трагикомедией», упре-

кали его в бесхарактерности, в том, что под маской государственного мужа скрывается не способная к действиям личность. Задавались вопросом: «Как случилось, что этот простофиля смог стать императорским полководцем и президентом республики?»

Через день после сформирования второго правительства Брюнинга Гинденбург 10 октября 1931 г. впервые принял Гитлера, который импонировал ему своими антидемократическими, антимарксистскими взглядами, выступлениями против Версаля и выплаты репараций, стремлением к воссозданию сильной Германской империи. Но для президента он был представителем черни, не только национальной, но к тому же и «социалистической». После его ухода Гинденбург якобы сказал, что этого «своеобразного парня», «вероятно, можно назначить министром почты, но не рейхсканцлером», и заявил Брюнингу, что больше не собирается встречаться с этим «богемским ефрейтором».

На другой день после этой «исторической» встречи произошло знаменательное событие, названное автором книги «Гарцбургской демонстрацией», крупным выступлением правых в Бад-Гарцбурге с парадом военизированных подразделений, но на котором «не было никакого национального единого фронта». Однако этот сюжет, которому посвящен лишь один небольшой абзац, несомненно заслуживает самого серьезного внимания. Главным событием там был не военный смотр, а конференция, в которой участвовали руководители национал-социалистов, немецких националистов, «Стального шлема», Пангерманского союза, представители монополистического капитала, юнкерства, титулованной знати, генералитета, чиновничества.

Гарцбургская конференция наглядно свидетельствовала об изменении положения НСДАП, превратившейся в неоспоримого гегемона всего реакционного лагеря. «Гарцбургский фронт», как был назван конгломерат организаций, принявших участие в конференции, стал серьезной, хотя и недолговечной, попыткой сплочения фашистских и профашистских партий и объединений. Возглавлявшаяся Гутенбергом Немецкая национальная народная партия (немецкие националисты. — Б. Т.) рассчитывала выступать в этом фронте в роли опекуна НСДАП, а это отнюдь не отражало реального соотношения сил в стане реакции¹. Гитлер без обиняков заявил собравшимся о том, что рассматривает немецких националистов и другие представленные на конференции организации как «мешанину»; он в данный момент готов воспользоваться ими в своих интересах, но позднее от них избавится. Фактически «Гарцбургский фронт» вскоре распался, что побудило Гутенберга бросить Гитлеру упрек в том, что своим расколом «национальной оппозиции» он упустил возможность совместного с другими националистическими силами прихода к власти².

Осенью 1931 г. Гинденбург проявил явное нежелание санкционировать одностороннюю акцию против правого радикализма — национал-социалистической партии, считая, что одновременно такие же действия должны быть приняты и против партии коммунистической. Этой же осенью, как свидетель-

¹ См.: История фашизма в Западной Европе. М., 1978. С. 204; Гинцберг Л. И. На пути в имперскую канцелярию: Германский фашизм рвется к власти. М., 1972. С. 197—201; Галкин А. А. Германский фашизм. 2-е изд. М., 1989. С. 32, 116.

² См.: Die bürgerlichen Parteien in Deutschland: Handbuch der Geschichte der bürgerlichen Parteien und anderer bürgerlicher Interessenorganisationen vom Vormärz bis zum Jahre 1945. Leipzig, 1968. Bd. I. S. 745.

ствовал Брюнинг, у Гинденбурга впервые периоды умственного помрачения стали чередоваться с фазами прежней ясности мышления и «духовной свежести». После избрания президентом он сказал однажды тогдашнему рейхсканцлеру Лютеру, что, надо надеяться, его не оставят на этом посту до тех пор, пока он не «отупеет» настолько, что сам уже не заметит этого. Теперь же сложилась такая ситуация, когда седовласый шеф бывшего Большого Генерального штаба стал для значительной части населения Германии как бы последним оплотом против натиска национал-социалистической партии Гитлера; для этих людей якобы не оставалось другого выбора, как держаться за Гинденбурга.

В связи с окончанием президентских полномочий Гинденбург все же согласился баллотироваться на второй срок. Гитлер, со своей стороны, выступил с предложением, чтобы кандидатура Гинденбурга была выдвинута от НСДАП, немецких националистов и «Стального шлема». Но до этого президента должен был отправить в отставку Брюнинга и создать «национальное» правительство. Однако переговоры между вождями национал-социалистов и немецких националистов ни к чему не привели из-за требований Гитлера, направленных на установление диктатуры НСДАП. Тем не менее Гинденбург не собирался оставлять попыток «осуществить здоровое развитие с уклоном вправо», то есть уже был готов согласиться с вхождением национал-социалистов в правительство. При любых обстоятельствах он не желал оказаться на президентских выборах кандидатом от левых. Особенно его раздражала поддержка либералов и социал-демократов.

Между тем национал-социалисты и немецкие националисты изображали Гинденбурга «слабым беспомощным стариком», зависящим от своего окружения. Тогда, пройдя полное медицинское обследование, фельдмаршал принял парад Берлинского гвардейского полка, что было показано в недельной кинохронике. В своей предвыборной речи по радио он заявил, что отказался быть кандидатом одной партии или партийной группировки.

Во втором туре выборов, состоявшемся 10 апреля 1932 г., Гинденбург был избран президентом. Он получил 19,4 млн, или 53%, голосов, а Гитлер — 13,4 млн, или 36,8%, набрав на 2 млн голосов больше, чем в первом туре. Во время второго срока пребывания на посту рейхспрезидента Гинденбург еще больше опирался на ближайшее окружение, в котором происходили некоторые персональные изменения, и искал опоры у людей своего круга. Несмотря на то, что социал-демократия оказала ему решающую поддержку на выборах, он теперь относился к ней еще враждебнее, чем прежде. Под нажимом Брюнинга и министра внутренних дел Грёнера Гинденбург издал «Чрезвычайное постановление по обеспечению государственного авторитета», после чего Гитлер был вынужден распустить СА и СС, но тут же принял их «персонал» в партию единым кадровым блоком. Несколько позднее в Германии был введен контроль министра внутренних дел над военизированными формированиями левых.

Сразу же после создания Францем фон Папеном правительства на внепартийной основе состоялось совещание Гинденбурга и Папена со Шляйхером, Майснером и Оскаром фон Гинденбургом, а 4 июня президент распустил рейхстаг. Вскоре по настоянию Гитлера был отменен запрет СА и СС, просуществовавший только два месяца. Это привело к усилению террора нацистов против инакомыслящих, прежде всего — коммунистов. Однако в ответ на требование Гитлера предоставить ему пост рейхсканцлера и несколько министерских портфельей членам НСДАП Гинденбург заявил, что не может назначить его рейхсканцлером, потому что он — вождь национал-социалистов и руководимый им каби-

нет стал бы не надпартийным, а правительством именно одной партии¹. На переговорах по тому же поводу в ноябре 1932 г. Гинденбург сказал Гитлеру: «Я совершенно не сомневаюсь в честности ваших намерений, но не могу решиться на однопартийный кабинет».

Первого декабря 1932 г. в состоявшемся у Гинденбурга обсуждении сложившейся в стране ситуации приняли участие Папен, Шляйхер, Майснер и Оскар фон Гинденбург. На следующий день под предлогом, что не желает в конце жизни брать на себя ответственность за гражданскую войну, президент назначил главой правительства Шляйхера, сменившего на этом посту Папена.

Последние месяцы существования Веймарской республики были отмечены скрытой борьбой вокруг вопроса о том, на каких условиях нацисты должны участвовать в государственной власти. Если политические силы, правившие до сих пор в Германии, главной опорой которых являлся Гинденбург, выступали за то, чтобы национал-социалистическая партия играла в управлении государством подчиненную роль, то Гитлер и его сторонники требовали предоставления им всей полноты власти. Число сторонников НСДАП в кругах монополистической буржуазии неуклонно возрастало. Еще в середине 1932 г. по инициативе Гитлера его экономический советник промышленник Кепплер создал «кружок друзей экономики», первоначально объединивший 12 промышленников и банкиров².

В книге В. Раушера обстоятельно рассматривается политическая сторона событий, связанная с приходом Гитлера к власти, но весьма немного говорится об их экономической подоплеке. После того как на выборах, проходивших в ноябре 1932 г., обнаружилось падение влияния национал-социалистов, сторонники «сильной руки», крупные банкиры и промышленные монополисты, по инициативе Кепплера, поддержанного Шахтом, обратились к Гинденбургу с идентичными письмами, в которых настаивали на немедленном назначении Гитлера рейхсканцлером.

Принципиально важный вопрос о классовой природе национал-социализма подробно освещается в монографии А. А. Галкина «Германский фашизм». В своем исследовании автор опирался на публикацию немецкого ученого Альберта Шрайнера (1956 г.), обнаружившего в Центральном архиве ГДР в Потсдаме не только оригинал указанного обращения, но и копию ответного письма статс-секретаря Майснера от 19 ноября 1932 г.³ В нем говорилось: «С переданным мне Вами сегодня днем обращением представителей немецкой промышленности я ознакомил г-на рейхспрезидента. Г-н рейхспрезидент принял это обращение к сведению и поручил мне с благодарностью подтвердить факт его получения». Среди подписавших это послание банкиров и промышленников были Яльмар Шахт, барон Курт фон Шрёдер (банкирский дом Штайна), Фриц Тиссен, председатель «Сельского союза» («Ландбунда») граф Калькройт, Эрвин Мерк («И.-Г. Фарбен») и др. Через несколько дней о своем согласии с содержанием письма сообщил Альберт Феглер («Ферайнигте Штальверке»), высказались

¹ См.: Maser W. Hitlers Briefe und Notizen: Sein Weltbild in handschriftlichen Dokumenten. Düsseldorf; Wien, 1973. S. 183—186.

² См.: Галкин А. А. Указ. соч. С. 28—29, 33.

³ См.: Schreiner A. Die Eingabe deutscher Finanzmagnaten, Monopolisten und Junker an Hindenburg für die Berufung Hitler zum Reichskanzler (November 1932) // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1956. № 4.

в его поддержку и другие предприниматели. По некоторым сведениям, лица, подписавшие письмо или поддерживавшие эту инициативу, представляли более 160 крупнейших германских компаний с капиталом в 1,5 млрд марок¹.

Всего через три дня после получения этого обращения Гинденбург принял Гитлера, предложив ему провести консультации по созданию возглавляемого им правительства, опирающегося на парламентское большинство. Хотя тогда переговоры не привели к определенному результату, Майснер сообщил Гитлеру от имени президента, что возможности для дальнейшего обсуждения сохраняются. 4 января 1933 г. в доме Шрёдера в Кёльне состоялась встреча Папена с Гитлером. Вождь НСДАП дал согласие войти в правительство вместе с Папеном и другими «национальными» политиками. Была согласована программа деятельности кабинета: борьба против «большевизма», реорганизация управления промышленностью с обеспечением большего влияния объединениями промышленников, оживление экономической активности в стране, разрыв с Версалем и усиление экономического и военного потенциала Германии. Затем последовало еще несколько встреч Папена с Гитлером.

Двадцать второго января 1933 г. в квартире Риббентропа состоялась встреча Папена, Майснера и Оскара фон Гинденбурга как представителей президента с Гитлером, Герингом, Фриком и Кернером от НСДАП, на которой уже лишь уточнялись позиции обеих сторон. Несмотря на колебания Гинденбурга, судьба кабинета Шляйхера была предreshена. 28 января он получил отставку.

Вскоре Папен, ведший по поручению Гинденбурга переговоры с Гитлером и Гутенбергом о возможности формирования нового правительства, сообщил президенту, что в случае назначения вождя НСДАП рейхсканцлером нацисты получат «только» два министерских портфеля. Как отмечает В. Раушер, узнав о том, что большинство членов кабинета будет состоять из представителей национально-консервативных кругов и специалистов, Гинденбург отбросил все сомнения в отношении «богемского ефрейтора». 30 января 1933 г. президент назначил Гитлера рейхсканцлером и огласил состав его кабинета. Так национал-социалисты «легальным» путем пришли к власти в Германии.

Фашистская диктатура в Германии была одной из возможных форм господства верхов, к которой они прибегли в связи с чрезвычайным обострением классовых противоречий в стране. Нацизм воспользовался широко распространенным чувством национального унижения и стремлением большинства народа к социальной справедливости. Значительная часть населения крайне негативно относилась к Веймарской республике и уповала на установление сильной власти. В то же время нацисты обладали относительной самостоятельностью по отношению к тем кругам, которые содействовали их вознесению на политический Олимп. Это дало возможность представителям крупного капитала в известной мере отмежеваться от наиболее одиозных преступлений гитлеровцев. С этой же целью они ссылались и на преимущественно мелкобуржуазную базу национал-социалистического движения.

В блестящем исследовании американского историка и культуролога Гордона Крейга «Немцы», изданном на русском языке Научно-издательским центром «Ладомир», отмечается, что если в работах таких известных немецких историков, как К.-Д. Брахер, Х.-Б. Гизевиус, Й.-К. Фест и С. Хафнер, уделяется «должное внимание» роли самого Гитлера в установлении в Германии фашистской дик-

¹ См.: Галкин А. А. Указ. соч. С. 33—35.

татуры, то в «Германской Демократической Республике не было создано ни одной биографии Гитлера, и это, без сомнения, отражает идеологический постулат марксистской историографии о главенстве экономических сил над случайностями личного свойства». В то же время и западные авторы, проповедовавшие так называемую «теорию фашизма», также утверждали, что «сам Гитлер не имел существенного значения и оказался лишь креатурой позднекапиталистических сил», стремившихся во что бы то ни стало сохранить свое господство и «выбравших своим инструментом человека, являвшегося достаточно опытным профессионалом в деле насилия и террора для осуществления данной цели». Все это приводит к выводу, что Гитлер служил орудием банкиров и промышленников. По мнению Крейга, этот аргумент оказался несостоятельным, так как проведенные недавно исследования показали, что перед своим приходом к власти «Гитлер в гораздо меньшей степени полагался на финансовую поддержку крупного бизнеса, чем предполагалось прежде...». К тому же он никогда не считался «с желаниями определенных заинтересованных кругов, которые якобы имели на него влияние»¹.

В этой связи можно привести мнение профессора кафедры экономической истории Ренсбургского университета Фрица Блайха, который в своем исследовании о политической позиции немецких предпринимателей в 1918—1930 гг. писал, что под давлением мирового экономического кризиса установилось «взаимопонимание» между ними и новой политической силой крайне правых. Падение прибыли, констатирует Блайх, направляло в фарватер НСДАП как мелких и средних предпринимателей обрабатывающей промышленности, выступавших против экономической и финансовой политики правительства Брюнинга, так и представителей тяжелой индустрии, и не помышлявших о том, чтобы бороться с переполнением складов каменным углем и остановкой доменных печей путем понижения высоких картельных цен. Заманчивая перспектива приручить праворадикальную партию и ее вождя, чтобы затем использовать их для достижения собственных экономических и социально-политических целей, побудила союзы предпринимателей рейнско-вестфальской тяжелой индустрии уже в 1930—1931 гг. включить НСДАП вместе с другими буржуазными партиями в свои списки для «пожертвований» в качестве получателей денег².

Считая легендой распространенное мнение, будто «индустрия» обширным финансированием проложила Гитлеру путь к власти, Вернер Мазер все же признает, что многие известные промышленники, предприниматели и банкиры в ноябре 1932 г. после выборов в рейхстаг обратились к Гинденбургу с просьбой назначить Гитлера рейхсканцлером. Среди них были Шахт, Гельферих, Фёглер, Зильверберг, Тиссен, Ханиель, Крупп, Сименс, Бош, Шрёдер и Финк³.

Итак, после того как Гинденбург перестал противиться назначению Гитлера канцлером, складывалось впечатление, что он полностью положился на национал-социалистов и их вождя. Отныне во всех своих публичных выступлениях он говорил только то, что могло понравиться новым властям. Сопrotивление на-

¹ Крейг Г. Немцы. М.: Ладомир, 1999. С. 71.

² См.: *Blaich F. Staatsverständnis und politische Haltung der deutschen Unternehmer 1918—1930 // Die Weimarer Republik 1918—1933: Politik. Wirtschaft. Gesellschaft / Hrsg. Bracher K. D., Funke M., Jacobsen H.-A. Bonn, 1988. S. 176—178.*

³ См.: *Maser W. Hermann Göring: Hitler janusköpfiger Paladin: Die politische Biographie. Berlin, 2000. S. 141, 156.*

ходившегося в преклонном возрасте президента было сломлено, он стремился к покою и гармонии. Гитлер демонстрировал ему свое уважение и даже заверял, что хочет восстановить монархию после обретения Германией полного суверенитета. 24 марта Гинденбург издает «Закон о предоставлении чрезвычайных полномочий правительству» и, по существу, становится послушным орудием в руках нацистов, что и констатирует автор книги.

Выступая 21 марта 1933 г. по случаю открытия нового рейхстага в гарнизонной церкви Потсдама, у гробниц Фридриха Вильгельма I и Фридриха II, Гинденбург заявил, что на выборах 5 марта «наш народ явным большинством последовал за этим, обличенным моим доверием, правительством и дал тем самым конституционную основу для его работы». Все больше впадая в летаргию, Гинденбург перестал защищать конституцию и этим окончательно передал Германию под полный контроль национал-социалистов.

В фамильном имени Нойдек смертельно больному президенту Гитлер с глазу на глаз сделал отчет о событиях 30 июня 1934 г., так называемой «ночи длинных ножей», когда были убиты Рём и его приближенные в руководстве штурмовых отрядов, бывший рейхсканцлер Шляйхер и некоторые другие, ранее близкие Гитлеру деятели. Он построил свое сообщение в форме, побудившей Гинденбурга официально «утешить» его словами, что тот, кто хочет творить историю, не должен бояться кровопролития. За это Гитлер дал ему обещание, что после его смерти восстановит в стране монархию, которую Гинденбург продолжал считать лучшей формой государственного устройства. Однако после смерти Гинденбурга 2 августа 1934 г. был объявлен принятый еще накануне закон об упразднении поста рейхспрезидента. Соединив посты президента и рейхсканцлера, Гитлер стал именоваться «фюрером и рейхсканцлером», положив тем самым конец всем мыслимым комбинациям, направленным на восстановление монархии¹. В тот же день фюрер распорядился провести государственные похороны «старого господина» в мемориальном комплексе Танненберга, сооруженном в 1927 г.

Судьба праха Гинденбурга оказалась символичной. В 1945 г., при наступлении советских войск в Восточной Пруссии, останки рейхспрезидента и его жены были в спешном порядке вывезены в западном направлении и после ряда временных пристанищ оказались вместе с останками Фридриха II и Фридриха Вильгельма I в Марбурге, в американской зоне оккупации. Мемориальный комплекс в Танненберге, служивший памятником победы германцев над славянами, был взорван при отступлении немецкими саперами...

Доктор исторических наук Б. М. ТУПОЛЕВ

¹ См.: Ruge W. Das Ende von Weimar: Monopolkapital und Hitler. Berlin, 1983. (Пер. на рус. яз.: Руге В. Как Гитлер пришел к власти: Германский фашизм и монополии / Послесл. Я. С. Дробикина. М., 1985. С. 302—303.)

ЖИЗНЬ ПЕРЕД СЛОВОЙ

Гинденбург — молодой лейтенант, 1866 г.

I. Карьера офицера

«Решение стать военным было для меня само собой разумеющимся. В детских играх и мечтах я всегда представлял себя солдатом или полководцем. Служба с оружием королю и Отечеству — давняя традиция нашей семьи».

Так написано в мемуарах Гинденбурга «Из моей жизни». И в этих словах — истинная правда. К тому времени, когда в 1847 году появился на свет Пауль фон Бенекендорф унд фон Гинденбург, большая часть членов его семьи, насчитывающей почти семь столетий своего существования, уже прославилась ратными подвигами. Род Бенекендорфов впервые упомянут в хронике еще в 1130 году. Гинденбург в автобиографии указал, что первое письменное свидетельство о его роде относится к 1280 году. И на самом деле доподлинно известно, что в области Альтмарк, расположенной к западу от Эльбы, севернее архиепископства Магдебург и восточнее герцогства Брауншвейгского жили в XIII веке как благородные Бенекендорфы, так и Бенекендорфы-бюргеры. В грамоте, относящейся как раз к 1280 году, упоминается Йоханнес де Бенекендорпе как свидетель торгового договора, заключенного в Зальцведеде, городке, расположенном неподалеку от местности, откуда происходили Бенекендорфы.

Как и многие другие роды, семейство двинулось на восток и обосновалось в Ноймарке, области, простиравшейся по берегам Одера и Варты. Упоминание о еще одном Бенекендорфе приходится на 1402 год, и связано оно с Немецким орденом¹, взявшим Ноймарк в залог в апогее своей власти. Экспансия Немецкого ордена, немецкая колонизация восточных земель и борьба со славянами стали впоследствии легендой, под впечатлением которой находился и Пауль Гинденбург.

В XV — XVI веках в ноймаркском округе Арнсвальде род Бенекендорфов приобрел поместье. Мужчины рода из поколения в поколение в основном занимались военным ремеслом. Один из них — рыцарь-разбойник Асмус фон Бенекендорф — в конце XV века наводил ужас на данцигских купцов; другой — Георг — получил известность как капитан наемников, несколькими десятилетиями позже воевавший в Венгрии и Ливонии. Значительный след в истории оставил Ганс фон Бенекендорф. Он был канцлером и высшим чиновником в Ноймарке; в период с 1597 по 1632 год служил трем курфюрстам, слыл образованным и политически сведущим человеком.

Многие Бенекендорфы служили в XVI — XVII веках наемниками в иностранных войсках: у Габсбургов² в войне против османов, а также в Венгрии, Франции, Польше, Богемии и Нидерландах.

Войны и экономические кризисы XVII и XVIII веков привели к

потере многими помещичьими родами земель и утрате прежних вольностей. Этим не в последнюю очередь можно объяснить то, что Бенекендорфы среди прочих подобных им семейств связались с прусской династией и поступили к ней на службу. Мужчины — потомки Бенекендорфов — в течение всего XVIII века доказывали верность Гогенцоллернам³ и как офицеры способствовали подъему все более милитаризированной Пруссии. Не менее двадцати трех из них погибли на полях сражений в первое столетие правления Гогенцоллернов, принимая участие в экспансионистском натиске Пруссии.

С родом Гинденбургов, происходившим из Гарца и также переселившимся на восток в средние века, Бенекендорфы были связаны брачными узами еще со времен проживания в Ноймарке. В хронике 1208 года мы находим упоминание о Гинденбургах в Альтмарке, в округе Остербург. А через пять веков, в 1710 году Ганс Генрих фон Бенекендорф, последний из Ноймаркской линии рода, женился на Шоластике Катарине фон Гинденбург из дома Фалькенбергов. Ее брат, Отто Фридрих, участвовал во славу Пруссии в Первой Силезской войне⁴, на которой полковнику оторвало ногу пушечным ядром. Фридрих Великий⁵ не забыл ветерана, награжденного орденом «Pour le mérite»⁶, и подарил ему поместья Нойдек и Лимбзее в округе Розенберг в Западной Пруссии.

Старый полковник не имел детей и являлся, таким образом, последним Гинденбургом. Поэтому в 1772 году он завещал своему внучатому племяннику, внуку Шоластики, Йохану Отто Готфриду фон Бенекендорфу поместья Лимбзее и Нойдек. По условиям завещания и с соизволения короля Пруссии Фридриха Вильгельма II в 1789 году две фамилии и их гербы были объединены. Двойная фамилия впоследствии была сокращена до Гинденбурга.

Естественно, эпохальные события наполеоновских войн оказали влияние и на жизнь Гинденбургов. Дед Пауля Отто Людвиг не раз вспоминал, как в западнопрусском замке Финкенштайн обращался к императору французов с прошением об освобождении от контрибуции и получил холодный отказ. Франция стремилась к полной гегемонии и унижала побежденную Пруссию. Рассказы об этом сильно повлияли на будущего прославленного полководца. В позор Пруссии свой вклад внес и один из дальних родственников — Эрнст Людвиг фон Бенекендорф: в октябре 1806 года после сражения под Иеной он без боя сдал крепость победоносным войскам Наполеона Бонапарта. Позже прусский военный суд приговорил генерала за это к расстрелу.

Наполеоновские войны повлекли за собой неурожаи, все возрастающие долги имений, общин и округов, бегство крестьян из деревень. Все это вместе с новым сельскохозяйственным кодексом

привело к аграрному кризису, жертвой которого стало поместье Лимбзее. В 1833 году оно было продано. У семьи остался только Нойдек у Фрейштадта (современный Огороджинец), и с этого времени она жила по-настоящему в спартанских условиях.

В 1816 году в Нойдеке родился Роберт — отец Пауля Гинденбурга. Шестнадцати лет от роду он поступил фанен-юнкером в 18-й пехотный полк в Позене (Познань). Роберт следовал семейной традиции, хотя имел большую склонность к литературе. Чувствительный, временами меланхоличный и предрасположенный к романтизму, он через три дня после смерти короля Фридриха Вильгельма III написал стихотворение:

...Угас на горизонте последний
Прекрасный луч зари,
И, тихо плача, вернулся я домой:
Умер король, господин наш...⁸

В 1845 году Роберт фон Гинденбург женился на Луизе Вильгельмине фон Швикарт. Он знал ее еще семилетней девочкой. Она происходила из семьи мелких бюргеров и жила в том же доме, где у своей старшей сестры квартировал Роберт.

Вскоре после переезда молодой семьи на улицу Бергштрассе, 7, 2 октября 1847 года около трех часов пополудни у них родился ребенок, получивший имя Пауль Людвиг Ганс Антон фон Бенекендорф унд фон Гинденбург, «солдатский сын», как позже не без гордости писал полководец в своих мемуарах. За ним последовали два брата и сестра: в 1849 году родился Отто, избравший карьеру кавалерийского офицера, в 1859 году — Бернхард, дослуживший лишь до оберлейтенанта, а в 1851 году родилась сестра Ида, которая оставалась всю жизнь незамужней и служила в Институте благородных девиц в Потсдаме.

Во время военной службы отца семья постоянно переезжала из одного города Германии в другой: Позен, Кёльн, Грауденц, Пинне, Глогау и Коттбус были этапами этого пути. С 1850 года в Пинне (провинция Позен) семейство Гинденбург снимает скромный дом сельскохозяйственного рабочего, принадлежавший владелице поместья. У маленького Пауля появились первые друзья, с которыми можно было играть. В 1855 году Гинденбурги переехали в Силезию, где отец служил в импозантной исторической крепости Глогау⁹ (в настоящее время — польский город Глогов).

Пауль два года учился в бюргерской школе, затем еще два — в евангелической гимназии, где его прилежание заметно снизилось. Учителя считали, что он слишком часто отвлекается во время занятий и не прочь поболтать. В его выпускном свидетельстве по латы-

ни, французскому, географии и Закону Божьему — оценка «удовлетворительно», по немецкому языку — «хорошо» и «только по счету, — говорилось дословно, — ему не удалось соответствовать требованиям»¹⁰. 1 апреля 1859 года болезненный Пауль закончил пятый класс и стал кадетом Вальштатского училища (округ Лигниц).

Кадетское училище считалось наиболее престижным учебным заведением для мальчиков из бедных благородных семей, почитавших за честь определить своих сыновей на королевскую службу. К тому же Вальштат был историческим местом: в 1241 году там произошла битва с монголами, а в 1813 году недалеко легендарный генерал Блюхер¹¹ разбил французские войска под командованием маршала Макдональда. Это были не просто даты летописи, а славные традиции, передававшиеся в Пруссии молодым военным из поколения в поколение. Перед поступлением в училище, одним разом изменившим прежнее беззаботное детство, добродушный и всегда готовый помочь Пауль написал «завещание», по которому он, как старший и преисполненный ответственности, дарил свои игрушки братьям и сестре и испрашивал от них для себя «покоя и мира навсегда». Под «завещанием» он поставил подпись с росчерком, который скопировал с этикетки на флакончике духов матери¹².

Через несколько десятилетий с вершины славы и власти генерал-фельдмаршал с большой теплотой отзывался о времени, проведенном в Вальштате. В одном из писем начальнику училища он благодарил его за воспитание «товарищества, самообладания и дисциплины». В те суровые времена, писал он, формировались характеры мужчин, которых никогда нельзя было упрекнуть «в отсутствии инициативы и чувства ответственности»¹³.

Но тогда, будучи подростком, Пауль воспринимал суровую жизнь в старом монастыре бенедиктинцев вовсе не так радужно. С большим трудом он привыкал к кадетскому училищу, постоянно жаловался на голод, тоску по дому и на клопов, которые не давали спать.

Учебный план в Вальштате практически соответствовал программе реальной гимназии, но добавлялись еще военные предметы. Кадеты находились под строгим контролем и были обязаны неукоснительно выполнять распорядок. Воспитанники должны были привыкнуть к «безоговорочному послушанию, манерам и военной жизни». День начинался в 6 часов утра, но будили воспитанников на полчаса раньше. Далее распорядок дня предусматривал проверку обмундирования и утреннюю молитву. Время с 8 часов до обеда отводилось урокам. После обеда проводились занятия по строевой подготовке, полевые занятия по тактике, стрельбе, верховой езде и маршевой подготовке. Поздно вечером — уроки по чистке и ремонту

одежды. Лишь незадолго до отбоя кадеты получали немного свободного времени.

Каждый кадет перед поступлением в «кузницу кадров» сдавал свою гражданскую одежду. Вместо нее он зачастую получал поношенную униформу, редко подходившую по размеру. В училище царила изощренная система взысканий и поощрений. Нередко применялись такие санкции, как лишение пищи, арест, понижение в чине и телесные наказания. Письма, разумеется, просматривались. Кадеты делились на категории. Перевод в более высокую категорию был предпосылкой к повышению в звании. В среде кадетов существовала собственная иерархия. Старший по помещению имел наивысший ранг, а новичков подвергали различным испытаниям. Оплеухи для «первогодка» были обычным делом. На самом деле все это не было специфически прусским феноменом: строжайшая дисциплина и полные лишения будни давно стали неотъемлемой частью военного воспитания повсюду в Европе.

В училище уделяли внимание не столько общему образованию, сколько физическому развитию. Главными предметами были фехтование, плавание и гимнастика. Превыше всего почитались безоговорочное послушание признанным авторитетам, самоотверженное исполнение долга и богобоязненность. Молодой офицер, продукт кадетского училища, должен был полностью вписаться в строгую военную систему. Отклонений от нормы не допускалось. Юноши вступали в закрытое мужское общество, которое представлял собой офицерский корпус. Честь и долг здесь имели приоритет. Несмотря на очевидный дефицит образования, кадеты чувствовали свою принадлежность к элите и превосходство над другими слоями общества. В этом была одна из причин повсеместной нелюбви к военным до начала 1860-х годов. Военные считались привилегированными, заносчивыми, ретроградными и — прежде всего — дорого обходившимися простым налогоплательщикам.

В сентиментальных воспоминаниях Гинденбург не хотел замечать односторонность и узость системы воспитания в кадетском училище, а также большую ограниченность в формировании личности. Он так никогда и не оценил важность классического образования. Тщательное изучение латыни и древнегреческого казалось ему несвоевременным и поэтому непрагматичным. Уже знаменитым полководцем, учитывая соперничество Германии на мировом рынке, он считал, что лучше заниматься живыми иностранными языками, немецким, историей, географией и спортом. Несмотря на неприязнь к латыни, он всегда проявлял повышенный интерес к античной истории: политическая жизнь Древнего Рима, его абсолютный эгоизм приводили Пауля в восхищение. Однако кумиры его юности

были все же из немецкой истории. Любимой драмой молодого Гинденбурга являлся «Валленштейн» Шиллера, а к Гёте он до конца жизни относился критически. Итак, в кадетском корпусе Пауль Гинденбург во всяком случае был надежно защищен от чуждого ему широкого гуманитарного образования.

Поначалу юный Пауль был слаб телосложением и здоровьем. Медицинское же обслуживание в лазарете оставляло желать лучшего. Гинденбург писал домой: «Так как в канун Великого поста я попал в лазарет и в тот день все время хрипел, а из ран от пиявок при каждом вздохе шла кровь, то я уже не думал снова когда-нибудь выйти оттуда живым, поэтому я, во-первых, благодарю Бога за его милостивую помощь, а во-вторых, надеюсь, что к Пасхе блинная неделя еще не кончится»¹⁴.

И в дальнейшем его физическое состояние вовсе не шло рука об руку со школьными успехами. Одаренность и прилежание проявились лишь в последние годы учебы. Когда он в пятнадцать лет стал старшим по помещению, то выполнял свои обязанности со всей строгостью и тщательностью, которые ему предписывались.

К Пасхе 1863 года после получения им среднего образования Пауль был переведен в Берлин в Главный кадетский корпус. Его больше всего радовало, что он наконец избавится от уроков игры на фортепиано. В Берлине под свою опеку Пауля взяла двоюродная бабушка Альбертине Книффка. Юноша с восхищением провинциала знакомился с прусской столицей. Особенно его впечатлял блеск растущей военной мощи: весенние парады с построением на Унтер ден Линден, прохождение полков торжественным маршем по Опернплац, осенние парады на Темпельгофском поле. Тогда прусская армия действительно находилась накануне своего первого большого испытания. Пруссии, возглавляемой министром-президентом Отто фон Бисмарком¹⁵, средствами кабинетной политики в коалиции с Австрией удалось достичь старой цели движения 1848 года¹⁶ — «освобождения» северогерманских герцогств. К своему большому сожалению, из-за юного возраста Пауль не смог участвовать в Немецко-Датской войне 1864 года¹⁷. Мальчишка с удовольствием показал бы себя на деле.

В том 1864 году прусская армия впервые после Освободительных войн¹⁸ добилась видимого успеха. Был заключен Венский мир, установивший совместное Пруссии и Австрии управление северогерманскими герцогствами. Впоследствии Венский мир привел к дальнейшему обострению отношений между домами Гогенцоллернов и Габсбургов. А пока Пауль и его класс были персонально представлены королю Вильгельму¹⁹. Это событие произвело на Пауля неизгладимое впечатление, так же как и награда 1865 года, когда королева Ели-

завета, вдова умершего четыре года назад Фридриха Вильгельма IV, подарила своему лейб-пажу золотые карманные часы. Можно себе представить, что это значило для юного Пауля фон Гинденбурга! Неудивительно, что он хранил их как драгоценную реликвию до самой смерти.

После окончания выпускного класса и сдачи экзамена на чин фенриха Пауль поступил 7 апреля 1865 года так называемым секунд-лейтенантом в 3-й гвардейский полк в Данциге. «Сейчас наилучшее время для того, чтобы Гинденбургам снова понюхать пороху», — писал он своим родителям. Молодой лейтенант считал свою семью в этом отношении, «к сожалению, на редкость заброшенной». Сам он воспринимал войну для солдата как «нормальное состояние, к тому же я — в руках Божьих; если погибну, то это будет преисполненная чести и самая прекрасная смерть»²⁰. Воспитание в Вальштате приносило свои плоды. Из боязливого, слабого мальчика вырос молодой человек, видевший в войне только пробу сил.

Новая кровавая бойня предоставляла восемнадцатилетнему Паулю фон Гинденбургу возможность показать, чему его научили в кадетском училище. Конфликт между Веной и Берлином за господство в Германии драматически обострился в 1866 году. Пруссия, желая изменить существующий порядок, вступила в управлявшийся Австрией Гольштейн и вышла из Германского союза²¹, который под руководством Австрии объявил мобилизацию против государства Гогенцоллернов. Пруссия вместе с Италией объявили войну Габсбургской монархии. Военные действия нельзя было объяснить лишь необходимостью обороны Пруссии. Они давно предусматривались берлинским кабинетом и втайне готовились. Война должна была сделать королевство ведущей державой Германии. Бисмарк, учитывая общественное мнение, оправдывал конфликт защитой «жизненных интересов». Государственные интересы и международная репутация не позволяли предстать перед европейской общественностью в качестве агрессора и нарушителя мира.

Но исходная ситуация складывалась для Пруссии неблагоприятно: у королевства была в общем и целом не имевшая боевого опыта армия. Развертыванию войск серьезную угрозу представляли два центральных немецких государства, союзных Австрии, — Ганновер и Гессен. Не без труда начальник Генерального штаба Гельмут фон Мольтке добился у медлившего короля осуществления своего плана кампании, в основе которого лежали наступление и политическая инициатива. Удалось почти на три недели опередить плохо спланированную австрийскую мобилизацию. При этом Пруссии помогла обеспечить массовую переброску войск высокоразвитая система железных дорог, а телеграф сделал возможной быструю передачу при-

казов и сообщений. Мольтке сумел развернуть свои войска по дуге длиной 440 км от саксонско-богемской границы до Силезии. Ему удалось по отдельности управлять маршем каждой из трех своих армий и объединить их уже на поле боя. Этот смелый и поначалу подвергавшийся сильной критике план позволил прусской армии сравнительно легко преодолеть приграничные горы.

Гвардейский корпус, в котором служил Гинденбург, входил во 2-ю армию под командованием кронпринца. Войска шли через Лауциц в Силезию, чтобы затем вторгнуться в Богемию. Боевое крещение лейтенант получил вблизи от исторического поля битвы под Сором²². Он остался недоволен, так как «не слишком много пережил». Амбициозный офицер командовал стрелковым взводом, однако не имел возможности быть ближе к эпицентру событий. Тем не менее он пережил восторг. «Свист первых пуль, — писал он родителям, — воодушевляет, короткая молитва, мысль о любимых на Родине, а затем — вперед!»²³

После мелких стычек 3 июля перед Гинденбургом открылась панорама большого сражения, он мог наблюдать горящие селения и вспышки орудийных выстрелов с огневых позиций — эту марсовую игру облачков темного дыма. От 440 до 460 тысяч человек сошлись в битве под Кёниггрецем и Садовой. Прусские войска протрубили атаку. В перестрелке с австрийской батареей пуля пробил шлем Гинденбурга. «Я упал без сознания, мои люди окружили меня, считая убитым. Поддойма ниже, и пуля попала бы в мозг, и лежать бы мне мертвым и холодным в Вальштате»²⁴. Однако он очнулся и взял со своими товарищами артиллерийскую батарею противника. Как написано в его воспоминаниях, гордо стоял окровавленный молодой воин у захваченных пушек. После полудня лейтенант участвовал в кровопролитных боях с австрийскими войсками в деревенских переулках Росберица, а 2-я прусская армия тем временем наносила удар по правому флангу австрийцев, решая исход сражения.

Так молодой воин Гинденбург принял участие в одной из крупнейших и решающих битв мировой истории, из которой уже через день прусская армия вышла победительницей. Пруссия потеряла «только» 2 тысячи убитыми и 7 тысяч ранеными, взяв в плен 22 тысячи австрийских солдат и офицеров. Численность взвода Гинденбурга убавилась наполовину. Хотя австрийская армия не была полностью уничтожена и главные ее силы отступили, военные и политики Габсбургской монархии признали свое поражение. С большим трудом Бисмарку удалось удержать прусского короля и генералов от триумфального похода на Вену и заставить их отказаться от территориальных приобретений за счет Австрии. Не в последнюю оче-

редь благодаря этому была снята угроза интервенции со стороны Франции.

В результате войны Германский союз был распущен. Пруссия могла радоваться зримым территориальным приращениям севернее Майна: в состав королевства вошли Шлезвиг-Гольштейн, Кургессен, Нассау и Франкфурт. Австрия утратила свои позиции в Германии. 3-й полк Гинденбурга встал гарнизоном в Ганновере, тоже отошедшем к Пруссии. После триумфального вступления в Берлин под звуки «Привет Тебе в венке победителя»²⁵ и награждения орденом Красного Орла 4-го класса с мечами для Гинденбурга снова начались небогатые разнообразием офицерские будни: следующие три года он занимался обучением рекрутов.

В этот период Пауль получил свою первую служебную квартиру и встретил первую большую любовь — шестнадцатилетнюю Ирменгард фон Раппард, дочь бывшего подполковника ганноверской армии. Вскоре девушка стала невестой молодого офицера. Он вовсю наслаждался «светской жизнью», радовался посещениям городского театра, пешим прогулкам и верховым выездам, рисовал обворожительные пейзажи и едкие карикатуры, пробовал писать стихи в стиле Вильгельма Буша²⁶.

Между тем северогерманская идиллия закончилась из-за обострения давней конкуренции Берлина и Парижа за гегемонию в Европе. После бисмарковской «Эмской депешки»²⁷ 19 июля 1870 года началась война Пруссии, поддержанной южнонемецкими государствами, против Франции Наполеона III. Радостно приветствовал Гинденбург новое братство по оружию с южнонемецкими войсками: «Чего-либо более благоприятного для нашей политики, чем эта война, мы не можем и желать»²⁸.

Гинденбург начал войну в чине батальонного адъютанта 3-го гвардейского полка. После нескольких недель изнурительных маршей под палящим солнцем при недостатке воды его часть получила приказ атаковать французские позиции у Сен-Прива.

Этот населенный пункт находился на возвышенности и напоминал крепость: дворы в окрестностях служили французским войскам временными фортами. Прусский гвардейский корпус под командованием принца Августа Вюртембергского должен был дожидаться XII саксонского армейского корпуса, который подходил к Сен-Прива с фланга. Однако принц не выдержал и направил прусскую гвардию в наступление без артиллерийской подготовки. Под звуки марша прусская пехота пошла на смерть. Штаб-офицеры, ехавшие на лошадях впереди, погибали первыми. И все-таки благодаря численному превосходству и большой отваге немецким солдатам все же удалось взять горящую деревню.

Родителям Пауль сообщал в письме, что он, «слава Богу, только чудом остался жив», и жаловался на большие потери. «Милость Божья очевидно управляла мной, я и мой командир все время не слезали с лошадей, только в ногу командирской лошади попала пуля митральезы²⁹, а я получил ружейную пулю в трензель³⁰. Бой штыками и прикладами в деревне был ужасным. Груды трупов, всё в огне, и неистовое бешенство с обеих сторон. Сам не могу понять, как я во время всего дела мог оставаться таким хладнокровным»³¹.

Накануне решающего сражения под Седаном, завершившегося окружением французской армии, Гинденбург услышал от одного местного шорника, что французский император находился при армии. Лейтенант доложил об этом, но ему не поверили и даже осмелились. Днем позже, 2 сентября 1870 года, Наполеон III вместе со 100 тысячами своих солдат оказался в плену. Но Гамбетта и Фавр³² провозгласили Третью республику и продолжали войну. Таким образом, Гинденбург смог принять участие и в осаде Парижа.

Французская кампания вместе с суровым опытом современной радикальной войны подарила молодому воину возможность воочию наблюдать впечатляющее политическое событие: 18 января 1871 года, в день коронации первого прусского короля³³, вместе со своим товарищем он прибыл в Версальский дворец, где в Зеркальном зале должен был присутствовать на церемонии провозглашения германского императора. По разнарядке каждый гвардейский полк направил туда по одному офицеру и одному унтер-офицеру.

Несмотря на радость за вновь образованную империю, Гинденбург (как и многие другие, имевшие сходные происхождение и образ мыслей) оставался прежде всего пруссаком, или, как говорилось в одном из многочисленных опубликованных после 1918 года жизнеописаний, «пруссак по крови и образу мыслей, немцем по существу, только из любви к своему королю и императору. Он принадлежал к пруссачеству, захватившему Германию: эта Германия молодого Гинденбурга полностью устраивала»³⁴.

Тем временем после штурма столицы и трудных переговоров 28 февраля в Версале удалось подписать перемирие. Немецкие оккупанты 1 марта вступили в Париж. Три недели спустя по случаю дня рождения императора Вильгельма прошел парад с полевым богослужением, завершившийся салютом и торжественным обедом офицеров и солдат. Но речи о возвращении домой еще не было. Гинденбург оставался во Франции до начала июня. Во время восстания Парижской коммуны³⁵ войска располагались в Сен-Дени. Оттуда молодой офицер наблюдал кровавую гражданскую войну в столице. Для консервативного молодого адъютанта это зрелище беспощадной жестокости осталось предупреждающим и поучительным при-

мером вышедшей из колеи власти народа. С тех пор гражданскую войну и революцию он всегда считал худшим, что может случиться с нацией.

Гинденбург вступил в Берлин 16 июня участником огромного Парада Победы, награжденный Железным крестом, учрежденным прусским королем в 1813 году и стилизованным в память о Немецком ордене; он был в прусском мундире синего цвета, а на его голове красовался пикель-шлем. Пауль чувствовал, что сегодня, забыв все социальные барьеры, в победных торжествах участвовали даже те, кто до сих пор критически относился к армии.

Как и всякий офицер, Гинденбург чувствовал себя вассалом монарха. Он приносил присягу не конституции, а императору — Верховному главнокомандующему. Пауль воспринимал себя стражем существующего монархическо-консервативного порядка, защитником Германии в мире, полном врагов и козней. Пруссия окрепла в войнах, и основание империи стало прямым следствием этих войн. За все достижения нация должна была благодарить военных и особенно их элиту — офицерский корпус. Это сословие считалось теперь чем-то священным. Критика его воспринималась как кощунство. Особая система ценностей и присущая военным иерархия поновому заставляли звучать такие понятия, как порядок, дисциплина, приказ, повиновение, деление всех людей на друзей и врагов. Отныне офицер чувствовал себя столпом общества, которое раздирали на части противоречия между капитализмом, социализмом и другими опасными идеологиями. Что стоила презренная буржуазная роскошь или предосудительная потребность в основных гражданских правах по сравнению с сословным сознанием и честью офицера прусского короля?

Гинденбург продолжал служить в войсках. Но он стремился наверх, поэтому готовился к вступительным экзаменам в Военную академию, куда и был зачислен в 1873 году. Эта академия, бывшая фактически школой Генерального штаба, ставила своей целью посвящать в высшие специальные науки особо талантливых офицеров всех родов войск. Главным считалось углубление и расширение военных и общих знаний, а также изучение иностранных языков. При поступлении выяснялась пригодность кандидата по физическим и духовным качествам, чертам характера. Поступавшего экзаменовала центральная приемная комиссия. Необходимо было ответить на вопросы по вооружению, фортификации, топографии, формальной и прикладной тактике, истории, географии, математике и французскому языку.

Трехлетний курс обучения в Военной академии предполагал изучение таких предметов, как тактика, вооружение, фортификация,

средства транспорта, военное право, гигиена, служба Генерального штаба, крепостная война, государственная администрация; наряду с французским и нелюбимым русским языками преподавались также химия и физика. В академии не занимались всесторонним и критическим изучением внутренней и внешней политики, общественной жизни и экономики. «Офицера короля» даже не знакомили с сущностью конституционного государства и плюралистического общества. Этим курс отличался от обучения в английском Imperial Defense College или во французском Centre des Hautes Etudes Militaires³⁶.

По окончании Военной академии Гинденбург получил очень хорошее свидетельство. Преподаватели особенно высоко оценили его знания в тактике, службе Генерального штаба и по военной истории. Во время учебы он вел себя, по заключению преподавателей, «образцово»: «Самостоятельный и энергичный, с большими способностями. Может отлично работать везде, пригоден для откомандирования в Генеральный штаб»³⁷.

Отмеченный таким образом Пауль после Военной академии вернулся в свой старый полк в Ганновер, откуда весной 1877 года его направили в Большой Генеральный штаб, который считался великолепной предпосылкой для успешной карьеры офицера. Гинденбург получил назначение в штаб II армейского корпуса в Штеттине. Там он познакомился с Гертруд Вильгельминой фон Шперлинг, на которой женился 24 сентября 1879 года (его первая невеста — Ирменгард фон Раппард — умерла еще в апреле 1871 года от скоротечной чахотки). За год до вступления в брак Гинденбург был произведен в капитаны, что и дало ему финансовую возможность жениться. Гертруд, отличавшаяся природным темпераментом и живостью, родилась 4 декабря 1860 года в Магдебурге и тоже была «солдатским ребенком», как гордо отметил Гинденбург в своих мемуарах. Судя по всему, «любимая супруга» была женщиной тонкого ума. Она, «лучший друг и соратник» мужа, подарила ему сына и двух дочерей: первой 14 ноября 1880 года родилась девочка, которую назвали в честь первой любви Гинденбурга Ирменгард Паулиной; после мертворожденного мальчика 31 января 1883 года появился на свет продолжатель рода — Оскар Вильгельм; наконец, 29 ноября 1891 года родилась Аннемари.

Но вернемся к военной карьере Гинденбурга: в 1881 году он получил назначение в 1-ю дивизию в Кёнигсберге, которой командовал ставший позднее военным министром Пруссии генерал-лейтенант Юлиус фон Верди дю Вернуа. В своей «родной провинции» офицер Генерального штаба мог быть более самостоятельным и снова установить более тесный контакт с войсками.

Через три года штаб 1-й дивизии перевел его в 58-й пехотный полк во Фрауэнштадт (провинция Позен). Там Гинденбург командовал ротой. Это была нелегкая задача, так как в подразделении служили несколько солдат-поляков. Несмотря на языковые трудности и сам не ожидая того, он приобрел неплохой опыт, полностью соответствовавший открытию, сделанному основателем империи Отто фон Бисмарком: в конечном счете польская аристократия и клир хотят восстановить свое старое государство, и поэтому именно они представляют серьезную опасность для немецкого «национального государства». Простое и неимущее польское сельское население, напротив, в целом не может рассматриваться как угроза единству империи. В соответствии с этим Гинденбург считал своих польских солдат «прилежными, исполнительными и... преданными». «Частые случаи воровства и пьянства в их среде, — считал он, — можно объяснить скорее не моральной неполноценностью, а большей частью недостатками первого юношеского воспитания»³⁸.

Летом 1885 года Гинденбург обстоятельно познакомился с работой Большого Генерального штаба. Через несколько месяцев его обрадовали производством в майоры. Если офицерский корпус считался главным сословием в государстве, то служащие Генерального штаба пользовались, как «полубоги» и «интеллигентные бестии», еще большим восхищением и почитанием.

В «большом доме», как называли здание Генерального штаба, стоявшее рядом с рейхстагом, Гинденбург был назначен в отдел полковника графа Альфреда фон Шлиффена, которому понравились его серьезный и вместе с тем энергичный облик, живой интерес к службе, авторитет среди молодых офицеров и дар быстрого восприятия. Ближайшее доверенное лицо Мольтке генерал-квартирмейстер граф Альфред фон Вальдерзее также характеризовал Гинденбурга как «особенно прилежного офицера Генерального штаба», который «уже сейчас годен к тому, чтобы стать начальником Генерального штаба»³⁹.

В начале марта 1888 года Германия оплакивала кончину своего престарелого монарха императора Вильгельма I. Вместе с другими офицерами Гинденбург стоял в почетном карауле в соборе. Кроме выполнения этой печальной и почетной задачи, майор наконец получил возможность разнообразить свою деятельность в Генеральном штабе. Пять лет он «с большим удовлетворением» преподавал тактику в Военной академии. Его учениками были Эрих фон Фалькенхайн, которого Гинденбург во время мировой войны заменил на посту начальника Генерального штаба, и будущий генерал-квартирмейстер Герман фон Штайн.

В 1890 году Гинденбург без особой радости принял в общем воен-

ном департаменте Военного министерства отдел «А2: Пешие войска». Тем, что еще в чине майора сорока одного года от роду его назначили на должность начальника отдела, Гинденбург был обязан своему бывшему начальнику, новому военному министру Верди дю Вернуа. Гинденбургу поручили срочно разработать «Полевой саперный устав» и «Введение в более мобильное применение тяжелой артиллерии». Свои обязанности в Военном министерстве он большей частью рассматривал как «бюрократическое иго», от которого освободился только через четыре года благодаря назначению командиром 91-го пехотного полка в Ольденбурге. Там Гинденбург (полковник с марта 1894 г.) чувствовал себя гораздо лучше. Он не собирался бесцельно прожигать жизнь: немного ел и мало пил алкоголя, лишь изредка позволял себе сигарету для расслабления; будучи очень бережливым, не выказывал расположения к широко распространенным в офицерских кругах азартным играм. Его манеры порой были довольно просты. Например, во время открытия офицерского казино он заверил строителей: «Мы здесь все рабочие, все равно со шпагой или с молотком и мастерком в руках»⁴⁰. Позднее своего сына Оскара он отговаривал от чрезмерного проявления офицерских замашек: «Здесь находятся не для того, чтобы сидеть высоко на лошади перед войсками»⁴¹. Гинденбург не являлся поклонником серьезной классической музыки, но проявлял интерес к изобразительному искусству. Его первый год службы командиром полка был омрачен смертью горячо любимой матери, которая умерла в августе 1893 года. Гинденбург поехал в Нойдек и посадил там в память о ней липу. Отец его умер через несколько лет, в апреле 1902 года.

В 1896 году Гинденбург получил должность начальника Генерального штаба VIII армейского корпуса в Кобленце. Ставший шефом прусского Генерального штаба Шлиффен, холодный технократ и перфекционист, хотел бы видеть Гинденбурга первым оберквартирмейстером Генерального штаба, отвечающим за оперативный отдел, ведавший также вопросами развертывания и железнодорожных перевозок, но не стал перечить императору Вильгельму. Однако в 1897 году он поручил Гинденбургу, произведенному в генерал-майоры, разработку плана немецкой стратегии в случае развертывания русских войск на границе Восточной Пруссии. Гинденбург принял решение вести наступательные действия. По распоряжению Шлиффена он провел исследование по развертыванию немецкой армии на Западе, в направлении Бельгии и Франции. Начальник Генерального штаба, считавший с момента заключения союза между Францией и Россией в 1894 году, что опасность войны на два фронта для Германии неотвратима, развивал идею нанесения решающего удара на

Западе, а на Востоке на первой фазе требовалось обеспечить лишь необходимое прикрытие, одновременно положившись при этом на австро-венгерскую армию. Только после тотального поражения Франции главные силы немецких войск планировалось бросить на Восток.

Эта стратегия была небесспорной, так как, помимо сомнений в том, удастся ли силами немецкого правого фланга успешно провести решающую операцию по охвату противника, необходимое для решения этой задачи нарушение нейтралитета Бельгии с большой вероятностью послужило бы для Англии предлогом, чтобы вступить в войну против Германии. Но в 90-е годы XIX века Лондон еще отнюдь не намеревался вступить в антигерманский союз. Лишь горячо одобренная кайзером в 1898 году программа строительства флота, представленная статс-секретарем Имперского Военно-морского ведомства адмиралом Альфредом фон Тирпицем, побудила англичан отойти от этой сдержанной позиции.

В 1900 году Гинденбург получил чин генерал-лейтенанта и был назначен командиром 28-й дивизии в Карлсруэ, где он, очевидно, был очень доволен своей жизнью. В январе 1903 года император Вильгельм поставил Гинденбурга во главе IV армейского корпуса в Магдебурге. В мирное время в прусской армии самыми крупными военными формированиями были корпуса и их командующие находились в непосредственном подчинении монарху. Поэтому как командир корпуса Гинденбург подчинялся кайзеру, а для решения административных вопросов обращался к военному министру.

Как и другие офицеры, Гинденбург постоянно занимался стратегией будущей войны. «Позаботьтесь только о том, — писал он одному из товарищей в военном министерстве, — чтобы не слишком много денег тратилось на мертвую оборону; ведь военная история всех времен и народов учит, что лучшую оборону границ надо искать в полевых войсках, выдвинутых за рубежи отечества, и что страна, видящая свое благо в застывшей обороне, начинает утрачивать моральный дух»⁴².

На дальнейший взлет карьеры Гинденбург в свои годы рассчитывать больше не мог. В 1905 году он стал генералом инфантерии, и его некоторое время рассматривали в качестве преемника Шлиффена на должности начальника Генерального штаба. В этой связи есть основания предполагать, что Вильгельм, считая Гинденбурга резонером, лично вычеркнул его фамилию из списка кандидатов на этот пост. По другой версии, Гинденбург сам отказался от этой должности из убеждения, что не подходит ко двору. О должности прусского военного министра этот антиполитик тоже не хотел слышать — не в пос-

леднюю очередь из боязни, не имея ораторского дара, выступать в рейхстаге. При этом в 1908 году Гинденбург удостоился высшей похвалы в военном министерстве за свои «Инструкции по применению войск для подавления внутренних беспорядков». В соответствии с ними в случае гражданской войны все социал-демократические депутаты рейхстага подлежали немедленному аресту, несмотря на неприкосновенность. Эти инструкции стали настоятельно рекомендоваться другим корпусным командованиям для принятия к сведению.

Восемнадцатого марта 1911 года в возрасте 63 лет генерал инфантерии объявил перед строем 3-го гвардейского полка о своей отставке, которая была абсолютно не замечена широкой общественностью. С высокой наградой — орденом Черного орла — он вернулся в Ганновер.

Как и прежде, Гинденбург с большим вниманием следил за всеми военными событиями, читал специальную литературу и «частенько сиживал и теперь за своими картами, заполненными пестрыми флажками и прямоугольничками разных своих и неприятельских групп армий»⁴³.

Страсть к армии осталась, и он надеялся, что еще настанет день, когда Отечество, над которым нависнет угроза, призовет его. Действительно, 25 ноября 1912 года император Вильгельм через шефа военного кабинета распорядился узнать, согласен ли Гинденбург, если ему позволит здоровье, в случае войны возглавить армию. Разумеется, тот ответил согласием.

Радость и горе чередовались и в этом периоде его жизни: в 1908 году в Нойдеке умер брат Отто. В то же время его сын Оскар после окончания кадетского училища стал настоящим офицером, дочь Ирменгард вышла замуж за правительственного ассессора из Померании Ганса Йоахима фон Брокхузен-Юстина, хозяина рыцарского поместья (ставшего позднее ландратом), и родила двоих сыновей.

Немногочисленные личные контакты генерала-пенсионера были преимущественно военные; особенно ценил он встречи со своим последним начальником штаба полковником фон Хельдорф-Дроссдорфом, генерал-квартирмейстером Германом фон Штайном, путешественником и пангерманцем Бернгарди, книга которого «Германия и ближайшая война» пользовалась тогда всеобщим вниманием. В соответствии с общественным положением Гинденбург был членом мужского клуба. По субботам он сиживал там с фельдмаршалом фон Бок унд Полахом, генерал-полковником Карлом фон Бюловым или графом Клеменсом фон Веделем, ландратом Ганновера. Тогда же он познакомился с крайне консерватив-

ным аграрием ланд-юнкером Элардом фон Ольденбург-Янушау. С ним у Гинденбурга завязалась крепкая дружба на долгие годы.

Но и наслаждаясь домашним покоем, генерал надеялся, что его опыт и знания еще пригодятся кайзеру. Эти надежды были не напрасны. «Великая война», которая по расчетам немецких военных должна была начаться в 1914 году, сделает его кумиром кайзеровской империи, когда за несколько недель произойдет превращение безвестного генерала-пенсионера в идола масс. Однако война началась без него.

ПОЛКОВОДЕЦ НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ

Гинденбург со своим штабом, сентябрь 1914 г. Справа — Эрих Людендорф, слева — Макс Гофман.

II. Победитель под Танненбергом

В период, когда во всех государствах, принявших решение начать войну, царило воодушевление, Гинденбург страдал от депрессии. В то время как вся нация вооружалась в преддверии военных действий, он оставался не у дел, его как бы совсем забыли. В июле он гостил у своей старшей дочери в Кольберге, но после объявления мобилизации сразу вернулся домой в Ганновер. В военном министерстве поначалу думали не трогать пожилого военного пенсионера. 12 августа 1914 года Гинденбург направил генерал-квартирмейстеру Штайну в штаб-квартиру в Берлине письмо, в котором сквозило отчаяние: «Подумайте, друг мой, может быть, где-нибудь в ходе событий еще понадобится командующий! Я абсолютно свеж физически и духовно... Вы можете себе представить, с какими чувствами мне приходится видеть, как сейчас мои одногодки отправляются на войну, в то время как я не по своей вине должен сидеть дома. Мне стыдно выйти на улицу»¹.

Гинденбург настолько был удручен своим бездействием, что соглашался на командование корпусом, хотя по рангу ему полагалось возглавить армию. И у Гинденбурга нашлись два ходатая в Генеральном штабе: уже упомянутый генерал фон Штайн и полковник фон Фабек, начальник центрального отдела, отвечающий за кадры офицеров Генерального штаба. Сам Штайн обещал Гинденбургу, хотя окончательно и не гарантировал, «особо важный пост» в Берлине.

Сын Оскар фон Гинденбург, обер-лейтенант, не окончивший Военную академию, был откомандирован в штаб 4-й армии под командованием герцога Альбрехта Вюртембергского и отправился с ним на фронт. Отец, как «старый солдат, бывавший на войне», в напутствии дал два совета: «1. Железное спокойствие. Оно благотворно действует на нижестоящих, снимает в войсках нервозность и исключает неразумные действия. В спокойствии всегда можно овладеть ситуацией и повлиять на безусловное доверие подчиненных. 2. Неустанная забота о солдатах. Они это быстро чувствуют и отплатят верностью на поле боя»². Сам генерал продолжал некоторое время напрасно ждать в Ганновере. Разочарование и надежда сменяли друг друга. «Мне совсем нечего делать. Я им не нужен», — говорил Гинденбург, не скрывая своего разочарования, одному предпринимателю в первые дни войны; в других обстоятельствах он, напротив, высказался оптимистичнее: «Еще не все актеры вышли на сцену»³. План Шлиффена⁴, принятый Гельмутом фон Мольтке-младшим, племянником великого генерал-фельдмаршала, от предшественника, предлагал выставить против многократно цитируемого «русского парового катка»⁵ лишь

очень слабые немецкие части. По концепции умершего в 1913 году бывшего начальника Генерального штаба соотношение численности немецких войск на Востоке и Западе составляло всего лишь 1:8. Так как «русский паровой каток» образовывали две армии, наступавшие на Восточную Пруссию, то их необходимо было бить порознь. 8-я армия под командованием Максимилиана фон Притвица должна была пытаться нанести встречный удар по русской Неманской армии генерала Павла Ренненкампа, чтобы избежать смертельно опасного окружения с ее стороны, и медленно продвигавшейся в Восточную Пруссию Наревской армии генерала Александра Самсонова. Русская стратегия предусматривала немедленное наступление. Планировалось, что 1-я (Неманская) армия, насчитывавшая 246 тысяч человек и 800 орудий, отрезет немецкие войска от Кёнигсберга, а 2-я (Наревская) армия, имевшая в своем составе 289 тысяч человек и 780 орудий, воспрепятствует отходу немецких войск на Вислу. Немецкие войска насчитывали всего 210 тысяч человек и 600 орудий и, понятно, были слабее наступавших.

Мольтке ожидал, что Притвиц будет оборонять Восточную и Западную Пруссию и ни в коем случае не допустит отхода перед превосходящими силами русских в укрепленный район Кёнигсберга. Притвиц, неуважительно прозванный Толстяком, считался Фальстафом немецких военных⁶. Мольтке было абсолютно ясно, что шестидесятишестилетний, самоуверенный и инертный любимец императора Вильгельма получил командование такой важной 8-й армией только благодаря монарху. Между тем для выполнения этой сложной оборонительной задачи на Восточном фронте Притвиц был абсолютно не пригоден.

Кроме борьбы с превосходящими силами противника, командующий армией должен был сдерживать самоуправство своих генералов, и прежде всего Германа фон Франсуа. Командир I армейского корпуса, человек гугенотского происхождения⁷, не хотел пускать ни единого славянина на территорию Восточной Пруссии и поэтому планировал остановить противника как можно ближе к русской границе. 17 августа в первой половине дня в восьми километрах от нее, у Стадупен, внезапно произошел первый бой, во время которого русская 27-я дивизия понесла чувствительные потери и отошла к границе для перегруппировки, а оказавшемуся в изоляции корпусу Франсуа был отдан приказ отступить на позицию по реке Анграпп. Но вскоре русские начали испытывать трудности со снабжением, что уже через несколько недель проявилось в явном недостатке боеприпасов. Из-за различной ширины колеи русские поезда не могли использовать восточнопруссские железные дороги, а плохо работавшая связь очень затрудняла наступление. Командующий русским

Северо-Западным фронтом генерал Жилинский, находившийся со своим штабом далеко в тылу обеих армий, принял устремившиеся на запад потоки беженцев за эвакуацию Восточной Пруссии. Она означала заблаговременный отход 8-й немецкой армии, которая смогла бы таким образом уйти от охватывавших ее русских армий. Чтобы спровоцировать немцев на контрудар и дать время продвигнуться с юга армии Самсонова, Жилинский отдал приказ остановить наступление 20-й дивизии. С другой стороны, охваченный наступательным порывом Франсуа требовал от нерешительного Притвица нанести контрудар. Но линия фронта, проходившая по рубежу реки Анграпп севернее цепи Восточно-Прусских озер, не давала много времени на его подготовку. Дальнейшее пребывание на этом рубеже могло привести к двустороннему охвату русскими армиями, так как южный фланг наступавших находился в опасной близости. В этой обстановке Притвиц принял решение атаковать армию Ренненкампфа.

С объективной точки зрения сражение при Гумбинене, произошедшее 20 августа, ничего не решило. Если Франсуа на своем участке удалось добиться существенных успехов и практически уничтожить русскую 28-ю дивизию, то опоздавшая с переходом через Анграпп немецкая 35-я дивизия Августа Макензена попала под сильный огонь русской артиллерии и в панике бежала. Ее удалось остановить только через 25 километров. I резервный корпус Отто фон Белова, опоздавший с прорывом, тоже вынужден был отойти. Сообщения о неожиданно быстром наступлении Наревской армии сильно беспокоили фон Притвица. Почти в панике он доложил по телефону в Главное командование Сухопутных войск (ОХЛ) в Кобленце, что считает необходимым отойти за Вислу.

Это был крайний вариант действий, которого опасался Мольтке. Он означал потерю Восточной Пруссии и был достаточным основанием для немедленного отстранения неудачливого генерала от должности. Подполковник Макс Гофман, разработавший еще в мирное время план кампании против России для Генерального штаба, не хотел и слышать об отходе за Вислу. Так как Ренненкампф не предпринимал дальнейших попыток наступления на запад, для немцев появилась возможность повернуть главные силы на юго-запад, чтобы там встретить Наревскую армию генерала Самсонова. Подобный план Притвиц считал безрассудным и просто невозможным.

Такие действия мог осуществить человек, обладавший способностью рисковать хладнокровно. Пробил час Пауля фон Гинденбурга. В субботу, 22 августа 1914 года, около 15 часов он получил с таким нетерпением ожидавшуюся телеграмму из Большой ставки в Коб-

ленце: «Планируется Ваше назначение на высокую командную должность. Будьте готовы. За Вами прибудет Людендорф»⁸. «Я готов», — коротко ответил генерал. Затем последовало еще несколько телеграмм. В них говорилось, что в 3.45 ночи он должен сесть в специальный поезд, который доставит его к месту назначения. «Куда, я и не догадывался»⁹.

В действительности Гинденбургу, произведенному между тем в генерал-полковники, надлежало в качестве командующего 8-й армией (его предложил назначить на эту должность полковник Фабек) направиться на Восточный фронт. Через двенадцать часов он в сопровождении супруги поехал на вокзал. В сумеречно освещенном зале пустынного станционного здания Гинденбург ожидал прибытия специального поезда, который состоял из двух локомотивов и только двух вагонов, один из которых был штабным. Поезд прибыл около четырех утра. Из него вышел начальник штаба Гинденбурга — генерал-майор Эрих Людендорф.

Он тоже родился в провинции Позен, в Кружевне, в 1865 году и был на 18 лет моложе Гинденбурга. Происходил из скромной бюргерской семьи, с 1895 года служил в Генеральном штабе. С 1908 по 1914 год верный ученик Шлиффена был начальником Отдела развертывания¹⁰ в Генеральном штабе. Безусловно, Людендорф был глубоко убежден в необходимости превентивной войны против России и Франции. Как доверенное лицо молодого Мольтке, он принимал участие в усилении армии и в улучшении технических средств борьбы. Однако его враги в Военном министерстве (в их число входил и военный министр генерал Йозиас фон Хееринген) и в военном кабинете позаботились о замене неудобного и бескомпромиссного человека, направив его в западные провинции империи командовать полком, а затем — бригадой. Разумеется, при этом он вновь проявил себя крайне амбициозным и непреклонным.

В начале войны Людендорф, произведенный в апреле 1914 года в генерал-майоры, был назначен не в оперативный отдел, как ожидал, а обер-квартирмейстером в штаб 2-й армии на Западе. Там в его обязанности входила организация снабжения. 7 августа 1914 года он самовольно подчинил себе 14-ю пехотную бригаду, во главе которой ему удалось внезапно ворваться в сильно укрепленную бельгийскую крепость Люттих (Льеж). Этим, без сомнения, примечательным успехом он снискал себе славу необычного офицера. Впредь его стали считать человеком, который способен сделать невозможное. Впрочем, генерал выглядел огорченным, поскольку непосредственно перед наметившимся стратегическим решением на Западном театре военных действий его перевели на Восток. То, что Генеральный штаб доверил именно ему, полагаясь на его выдающиеся способности,

спасение Восточной Пруссии от русского вторжения, поначалу казалось ему слабым утешением.

Гинденбургу Людендорф был абсолютно незнаком. Он ничего не слышал о его выдающемся успехе под Люттихом. Зато он узнал только в салоне поезда от этого современного стратега и одаренного организатора из пятнадцатиминутного сообщения об угрожающей обстановке в Восточной Пруссии. Гинденбург согласился с уже отданной директивой Восточному фронту. Но даже тяжелое положение Восточной Пруссии не могло помешать его благодатному сну. Ему хотелось немного «подумать о службе», как он обычно шутя говорил, когда намеревался отдохнуть. В Берлине в поезд вошла Маргарете Пернет, привлекательная жена Людендорфа, которая ради него развелась со своим первым мужем и привела с собой в новый брак четверых детей. Она ехала в поезде до Кюстрина и присутствовала на завтраке в обществе двух генералов. По сравнению с ее супругом, известным отсутствием юмора и холодностью, Гинденбург показался ей спокойным и веселым человеком.

Отношения Гинденбурга со слишком честолюбивым и властным «супервоенным» Людендорфом можно было в некоторой степени сравнить с отношениями Блюхера и Гнейзенау — двух офицеров, сыгравших за сто лет до описываемых событий центральную роль в Освободительных войнах. Сам Гинденбург находил свои отношения со страшно вспыльчивым, работоспособным, резким, недоступным, недружелюбным, чистокровным офицером нового образца похожими на счастливый брак. В любом случае более старший решил дать как можно больше свободы для творческой энергии молодого. И Гинденбург собирался удержать такого безусловного милитариста, как Людендорф, «в верности соратникам, как ей нас учит с юности история немецкого народа, верности борьбе, которой так богато наше этическое мышление»¹¹.

Двадцать третьего августа во второй половине дня они прибыли в Мариенбург в штаб 8-й армии, который в связи со сложившейся обстановкой разместился в домике сторожа. Ощущалось подавленное настроение. Обоим генералам был оказан очень холодный прием, так как знающий и умный Гофман, так же как и обер-квартирмейстер генерал-майор Грюнерт, почувствовали себя обойденными Людендорфом. Именно генерал отдавал свои приказы командирам корпусов по телеграфу каждый раз в одном экземпляре, минуя штаб 8-й армии. Уже поэтому оба оскорбленных офицера подготовили прием, едва ли являвшийся «дружеским». Однако вскоре Гофман будет хвастать «великолепной» совместной работой с Людендорфом, которого считал «подходящим» для местных задач человеком с его «невероятной решительностью и грубостью»¹².

Гинденбург и его начальник штаба приняли решение полностью уничтожить армию Самсонова. Только в этом случае немецкий Восток был бы полностью освобожден от «русских поджигателей, грабителей и убийц» и можно было бы оказать решительную поддержку союзникам, оказавшимся в тяжелом положении в Галиции и Карпатах. Из крепостей Грауденц и Торн были выведены все значительные воинские контингенты. Для Кёнигсберга было оставлено слабое прикрытие против армии Ренненкампфа, что должно было ввести его в заблуждение. Не зная заранее местности в юго-западной части Восточной Пруссии и не создавая за десятилетия «волчьей ямы» для русских у Мазурских болот, как об этом утверждалось позднее в многочисленных народных легендах, Гинденбург вместе с Людендорфом, учитывая вялое наступление Ренненкампфа, планировали охват южной армии Самсонова. Это была чрезвычайно рискованная операция еще и потому, что ее должны были выполнить солдаты ландвера¹³ и ландштурма¹⁴ старших призывных возрастов и солдаты, только что потерпевшие поражение у Гумбинена. Учитывая численное превосходство противника, Гинденбург делал ставку на способности и достоинства немецких солдат и офицеров, которые он оценивал намного выше, чем у русских. Макензен и Белов должны были отойти перед Ренненкампфом и сразу двинуться на юг, чтобы встретить там правый фланг Самсонова. А против армии Ренненкампфа должен был остаться лишь слабый «кавалерийский заслон». Гинденбург и Людендорф полностью осознавали, что такого слабого прикрытия будет абсолютно недостаточно против быстро наступающей северной армии.

В то время как немцы могли постоянно перехватывать радиогранмы русских, командующий русским Северо-Западным фронтом Жилинский абсолютно не представлял себе маневра немецких войск. Ренненкампф уже потерял соприкосновение с противником. Вместо того чтобы соединиться с южной армией перед Мазурскими озерами, он повернул от Ангераппа прямо на запад в направлении Кёнигсберга. Непрерывно подгоняемый Жилинским Самсонов во время своего наступления снова и снова должен был бороться с фатальными проблемами на коммуникациях и трудностями в снабжении. Нехватка обозных лошадей, реквизиционных команд, продовольствия и катастрофическое положение со связью слишком замедляли продвижение Наревской армии, состоявшей большей частью из только что призванных крестьян и испытывавшей недостаток в офицерах.

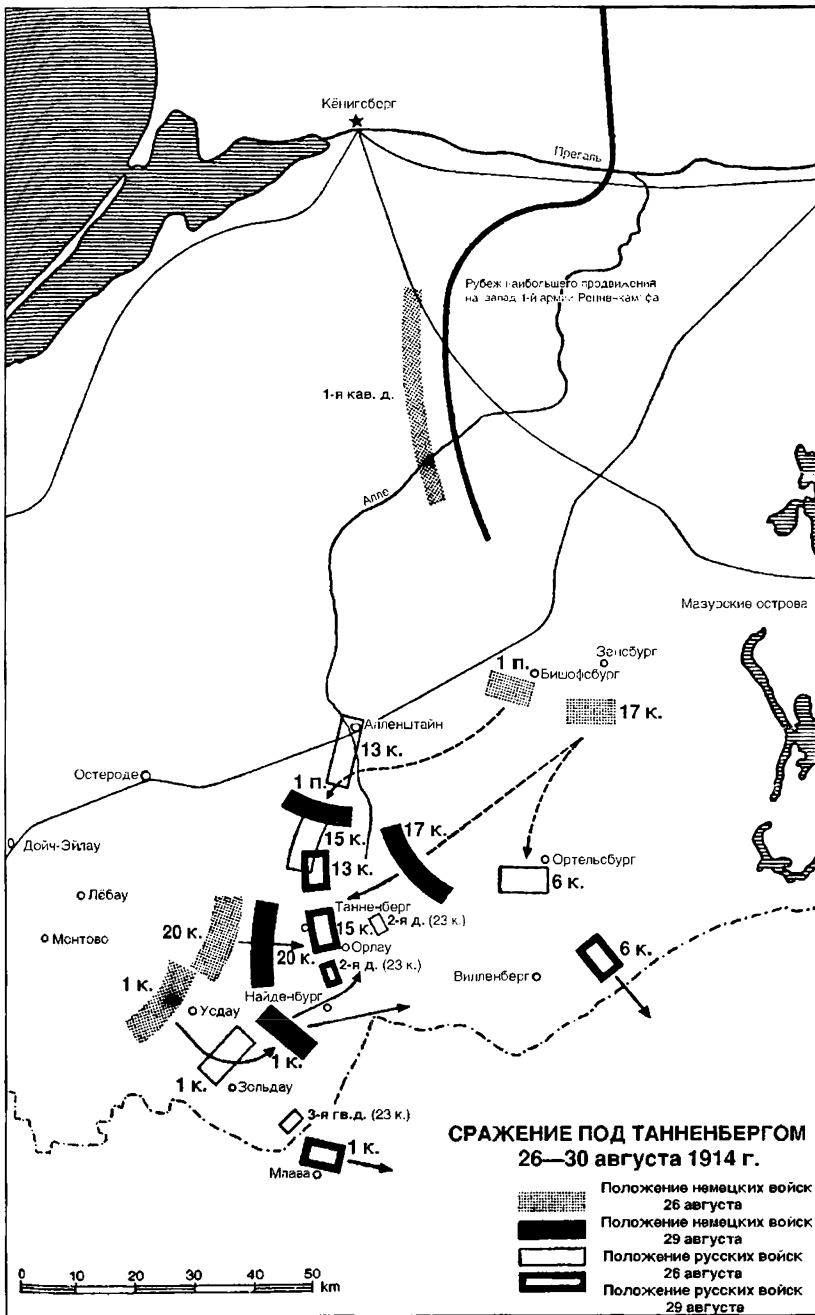
Еще вечером 23 августа Гинденбург, отдыхая, гулял по западному берегу реки Ногат. В вечерних сумерках генерал любовался красными кирпичными стенами готического замка Немецкого ордена. Однако мысли о «благородных рыцарских временах» быстро улетучились, когда он увидел проходивших мимо беженцев с его родины. Тогда

генерал вспомнил о том, что война касалась не только «вооруженного человека», но и создавала угрозу для существования бесчисленного множества незащищенных гражданских людей и уничтожала их. Дорога на Танненберг, где в 1410 году Немецкий орден был разбит поляками и литовцами¹⁵, а само слово «Танненберг» звучало для Гинденбурга как «болезненные для немецкой орденской власти воспоминания о победном кличе славянского торжества», заставила его еще сильнее почувствовать бедствия мирного населения, больше всего страдающего во время войны¹⁶.

Через день он ехал на автомобиле в штаб XX армейского корпуса и провожал взглядом навевающие тоску колонны беженцев, двигавшихся со всем скарбом, который можно было увезти, по дорогам на запад и мешавших движению войск. «Они потеряют все, если ты не победишь», — подумал Гинденбург¹⁷. В здании школы в Танненберге состоялся разговор с генералом Фридрихом фон Шольцем. Вечером он навестил свою невестку в Нойдеке, а потом вернулся в штаб армии, помещавшийся в Ризенбурге в отеле «Дойчес Хаус».

Утром 25 августа Гинденбург и его начальник штаба на автомобиле отправились в расположение I армейского корпуса, стоявшего в Монтово, что в 10-ти километрах южнее Лёбау. Там произошел большой спор между Людендорфом и своевольным Франсуа по поводу оперативного плана прорыва под Усдау, где I корпус под командованием Франсуа должен был совершить охват левого фланга армии Самсонова. Сохраняя молчание, Гинденбург принял сторону Людендорфа, угрожавшего снять Франсуа с должности. Пауль игнорировал ожесточенный спор со стоической невозмутимостью и пытался успокоить штаб своей уверенностью, когда вечером сказал: «Господа, наша подготовка проходит так хорошо, что мы можем сегодня ночью спать спокойно»¹⁸.

Двадцать шестого августа началось сражение. Оно развернулось на протяжении более 100 километров, от Лаутенбурга до местности севернее Бишофсбурга, не сплошным фронтом, а отдельными боями, особенно ожесточенно продолжавшимися у Бишофсбурга до самого вечера. Получение угрожающих известий заронило у командования 8-й армии сомнение в правильности решения, в соответствии с которым все было брошено против Самсонова, в то время как армия Ренненкампа полностью игнорировалась. Людендорф, представлявший эту армию русских как «опасное грозное облако на северо-востоке», мог сломаться под грузом ответственности. Если бы Ренненкампа вмешался в битву, это означало бы не что иное, как уничтожение немецких войск. Однако уверенность Гинденбурга взяла верх, поэтому оба генерала продолжили путь к победе в наступлении. В это время Ренненкампа, считавший, что немецкие войска отходят за Вислу, не видел причины для срочного соединения с армией Самсонова.

Первому резервному и XVII армейскому корпусам под командованием Белова и Макензена вместе с частями ландвера в тот же день удалось добиться у Бишофсбурга большого успеха. Русские части отступили на Ортельсбург. Тогда как армия Ренненкампа, хотя и медленно, продолжала наступать на Кёнигсберг, войска Франсуа и Шольца атаковали позиции противника у Усдау. 28 августа главные силы Самсонова были окружены немецкими войсками. Через день немцы вышли к Ортельсбургу и Вилленбергу. Кольцо замкнулось. Русская армия оказалась в окружении. С озабоченностью и интересом Гинденбург изучал в штабе Шольца в деревне Фрёгенау в трех километрах от Танненберга «иногда отличный солдатский материал... которым располагал царь»¹⁹.

Взятый в плен командир русского XV корпуса генерал Мартос встретился в маленьком грязном отеле в Остероде, где он содержался под стражей, с обоими немецкими генералами. В то время как Людендорф на прекрасном русском объяснил ему суть понесенного им поражения и к тому же подчеркнул возможность немецкого вторжения в царскую империю, Гинденбург протянул руку растерянному Мартосу и предложил ему наконец успокоиться. На ломаном русском он пообещал царскому генералу вернуть шпагу, простился с поклоном и пожелал проигравшему «более счастливых дней»²⁰.

В огромном кольце окружения Найденбург—Вилленбург—Пасенхайм в это время происходило полное уничтожение армии Самсонова. Немецкие части брали все больше и больше пленных. Гинденбург доложил кайзеру Вильгельму о полном разгроме Наревской армии. В ночь с 29 на 30 августа Самсонов застрелился. После такой катастрофы он больше не хотел показываться на глаза царю.

Тридцатого августа с направления Остроленки и Млавы подошедшие русские войска попытались нанести удар в тыл немецким соединениям и освободить армию Самсонова от смертельных объятий. Но напрасно. По выражению Гинденбурга, половинчато проведенная операция обречена на провал. Через день первые результаты подсчетов дали более 60 тысяч русских пленных.

Танненберг принес обоим полководцам неожиданное признание. С этих пор их стали считать стратегическими гениями. При этом распространилось мнение, что Гинденбург во время сражения своей, ставшей притчей во языцех, рассудительностью, сдержанной манерой поведения действовал успокаивающе на растерявшегося Людендорфа, когда вечером 26 августа наступила кризисная ситуация. Поэтому благодаря Гинденбургу командование 8-й армии продолжало придерживаться оперативного плана. С присущей ему верой в Бога и волей к победе он отверг предложение Людендорфа прервать сра-

жение в связи с угрожающими сообщениями о появлении II корпуса русской Неманской армии у Ангербурга. После войны долго муссировался вопрос, действительно ли имел место нервный срыв у Людендорфа (что тот полностью отрицал), который способствовал ожесточенной полемике начштаба и командующего. При этом Гинденбург постоянно перед общественностью как бы между прочим говорил о неуверенности своего штабиста вечером 26 августа, однако ни на йоту не приуменьшал его заслуг. Тем не менее Людендорф чувствовал, что его честь полководца глубоко оскорблена, и не упускал случая, чтобы лишний раз подчеркнуть свою главную заслугу в победе.

Действительно, у победы много творцов: к ним наряду с Гинденбургом и Людендорфом причисляют конечно же Гофмана, который после Гумбинена без колебаний был убежден, что Ренненкампф не начнет преследования, и на основании этого спланировал поворот 8-й армии против Самсонова. Еще до прибытия обоих генералов он разработал ход операций. Самовольно и самостоятельно сорокапятилетний офицер действительно уже разослал приказы, в соответствии с которыми войска начали перегруппировку. Урожденный гессенец тоже чувствовал себя настоящим победителем под Танненбергом. Всем, кто интересовался сражением, он постоянно давал это понять. Ставший позднее начальником штаба Восточного фронта, Гофман, быть может, вновь возбужденный «мозельским», на которое обычно любил приналець, водил своих посетителей по полю сражения и насмешливо говорил: «Здесь фельдмаршал спал перед сражением, здесь он спал после сражения, здесь же он спал во время сражения»²¹.

Самовольный и властный Франсуа, обеспечивший вопреки всем приказам охват левого фланга, что позволило своевременно окружить главные силы русских с юга, тоже через несколько лет после войны начал без тени скромности указывать в прессе на свои решающие заслуги в победе под Танненбергом. Он даже не допускал мысли о более или менее значимом участии Людендорфа в успехе. И наконец, к решившим победу слагаемым относят вообще неожиданную возможность прослушивания, дешифровки и перевода радиопереговоров русских. Это была бесценная служба, значение которой немецкое командование на Востоке полностью осознавало.

Не только Гинденбург снова и снова пытался осмыслить масштаб победы. Танненберг, «одна из величайших побед, которые знала история», как не без гордости писал Гофман в своих военных заметках, 92 тысячи русских пленных, большое количество захваченных орудий — такое превзошло даже знаменитый Седан²². Только убитыми и без вести пропавшими русские потеряли 30 тысяч чело-

век. Однако и победоносная 8-я армия тоже понесла тяжелые потери, составившие 37 тысяч человек²³. Гинденбург ходатайствовал перед императором Вильгельмом о присвоении четырехдневным боям наименования «сражение под Танненбергом», тогда как перед этим сам монарх поздравил его «с победой под Алленштайном»²⁴. Людендорф и Гофман настойчиво претендовали на авторство названия «битва под Танненбергом». Наконец, не один Гинденбург получил удовлетворение от внесения «основательного исправления» «в хартию 1410 года». «Теперь, — писал он в последний день августа своей жене из Остероде, — через 504 года пришел реванш»²⁵.

Не случайно с 1410 года катастрофическое поражение Немецкого ордена в битве под Танненбергом считалось важнейшей вехой в истории Пруссии, Польши и Литвы. Хотя его последствия отнюдь не были так губительны, как часто представляется, это событие, упрощенно ассоциировавшееся с победой славян над германцами, все-таки считалось серьезной травмой для прусской традиции на Востоке и немецкой историографии.

Танненберг 1914 года охотно сравнивали с победой Ганнибала при Каннах: карфагенский полководец в 216 году до Рождества Христова тоже победил намного численно превосходящее римское войско, окружив и уничтожив его. В отличие от Канн, при Танненберге еще одна армия противника создавала угрозу с тыла. Такой блестящий успех стал возможен только благодаря грубым ошибкам русского командования. Усиленно подбадриваемое французами, опрометчиво, не обеспечив достаточной связи между войсками и необходимого снабжения, оно послало две армии, командующие которых ненавидели друг друга еще со времен Русско-японской войны, в Восточную Пруссию на гибель. То, что далеко продвинувшаяся на запад на широком фронте армия Ренненкампфа слишком поздно создала угрожающее положение для немецкой 8-й армии, ясно свидетельствует о стратегической бездарности русского командования, которая существенно способствовала военной удаче немецких полководцев.

Гинденбург был награжден орденом «Pour le mérite», а от императора Франца Иосифа он, как «победоносный вождь немецкого войска на Востоке», получил Большой крест ордена Св. Стефана²⁶. После благодарственного молебна в Алленштайне всегда такой бережливый Гинденбург выставил каждому из 60 офицеров своего штаба по бутылке шампанского в отеле «Кюль» в Остероде, куда переехал штаб. «Но я не буду зазнаваться. Этого ты можешь не опасаться, — писал он своей жене. — Я воздаю честь Богу!»²⁷ Одного из журналистов он заверил, что, как и прежде, спит так же крепко, «как пушка». На первых военных почтовых открытках из-за недоброкачественных фотографий изображение победителя под Танненбергом было не

очень удачным. «Слишком много усов и слишком мало Гинденбурга», — заметил как-то полководец, увидев свое изображение²⁸.

Несмотря на его быстрорастущую популярность, было много дискуссий о настоящем победителе под Танненбергом. Сам он по этому поводу невозмутимо заметил: «Хорошо, что Танненберг выиграла, поэтому его выиграла многие. Если бы сражение было проиграно, то проиграл бы его я один». В другой раз он добавил: «В этом случае лишь одно имя было бы проклято немцами на все времена: имя Гинденбурга»²⁹. Танненберг принес поворот в ход событий на Восточном фронте, однако он не стал решающим сражением Первой мировой войны. В отличие от Седана или часто приводившихся сравнений с Североитальянским походом Наполеона 1796—1797 гг.³⁰, у Танненберга не было политических последствий. Многие, быть может и сам Гинденбург, недооценивали те поистине неисчерпаемые людские резервы, которые могло продолжать использовать ничтожное военное руководство России.

Уже 31 августа командование 8-й армии получило по телеграфу директиву ОХЛ, предписывавшую ему после получения подкреплений «очистить восточную границу от армии Ренненкампфа»³¹. К тому времени 8-я армия находилась на рубеже Дайме—Алленбург—Гердауэн—Ангербург. Гинденбург удивлялся, почему известный со времен Русско-японской войны прекрасный полководец, выдающийся русский генерал не направил свои дивизии против изнуренных сражением, находившихся на переформировании и развертывании немецких войск. Но Ренненкампф, будучи очевидцем крушения Самсонова, оставался осторожным. Его армия замерла на сильно укрепленном оборонительном рубеже между Куршским заливом и Мазурскими озерами.

Гинденбург, напротив, решил быть «осторожным, но предприимчивым». Он отдал распоряжение развернуть армию в полосе между Вилленбергом и Кёнигсбергом. А 5 сентября 8-я армия, усиленная двумя пехотными корпусами и кавалерийской дивизией, переброшенными с Западного фронта, перешла в наступление. Всего на фронте протяженностью 150 километров было сосредоточено 14 пехотных дивизий. Находившиеся на правом фланге I и XVII корпуса 7 сентября начали прорыв через цепь озер. 3-я резервная дивизия под Бяла добилась заметных успехов. Через день сражение уже шло по всему фронту, но наступление немцев было остановлено. На южном фланге превосходящие силы русских были разбиты, но на северном Гинденбург заметил большую опасность для операции немцев, так как Ренненкампф мог получить подкрепления.

Поэтому командование немецкой армии с большим удивлением узнало об отходе царских войск. Сначала Гинденбург не хотел в это

верить, однако Неманская армия плотными колоннами, медленно, но неуклонно двинулась назад к русской границе. Нетерпеливые немецкие преследователи были встречены сильными войсками прикрытия, обеспечивавшими отход. 11 сентября развернулись ожесточенные бои на рубеже от Гольдапа до Прегеля. С большим разочарованием Гинденбург узнал о поражении кайзеровских и королевских вооруженных сил Австро-Венгрии в Галиции. В боевых действиях, длившихся с 26 августа по 10 сентября, печальной кульминацией которых стало сражение под Львовом, вооруженные силы союзников потеряли не менее 250 тысяч человек. При этом русские захватили в плен 100 тысяч человек и принудили австро-венгерские войска к отступлению, длившемуся 18 дней. Оно остановилось только через 240 километров в Карпатах и за Дунайцем.

В этих условиях нечего было и думать о продолжении преследования русских войск за Неман. Было необходимо, по крайней мере, как можно сильнее ослабить армию Ренненкампа во время ее отхода на неманский оборонительный рубеж, чтобы освободить как можно больше немецких войск для австрийского фронта в Галиции. В то время как немецкая сторона стыдила австрийских союзников за их неудачи, Вена заявила о том, что причиной катастрофы в Галиции стал провал немецкого наступления на Западном фронте. Немецкое вторжение в Бельгию не только втянуло в войну Англию, но и способствовало нейтралитету Италии и Румынии.

С 11 сентября штаб 8-й армии разместился в Инстербурге. Когда Гинденбург вошел в только что покинутый русскими штаб в отеле «Дессауэр Хоф», он полагал, что воспринимает «примечательные следы русской полукультуры»: «Навязчивый запах духов, юфти и сигарет не мог перекрыть вонь других вещей»³².

Через день немецкая 3-я резервная дивизия вышла к Сувалкам, вступив таким образом на русскую территорию. Однако южнее Сталупенен южный фланг Ренненкампа избежал окружения со стороны немецкого I армейского корпуса.

Преследуя русскую армию, немецкие войска прошли за 4 дня более 100 километров. 15 сентября солдатам Ренненкампа все же удалось уйти в болотисто-лесистый район к западу от неманского рубежа Олита—Ковно—Вилены, куда немецкие войска не могли двинуться в связи с катастрофическим положением кайзеровских и королевских вооруженных сил в Галиции. Так закончилась битва на Мазурских озерах. Хотя немецкие войска захватили 45 тысяч пленных и вышли на русскую территорию, это была лишь «ординарная победа». Не удалось нанести решительного поражения Неманской армии, «уничтожить» ее. Поэтому радость от успеха была сдержанной, тем более что стало известно о контрударах на главном фронте.

В начале сентября западное наступление завершилось поражением на Марне, конструкция Шлиффена рухнула, и это, без сомнения, было решающим событием в ходе войны. Об этом написано очень много: речь шла и о неудачном сражении, и о слабом взаимодействии и понимании между Генеральным штабом и часто своевольным командованием армиями, о не слишком строгом соблюдении «плана Шлиффена» и об отсутствии полководческих качеств у Мольтке-младшего. Император Вильгельм прозвал его в шутку «печальным Юлиусом», а все его считали слабовольным, меланхоличным и пессимистичным. В действительности Мольтке был скептическим, чувствительным и обладал не слишком крепкими нервами. Несмотря на статное телосложение, религиозный сектант, пламенный виолончелист и поклонник литературы, он не обладал крепким здоровьем. Сердце временами доставляло ему сильное беспокойство. С самого начала он совсем не подходил для выполнения стоявших перед ним задач.

Получив беспокойные сообщения с Восточного фронта от Пригитца, Мольтке, не задумываясь, решил перебросить два корпуса 2-й армии в Восточную Пруссию. Правый фланг на Западе был ослаблен этим перемещением гвардейского резервного и XI армейского корпусов. От основной идеи «плана Шлиффена» о сосредоточении за правым флангом как можно больших резервов пришлось отказаться. Другая причина неудачи заключалась опять же в непонятной недооценке ожидаемого при нарушении нейтралитета Бельгии вступления в войну Англии. Не в последнюю очередь следует также учесть удивительную стойкость и цепкость французских войск, насмеявшихся над любыми теориями о разбитых и отступающих вооруженных силах.

Тем временем победитель под Танненбергом планировал наступление через Нарев в направлении Варшавы. Поэтому не стоит удивляться тому, что Гинденбург, приписывавший себе независимый широкий образ действий, сначала не соглашался с политической необходимостью, учитывая положение разбитых союзников, перебросить в район Кракова на помощь австро-венгерской армии два немецких армейских корпуса. Таковым было желание начальника кайзеровского и королевского Генерального штаба Франца графа Конрада фон Гётцендорфа. А генерал-лейтенант Эрих фон Фалькенхайн, выполнявший с 14 сентября обязанности физически и морально полностью сломленного Мольтке, решил такое желание учесть. Без этого самостоятельная операция немцев на Нареве казалась ОХЛ не предвещавшей успеха. Таковы были последствия ведения коалиционной войны, постоянно игнорировавшегося Гинденбургом влияния политики на решения военных. Хотя командующий армией

ссылался на Клаузевица и считал политический расчет помехой в войне, но тем не менее вынужден был подчиниться.

Тогда же к обоюдному нежеланию едва не разошлись пути двух победоносных генералов. Людендорф был направлен на должность начальника штаба формировавшейся в Бреслау 9-й армии, командующим которой был назначен генерал фон Шуберт. Даже через 20 лет после этих событий Людендорф в своей полемической работе «Девка Военная история перед судом мировой войны» жаловался на безразличное отношение Гинденбурга к этой запланированной разлуке, против которой тот «в действительности не нашел ничего возразить»³³. Однако за короткое время Фалькенхайна удалось переубедить. Прежняя директива была изменена: Шуберту было предложено командовать остатками 8-й армии в Восточной Пруссии, Людендорф переводился в 9-ю армию. 17 сентября император Вильгельм передал командование 9-й армией, формировавшейся в Силезии, Гинденбургу. К тому же Гинденбург оставался командующим 8-й армией, которая, правда, должна была передать большие контингенты своих войск в состав 9-й армии. В их число входили приданные 8-й армии в качестве усиления для боевых действий против армии Ренненкампа части гвардейского резервного корпуса, XI армейского корпуса и 8-й кавалерийской дивизии, а также XVII и XX армейские корпуса. Ранним утром 18 сентября Гинденбург оставил штаб в Инстербурге. Во время двухдневной поездки на автомобиле в Бреслау он проезжал через родной город Позен. Путь генерала пролегал по местам только что прошедших боев, мимо брошенных, сожженных домов, потока беженцев, возвращавшихся в родные места.

Все планы Гинденбурга по решению новой задачи были отклонены. Во-первых, он предлагал ОХЛ сосредоточить армию в Средней Силезии под Кройцбургом на русско-польской границе, чтобы оттуда нанести удар по северному флангу группировки русских войск в Польше. Во-вторых, он планировал наступление правого фланга 9-й армии через Кильце в Среднюю Польшу, а в-третьих — поддержку со стороны соединений кайзеровских и королевских вооруженных сил, которые должны были наступать севернее Верхней Вислы до устья Сана.

Однако в соответствии с директивой ОХЛ 9-я армия должна была сосредоточиться на левом фланге австро-венгерских войск севернее Кракова. Предусматривалось, что вместе с австро-венгерским наступлением из Галиции армия Гинденбурга нанесет удар по русским войскам по обе стороны Вислы и отбросит их от силезской границы. Штаб 9-й армии временно размещался в верхнесилезском Бойтене. Начались первые разногласия с Конрадом фон Гётцендорфом о кампании в Южной Польше. Конрад, чьи заслуги в войне были сомни-

тельно, питал все большее недоверие к Большой ставке и в качестве причины поражения своих армий в начале войны в Галиции указывал на отсутствие немецкой помощи. С немецкой стороны Гинденбург и Людендорф давали боевым возможностям австро-венгерской армии все более низкую оценку. Стоит ли удивляться, что это пренебрежение проявлялось в чрезмерной «прусской заносчивости» по отношению к «австрийской расхлябанности». При этом сама немецкая сторона порой отказывала кайзеровскому и королевскому Генеральному штабу, а также немецкоязычным и венгерским войскам в наличии превосходных качеств. Но именно таким был узкий корсет коалиционного ведения войны, так не нравившийся победителям под Танненбергом. К тому же они прежде всего сделали ОХЛ во главе с Фалькенхайном ответственным за то, что оно вдали от Восточного фронта уделяло внимание только войне на Западе и из политических, то есть абсолютно невоенных, мотивов шло навстречу кайзеровскому и королевскому командованию и для этого жертвовало военными гениями Гинденбурга и Людендорфа.

Теперь немецкая сторона вспомнила, что до сих пор не решен вопрос о назначении общего командующего на Восточном фронте. Кампания против России, естественно, делала этот вопрос все более актуальным. Но представления Вены и Берлина абсолютно не совпадали. Два раза император Вильгельм во время операции в Южной Польше пытался добиться у австрийского монарха подчинения Гинденбургу 1-й австро-венгерской армии, находившейся западнее Вислы. Этому воспротивился Конрад. Вена отклонила этот вопрос и в ответ потребовала немецких подкреплений для Восточного фронта. Берлин заявил, что, кроме кавалерийских соединений, ничего предоставить не в состоянии. Унтер-статс-секретарь ведомства иностранных дел Артур Циммерман попытался реализовать план, по которому эрцгерцог Фридрих должен был номинально стать Главнокомандующим Восточного фронта, но к нему в качестве начальника штаба приставлялся Людендорф, который сосредоточил бы все управление в своих руках. Конрад, лишившийся оперативного командования, сохранял под своим началом четыре австро-венгерские армии, в то время как Гинденбург командовал бы только 9-й армией. Само собой разумеется, Конрад не хотел и слышать об этой идее, равносильной лишению его власти, и заявил даже о своей отставке. Однако его отставка не была принята австрийским императором. Но потерпел неудачу и план Конрада поставить немецкие соединения под австро-венгерское командование, а эрцгерцог Фридрих тоже отказался терпеть рядом с собой немецкого начальника штаба. Так проект общего командования на Восточном фронте был похоронен до лета 1916 года.

Когда немецкие войска вторглись в русскую Польшу, Гинденбург испытал отвращение к «грязи в любой форме, не только в естественной природе, но и в так называемых человеческих жилищах и к самим их обитателям». «Перейдя нашу границу, мы оказались прямо-таки в другом мире. Невольно напрашивается вопрос: как это возможно, что на земле Европы пограничные столбы между Позеном и Польшей проводят такую резкую грань между уровнями культуры одного и того же племени. В какой же телесной, моральной и материальной нищете оставила русская государственная администрация эту часть страны, как мало проникла утонченность кругов польских великих цивилизаторских сил в подавленные нижние слои!»³⁴

По грунтовым дорогам 6 октября войска вышли к Висле в Опатов-Радам, ее ширина составляла в этом районе 900 метров. Немецкие и русские войска стягивались к Варшаве, немцы по одну сторону, русские, в спешном порядке прибывавшие из Галиции, — по другую сторону реки. Под Ивангородом произошли ожесточенные бои. Немцам не удалось полностью отбросить наступавшие силы русских с западного берега. Южнее Варшавы левый фланг 9-й армии под командованием Макензена атаковал превосходящие силы русских, но немецкое наступление было остановлено. Численно силы немцев намного уступали противнику, сосредоточившему здесь четыре армии: соотношение составляло 18 дивизий к 60. За плечами немецкой пехоты были не только сражения во Франции и Восточной Пруссии, но и изнурительные марши. За четырнадцать дней было пройдено 300 километров под ливневыми дождями по болотистой местности. Теперь ей противостояли только что прибывшие сибирские корпуса, считавшиеся элитными войсками России.

Гинденбург был намерен как можно скорее южнее Варшавы разгромить русские войска великого князя Николая Николаевича, с которым лично познакомился в мирное время на кайзеровских маневрах в Хомбурге, а именно до того, как русским удастся в этом районе сосредоточить большую часть воинских соединений. Для операции против Варшавы Гинденбург потребовал поддержки со стороны австро-венгерских войск, однако кайзеровское и королевское командование сочло возможным только снять с висленского рубежа оставшиеся там немецкие войска и направить их на Варшаву. Этот план показался ему слишком растянутым по времени, но он снова вынужден был подчиниться коалиционному ведению войны.

Между тем русское командование, радиопереговоры которого снова удавалось перехватывать, вводило в действие против немецкой 9-й армии еще больше соединений из Варшавы. К тому же южнее войска противника переправились через Вислу. Левому флангу 9-й армии угрожал охват. Штабисты, прежде всего Людендорф и Гофман,

находились в чрезвычайном напряжении. Лишь Гинденбург, казавшийся абсолютно спокойным, сказал: «С Богом, ничего лучшего я и не мог бы желать!»³⁵ Эта фраза, ставшая знаменитой, подтверждала «потрясающую беззаботность», в которой Людендорф позже однажды упрекнул старого генерала.

Гинденбург, разумеется, знал о негативном психологическом воздействии отступления, которое в этом случае создавало бы угрозу Силезии. Тем не менее опасность оказаться в полном окружении была реальной, поэтому он отдал приказ в ночь с 18 на 19 октября оставить поле сражения под Варшавой. Отход должен был проводиться, несмотря на переправу русских у Ивангорода, которой не смогли помешать в чрезвычайно кровопролитных боях части кайзеровской и королевской 1-й армии под командованием генерал-полковника Виктора барона фон Данкля. Спланированный Конрадом удар австро-венгерских войск с фланга не удался. Снова Гинденбург роптал на судьбу, союзник вновь проявил свою полную несостоятельность³⁶. Конрад фон Гётцендорф, напротив, снова свалил на немцев вину за неудачу из-за «авантюрной операции Гинденбурга и Людендорфа», за этот «бег к Висле». Он считал ее «прямо-таки сумасбродной операцией, из-за которой они остались с носом»³⁷.

Но факт остается фактом, что эти операции позволили значительно разгрузить галицийский фронт и остановить продвижение русских. В результате русское наступление было перенесено в западную Польшу. Отход немцев осуществлялся 27 октября организованно, с незначительными потерями в направлении Ченстохова, куда был переведен и штаб. Железные и шоссейные дороги, мосты были приведены в негодность, чтобы замедлить продвижение наседавшего противника: «русский паровой каток» необходимо было задержать как можно дольше. Однако мощный натиск закончился только тогда, когда русское командование, учитывая усталость пехоты и существенные трудности в снабжении, приняло решение ограничиться лишь действиями кавалерии. К 1 ноября 9-я армия вернулась на свои исходные рубежи. С этого дня ею командовал опытный Макензен. Император Вильгельм решением кабинета назначил Гинденбурга Главнокомандующим всеми немецкими вооруженными силами на Востоке, его начальником штаба оставался Людендорф. Для размещения этого особого штаба Главнокомандующего на Востоке, сокращенно названного «Обер-ост», они выбрали королевский замок в Позене. С 11 ноября в подчинении Гинденбурга находились 8-я армия под командованием генерала Отто фон Белова, 9-я армия Макензена, Восточно-Прусский южный фронт, сформированный главным образом из корпуса в Грауденце и армейской группы Ремуса фон Войрша, созданной из ландверного

корпуса (вскоре она была переподчинена австро-венгерскому руководству), все командования военных округов на Востоке — Кёнигсбергского, Штеттинского, Данцигского, Позенского и Бреславского, а также все крепости Восточного фронта. Гинденбург писал в своей автобиографии: «Итак, мы были освобождены от непосредственных забот об армии, и тем сильнее стало наше влияние на всё»³⁸. Однако, как и прежде, Обер-ост однозначно подчинялся Главному командованию Сухопутных войск Фалькенхайна.

В тылу, на родине, Гинденбург и Людендорф стали национальными героями. На них уповала вся нация, слава их росла день ото дня, особенно потому, что Западный фронт терпел неудачи. Гинденбург и Людендорф не разочаровали с августа пребывавшую в возбуждении нацию. Им удалось вновь освободить Восточную Пруссию. Этим они будили надежду, что по крайней мере на Востоке удастся ослабить невыносимое давление враждебного окружения на рейх. Впредь их будут считать неоспоримыми полководческими гениями школы Мольтке-старшего, при этом отец-командир пользовался неизменно большим почитанием, чем его неутомимый в работе и высокомерный начальник штаба. Широкая общественность говорила прежде всего о Гинденбурге. Кайзеровский и королевский поверенный в делах в Берлине Франц Йозеф барон фон Хаймерле в этой связи указывал на то, что даже за любым немецким отступлением на Востоке усматривается гениальная уловка полководца: «Здесь же не могут отделить ни одной акции Гинденбурга от воспоминаний о его знаменитом полководческом подвиге на Мазурских озерах. Имя Гинденбурга вообще пользуется чрезвычайной популярностью в стране, и каждое действие этого, без сомнения, значительного полководца, будь то успех или вынужденное отступление, наделяется особой стратегической значимостью»³⁹.

Наконец у немцев появилась священная фигура узнавания, которой так им не хватало со времени смерти Бисмарка. Чтобы понять восхищение, вызывавшееся Гинденбургом, необходимо конечно же учитывать и его обаяние. Генерал действовал на теряющую уверенность нацию чрезвычайно благотворно и успокаивающе. Его внешний вид и манера держать себя соответствовали издавна сложившимся представлениям о прусском военном. Экс-канцлер Бернхард фон Бюлов тоже не смог сдержать своего восхищения перед «освободителем Восточной Пруссии». Он описывал его как образец для всей нации: «Немец до мозга костей. Немец и в своем внешнем облике, человек с широкими плечами, тяжелой, крепкой походкой, большими добрыми глазами, совершенной естественностью, связанной с невольным, не наигранным, заложенным в его существе и исходящим из его сущности достоинством. Строгий, где это необходимо,

но всегда человечный и добрый, не тщеславный, не индивидуалист, не мелочный. Великий прежде всего моральной силой, которая является выдающейся чертой его сущности, генерал-фельдмаршал Гинденбург олицетворяет все добрые и прекрасные качества немецкого народа и особенно прусской армии. Так стоит он в нашей истории в ряду абсолютно великих»⁴⁰.

Приверженность к старомодности в основном и сделала его отцом немцев. В Гинденбурге видели человека, выполнявшего свой долг по убеждению, делавшего это невозмутимо, без какой-либо болтливости или высокомерия. Даже его просто нравившиеся высказывания оставляли общественности широкий простор для всевозможных интерпретаций его действий. Население любило его не в последнюю очередь за то, что он не был баловнем двора, карьеристом и не действовал как холодный технократ. Его нельзя было упрекнуть ни в самосомнениях Мольтке-младшего, ни в интеллектуальной дистанцированности Фалькенхайна. В нем узнавался и вошедший в поговорку маленький человек с улицы, и неизвестный солдат в окопе. Бесчисленное множество немецких городов и общин избрали его почетным гражданином. В знак благодарности победоносному полководцу осуществлялись посадки дубов. Большое число университетов удостоило его звания почетного доктора. Его бюро захлестнул невообразимый поток писем, так что он саркастически предложил однажды на оборотной стороне его могильного камня высечь надпись: «Письма больше не принимаются»⁴¹.

Последовали бесчисленные восхваления литературного характера, в том числе и из-за границы. Один из поклонников Гинденбурга в своем произведении поставил его в воображаемом Зале славы великих немцев выше всех: над Блюхером, Гнейзенау, Шарнхорстом, Бисмарком и Мольтке-старшим; все они как бы преклонялись перед ним как величайшим из немцев.

Вот Бисмарк зывает к нему через зал, и эхо отдается от стен.

И с губ снова слетает имя, которое станет бессмертным, и оно звучит: Гинденбург.

И все немецкие герои склоняются и ликуют и почитают его своим образцом... Радость в сердцах, и глаза горят благодарностью к Богу, ниспославшему такого человека, как он...⁴²

Это только один пример того, с каким пафосом и с какой безудержностью прославлялся победоносный генерал. Вскоре не осталось ни одной бюргерской квартиры в империи, где нельзя было бы найти портрет Гинденбурга. Каждый город, который из себя что-то представлял, называл одну из улиц в его честь. В витринах игрушечных магазинов были выставлены куклы, изображавшие Гинденбурга. Он

стал считаться символом победоносной добродетельной Германии с творческой энергией, практическим интеллектом, способностью к риску, скромностью и постоянно преисполненным достоинства обликом. Высказывания вроде: «Мне все равно, как меня представляют себе люди, лишь бы я был чем-нибудь полезен королю и Отечеству»⁴³, — лишь увеличивали его популярность.

Из благодарности за спасение от русского вторжения силезское местечко Забрже переименовалось в Гинденбург. Во многих населенных пунктах появились обелиски в честь Гинденбурга. Имя фельд-маршала использовалось в коммерческих целях: ручки для письма, сигареты, туфли, галстуки, блюда в ресторанах, марципаны, жирная селедка, пряники получали имя обожествляемого полководца. Его изображение отливалось на ванильном мороженом, шоколадные торты украшались его монограммой. К Рождеству он получил 600 подарков только в виде вина, табака и курительных трубок, не говоря уже о тысячах других подношений и бельевых корзин с новогодними пожеланиями.

Вместе с тем его культ принимал иногда курьезные формы. Пожилые женщины слали ему подушки, набитые их собственными волосами. Слухи о его серьезном заболевании и желчнокаменной болезни вызвали поток писем с предложениями о лечении, медицинскими советами и даже посылок с лекарствами. «Я конечно же очень благодарен всем добрым людям, что они так заботятся о моем здоровье, но у меня все в порядке, и я не смогу все это проглотить, при всем моем желании не смогу»⁴⁴, — устало сказал он как-то берлинскому корреспонденту газеты «Нойе фрайе прессе» Паулю Гольдману.

Пикантность этого почитания заключалась прежде всего в том обстоятельстве, что Гинденбург по сравнению с другими национальными героями, такими как Бисмарк или Фридрих Великий, имел несравненно меньшую долю собственного участия в делах и заслугах, которые ему приписывались. Его сущности соответствовало то, что очень часто он полностью передавал поиск решения таким сверхактивным людям из своего окружения, как Людendorff. Он предоставлял им свободу действий. Многие решения, которые он подписал своим именем, занимая с лета 1914 года ответственнойшее положение, не возникали из хода его мысли. Он просто их лояльно воспринимал и конечно же принимал на себя за них полную ответственность. Без зазрения совести его толкали на это честолюбивые люди, на которых он полагался и под чьим сильным влиянием находился. При этом Гинденбург, без сомнения, обладал сильным характером, но все же оставался простым солдатом, охотно позволял более амбициозным и одаренным разьяснять себе сложные ходы и, таким образом, подпадал под их влияние. Вопреки всем

восхвалениям и почитанию он не был гением или харизматической личностью, но человеком простого мировоззрения, который не мог не поддаться интеллектуальному превосходству, необычной энергичности и бешеной решительности Людендорфа. Гинденбург не замечал, как его именем и его личностью пользовались и злоупотребляли во внутренних противоборствах и интригах. Он полагался на свое ближайшее окружение, принимая на себя так много забот о нем, что оно часто склоняло полководца туда, где хотело бы его видеть. И почти целая нация полагалась на Гинденбурга как на спасителя, который сохранит Германию от гибели, уготованной ей врагами, и даже поведет страну к другим небывалым высотам, к гегемонии в Европе, к статусу внушающей глубокое уважение мировой державы. В этом состоял важный элемент немецкой трагедии, первый акт которой начался летом 1914 года: почти весь народ молился на одного кумира, который не мог выполнить возложенные на него ожидания. Народ положился на полубога, доверившегося своему тесному окружению, поверил в идола, сотворенного не без корысти некоторыми людьми, которые воспользовались моментом, когда общественность чествовала его как спасителя нации и всего немецкого в мире.

Правда, сам кайзер пытался противостоять этому мифу. При отставке больного и отчаявшегося Мольтке с поста начальника Главного командования Сухопутных войск после безуспешной битвы на Марне в сентябре 1914 года он обошел Гинденбурга и Людендорфа, несмотря на их успехи и постоянно растущую популярность, и направил их на второстепенный восточный театр военных действий. Прежде всего у него были веские опасения в отношении безмерного честолюбия и пресловутой бесцеремонности Людендорфа. А сам Гинденбург уверял, что ничего и знать не хочет о руководстве Генеральным штабом. Когда его однажды об этом спросили, он лапидарно возразил: «У нас же и так есть очень хороший начальник Генерального штаба». Он считал, что и военный министр «обладает наилучшими качествами». К тому же он абсолютно не мог представить себе, как будет «ссориться» с рейхстагом. Конечно, он кокетничал, когда временами заявлял, что собирается снова вернуться в Ганновер на покой. «В мои года, — изрекал он, — нет ничего лучше, как после выполненной работы уйти со сцены и уступить место молодежи»⁴⁵. Более правдоподобными выглядят строки, написанные им генералу фон Штайну после первых крупных успехов: «Я Вам чрезвычайно признателен за то, что Вы меня откопали, и счастлив тем, что снова могу что-то делать»⁴⁶. Как Главнокомандующий Восточного фронта он надеялся, что вместе с Людендорфом ему удастся повторить успех под Танненбергом. Однако эта цель, несмотря на всю

убежденность и уверенность в своих возможностях, исходя из соотношения сил, была слишком трудной и в конечном счете нереальной. Все чаще «спаситель Восточной Пруссии» должен был принимать к сведению, что достигнутые на Восточном фронте успехи не влияют на исход войны. Победа под Танненбергом стала основой для славы Гинденбурга, однако конца войны не приблизила.

III. Главнокомандующий Восточного фронта

Практически с самого начала деятельность Гинденбурга на посту Главнокомандующего Восточного фронта была омрачена конфликтом между его своенравным начальником штаба и 2-м Главным командованием Сухопутных войск. Несмотря на свою сдержанность и консервативное мышление, ему не удалось избежать интриг, связанных больше не с военной, а с внутренней политикой власти. Людендорфу, хотя тот и находился в тени Гинденбурга, которому досталась вся благосклонность масс, вероятно, принадлежала главная заслуга в достигнутых в Восточной Пруссии успехах, и все нити управления находились в его руках. Опираясь на собственный опыт и огромную популярность старого генерала, он пытался использовать любую возможность, чтобы в будущем самому руководить судьбами Германии. Гинденбург слишком хорошо знал военные качества своего начальника штаба.

Макс Гофман, напротив, иронизировал над старым генералом: «Я полагаю, поскольку он абсолютно не думает, так ему и не нужно волноваться. Еще ни одному человеку не удавалось стать знаменитым, тратя так мало собственных духовных и физических сил». Он действительно считал его без Людендорфа просто «военным невеждой» и «идолом, созданным наивной толпой»¹. Да и сам Гинденбург, казалось, понимал, что, если бы не его alter ego², он не смог бы решать сложные проблемы, возникшие во время войны. Временами он все же осознавал, что его участие в оборонительных сражениях на Восточном фронте порою сводилось лишь к тому, чтобы «выехать на передовую и раздать награды»³. Он оказался своего рода заложником более способного и амбициозного Людендорфа, который от имени Гинденбурга предпринимал действия, не отвечавшие ни воспитанию командующего, ни его природе. Как бы это ни противоречило характеру Гинденбурга, он шел на сотрудничество с крайне тщеславным Людендорфом, получая выгоду от его идей и поступков, и по-человечески понять старого генерала было можно. Всю свою жизнь он не знал славы. А теперь, когда неожиданно оказался в центре внимания, очевидно, не решался потерять освещенное лучами популярности

положение и поспорить со склонным к деспотии экстремистом Людендорфом.

Эти два человека были абсолютно разными личностями, что с каждым днем становилось яснее. Фельдмаршал был убежденным легитимистом. В его преданности правящему дому не было никаких сомнений. А бюргер Людендорф ставил нацию выше монархии. Гинденбург думал традиционно по-прусски, а его советник, напротив, был радикальным националистом. Если у фельдмаршала был вошедший в поговорку ровный характер, то подчас свирепый, болезненно эгоцентричный Людендорф мог думать только экстремальными антитезами. Не случайно Мольтке отозвался о нем как о «своей нравственной личности, пробивающей стену головой», а Грёнер даже как-то сказал, что «он созрел для сумасшедшего дома»⁴. Немецкая трагедия заключалась в том, что значительная часть населения все больше доверяла свое будущее одному человеку, который по своим личным мотивам был не в состоянии решительно воспротивиться своему непорядочному, но, как было признано, чрезвычайно способному партнеру.

Если безграничная ненависть Людендорфа к новому, уверенному в себе начальнику Генерального штаба началась еще раньше, с дискуссии о бюджетных ассигнованиях на армию перед войной, то теперь добавилось еще широко распространенное недоверие к этому пятидесятилетнему пруссаку Фалькенхайну в связи с военными неудачами, которые последовали сразу после того, как он принял Главное командование Сухопутных войск. Это были проигранный «бег к морю» и поражение под Ипром⁵.

В «бег к морю» были вовлечены и французы с англичанами, стремившиеся также обойти противника с фланга и снова открыть себе путь для решительного наступления. Фалькенхайн, совмещавший теперь должности начальника Генерального штаба и военного министра, как и прежде, твердо и уверенно настаивал на наступлении. Охват, который он так упорно пытался осуществить в конце сентября в Северной Франции между Уазой и Ла-Маншем, не удался из-за недостатка артиллерийских боеприпасов, решительности противника и не в последнюю очередь из-за слабости и усталости собственных войск.

После этого Фалькенхайн перевел Ставку Верховного главнокомандования в Мезьер-Шарлевиль, важный железнодорожный узел на реке Маас, что позволяло улучшить связь с армиями и обеспечить подходящей квартирой его штаб. По мнению нового начальника Генерального штаба, для маневренной войны было достаточно пространства только в районе между Лиллем и побережьем Ла-Манша. Хотя немецкие войска численно не превосходили противника, им

удалось захватить Антверпен, однако дальнейшему наступлению помешали неподходящая местность, недостаток артиллерии и применение противником корабельных орудий. Вдобавок ко всему при наводнении бельгийские части открыли шлюзы перед Остенде и Зеебрюгге и таким образом воспрепятствовали немецкому продвижению к побережью Северного моря и Ла-Манша. В октябре, несмотря на измотанность противника, после огромных потерь это наступление захлебнулось в грязи.

Продолжавшиеся до 22 ноября попытки прорыва под Ипром должны были не только выровнять линию фронта, но обязательно принести победу, которая снова подняла бы моральный дух в войсках. Однако средств для этого было недостаточно. ОХЛ использовало слабоподготовленный резервный корпус, молодые добровольцы которого, возглавляемые старыми офицерами, пошли на гибель с развевающимися знаменами под Лангенмарком. Роковая комбинация пламенного патриотизма с бездумной готовностью к самопожертвованию привела к неисчислимым потерям. Безотрадным результатом всех попыток немецкого наступления стала стабилизация боевых действий в окопной войне. Линия фронта теперь прочно установилась от побережья пролива у Ньюпорта до швейцарской границы. Неудачи под Ипром новому энергичному начальнику Генерального штаба не простили, что отразилось на всех его последующих действиях.

Такое начало карьеры на ответственном посту лишало его впредь популярности в глазах широкой общественности, а в руководящих кругах империи очень скоро распространилось мнение, что совершили ошибку, поставив его во главе Сухопутных войск. Глас народа постоянно противопоставлял Фалькенхайна, прошедшего неудачное наступление на Западе, почитаемому победоносному «полководцу Востока». Так с неизбежностью развивалась все более сильная конкуренция между дуумвиратом на Востоке и холодным, несломленным, самоуверенным начальником Генерального штаба.

В свое время, 21 августа 1914 года, Фалькенхайн предложил назначить Гинденбурга командующим 8-й армией. Семейная история военного министра и начальника Генерального штаба обнаружила известные параллели с биографией Гинденбурга. Предки и братья Фалькенхайна тоже принадлежали к служилому дворянству, были офицерами, помещиками, чиновниками и юнкерами. Но есть и еще нечто общее: семья Фалькенхайна твердо воспитывала своих молодых отпрысков в почтении к старопруссским традициям. Лейтенантом он служил в Ольденбурге в 91-м пехотном полку. В Военной академии даже изучал у Гинденбурга прикладную тактику. Вскоре пос-

ле отставки последнего, в 1912—1913 годах, был начальником Генерального штаба IV армейского корпуса в Магдебурге.

Для старого генерала, считавшего наступление во Фландрии полностью неудавшимся, приобретал все большее значение вопрос о месте нанесения удара, который решил бы исход войны. Он считал стремление к «победе в войне на Западе» традиционным в политико-стратегическом мышлении немцев; оно было также мотивировано с национальной точки зрения, так как на Западе находился «заключенный враг», который даже в мирное время после 1871 года не мог оставить Европу в покое своими «шовинистическими подстрекательствами». Франция рассматривалась как противник, «который, по полному нашему убеждению, представлял силу, стремившуюся к уничтожению Германии».

Поэтому он тоже считал «окончательную победу» над Францией *Ultima ratio* (последним решительным доводом), однако более страстно желал сначала разгромить Россию. В связи с неудачей плана Шлиффена теперь необходимо было перейти на Западе к обороне занятых позиций, а на Востоке предпринять наступление. Хотя генерал и утверждал, что ни в коем случае не недооценивает «русских», однако считал, что «большинству из них не хватает величия человеческих и духовных качеств», которые у немцев являются «общим достоянием народа и армии». Бои с противником, численно превосходившим вдвое, доказали ему «безусловное превосходство» немецкого солдата над русским. Гинденбург неотступно думал о решительной победе над царской империей и считал повторение наполеоновской катастрофы 1812 года сомнительным в связи с изменившимися обстоятельствами — хотя бы благодаря развитию железнодорожной сети.

Если Гинденбург и писал в своих мемуарах, что общественность привнесла «многочисленные легенды в этот спор» между Главнокомандующим Восточного фронта и Главным командованием Сухопутных войск, а «о драматических событиях не могло быть и речи», то это был уже более чем эвфемизм стоика⁶. Большая часть генералитета, имперский канцлер Теобальд фон Бетман-Гольвег и другие силы внутри имперского правительства и ведомства иностранных дел, императрица и кронпринц, а также союзные монархи, как и командование на Востоке, ожидали к Пасхе энергичного и решительного наступления. В ходе этих «драматических событий» действительно должно было быть использовано все ради достижения желаемой цели.

Людендорф начал с того, что составил письмо, в котором Гинденбург предлагал Фалькенхайну перенести центр тяжести немецких операций на Восток, так как при наличии необходимого количества

сил здесь можно было добиться решающих успехов. Но в планы начальника Генерального штаба вовсе не входило уничтожение русской армии. Он считал это невозможным в связи с напряжением, возникшим для немецких войск на Западе. Более того, постоянные успехи немцев должны были вынудить царские войска заключить сепаратный мир. А ограниченное наступление могло бы обеспечить безопасность Силезии и помочь потерпевшему поражение Конраду. Фалькенхайн считал любые победы на Востоке, которые могли быть достигнуты только ценой утраты позиций на Западе, ничего не стоящими. Поэтому он не только отказался усилить Восточный фронт, но и жаловался на Гинденбурга, который самовольно привлек к боевым действиям войска из восточных крепостей, сознавшись, впрочем, когда бросил их в сражение, что «после войны ему бы за это головы не сносить»⁷.

Еще в Ченстохове два знаменитых полководца разработали свой план спасения Силезии. О попытке фронтальной обороны в связи с численной слабостью не могло быть и речи. Возникла необходимость осуществить фланговый удар. 9-й армии предстояло сыграть решающую роль. Для этого она должна была быть усилена находившейся в Восточной Пруссии 8-й армией. К тому же с Западного фронта были переброшены две кавалерийские дивизии, так что 9-я армия имела теперь в своем составе пять с половиной армейских корпусов и пять кавалерийских дивизий. Учитывая тяжелые бои под Ипром, ОХЛ не могло рассчитывать на большее усиление Восточного фронта.

Отсутствие взаимодействия между Главным командованием на Востоке и Главным командованием Сухопутных войск привело к тому, что приказ о втором наступлении под Ипром вышел 4 ноября, в тот же день, когда Гинденбург и Людендорф доложили в ОХЛ свои планы мощного охватывающего наступления с рубежа Хохензальц—Торн против фланга русских. Впрочем, Гинденбург официально вел речь только о наступлении 8-й и 9-й армий на рубеже Позен—Торн. При этом Фалькенхайна, не пользовавшегося больше никаким доверием слишком самоуправных генералов с Восточного фронта, даже не проинформировали о точной дате начала операции.

Нарушение связи между командованием Восточного фронта и ОХЛ привело к тому, что Гинденбург и Людендорф ничего не знали о намерениях Фалькенхайна после выравнивания линии фронта под Ипром все же перебросить до шести армейских корпусов на Восточный фронт. Именно в день наступления на Западе, 10 ноября, начальник Генерального штаба узнал о том, что в тот же день началось наступление Гинденбурга. После того, как благодаря значительным заслугам тыловых служб армия Макензена за пять суток была переброшена к северу на рубеж Гнезен—Торн, Главнокомандующий Вос-

точного фронта потребовал три-четыре корпуса — слишком поздно, чтобы они своевременно могли вступить в сражение. Таким образом, командование Восточным фронтом, несмотря на численное превосходство противника, решило начать наступление. Русские были этим ошеломлены настолько же, насколько и само ОХЛ. После этого Фалькенхайн снова отказался от своей прежней идеи о поддержке Восточного фронта, так как ему казалось, что для психологии масс нужнее символический успех на Западе. Восточный фронт в его представлении — это только частичные успехи, такие как освобождение Галиции и русское отступление за Вислу и Нарев.

Тем более Гинденбург и его штаб были вынуждены компенсировать численную слабость быстротой и активностью. Что они и начали осуществлять с непоколебимой самоуверенностью. «Три богатыря» — Гинденбург, Людендорф и Гофман — были убеждены, что одержат еще одну большую победу. 11 ноября 9-я армия Макензена из района Позен—Торн двинулась в юго-восточном направлении, левым флангом вдоль Вислы, правым — вдоль Варты. Наступление в Польше 9-й армии вскоре должно было продемонстрировать границы немецкой наступательной мощи. Сначала под Влоцлавеком и Кутно удалось разбить численно уступавшие части русских войск. Фалькенхайн, не добившийся к тому времени успеха под Ипром, воскликнул с горечью: «Как же, теперь народ снова преподнесет командирам на Востоке из-за этого успеха новые лавровые венки!»⁸ Несмотря на это, он уступил напору Главнокомандующего Восточного фронта, шефа кабинета и не в последнюю очередь Бетмана и распорядился об отправке подкреплений на Восточный фронт.

Благодаря своевременному отступлению русская армия все же смогла избежать уничтожения. После этого 9-я армия опередила ее, чтобы не допустить ее окончательного бегства. Немцы под Лодзью смело прорвали русскую линию фронта. Однако царские войска нанесли контрудар, создав угрозу западному флангу 9-й армии. Восточный фланг тем временем охватил Лодзь, плацдарм русской базы снабжения. Однако полностью разгромить уже частично окруженные русские части не удалось, в частности, из-за нехватки артиллерийских боеприпасов. Между тем с северо-востока, из района Варшавы, продвигались русские подкрепления на изолированные немецкие линии восточнее Лодзи. От надежды уничтожить русские войска, на которую уповали до самого последнего момента, пришлось отказаться и 22 ноября снять полукольцо окружения с Лодзи.

Несмотря на неудавшееся окружение, немецкое наступление связало практически все силы противника и тем самым обезопасило Силезию от вторжения. Вместе с тем обстановка для 9-й армии скла-

дывалась все более угрожающе. Лишь благодаря непонятым упущениям русского командования немецким войскам удалось прорваться у Бжезин и выйти из окружения, еще раз предотвратить полное поражение и даже взять 16 тысяч пленных. Избежав угрожающей катастрофы, Главнокомандующий Восточного фронта искусно подал это как новую большую победу, однако теперь и на Востоке фронт застыл.

Император Вильгельм вместе с высоко им ценимым Фалькенхайном посетил Восточный фронт, чтобы наконец в Бреслау встретиться с представителями кайзеровского и королевского Главного командования. 27 ноября во время пребывания в Позене он присвоил Гинденбургу чин генерал-фельдмаршала, а Людендорфу — генерал-лейтенанта. Это повышение подействовало на Гинденбурга благотворно. Он принял его с глубокой благодарностью и решил впредь лояльным поведением по отношению к ОХЛ быть достойным этой чести. Казалось, что умолкла критика в адрес протезированного Вильгельмом Фалькенхайна. Но это было лишь поверхностным впечатлением.

От Гинденбурга, заставившего 9-ю армию действовать абсолютно самостоятельно, снова посыпались жалобы, что он получает подкрепления с Западного фронта «по каплям», а прибывавшие из Фландрии дивизии были потрепанными в боях и усталыми, но все же генерал-фельдмаршал с удовлетворением признавал, будто ему удалось сдержать «наплыв половины Азии», как принято было говорить в то время⁹. Гинденбургу приходилось считаться и с ослабленной немецкой армией, и с неожиданно ожесточенным сопротивлением большей частью лишь славооруженных оборонявшихся русских. Тяжело ему было примириться с тем, что в Польше не удалось добиться такой же триумфальной победы, как в Восточной Пруссии. За семь недель 9-я армия потеряла более 100 тысяч человек. Кроме того, и в немецких войсках ощущался недостаток артиллерийских боеприпасов, возникли продовольственные проблемы, которые уже нельзя было не замечать.

Немцы, к большому сожалению Гинденбурга, были остановлены «на полпути к победе» перед Вислой и Варшавой из-за «недостатка сил»¹⁰. Отказ Фалькенхайна одержать «тотальную победу» над Россией вызвал по отношению к нему жгучую неприязнь Гинденбурга и Людендорфа. Оба полководца Восточного фронта чувствовали, что не только лишились еще одного триумфа. Они видели, как далеко отодвигалась вполне возможная победа над Россией. А им казалось, что можно было бы добиться окончательного поражения царских войск. Вместо этого Фалькенхайн упрямо продолжал бесперспективное наступление на Западе, бессмысленно пожертвовал

многими тысячами солдат и отнял у Германии шанс победоносного завершения войны в обозримом будущем.

Подвергавшегося такой критике начальника Генерального штаба вполне незаслуженно считали высокомерным карьеристом и всего лишь фаворитом кайзера. На самом деле Фалькенхайн, родом из округа Торн, не в последнюю очередь благодаря прежней службе в Китае приобрел необычно широкий для офицера немецкого Генерального штаба интеллектуальный кругозор. Его честолюбие и интеллигентность, демонстративная дистанция в личном общении с сотрудниками, так же как и его политические интересы, изолировали всегда элегантного и одновременно совсем не заносчивого и непритязательного Фалькенхайна в Генеральном штабе. Кроме того, когда он принял Главное командование Сухопутных войск от Мольтке, то был моложе командиров корпусов. Поэтому неудивительно, что на местах считали: назначение трезвомыслящего человека, которому некоторые из коллег-генералов, впрочем, отказывали в особом стратегическом таланте, произошло в первую очередь благодаря его хорошим отношениям с императором Вильгельмом. Роковой для внутренне неуверенного в себе человека стала его неспособность вызывать доверие своего окружения в кризисных ситуациях. Именно это так явно отличало его от Гинденбурга и Людендорфа. Фалькенхайн надеялся, что уже в 1915 году с Россией удастся заключить мир. До этих пор необходимо отстаивать каждую пядь земли от двух действительно главных врагов — Великобритании и Франции. Он считал, что любой тактический отход на оборонительные позиции деморализует немецкое население и лишь дополнительно стимулирует западные державы. Учитывая развитие событий на Западе и Востоке, он считал решающее классическое наступление бесперспективным и выступал за изматывание противника.

Шестого декабря 1914 года Бетман-Гольвег посетил Обер-ост¹¹ для информирования и совета. Гинденбург, Людендорф и Гофман, используя эту возможность, настраивали канцлера против Фалькенхайна, за которым все больше тянулся шлейф неудач. Бетман во время своего посещения дал понять, что на него произвели сильное впечатление организация и военные качества Главного командования на Восточном фронте. Но он не принимал ни абсолютную веру в победу, на которую уповали в Обер-осте, ни пессимистические взгляды слишком замкнутого Фалькенхайна, считавшего, что с этим «разрушенным инструментом», как он однажды назвал немецкую армию, невозможно больше проводить широкомасштабные операции. В отличие от временами деморализующе действующего начальника Генерального штаба, Бетман тоже считал, что Россию можно будет склонить к переговорам о заключении сепаратного мира только пос-

ле нанесения ей тяжелых и постоянных поражений. Канцлер не мог разделять мнение Фалькенхайна, что для этого будет достаточно оттеснить русские войска за линию Висла—Нарев. Учитывая общую депрессию после неудачи стратегии Шлиффена, имперский канцлер тоже думал о сепаратном мире с Россией. В соответствии с этим цели войны должны были формулироваться скромнее, намного скромнее, чем его собственные идеи в сентябре 1914 года, направленные на установление гегемонии Германии на Европейском континенте. На основании принесенных до сего времени больших жертв Германия, разумеется, должна была иметь военные цели, так как самоутверждение — и не только для немцев — означало расширение державы. Кроме обороны и безопасности, необходимо было утвердить положение империи между двумя гигантскими империями — Российской и Британской. К тому же опасались развивающихся Соединенных Штатов как второй англо-саксонской мировой державы.

Во всяком случае, Бетман-Гольвег во время беседы с Гинденбургом в Обер-осте поднял вопрос о расширении немецких границ на Восток только в случае, если это безусловно будет необходимо для обеспечения их безопасности. После этого в памятной записке канцлеру от 11 декабря фельдмаршал потребовал аннексировать польскую приграничную полосу. Заняв линию польских крепостей, можно было бы усилить оборону Восточной Пруссии от вторжения русских. Благодаря сильному укрепленному Наревскому рубежу Германия получила бы большие стратегические преимущества.

Возникновение оси Бетман—Обер-ост означало прелюдию в борьбе с Фалькенхайном. Очевидно, для Гинденбурга не прошло бесследно непомерное почитание его персоны даже в высших кругах. К тому же его неуклонно подталкивали и подстрекали два неуважительных и честолюбивых штабных офицера — Людендорф и Гофман. Оба они, бюргерского происхождения, подрывали в Гинденбурге старопрусское чувство повиновения заветным авторитетам. Без них старый генерал никогда бы не смог добиться военных успехов. Без них ему бы никогда не пришла в голову идея свержения интригами и неподчинением начальника Генерального штаба, назначенного прусским королем.

Тем временем руководители Обер-оста попытались игнорировать Фалькенхайна. Без его разрешения они передали в подчинение Конрада две с половиной дивизии для зимнего наступления в Карпатах, которое вместо успеха принесло большие потери. Планировалось вернуть Перемышль, а одержав победу, предотвратить вступление в войну таких ненадежных нейтралов, как Италия и Румыния. Результатом этой операции, при метровом снеге и двадцатипятиградусном морозе, было полное фиаско. Фалькенхайн, который временами по праву

ставил перед собой вопрос, кто должен командовать — он или Гинденбург, использовал этот свершившийся факт, чтобы отомстить своему.

В Карпатах впервые была образована смешанная армия, состоявшая из немецких и кайзеровских и королевских соединений, возглавлявшаяся австро-венгерским армейским командованием под началом генерала Александра фон Линзингена. Технически вполне оправданно в качестве начальника штаба ему был придан Людендорф. Фалькенхайн намеревался вернуть себе всю полноту власти над Восточным фронтом. Он знал, что флегматичный фельдмаршал один не будет представлять опасности, а сам Людендорф без почитаемого Гинденбурга быстро потеряет популярность и влияние. Но этим шахматным ходом начальник Генерального штаба окончательно настроил против себя Обер-ост.

Оба полководца с Восточного фронта были уверены, что сумеют не допустить того, чтобы их разлучили, даже если для них последуют другие назначения. Они попытались сместить Фалькенхайна. Под нажимом своего штаба Гинденбург гневно и энергично протестовал против разъединения героев Танненберга. В обращении 9 и 10 января к императору и шефу военного кабинета генералу Морицу барону фон Люнкеру он описывал свои отношения с Людендорфом: «Мы взаимно дополняем друг друга, и никто из нас двоих отдельно не сможет сделать то, что мы выполняем вместе». «Со всей преданностью» Гинденбург просил, чтобы его «фронтной товарищ, как только операции на юге будут завершены, был бы надлежащим образом снова возвращен» к нему. Фельдмаршал охарактеризовал Людендорфа как своего «верного помощника и друга... которого никто не может заменить, тот, кому я полностью доверяю»¹². При этом он не упустил случая обратить внимание на недовольство в армии по поводу совмещения одним лицом должностей начальника Генерального штаба и военного министра. Выполнение обязанностей по двум таким важным должностям просто «не под силу одному человеку, каким бы выдающимся он ни был... Незначительные успехи на Западе, особенно под Ипром, без осязательного результата повлекшие за собой большие потери, ставятся в вину именно этому обстоятельству»¹³.

Несмотря на это, Людендорф был сначала переведен на должность начальника штаба вновь формирувавшейся Южной армии, предназначенной для поддержки кайзеровских и королевских войск. Вместе с тем император Вильгельм объявил Гинденбургу о больших перспективах наступления на Востоке. Прорыв должен был осуществляться в направлении на Белосток. В районе Лодзи было необходимо окружить главные силы русских войск и таким образом полностью их изолировать. Кроме того, Мольтке должен был снова

стать начальником Генерального штаба. Вне сомнений, Гинденбург и его штаб ожидали от попавшего в свое время в немилость первого начальника ОХЛ широкой свободы действий для Восточного фронта. Им казалось, что только с ним возможно хорошее взаимодействие.

Одиннадцатого января советники фельдмаршала оказали на него давление, чтобы тот предложил свою кандидатуру — вместе с Людендорфом — в распоряжение ОХЛ. Однако маршал не хотел ничего об этом слышать. Он все же не мог принять эту должность в тот момент, когда ему принадлежала инициатива смещения Фалькенхайна.

Но опытные штабные офицеры настолько досадили Гинденбургу, что он, вопреки обыкновению, провел беспокойную ночь. Ему предстояла тяжелая внутренняя борьба, когда он должен был оказать давление на Верховного главнокомандующего и прусского короля, используя свою популярность победителя под Танненбергом. Это совершенно не соответствовало монархистско-лояльной сущности Гинденбурга. Однако еще меньше он мог сопротивляться напештыванию своего тицеславного окружения. Невыспавшийся и озабоченный, уже в 6.30 утра он приказал вызвать к себе майора Ганса фон Хефтена, начальника разведывательного отдела в Позене, и офицера связи с заместителем начальника Генерального штаба. Сорокапятилетнему Хефтону, стороннику Людендорфа, он показал составленный ночью набросок второго письма кайзеру, в котором он заклинал монарха об отставке Фалькенхайна с должности начальника Генерального штаба и о возвращении Мольтке. Оно заканчивалось словами: «Если Ваше Величество не выполнит мою просьбу, то Ваше Величество милостиво может освободить меня от должности»¹⁴. Людендорф приехал в Позен и предложил ужесточить заключительную часть формулировки. В прошении на высочайшее имя от 12 января он заставил Гинденбурга прибегнуть к неслыханной для прусской военной традиции ультимативной угрозе отставкой, если Фалькенхайн не покинет должности: «После того как я так откровенно изложил Вашему Величеству мое мнение о недостатках генерала фон Фалькенхайна, Ваше Величество согласится со мной, что дальнейшая наша совместная с ним работа на службе Вашему Величеству больше не представляется возможной»¹⁵.

При этом начальник Генерального штаба собственной персоной специально прибыл в тот же день 12 января в Позен. Фалькенхайн хотел получить точную информацию об обстановке на Восточном фронте. Однако он должен был констатировать, что предметный разговор с Гинденбургом об использовании вновь сформированных армейских корпусов невозможен. Фельдмаршал, «как старейший генерал германской армии», холодно объявил ему, что армия не дове-

ряет ему и его командованию, и потребовал, чтобы Фалькенхайн ходатайствовал о своей отставке. Этим Гинденбург снова нарушил прусскую военную традицию. Когда Фалькенхайн, как и ожидалось, отказался, Гинденбург дал ему понять, что сам попросит у кайзера об отставке. Людендорф также категорически и ультимативно заявил, что если Фалькенхайн останется во главе Сухопутных войск, то война будет проиграна.

Кайзер, как и прежде, встал на сторону Фалькенхайна, упрекнув Гинденбурга в строптивости. Бетман, уже увидевший прошение Обер-оста об отставке, не вмешивался во внутренние дискуссии Генерального штаба; об этом он заявил и фельдмаршалу. Одновременно он дипломатично выступил за то, чтобы Гинденбург остался на своем посту, так как считал его отставку невозможной и совершенно не хотел нести за нее политическую ответственность. Канцлер вызвал Гинденбурга в Позен и просил его возглавить ОХЛ. Сам же фельдмаршал на пост начальника Генерального штаба выдвинул кандидатуру Людендорфа. Если же его посчитают для этого слишком молодым, то он сам, впрочем очень неохотно, примет эту должность, с неременным условием, что Людендорф будет его помощником.

Семнадцатого января Мольтке отклонил предложение о назначении его начальником ОХЛ. Он сделал это не по состоянию здоровья, а сознавая, что больше не пользуется необходимым доверием Вильгельма. Мольтке надеялся на Гинденбурга. «Я целиком зависим от Ваших успехов», — писал он генерал-фельдмаршалу за три дня до этого. А своего преемника в разговоре с кайзером критиковал в совершенно необычной для него манере, малоубедительно и беспредметно, в то же время требуя решительного сражения на Востоке, и говорил о своей отставке¹⁶.

Офицер для поручений штаба XVII армейского корпуса, сосед Гинденбурга по имению, закоренелый консерватор Элард фон Ольденбург-Янушау к этому времени так настроил кронпринца против Фалькенхайна, что кронпринц представил отцу соответствующий меморандум. Затем был «брошен в бой» майор Хефтен из Обер-оста. Его направили в Берлин, чтобы утром 18 января во дворце Бельвю он на аудиенции у императрицы представил начальника Генерального штаба честолобивым и ревнивым интриганом, завидующим Гинденбургу. «Скажите Ее Величеству, что я из-за конфликта иду ко дну», — якобы слезно просил передать через майора императрице Гинденбург. Как докладывал фон Хефтен, фельдмаршал настолько душевно подорван, что не может больше как следует руководить операциями. Эти слова произвели впечатление на императрицу: «Император должен безусловно выполнить требование генерал-фельдмаршала».

Она написала Вильгельму, чтобы «убедить его», и при этом указала своему супругу, что таких же взглядов придерживаются, кроме Мольтке, и «ответственные военные советники» Гинденбурга и Людендорфа¹⁷.

Таким образом, генерал-фельдмаршал теперь вместе с Людендорфом был вовлечен в игру за захват ОХЛ, хотя Гинденбург совсем был не готов к такой необычной для него ситуации, действующей отрицательно на его психику. Он выглядел сильно подавленным из-за неодобрения кайзера. Но не в последнюю очередь благодаря поддержке со стороны имперского канцлера фельдмаршалу было предложено решение кабинета, выраженное в чрезвычайно примирительном тоне, предлагавшее ему оставаться на своем посту и при начальнике Генерального штаба Фалькенхайне. Решение было немедленно пущено в ход. Письмо императора было передано Гинденбургу 18 января специально направленным для этого в Позен полковником Ульрихом бароном фон Маршаллем, начальником отдела военного кабинета. Во время большой беседы Гинденбург показался доверенному лицу Фалькенхайна «усталым, сникшим, старым человеком». Так, фельдмаршал, начав критиковать неудачную операцию Фалькенхайна на реке Эна, не был в состоянии аргументировать свое суждение. А в конце разговора фельдмаршал не смог предложить преемника на пост начальника ОХЛ¹⁸.

Вильгельм заметил, что все его окружение находится в заговоре против него. Все чаще угрожали отставкой Гинденбург, Людендорф, Мольтке и даже осторожный имперский канцлер, находившийся в дружеской переписке с фельдмаршалом. Воспротивившись давлению Августы-Виктории, настаивавшей на отставке Фалькенхайна, 20 января во время аудиенции, данной Хефтену, разгневанный Вильгельм яростно стукнул кулаком по столу и пригрозил отдать Гинденбурга, которого обвинил в аллюрах Валленштайна¹⁹, под суд. Кроме того, он решил отправить Мольтке в отставку. С великим трудом Обер-осту удалось ее предотвратить. С Хефтенем обошлись более сурово. Кайзер приказал провести против него военно-судебное следствие. Это распоряжение было смягчено Обер-остом, заменившим его переводом провинившегося в виде наказания в штаб корпуса в Кёльн.

Вместе с тем на должности военного министра Фалькенхайна сменил его генерал-квартирмейстер и доверенное лицо Адольф Вильд фон Хоенборн, друг молодости кайзера Вильгельма. Уже в начале февраля Людендорф возвратился в штаб Обер-оста. Но кайзер не оставил Фалькенхайна своей милостью и даже произвел его в чин генерала инфантерии. Как и прежде, он видел в нем отличного солдата и совершенно не верил в огромные успехи зимнего наступ-

ления против России, ожидавшиеся Обер-остом. Поэтому он сначала не считал нужным направлять на Восточный фронт дополнительные войска. Попытка путча против столь нелюбимого многими начальника Генерального штаба была преодолена, а доверие Вильгельма к Гинденбургу сильно поколебалось.

Несмотря на поражение на Марне и под Ипром, Западный фронт остался для ОХЛ главным театром военных действий, хотя все больше приходилось прибегать к импровизациям. Все чаще в этой связи Гинденбург показывал себя подавленным недостаточной готовностью Фалькенхайна к взаимодействию. Будет ли он когда-нибудь представлен «ослом в мировой истории», ему все равно — заверил он однажды, — лишь бы это не стоило крови столь многих немецких солдат²⁰. В кайзеровском и королевском начальнике Генерального штаба Конраде Гинденбург видел логически сильного союзника для массированного удара по России. Однако Фалькенхайн, как и прежде, пользовался у кайзера Вильгельма доверием в военной области. А тот считал, что не может снимать с Западного фронта контингенты войск, так желаемые Обер-остом. По мнению Фалькенхайна, Восточный фронт должен был стать похожим на «китайскую стену». Только оборона могла предоставить необходимую защиту от напора «русского парового катка». На Восточном фронте начальнику Генерального штаба казались целесообразными лишь отвлекающие операции, которые позволили бы одновременно добиться решающего успеха на Западном фронте. 20 января после вмешательства Вильгельма Фалькенхайн был вынужден отдать распоряжение о переброске в Восточную Пруссию четырех армейских корпусов.

Но Обер-ост надеялся на значительно большее подкрепление. Не унывая, фельдмаршал намечал ширококомасштабную операцию, когда 2-я армия нанесет удар через Бобр и восточнее Варшавы в тыл царским армиям, находившимся в излучине Вислы. Гинденбург был полон оптимизма и пытался побудить ведомство иностранных дел повлиять на Италию и Румынию, чтобы те продлили свой нейтралитет по крайней мере еще на три недели. За это время можно было бы достичь «таких очевидных военных успехов, что мир больше уже не сомневался бы в нашей окончательной победе на Востоке»²¹. В позенской штаб-квартире он разъяснил свою стратегию уничтожения русской 10-й армии на рубеже Летцен—Ангерапп: переданная недавно ему в подчинение немецкая 10-я армия под командованием способного генерал-полковника Германа фон Эйхгорна должна была подобно этому нанести удар своим левым флангом вдоль линии Тильзит—Волковыск для охвата северного фланга противника. С фронта русские войска связывали левый фланг немецкой 8-й армии и Кёнигсбергская дивизия ландвера, а правый фланг 8-й армии в это

время должен был атаковать рубеж Арис—Йоханнесбург. После уничтожения русской 10-й армии следовало развивать наступление в юго-восточном направлении на Белосток. Для Фалькенхайна, который всегда должен был быть в курсе общей обстановки, эта операция представлялась только как локальное наступление, не имевшее большого значения.

Фельдмаршал со своим штабом переехал в Инстербург, где 5 мая 1915 года отдал приказ о наступлении, чтобы устроить, как ему казалось, «второй Седан». Когда через два дня войска пришли в движение, началась сильная метель, дул ледяной ветер. При этом стало ясно, что австро-венгерское наступление в Карпатах не принесет ожидаемого успеха. Двумя неделями позже четыре дивизии царской 10-й армии были окружены и уничтожены в лесах под Августово, и Восточная Пруссия снова избавилась от русской угрозы. Накануне решающих боев Гинденбургу опять пришлось успокаивать своим общеизвестным хладнокровием и безусловной верой в Бога штаб, не уверенный в том, что события развиваются так, как надо. Под Августово немецкие войска взяли в плен 92 тысячи изголодавшихся русских солдат и сверх того захватили 295 орудий.

Наступление и преследование противника, к неудовольствию Фалькенхайна, продолжалось слишком долго. Так как вновь произошло скопление превосходящих сил русских, немецким войскам в «зимнем сражении на Мазурах» не удалось добиться стратегического успеха, в том числе и из-за оттепели с дождем и грязью. Попытка наступления немецкой 10-й армии через Бобр не удалась, так как русские на удивление быстро укрепили фронт в этом районе. Скрепя сердце Гинденбург и Людендорф вынуждены были отказаться от наступления через рубеж Бобр—Нарев в направлении на Белосток. Превосходящие силы противника все больше захватывали инициативу, продвигаясь к приграничным районам Пруссии и к Карпатам.

В Большой ставке Фалькенхайн горько раскаивался, что пошел на предложения Обер-оста и из-за этого потерял слишком много солдат своего войскового резерва в кровопролитных боях и в снегах Восточного фронта. Главное командование Восточного фронта тоже казалось отрезвленным результатами зимних сражений. 4 марта Гинденбург, беседуя с Бетманом, посетившим его новую штаб-квартиру в Летцене, даже заявил, что о решении крупных задач больше нельзя и думать. Можно добиваться только частных успехов. Даже фельдмаршал, его энергичный начальник штаба и решительный Гофман вынуждены были принять к сведению, что, учитывая небольшие немецкие резервы, отдельными операциями на таком широком пространстве невозможно нанести решающее поражение

превосходящим силам русских. Несмотря на очевидную нехватку вооружения, русская армия не была разбита. Если ее командование впредь и вынуждено было отказаться от плана вторжения в Восточную Пруссию, это означало только, что оно решило сосредоточить свои силы против слабого союзника Германии. Тем не менее Гинденбург решительно противился переброске четырех корпусов для сражения в Шампани, опасаясь даже потерять всю Восточную Пруссию до Вислы.

Это продолжалось определенное время, хотя теперь уже и Гинденбург, казалось, соглашался, что войну нельзя завершить военными средствами, а только дипломатическим путем. Одновременно он ожесточенно критиковал пангерманцев за пропаганду целей войны. На Фалькенхайна же он больше не жаловался. Казалось, что фельдмаршал постепенно понял, что ОХЛ правильно пришло к горькому выводу о невозможности победить численно превосходящие державы Антанты ведением классической маневренной войны: все-таки 5,7 млн солдат Антанты противостояли в целом 3,5 млн солдат Центральных держав. Учитывая напряженную обстановку, генералы из Обер-оста и Бетман-Гольвег уладили спор с Фалькенхайном. Для империи ситуация явно ухудшилась, в том числе из-за того, что на Востоке не удалось добиться решающего успеха. Италия за сохранение своего нейтралитета требовала от Австро-Венгрии все новых уступок, Османская империя была скована операциями флота союзников в Дарданеллах, сепаратный мир с Россией снова отодвинулся на дальнюю перспективу, а на Западном фронте все ощутило превосходство войск Антанты.

После того как отгремела зимняя битва на Мазурах, Обер-ост разместил свою штаб-квартиру в идиллическом городке Летцен. Гинденбург, живший на Вилле Хартвиг, наслаждался живописностью этого клочка земли, расположенного между озерами, лесом и холмами. Теперь, охотясь у Куршского залива, он имел возможность хорошо отдохнуть. Немецкие князья, политики, военные, среди которых был гросс-адмирал Тирпиц, деловые люди, ученые и чиновники и даже гости из нейтральных стран, такие как знаменитый путешественник по Азии Свен Хедин, из любопытства совершали что-то вроде паломничества, чтобы лично познакомиться с героем нации. Множество художников стремились запечатлеть обоих победоносных генералов, представлявших собой также объект повышенного спроса у фотографов и писателей. Развлекаясь, Гинденбург терпеливо позволял всевозможным деятелям искусства себя рисовать, делать с себя модели или писать о себе. По этому поводу он заметил, что раньше у него для этого времени было больше.

Несомненно, его популярность в немалой степени зависела от его

внешнего облика. Его шаг был тяжелым и размеренным, голос — уверенным и внушающим уважение, речь — гладкой, а манера говорить — сдержанной, лишенной всякой позы.

На ближайшее окружение, кроме всего прочего, он производил хорошее впечатление своим умением работать за столом. Временами он бывал очень оживленным, особенно в те моменты, когда, демонстрируя удивительную память, рассказывал истории из своей жизни. Он чрезвычайно точен во всем, что касалось внешних форм. Гинденбург педантично следил за правописанием, даже у Людендорфа. Нередко он поправлял художников, ошибавшихся в цвете мундира или выборе орденов на написанных ими портретах. Пунктуальность имела высший приоритет. Он очень плохо относился к опозданиям на обеды и ужины, для которых было назначено постоянное время, соответственно 13 и 20 часов. Ни разу Людендорф не осмелился появиться с опозданием за обеденным столом.

Несмотря на постоянную неразлучность Гинденбурга со своим начальником штаба, никакой дружбы между ними не было. Точнее всего их отношения можно определить как «общество определенной цели». Гинденбург достаточно хорошо знал о необычных способностях своего заряженного энергией и бескомпромиссного начальника штаба. Людендорф мог бы относиться недоброжелательно к почитанию, воздававшемуся Гинденбургу немецким населением, прежде всего потому, что ему, более молодому и гораздо более деятельному, должна была приписываться львиная доля всех решений и разработок операций. В то же время он считал, что в качестве alter ego Гинденбурга ему удастся быстрее осуществить свои цели. Его бессовестность, одержимость и радикализм смягчались излучением симпатии и отеческой аурой фельдмаршала.

Без сомнения, Гинденбург был человеком, которому доверяла нация. Это стало злым роком, даже трагедией, когда целый народ при всех обстоятельствах свято верил одному человеку, полностью полагавшемуся в своих решениях на безоговорочно крайних милитаристов, управлявших им. В то же время и политическое руководство империи все больше стремилось возложить все радости и горести Германии на Гинденбурга. По мнению Бетман-Гольвега, империя должна была заключить мир лишь тогда, когда военные сочтут это правильным и необходимым. Баварский посланник в Берлине Хуго граф фон Лерхенфельд заметил по этому поводу: «Когда генерал фон Гинденбург заявит, что пришло время заключить мир, немецкий народ поверит ему. Генералу фон Фалькенхайну никто бы не поверил. Поэтому как для мира, так и для войны необходимо, чтобы и на Западе во главе руководства Сухопутными силами находился человек, пользующийся доверием». Теперь имперский канцлер, хотя и

считал Фалькенхайна человеком, не соответствующим занимаемой им должности, придерживался мнения, что Гинденбург, «соответствовавший всем требованиям этой должности», был необходим на Востоке. К тому же Фалькенхайн, с которым кайзер не хотел расставаться, после неудачной январской интриги сидел в своем кресле прочно как никогда. Бетман, не желая перегибать палку, чтобы невольно самому не помочь сесть в кресло канцлера Тирпицу или даже Фалькенхайну, уже не видел возможности свергнуть начальника Генерального штаба²².

Напротив, Фалькенхайн, окруженный врагами, даже сам решился на крупную операцию против России. Начавшееся 2 мая 1915 года наступление на Восточном фронте в общем считалось крупнейшей военной заслугой Фалькенхайна. После многочисленных уговоров со стороны ближайшего окружения в Генеральном штабе он решился использовать вновь сформированную 11-ю армию для предотвращения угрозы развала Восточного фронта. Она находилась под коалиционным командованием во главе с достаточно тактичным Макензеном, начальником штаба которого был отличившийся под Суассоном Ганс фон Сект. Немецкая 11-я армия совместно с кайзеровской и королевской 4-й армией образовала группу армий Макензена, формально находившуюся в подчинении австро-венгерского Главного командования Сухопутных войск. Наконец-то Фалькенхайн пришел к пониманию необходимости наступления на Восточном фронте. Как часто его требовали Гинденбург и Людендорф! Главными для начальника Генерального штаба были прежде всего политические мотивы: необходимо было спасти сильно потрепанную Дунайскую монархию от летального кризиса. Общая победа могла бы снова поднять престиж Австро-Венгрии. Этим Фалькенхайн надеялся произвести устрашающее впечатление на Италию и Румынию, собиравшихся вступить в войну на стороне Антанты. Вопреки замыслам Главного командования на Востоке это наступление могло проводиться в течение очень ограниченного времени. Начальник Генерального штаба постоянно не упускал из виду предпочитавшийся им западный театр военных действий.

Тем временем ОХЛ даже перевело свою штаб-квартиру в силезский Плесс. Таким образом, к большому неудовольствию Обер-оста, ОХЛ сохранило непосредственное руководство операцией в своих руках. Гинденбург и Людендорф увидели в этом демонстративное ущемление их достоинства. Потом успех под Тарновом и Горлице был присвоен многим «отцам». С австрийской стороны таковым стал постоянный неудачник Конрад, планировавший еще летом 1914 года широкий охват на Востоке. И, разумеется, Фалькенхайн, который сам выбрал Дукельский перевал у Горлице, восточнее Кракова, для по-

пытки прорыва. Его товарищ, военный министр Вильд, поддержал его в этом решении.

Русские войска страдали от явной нехватки винтовок и боеприпасов. Немецкая артиллерия показала свое полное превосходство, и это обеспечило наступлению 2 мая решительный успех. После развертывания войск последовала многочасовая артиллерийская подготовка, применявшаяся уже много раз на Западном фронте, затем пехота двинулась в обработанные пушками участки прорыва. Несмотря на серьезное сопротивление, впервые в этой войне удалось прорвать сильно укрепленные оборонительные позиции. Макензен и его советник Сект обеспечили этот успех.

Объединенные, однако численно все еще уступавшие противнику армии Центральных держав продолжили наступление по намеченному ранее Фалькенхайном плану: переправились через Сан ниже Перемышля, где захватили плацдармы, несмотря на ожесточенное сопротивление русских, затем отбили Львов и Перемышль. Кайзеровским и королевским войскам удалось освободить почти всю Галицию. Венгрия теперь могла не опасаться вторжения русских войск. Главное командование смогло перебросить часть войск на Южный фронт, так как с 23 мая после объявления Италией войны Австро-Венгрии там появился новый противник. С внешнеполитической точки зрения прорыв под Тарновом и Горлице имел временный успех: Румыния осталась нейтральной, для Османской империи была устранена русская угроза Дарданеллам.

Успех прорыва под Тарновом и Горлице вдохновил Фалькенхайна продолжить натиск на Восток. Вопреки своим прежним планам он не только продолжил наступление, но даже перебросил для его продолжения дополнительные резервы с Западного фронта. Гинденбург и Людендорф должны были при этом пока довольствоваться второстепенными ролями. «Мое Главное командование в большой операции сначала участвовало лишь косвенно»²³, — лапидарно заметил фельдмаршал в своих мемуарах.

В действительности Главнокомандующий Восточного фронта чувствовал себя глубоко оскорбленным мнимой опекой со стороны ОХЛ. Он не только безрезультатно жаловался кайзеру, который в это время еще не очень хорошо отзывался об обоих генералах, но к тому же отказывался направить дополнительно два корпуса для наступления в Галиции. Напротив, Обер-ост требовал дополнительных подкреплений «для весьма бесцельной военной прогулки» в Курляндию, как выразился начальник железнодорожных сообщений генерал Вильгельм Грёнер. Стоило сковать крупные силы противника в большой излучине Вислы западнее Варшавы и на восточно-прусской границе в направлении на Ковно, как 27 апреля была проведена кавале-

рийская акция в Литве и Курляндии, в результате которой был захвачен балтийский порт Либава. Но удар трех кавалерийских и пехотной дивизий стал лишь сковывающим наступлением и второстепенной операцией.

С растущей уверенностью Верховное командование Сухопутных войск приняло решение на втором этапе крупного наступления нанести удар на северном участке Восточного фронта. Гинденбург и Людендорф предлагали наступать по сходящимся направлениям с целью охвата русских. Это должно было привести к уничтожению царских вооруженных сил и прекращению войны на Востоке. Фалькенхайн, разумеется, не должен был терять из виду угрожающее положение на Западном фронте и развитие событий на Балканах. Поэтому он снова выступил против требований Обер-оста. Фалькенхайн считал, что можно думать только о возможно более длительном ослаблении русских войск, что уменьшило бы давление на Центральные державы. Достижение решающей победы на Востоке в связи с ограниченными ресурсами он считал совершенно невозможным. Кроме того, русские могли уходить от немецкого наступления в глубь страны. В этом случае войска Центральных держав не имели возможности их безгранично преследовать в восточном направлении.

Таким образом, летнее наступление на Востоке вновь сопровождалось возобновлением резкого расхождения взглядов между ОХЛ и Обер-остом. В то время как славные полководцы, как жаловались Людендорф и Гофман, «с военной точки зрения были обречены на ничегонеделание» и чувствовали себя «умышленно оттесненными на второй план», Фалькенхайн страдал от самоуправства, самомнения, самовластия, просто враждебности Обер-оста. Начальник Генерального штаба опасался одержимости манией захватов обоих полководцев, особенно в части, касающейся Прибалтики. Так, по его мнению, Гинденбургу показывать Ригу просто нельзя, «а то он ее возьмет». Соперничество и враждебность между Обер-остом и Большой ставкой все больше выходили из берегов: ненависть Людендорфа к Фалькенхайну принимала уже не контролируемые размеры. С другой стороны, вызывавший споры начальник оперативного отдела ОХЛ и «регистратор» Фалькенхайна генерал-майор Герхард Таппен презирал Людендорфа. Но это еще не все: Гинденбург, по наблюдению Тирпица, «надолго вышел из-под власти» начальника Генерального штаба и подчинялся ему, «когда это было безусловно необходимо». В конце концов кайзер прочитал в газете еще одно из многочисленных восхвалений фельдмаршала, разозлился и написал на полях: «Гинденбургу следовало бы пойти в школу к Таппену»²⁴.

Амбициозному и оказавшемуся не у дел Главному командованию Восточного фронта требовалось для выполнения его огромных пла-

нов двенадцать новых корпусов. Гинденбургу и Людендорфу мерещились новые «гигантские Канны»²⁵. Поэтому они настаивали на широкомасштабном наступлении севернее Немана через Ковно, Вильно и Минск. Противника было необходимо отрезать от жизненно важных коммуникаций и охватить его фланг. Прикрываясь поддержкой кайзера, Фалькенхайн считал, что наступление через Нижний Нарев на юг можно провести быстрее и успешнее. Верным рецептом успеха, по его мнению, были «малые клещи», изматывающее наступление групп армий Гинденбурга и Макензена между Бугом, Вислой и Наревом.

В то время как Гинденбург «для общего блага» прекратил сопротивление и ожидал проведения операции, впавший в истерику Людендорф не мог расстаться с прежним планом. Ober-ост не только не проявлял какого-либо понимания планов Фалькенхайна на Западе, но и отвергал наступление на Сербию, на котором настаивало ведомство иностранных дел. Зашоренно и односторонне отстаивались лишь интересы кампании против России, чтобы достичь здесь окончательной победы. После войны Гинденбург, правда, признался, что, в отличие от начальника Генерального штаба Фалькенхайна, видел в то время лишь часть общей картины войны.

Отношения между ОХЛ и Ober-остом все больше обострялись. Гинденбург и Людендорф не принимали никаких мер для передачи войск и планировали свои собственные походы. Таппен, крепкий нервами, но в тактическом отношении малоподвижный офицер-канцелярист, уже опасался, что в Курляндии фельдмаршал снова хочет пойти своим путем, вместо того чтобы совместно участвовать в польском наступлении. На 2 июля в Позене было назначено совещание между Ober-остом и Фалькенхайном. Кайзер, опасаясь худшего, прибыл туда уже за сутки. За предшествующее время среди населения и даже в рейхстаге утвердилось мнение, что Гинденбург попал в немилость. Императрица предприняла попытки создать, по крайней мере у общественности, впечатление безоблачных отношений между монархом и любимцем народа. С этой целью для видовых открыток «Военной помощи»²⁶ на террасе Позенского дворца была сделана фотография кайзера с фельдмаршалом. Но желаемого успеха это не принесло. Бетман-Гольвег назвал данную акцию «ударом по воде. Над этим все смеются. Уже циркулирует выражение, что в конце концов молодому кайзеру простили отставку Бисмарка, а зрелому — не перенести отставки Гинденбурга»²⁷.

Однако Вильгельм, как и прежде, полностью стоял на стороне Фалькенхайна, при этом он был уверен, что тот, несмотря на свою железную волю и самоуверенность, сохранит традицию и лояльность к Верховному главнокомандующему. В отличие от Гинденбурга и

Людендорфа, Фалькенхайн благородно сохранял традиционные формы и внушал Вильгельму чувство, что его не просто терпят. Смягченный императрицей, Гинденбург вопреки внутреннему убеждению покорился желанию кайзера следовать плану ОХЛ и наступать на Нарев. Во время совещания 2 июля он говорил по этому поводу, что это всего лишь проявление интуиции, где наступать: на Нареве или севернее Немана. Все заклинания Людендорфа о крупной фланговой операции и наступлении на Немане не помогли. Император Вильгельм счел планы Обер-оста слишком далеко идущими.

Через два дня Гинденбург сам отправился на передовую, чтобы лично наблюдать за наступлением усиленной армейской группы генерала Максимилиана фон Гальвица (позднее преобразованной в 12-ю армию) по обе стороны Прасныша в направлении на Нарев. Уже 17 июля Гальвиц вышел к Нареву, где русские располагали мощной системой обороны. Опираясь на подавляющее превосходство в артиллерии, немцы начали наступление, которое должно было привести к охвату противника. Русские войска стремились избежать этой угрозы и начали отходить. Осуществить охват не удалось. В то время как Фалькенхайн усиливал армейскую группу Гальвица войсками с Западного фронта для действий на Нареве, Гинденбург хотел «сорвать плод» и, учитывая сложившуюся в ходе сражения обстановку, следуя своей старой идее, двинуться через Ковно на Вильно, «чтобы затем прижать главные силы русского центра к припятским болотам и перерезать их связи с остальной страной». Фалькенхайн снова отклонил этот план и потребовал непосредственного фронтального преследования, «при котором преследователь, — как опасался Гинденбург, — будет измотан сильнее преследуемого»²⁸.

То, что русские при немецком наступлении отходили, казалось правильным как ОХЛ, так и Обер-осту. Гинденбург считал наступление с целью охвата слишком неглубоким для того, чтобы уничтожить противника. А Фалькенхайн убедился в том, что царские войска невозможно окончательно разгромить из-за чрезвычайно обширных просторов страны. При таком развитии обстановки фельдмаршал снова принял концепцию, выдвигавшуюся Людендорфом. Уже в середине июля он отдал приказ немецкой неманской армии, только что сформированной во время действий в Прибалтике на первой фазе наступления, о продвижении на восток. Так он намеревался освободить путь для дальнейшего наступления на Вильно. 18 августа Ковно был взят 10-й армией. В тот же день Гинденбург встретился с кайзером Вильгельмом, чтобы в его свите торжественно вступить в Новогеоргиевск, крупную крепость на Висле. Впрочем, перед завоевателями открылся совершенно не праздничный вид. Повсюду горели казармы и другие военные строения, вокруг стояли массы плен-

ных, на улицах рядами лежали пристреленные русскими лошади — такой была картина войны.

Наконец в конце августа Фалькенхайн доверил Обер-осту с таким нетерпением ожидавшуюся им операцию против Вильно. Несмотря на недостаток сил, Гинденбург и Людендорф рискнули пойти на эту авантюру. Они были верны своим взглядам, что немецкий солдат существенно превосходит русского и сила воли может одержать победу над простым количественным преимуществом. Но русским войскам удалось избежать полного уничтожения. Немецкие вооруженные силы наносили концентрический удар в направлении Вильно. Гинденбургу не терпелось «перекрыть русские жизненные артерии». Но каждый час давал царскому командованию выигрыш во времени, чтобы отвести своих солдат дальше на восток. Окружение не удалось. В конце сентября немецкое наступление было полностью остановлено не только из-за общего истощения и возобновления внимания к Западному театру военных действий. И без того неразвитая дорожная сеть в этом регионе была сильно разрушена, что поставило немецкую армию перед непреодолимой проблемой подвоза и снабжения²⁹.

Вдали от жестокости и лишений фронта, в Большой ставке с удовлетворением восприняли исход операций, начатых 2 мая. Цифры подтверждали впечатляющий успех немецких войск и начальника Генерального штаба: большое восточное наступление 1915 года принесло русским армиям общие потери не менее чем 2,2 миллиона человек, из них 850 тысяч пленных, было захвачено 3000 орудий. Варшава пала в начале августа, немногим позже был взят Брест-Литовск. Ведение оборонительной позиционной войны на Востоке было существенно облегчено. Почти прямолинейный фронт протянулся от Балтийского моря западнее Риги через Дюнабург и Барановичи до румынской границы у Дубно. На этом рубеже оборудовались оборонительные позиции, строились зимние квартиры, в тылу началось сооружение необходимых железных дорог. Фалькенхайн приказал расформировать группу армий Макензена, и несколько дивизий были с августа переброшены частью для крупных сражений на Западе, а частью на Балканы для наступления против Сербии. Для амбиций Людендорфа успехи Фалькенхайна на Восточном фронте были, естественно, сильным ответным ударом. Честолюбивый начальник Генерального штаба снова крепко сидел в седле, а ОХЛ ушло для Людендорфа далеко на задний план. Гинденбург снова стал мастером сдержанных высказываний. Он заботился о своем облике, старался как можно меньше проявлять свои эмоции, особенно разочарование или гнев. Даже в момент глубочайшей обиды он в одном из своих частных писем смог написать лапидарные строки благодарности:

ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ В 1915—1917 гг.

— Линия фронта с конца 1914 г. по май 1915 г.

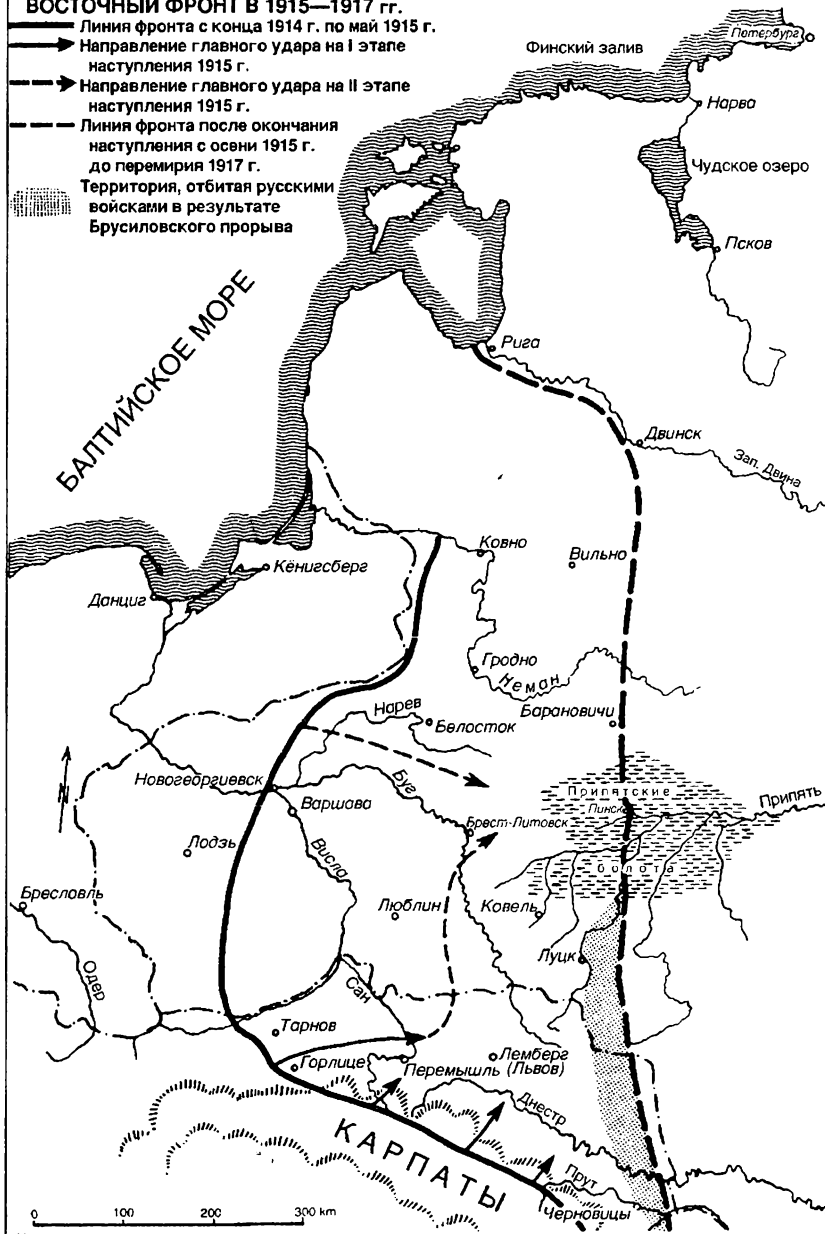
→ Направление главного удара на I этапе наступления 1915 г.

→ Направление главного удара на II этапе наступления 1915 г.

--- Линия фронта после окончания наступления с осени 1915 г. до перемирия 1917 г.

Территория, отбитая русскими войсками в результате Брусиловского прорыва

БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ

«Господь Бог удивительно милостиво руководил мной в уходящем году; он и впредь будет со мной на благо дорогого Отечества»³⁰. В тот момент он как раз переживал тяжелое разочарование.

В августе Фалькенхайн вновь взял в свои руки управление всеми операциями на русском фронте и лишил Обер-оста власти. Гинденбург сохранил командование лишь над группой армий, в состав которой входили 10-я, недавно сформированная 12-я, а также находившаяся в Курляндии 8-я, так называемая Неманская, армии. Он и Людендорф были лишены возможности командовать восточными крепостями и управлениями запасных корпусов. 9-й армией и армейской группой Войрша командовал теперь принц Леопольд Баварский, немецкие войска в Галиции возглавлял фельдмаршал Макензен. Изъятие Варшавского генерал-губернаторства из-под управления Обер-оста привело Людендорфа в бешенство. Разочарованный и обиженный Гинденбург попросил дать другое название для своей должности, так как титул «Главного командующий немецкими вооруженными силами на Востоке», по его мнению, наполнился «язвительной иронией». ОХЛ утешило его тем, что после перехода к обороне главное командование снова будет в руках фельдмаршала.

В конечном счете создалась невыносимая ситуация, когда Гинденбург превратился только в командующего группой армий, а его аппарату, состоявшему из Генерального штаба, адъютантуры и управления обер-квартирмейстера, не было доверено управлять ни одной из армий. Однако многие из его офицеров-администраторов вмешивались в дела других групп армий на Восточном фронте.

В отличие от Людендорфа Гинденбург внутренне сопротивлялся управлению военной администрации Обер-оста, включавшей административные округа Курляндия, Литва, Сувалки, Вильно, Гродно и Белосток. Не только потому, что оккупационный режим пытался использовать экономические ресурсы в интересах империи. Вновь возродилась также традиция Немецкого рыцарского ордена, требовавшая более тесной связи славянских и прибалтийских земель с империей кайзера. Зять Гинденбурга Брокхузен-Юстин, служивший в Обер-осте с осени 1914 года в качестве 3-го адъютанта и участвовавший в установлении военной администрации, в 1915 году составил меморандум о целях войны и мира, в котором высказывался за присоединение Курляндии и Литвы к Германии.

Тем временем Людендорф все больше использовал Гинденбурга в борьбе за власть. Фельдмаршал стал своеобразным знаменем в борьбе против Фалькенхайна. Все чаще от его имени делалось то, о чем он временами и не подозревал. Брокхузен-Юстин понимал, что фельдмаршал уже почти целиком и полностью полагался на Людендорфа. Последний же все больше распался в своей ненависти к

Фалькенхайну, кипел от ярости и рассматривал все приходившее с Запада как личное оскорбление. При этом Гофман соглашался не выполнять распоряжения ОХЛ: «Мы, естественно, не сделаем того, что они говорят»³¹. Штабные офицеры Обер-оста не оставляли усилий, чтобы натравить флегматичного, не склонного к ревности или интриге фельдмаршала против Фалькенхайна. Людендорф угрожал своей отставкой и вместе с Гофманом предложил сделать то же самое и Гинденбургу в письме от 5 августа.

Интригу против существующих военно-политических условий поддержал старый гросс-адмирал Тирпиц. Государственный секретарь Рейхсмарине³², считавшийся одно время даже преемником Бетман-Гольвега, в середине августа побывал у почитаемого им Гинденбурга в Летцене. При этом он заклинал фельдмаршала не только искать победы на Востоке, но и принять вместе с Людендорфом ОХЛ, а затем нанести поражение Англии. Он хотел к тому же, чтобы Гинденбург стал главой военного правительства. Кайзер должен быть лишен власти, а политическое и военное руководство следует объединить в одних руках. Генерал-фельдмаршал тоже, хотя и выразил сожаление, что немецкий флот открытого моря не был использован против Англии, высказался против «непроницаемой стены», окружавшей кайзера. Однако сам он, как лояльный солдат, не видел решения дилеммы.

Насколько одиноким уже был нелюбимый начальник Генерального штаба, свидетельствует жалоба военного министра Вильда об отсутствии «гениального человека»: даже доверенный человек Фалькенхайна сожалел, что война такого не создала. «Гинденбург, по крайней мере, — к счастью для народа — считается гением. Необходимо и дальше не подрывать эту веру. Должен же у нас быть хотя бы один герой!»³³ Императрица по-прежнему пыталась сделать так, чтобы отношения между почитаемым полководцем и монархом все же внешне выглядели бы безоблачными. Она заботилась о том, как население воспринимает образ Вильгельма, и поэтому временами давала понять, что кайзер очень хорошо относится к «старому медведю» Гинденбургу. В годовщину сражения под Танненбергом кайзер действительно высказал фельдмаршалу свою «вечную благодарность». А императрица четвертого сентября снова открыла в Берлине «Железного Гинденбурга»³⁴ — деревянного колосса, в которого за деньги можно было вбивать гвозди³⁵.

Но отношения между Обер-остом и ОХЛ больше уже не улучшались. После того как Гофман обвинил Фалькенхайна в «недопустимом тоне» по отношению к Гинденбургу, 6 октября генерал-фельдмаршал отказался проводить дальнейшую переброску войск на Запад. Он заявил протест ОХЛ и поставил под вопрос командование

Фалькенхайна всей кампанией: «Тот факт, что дальнейшая отправка дивизий сейчас сталкивается с трудностями, является следствием избранного летом способа ведения войны, который, несмотря на благоприятные условия и мои настойчивые предостережения, не смог обеспечить полного разгрома русских. Я не недооцениваю вызванные этим трудности в общей военной обстановке и, в случае если атаки русских будут действительно отбиты решительным образом, насколько это покажется мне возможным... передам дополнительные дивизии. Но я не могу связать себя с определенной датой»³⁶.

В октябре Обер-ост перевел свою штаб-квартиру на оккупированную территорию противника, в старый дворец русского губернатора в Ковно. В то время как Людендорф, как и прежде, продолжал отличаться своей кипучей деятельностью, Гинденбург в спокойную на Восточном фронте зиму 1915/16 г. предпринимал многодневные санные охотничьи поездки в Беловежскую Пушу. В этой связи он прославился тем, что добыл зубра и четырех оленей. А устроенная в его честь охота на волков в лесу под Августово, к большому сожалению Гинденбурга, закончилась безуспешно. Лишь брошенные окопы напомнили ему еще раз о кровавом поле боя.

В то же время Гинденбург был охвачен меланхолией в связи с ходом войны и отношениями с кайзером: «Я часто испытываю чувство, что Его Величество подозревает, каким тяжелым обидам и оскорблениям подвергает меня определенная сторона, и как он стремится внешними признаниями сделать добро, так как у него нет другого средства при его слабости по отношению к Фалькенхайну. О том, чтобы моими руками Отечеству была преподнесена окончательная победа, я уже и не думаю»³⁷. Гинденбург был также недоволен результатами операций 1915 года. «1915 год не был отмечен в нашем Главном командовании фанфарами полного триумфа... Русский медведь выскользнул из наших сетей, без сомнения, истекая кровью от многих ран, но все же не забитый до смерти»³⁸. Немецкая сторона с неудовольствием вынуждена была признать, что даже большого летнего наступления было недостаточно, чтобы окончательно сломить русский боевой дух, несмотря на огромные потери царской армии. Уже в декабре она, хотя и тщетно, попыталась добиться успеха в Волини.

Фалькенхайн, напротив, считал свою цель на Востоке достигнутой: Россия была значительно оттеснена, и казалось, что тыл немецких войск для наступления на Западе обеспечен. Убежденный в том, что Англия желает уничтожить Германию и что царскую империю не удастся склонить к сепаратному миру, начальник Генерального штаба принял решение измотать противника на Западе и таким образом раздробить его коалицию. Мощное наступление на Верден должно

было либо обескровить французскую армию и тем самым полностью деморализовать заклятого врага, либо принудить англичан к отвлекающему наступлению, увеличив шансы немцев на прорыв. При этом Фалькенхайн планировал наступление под Верденом, не информируя об этом Конрада. Начальник кайзеровского и королевского Генерального штаба поступил точно так же со своим наступлением против Италии. Гинденбург тоже надеялся, что взятие Вердена упрочит положение на немецком Западном фронте. Поэтому он считал попытку штурма этого оплота абсолютно оправданной. Одновременно она наполняла его горечью, так как приходилось признать, что чрезвычайное напряжение сил заставит окончательно отказаться от достижения победы на Востоке. Когда операцию из-за ее бесперспективности вынуждены были прекратить, ему показалось, что вместо этой чисто локальной фронтальной операции против сильно укрепленных оборонительных сооружений отсекающий удар, позволявший лучше использовать немецкие позиции между Аргонским лесом и Сен-Михель, представлял бы больше перспектив.

В середине марта 1916 года Главное командование на Востоке было вынуждено снова отражать русское наступление. Теснимая под Верденом Франция призвала на помощь царское командование, желавшее к тому же предупредить возможное наступление немцев на Ригу. 18 марта восточнее Вильно в три раза превосходившая немцев по численности русская пехота начала наступление. Используя слабость артиллерии противника, немецкая 10-я армия успешно отразила отчаянный натиск массы русских войск. Из-за непроходимой грязи ранней весной царское командование в середине апреля было вынуждено прекратить это с самого начала обреченное на неудачу наступление.

Седьмого апреля Гинденбург отмечал пятидесятую годовщину своего пребывания на службе. У немецкой нации было достаточно возможностей для его восхваления. Население пылко его любило и демонстрировало это на многочисленных манифестациях. Волей-неволей Вильгельм был вынужден считаться с настроениями. Во время своего визита вместе с Фалькенхайном и Бетман-Гольвегом в Ковно он наконец назвал фельдмаршала «национальным героем немецкого народа».

Критика или сомнение в способностях полубога в мундире могли выражаться только шепотом. Президент компании АЭГ³⁹ Вальтер Ратенау гораздо больше восхищался Людендорфом. Когда он в ноябре 1915 года совершил паломничество в Обер-ост, в Ковно, то был разочарован внешним впечатлением, которое произвел на него фельдмаршал: «Гинденбург высок, несколько тучен, руки его необычно толстые и мягкие. Нижняя часть головы соответствует порт-

ретам, верхняя — абсолютно нет. Лоб хорош, основание носа и особенно сам нос — слабые и размягченные, глаза — опухшие и погасшие — последнее, по-видимому, выражение временного состояния. Голос мягкий, глубокий, старческий, речь — спокойная и благоклонная». Ратенау жаловался, что высказывания Гинденбурга за столом были бесцветными. В то же время фельдмаршал удивил крупного промышленника своей скромностью. Ратенау считал, что Гинденбург «не заслуживает этого восхищения, но должен скорее опасаться того, что оно может вызвать зависть и недоброжелательство в стране»⁴⁰.

В конце мая кайзер посетил штаб-квартиру Обер-оста. Приметы казались благоприятными для свержения Фалькенхайна. Недовольство начальником Генерального штаба в войсках, у политиков и среди населения было особенно сильным. Его доверительные отношения с монархом заметно пострадали, а общественность выражала растущее нетерпение по поводу Вердена. Все это не прошло без внутреннего кризиса для холодного и расчетливого Фалькенхайна. Но Гинденбург не воспользовался этой возможностью. Гораздо больше он хотел вновь предстать перед Вильгельмом как «легендарный национальный герой». Фельдмаршал был явно обрадован тем, что снова пользуется милостью кайзера. Споры и интриги совершенно не соответствовали его природе. Гинденбург совсем не рвался к власти в противоположность Людендорфу, часто жаловавшемуся на его пассивность и осторожность. По этому поводу фельдмаршал уже несколько месяцев назад сказал супруге, что «больше никто не осмеливается прорывать кольцо, созданное вокруг высочайших особ откровенной посредственностью. Я пробовал два раза, но напрасно. Мне как прусскому офицеру и благородному человеку пристало выдерживать, повиноваться и терпеть. Завет “отдать цезарю цезарево” я могу выполнить только таким образом»⁴¹.

План австро-венгерского наступления на Италию Гинденбург расценил как «сверхсмелый». Учитывая то обстоятельство, что Верховное командование бросило лучшие войска против «заклятого врага», он заботился о качестве австро-венгерского контингента на Восточном фронте. Головную боль в австро-венгерских вооруженных силах ему доставляли прежде всего солдаты славянской национальности. И действительно, катастрофа для австро-венгерских войск, почти лишенных поддержки, разразилась в Вольни 4 июня 1916 года. Генерал Алексей Брусилов четырьмя армиями начал наступление на фронте от Припятских болот до Днестра. В ходе катастрофы под Луцком 4-я кайзеровская и королевская армия полностью развалилась во время страшного бегства, массовых сдач в плен без сопротивления и дезертирства, особенно чехов и русин. То же про-

изошло и с 7-й кайзеровской и королевской армией. Сначала немецкая сторона отнеслась к этому на удивление спокойно. Не только Гинденбург, нашедший время, чтобы закончить отпуск, но и Людендорф и Главное командование Сухопутных войск не были этим особо озабочены. Но день ото дня масштабы этого до тех пор тяжелейшего поражения Центральных держав становились все более очевидными. Немецкие войска были спешно переброшены для укрепления фронта в Галицию, прежде всего в группу армий Линзингена, чтобы остановить «эпидемию страха прорыва», как это воспринимала сама австро-венгерская сторона. Контрнаступление восточнее Ковеля, начатое 16 июня, пока предотвратило самое опасное развитие событий. Но когда 24 июня англичане и французы начали свое большое наступление на Сомме, немецкая сторона была поставлена перед почти неразрешимой проблемой изыскания резервов. К тому же русские нанесли удар по немецким 10-й и 12-й армиям. Поскольку здесь удалось все же удержать позиции, российское командование решило усилить атаки на австро-венгерском участке фронта. А там немецким войскам пришлось бороться не только с бешеным напором русских, но и, если смотреть с военной точки зрения, с моральным разложением австро-венгерских частей, добрую часть которых нельзя было больше использовать из-за их неблагонадежности. С неубывающей силой, массовым применением пехоты и чрезвычайно мощным артиллерийским огнем русские армии пытались продолжить натиск на южном участке фронта от Припятских болот до Карпат, удерживаемом Центральными державами. Только осенью натиск пошел на убыль из-за ухудшавшейся погоды и изнуренности солдат.

Тем временем Бетман для успокоения населения задумал разыграть в качестве козырной карты миф о Гинденбурге. Ввиду критической военной обстановки, вызванной наступлением западных союзников на Сомме и операциями Брусилова на Востоке, а также вступлением 27 августа в войну Румынии и обозначившимся крахом Австро-Венгрии, он считал это безусловно необходимым. Канцлер и без того уже не доверял способностям Фалькенхайна, которого к тому же рассматривали как кандидата в канцлеры. В противоположность двум генералам, считавшимся непобедимыми, начальник ОХЛ сделал ставку на истощение наступательной воли противника. От Гинденбурга и Людендорфа его четко отличало то обстоятельство, что Фалькенхайн прекрасно сознавал слабость Германии и ее союзников. Поэтому начальник Генерального штаба не верил в триумфальные победы и вторжения на территории противника, которые бы решили исход войны. Причина того, что Фалькенхайн на Западе не смог одержать столь крупных успехов, как Обер-ост против России, за-

ключалась не в последнюю очередь в качественном превосходстве французских и английских войск.

Очевидная слабость руководства Юго-Восточным фронтом снова усиливала позиции Гинденбурга в глазах канцлера. В середине июня Бетман жаловался шефу секретного гражданского кабинета Рудольфу фон Валентини: «То, что в лице Гинденбурга, с лета 1915 года больше отвечавшего только за северный участок Восточного фронта, и Людендорфа мы имеем подходящих людей, знает весь мир. Никто не понимает, почему мы используем их военные способности лишь в малой доле. Учитывая теперешние беды, нужно сразу сказать, что прежнее состояние сохранится. Обстановка слишком серьезная и с каждым месяцем обостряется все сильнее. Гинденбург должен получить командование над всеми немецкими вооруженными силами на Востоке». Кайзер еще высоко ценит стратегические способности Фалькенхайна. «Ему и Таппену вручить всю нашу судьбу, а Гинденбурга и Людендорфа обречь на относительное бездействие... — это вещи, неоправданность которых, как мне кажется, должна каждому браться в глаза»⁴².

Бетман-Гольвег заметил, что в изменении структуры Восточного фронта Фалькенхайн хочет снова обойти Гинденбурга. Взволнованный этим, он отправил телеграмму начальнику военного кабинета Люнкеру: «Имя Гинденбурга наводит страх на наших врагов, электризует нашу армию и народ, которые имеют к нему безграничное доверие». Даже если, полагал канцлер, «упаси Бог, мы проиграли бы одно сражение, наш народ принял бы и это, поскольку командовал бы Гинденбург, а также принял бы любой мир, поддерживаемый его именем»⁴³. Идею, согласно которой Гинденбург должен был играть роль спасителя в случае крайней необходимости, уже давно поддерживал, наряду с некоторыми людьми из ведомства иностранных дел, и депутат рейхстага от партии Центра Матиас Эрцбергер. С Гинденбургом кайзер даже мог проиграть войну, потому что тогда он сделал бы все возможное. Но проигрыш войны без Гинденбурга означал бы «гибель династии»⁴⁴. Кроме того, Бетман совершил роковую для своей дальнейшей карьеры ошибку. Если летом 1916 года он думал переменой в ОХЛ сделать Гинденбурга полезным для своих собственных политических планов, то он, без сомнения, не считался с властолюбием и военно-диктаторскими влечениями Людендорфа, на пути которых позднее должен был встать.

Тлевший с июня в Большой ставке спор о том, сделать ли Главнокомандующим на Востоке Гинденбурга, имел больше политическое, чем военное, значение. Кайзер опасался усиления власти диоскуров. Когда же сам Фалькенхайн по тактическим и политическим мотивам предложил Вильгельму передать главное командование над

всем Восточным фронтом Гинденбургу, кайзер согласился на это крайне неохотно. Очевидно, он уже подозревал, что все к этому и придет. И у него были все основания опасаться как «народного трибуна» и «короля Востока» Гинденбурга, так и властолюбивого Людендорфа.

Бетман держал курс на отставку Фалькенхайна. Без его замены «лучшим человеком», как он называл Гинденбурга, рейхсканцлер считал войну проигранной. На стороне Гинденбурга и Людендорфа оказалось все ведомство иностранных дел: статс-секретарь по иностранным делам Готлиб фон Ягов и его советник Артур Циммерман находились в тесной связи с Обер-остом и, подобно адмиралу Георгу фон Мюллеру, начальнику морского кабинета, и статс-секретарю по внутренним делам Карлу Гельфериху, работали над возвышением Гинденбурга. Заручившись поддержкой кронпринца Рупрехта Баварского, Бетман понял, что должен сделать все, чтобы отстранить Фалькенхайна и Таппена от руководства ОХЛ. Карл Георг фон Тройтлер, также являвшийся решительным сторонником Гинденбурга, оказал ему в этом помощь. Прусский посланник в Мюнхене и чрезвычайный посланник в свите Его Величества лишился за это милости кайзера. Тройтлер связался с Люнкером, а тот 3 июля 1916 года заявил от себя начальнику Генерального штаба, что Гинденбургу надо передать главное командование над всем Восточным фронтом. Хотя у Фалькенхайна, как и прежде, были большие сомнения по поводу такого фактического раздела руководства Сухопутными войсками, он все же при поддержке Люнкера действительно предложил кайзеру назначить Гинденбурга Главнокомандующим Восточного фронта.

Затравленный Фалькенхайн мог предвидеть реакцию монарха. Вильгельм воспринял это как возмутительное давление общественности, желавшей стяжать для своего героя еще больше власти и влияния. Кайзер чувствовал признаки подкрадывающегося отречения. Он понимал, что нация избрала своим народным трибуном старого фельдмаршала, а его, монарха, лишь терпела, но не любила. Так Люнкер добился запроса у австро-венгерского командования относительно передачи главного командования Гинденбургу.

Мгновенная реакция гордого австро-венгерского начальника Генерального штаба не могла никого удивить. Кайзеровская и королевская ставка в Тешене направила Фалькенхайну отрицательный ответ. Бетман, однако, верил в согласованные действия военного командования обеих стран. Кайзер, впавший в депрессию и казавшийся многим параноиком, все больше опасался за свой трон. Растерянный и одинокий, он больше уже не хотел передавать главное командование над всеми немецкими Вооруженными силами на Востоке Гинденбур-

гу, который и без такого содействия отодвинул его в тень в глазах общественности. Как и у Фалькенхайна, постоянно выступавшего против этого, у него были прежде всего личные мотивы для того, чтобы не давать слишком много власти фельдмаршалу.

Военная элита Дунайской монархии, и прежде всего сам Конрад, отклонили назначение Гинденбурга на должность Главнокомандующего, расценив это как тяжкое оскорбление. Одно лишь имя любимца масс не могло улучшить ситуацию на Востоке. Лучше бы немцы направили побольше войск для подкрепления. Но здесь Вильгельм попытался доказать, хотя и малоубедительно, что пока еще он Верховный главнокомандующий. По этому поводу с бестактно разыгранной самоуверенностью он заявил как-то раз, дескать Гинденбург делает то, что ему предлагает Людендорф. Последний же выполняет то, что ему приказывает кайзер. А Обер-ост между тем продолжал «великое дело». В начале июля оба генерала выразили сожаление «об отсутствии единства в командовании, которое превосходит меру ответственности, необходимую в создавшейся опасной ситуации».

После долгих уговоров своих офицеров 7 июля взял слово Гинденбург. Он заявил Люнкеру, что желает стать Главнокомандующим всех войск Восточного фронта, в том числе и союзных. В ответ Фалькенхайн предложил распространить главное командование фельдмаршала вплоть до группы армий Линзингена. Для партнера по союзу расширение сферы главного командования, включая северный участок австро-венгерского фронта, было неприемлемым. Непрерывно к германскому императору поступали сообщения от тех, кто желал бы главного командования Гинденбурга: от австрийцев, кайзеровского и королевского министра иностранных дел Стефана графа Буриана фон Райеца, от уставших от войны венгров, болгар, южно-немецких союзных князей и представителей общественного мнения во всей Германии. Наконец, он потребовал от Фалькенхайна на военном совещании в Берлине 18 июля предложить Конраду согласиться с назначением Гинденбурга Главнокомандующим всего Восточного фронта. При этом начальник Генерального штаба перед своим австрийским коллегой в присутствии Людендорфа и Вильда особый упор делал на момент массовой психологии: назначение прославленного фельдмаршала произведет большое впечатление как на друга, так и на врага. Конрад снова отклонил это «требование».

Принимая во внимание слабость галицийского фронта, казалось, что Вена в общем готова принять компромиссное предложение Фалькенхайна, инспирированное генералом Грёнером. В соответствии с ним Гинденбург должен был принять командование угрожае-

мым участком австро-венгерского фронта южнее Припяти, включая группу армий Линзингена, и при этом сдать командование над немецкими войсками. Кайзеровский и королевский фронт, таким образом, состоял бы из двух групп армий: на правом фланге — эрцгерцога Карла под командованием талантливого Ганса фон Секта и на левом фланге — под командованием Гинденбурга и Людендорфа. Формально фельдмаршал находился бы в подчинении австро-венгерского командования. Престиж союзного командования, по крайней мере, оставался бы неприкосновенным. Оба командования групп армий должны были при проведении операций на всем Восточном фронте учитывать советы Гинденбурга. В то время как Франц Иосиф принял этот план, а сам генерал-фельдмаршал мрачно заявил о готовности следовать приказу кайзера, Людендорф начал протестовать. Бетман, который тоже не мог смириться с этим половинчатым предложением, посоветовал Гинденбургу принять его с условием, что в его подчинение будут переданы и все немецкие войска к северу от Припяти.

Наряду с болгарам в самой Австро-Венгрии влиятельные круги настаивали на передаче немцам главного командования на всем Восточном фронте. Например, молодой Юлиус Андраши, руководитель оппозиции в Будапеште, больше не питал доверия к кайзеровской и королевской ставке и говорил о «болоте» и «бардаке», царящих в Тешене. Он опасался, что на галицийском фронте произойдет ухудшение, передачу же главного командования на Востоке Гинденбургу считал «настоящим избавлением» и надеялся, что благодаря этому, быть может, и Румыния воздержится от вступления в войну. Правда, о победе Центральных держав Андраши уже и не помышлял, а желал для империи лишь мира без территориальных приращений. Впрочем, это благоразумно от немецкого кайзера скрывалось. Бетман надеялся, что поставит Гинденбурга во главе Сухопутных войск и с любимцем нации добьется хотя бы худого мира.

Побуждаемый шефом своего кабинета, Вильгельм решил сам вести переговоры с руководством Австро-Венгрии. Вместе с военным министром Вильдом он направился в Плесс, где его 25 июля обрабатывали Фалькенхайн и Бетман. Накануне переговоров Фалькенхайн уже пришел к соглашению с Конрадом о передаче всех кайзеровских и королевских войск между Припятью и Днестром в подчинение Гинденбурга. Вильгельма решили поставить перед свершившимся фактом. Сам фельдмаршал и Людендорф, прибывшие в Плесс, как и Вильд, добивались неограниченного главного командования. Затем Фалькенхайн удивил прибывшего австро-венгерского представителя своим новым предложением, по которому Гинденбург, находясь в подчинении ОХЛ, должен был принять под свое командование все

войска между Балтийским морем и Румынией. Командованию австро-венгерской армии оставалось лишь договариваться с ОХЛ. Этот план мог принадлежать только недипломатичному Людендорфу. Поэтому никого не удивило, что Конрад отклонил его.

Рассерженный имперский канцлер понял, что это была сознательная провокация Фалькенхайна. Начальник Генерального штаба должен был знать, что австро-венгерское командование никогда не примет это предложение. Бетман-Гольвег раздраженно атаковал кайзера, чтобы непременно еще в Плессе Гинденбургу было поручено расширенное главное командование. Это, мол, является вопросом сохранения династии Гогенцоллернов, речь идет о троне. Вместе с генерал-фельдмаршалом Вильгельм «мог бы заключить разочаровывающий для немцев мир, а без него — нет»⁴⁵. Таким образом, монарх должен был поставить свою дальнейшую судьбу в зависимость от «заместителя кайзера», который вместе с народом продолжал бы терпеть его во главе государства. А Фалькенхайн предупредил Вильгельма еще во время беседы в плесском парке: «Если Ваше Величество согласится на Гинденбурга и Людендорфа, то Ваше Величество перестанет быть императором»⁴⁶.

При выработке договора, выражавшего определенное равенство рангов, дело дошло до ожесточенной дискуссии между начальником Генерального штаба и Людендорфом в присутствии кайзера и Гинденбурга. Не позже того момента, когда Вильгельм запретил оскорбленному Фалькенхайну прерывать речь фельдмаршала, начальнику Генерального штаба стало ясно, что Гинденбург и Людендорф его оттеснили, добившись большей милости кайзера. Обиженный Фалькенхайн уклонился от участия в ужине с гостями из Дунайской монархии под предлогом невралгических болей лица. Он действительно в последнее время страдал от зубной боли с нагноением челюсти и невралгическими опухольями лица. Решающее совещание 27 июля состоялось без его участия.

Казалось, Вильгельм хотел наконец разобраться с этим скверным делом. С приехавшим в Плесс взволнованным и слишком требовательным «кайзеровским и королевским дедушкой», дряхлым эрцгерцогом Фридрихом был найден не очень устраивавший всех компромисс. В соответствии с ним Гинденбург принимал главное командование над Восточным фронтом от Балтийского побережья до Тарнополя, где по желанию Конрада в его подчинение перешла также австро-венгерская 2-я армия. За называвшуюся его именем группу армий нес ответственность фельдмаршал Герман фон Эйхгорн. В то же время Гинденбург остался в подчинении ОХЛ, которое, однако, должно было согласовывать директивы для групп армий, действовавших южнее Припяти, с австро-венгерским командованием. Пере-

дача Гинденбургу главного командования над всеми союзными силами на Восточном фронте была сорвана эрцгерцогом Фридрихом под влиянием Конрада.

Реорганизация управления Восточным фронтом снова значительно усилила положение Обер-оста. Гинденбург и Людендорф распорядились об оборудовании их ставки в Брест-Литовске. Для оказания поддержки в Галиции немецкое командование распространилось на войска, находившиеся на рубеже между районом восточнее Львова до Бродов, в соответствии с этим Гинденбургу были подчинены значительные австро-венгерские контингенты. Севернее — от Балтийского моря до Галиции — находился «фронт Гинденбурга», состоявший из трех групп армий, которыми командовали Леопольд Баварский, Линзинген и Эйхгорн. Южнее его находился «фронт эрцгерцога Карла», в состав которого входили как немецкие, так и австро-венгерские части и соединения, командовал им наследник габсбургского трона, а начальником штаба был генерал Сект.

После поездки в Вену Бетман-Гольвег пришел к выводу, что расширение командования было воспринято в Дунайской монархии как «спасение». Авторитеты из австрийского главного командования были уже и без того похоронены. Буриан и министры-президенты Стефан граф Тиса и Карл граф Штюргк сожалели, что Гинденбургу не было поручено командование всем Восточным фронтом. Конрад мог думать что хотел, в их глазах он был и так давно полностью дискредитирован. Бетман снова надеялся, что впредь благодаря единому главному командованию Гинденбурга удастся избежать катастроф, подобных Луцку, и улучшить взаимодействие между группами армий. Действительно, немецкая поддержка пока удивительно влияла на часто деморализованные австро-венгерские части. Когда Гинденбург побывал в австро-венгерской 4-й армии, ее штаб произвел на него хорошее впечатление, за исключением исполненного зависти командующего.

Самому фельдмаршалу стало ясно, что в таком сложном военном положении совершить чудо не удастся. «Все добрые люди думают, что сейчас опять устроят настоящий Танненберг, а это невозможно, — писал он жене. — Новый этаж можно возвести на шатком фундаменте, только основательно укрепив его. А из расположения, растянутого почти на 1000 километров, невозможно соединить войска для единой решающей битвы. Сейчас это означает едва сводить концы с концами, шаг за шагом идти вперед и иметь терпение»⁴⁷. И все-таки удалось снова остановить «русский паровой каток». На фоне дискуссии в империи о целях войны Гинденбург думал об улучшении военно-стратегического положения страны, присоединении пограничных полос для обороны Германии. Он скептически относился к пла-

нам, в соответствии с которыми Германия должна была простира-
ться на Польшу и Прибалтику. Так он, великая надежда империалистов,
сказал как-то по этому поводу Герману князю Гатцфельду, члену
прусской Палаты господ: «Если выполнить чрезмерные требования
пангерманцев, то мы перестанем быть “Германской империей”, а за-
верения, что мы не хотим захватнического мира, окажутся после это-
го пустой фразой»⁴⁸. Уже через полгода после начала войны он жало-
вался жене: «При заключении мира мы не должны получить слиш-
ком большого приращения земель, иначе славянство и романство
очень увеличится и мы перестанем быть немцами. Выгнать всех
нынешних жителей, а затем германизировать всю эту область —
прекрасно звучит, но на практике это невыполнимо. 1864—1866 и
1870—1871 годы соответствовали двум первым Силезским войнам,
во время которых были захвачены земли. 1914—1915 годы сравнимы
с Семилетней войной⁴⁹, во время которой ранее захваченное было
удержано вопреки многочисленным завистникам. Это должны спо-
койно уяснить себе пангерманские фанатики и фантасты. Есте-
ственно, границы должны быть округлены, а некоторые наиболее важ-
ные пункты приобретены, но не более»⁵⁰.

Фалькенхайн должен был догадаться, что проблемы с Обер-ос-
том по-настоящему начались только сейчас. Наряду с Людендорфом
и его офицерами, ведомством иностранных дел и союзными госу-
дарствами прежде всего сам канцлер считал, что скорейшее заклю-
чение мира, сохранявшего хотя бы состояние, бывшее до 1914 года,
без ущерба для монархии возможно лишь с боготворимым фельд-
маршалом. При этом Людендорф выдвигал вперед Гинденбурга в
этой игре за власть, направляя от его имени многочисленные пись-
ма непосредственно кайзеру и жалобы начальнику военного кабинета
Люнкеру. Их писали постоянно и с вьедливостью, совершенно не
соответствовавшей образу фельдмаршала, при этом речь шла о рас-
пределении резервов и перемещении войск. Гинденбург угрожал,
что Румыния вступит в войну, заклинал монарха «сразу же исполь-
зовать все войска, если они как-то освободились на Западе». Он тре-
бовал четыре-пять дивизий для не подчиненного ему южного флан-
га. Одновременно он просил о солидарности Бетмана, ведомство
иностраных дел, главное командование союзников, одаренных ген-
штабистов и начальника железнодорожных перевозок Грёнера⁵¹.
Кайзер, бывший все еще на стороне Фалькенхайна, заставлял фельд-
маршала долго ждать и затем давал ему ни к чему не обязывающие
ответы.

Несмотря на это, у Обер-оста просто не было больше желания
признавать ОХЛ Фалькенхайна и подчиняться ему. С этого времени
Гинденбург и Людендорф чувствовали себя настоящими советника-

ми кайзера. Нарушение субординации стало само собой разумеющимся: распоряжения Фалькенхайна, гораздо больше отражавшие заботу о Западном фронте, чем просто ненависть или зависть по отношению к Главнокомандующему Восточного фронта, бойкотировались, вся его концепция планирования ставилась под вопрос, требуемые ОХЛ дивизии для Западного фронта если и передавались, то лишь после ожесточенного сопротивления. Все это уже никому не позволяло сомневаться, что Фалькенхайн проиграл, а поэтому больше не является тем человеком, который должен стоять во главе ОХЛ. Гинденбург и Людендорф почти постоянно переходили границы своей компетенции, использовали Секта против Фалькенхайна в Большой ставке, а в Генеральном штабе не скупилась перед младшими по званию офицерами на критику в отношении психически и физически измотанного руководителя Генштаба.

Временами казалось, что Гинденбург задумывается: нужно ли так действовать против изнуренного Верденом и внутренними интригами Фалькенхайна? Заговор действительно не соответствовал мировоззрению фельдмаршала. Не он ли постоянно заявлял, что лояльность по отношению к авторитетам — высшая ценность? Когда полководец вспоминал о традиции, то обыкновенно пребывал в состоянии пассивности. Истерия и интрига не соответствовали его сущности. Своей демонстративной сдержанностью он настраивал против себя своих честолюбивых офицеров. «Этот малый — слишком печальный товарищ, великий полководец и народный кумир»⁵², — неуважительно высказался по этому поводу Гофман, считавший, что фельдмаршала переоценивают. Но все же этому интригану удалось принудить Гинденбурга к энергичному вмешательству.

Озабоченный предстоящим вступлением Румынии в войну и неудачами группы армий эрцгерцога Карла и австро-венгерской 2-й армии, Гинденбург чрезвычайно серьезно оценивал обстановку. У кайзера он просил немедленно прислать с Западного фронта подкрепление в размере четырех-пяти дивизий для использования в Буковине. Вильгельм приказал Фалькенхайну, который вел речь о направлении лишь двух дивизий, дать фельдмаршалу понять, чтобы он направил на Юго-Восточный фронт и находившиеся в его подчинении соединения. Это было наглое требование, которое «полководец Востока» считал пока просто невыполнимым. В новой телеграмме к монарху Гинденбург подчеркнул, что исход войны будет решаться теперь на юго-востоке. «Я, как верный слуга, осмеливаюсь высказать Вашему Величеству это мнение, хотя оно затрагивает дела, выходящие за пределы моего командования»⁵³.

Однако 15 августа ОХЛ даже отдало приказ о переводе одной дивизии XII австро-венгерского корпуса из состава армейской группы

Войрша, находившейся в подчинении Обер-оста, на фронт Изонцо. Гинденбург снова обратился с просьбой к кайзеру о возможности воздержаться от выполнения этого приказа, пока не придут подкрепления с Запада или не улучшится обстановка на Востоке. Вильгельм все еще стоял за Фалькенхайном, который снова потребовал, чтобы Обер-ост в будущем с такими вопросами обращался только к нему. Верховный главнокомандующий отклонил ходатайство Гинденбурга. Австро-венгерская дивизия должна быть отдана. Кроме того, кайзер ясно дал понять, что ОХЛ обязано само нести ответственность за свои мероприятия.

Но Обер-ост уже не унимался. В новом письме императору от 19 августа Гинденбург жаловался на недостаточные подкрепления для «своего» фронта, так как пополнение было направлено на румынскую границу в армию эрцгерцога Карла. Факт, что на этом участке фронта действительно будет необходимо отражать крупные наступательные операции русских, он просто оспаривал. Одновременно была направлена телеграмма начальнику военного кабинета, в которой фельдмаршал снова угрожал своей отставкой, если Вильгельм ему и Людендорфу в ближайшее время не даст аудиенции только в присутствии Люнкера. Гинденбург писал, что «после долгих обстоятельных размышлений пришел к выводу, что мои действия не ценятся, а мое руководство больше не пользуется доверием кайзера». Подтверждение этому полководец усматривал в нежелании Верховного главнокомандующего принимать его доклад⁵⁴. Людендорф и Гофман в письме в Большую ставку в Плессе тоже угрожали отставкой. Бетман-Гольвег энергично поддержал Главнокомандующего Восточного фронта в попытке одержать окончательную победу на Востоке и сместить Фалькенхайна и еще 16 августа направил телеграмму, подкрепляющую требования Гинденбурга и Людендорфа.

Но монарх не реагировал так, как того желали Обер-ост и канцлер. Он просто отклонил личный доклад Гинденбурга, хотя, само собой разумеется, одновременно выразил ему полное доверие. Сомневаясь, должен ли он быть таким настойчивым, фельдмаршал все же не упустил возможности в длинном письменном рапорте, датированном 20 августа, изложить кайзеру все свои жалобы. Слишком подробное письмо содержало мельчайшие данные о перемещениях войск, но, в отличие от убедительной оправдательной записки Фалькенхайна Бетман-Гольвегу от 21 августа, послание Гинденбурга не произвело впечатления на Верховного главнокомандующего. Вильгельм в частном письме направил уклончивый ответ фельдмаршалу. Император стоял еще за своего начальника Генерального штаба.

Решение о смене потерявшего уверенность в себе из-за постоянной критики его способностей и внешне сильно постаревшего из-за

чрезмерной работы Фалькенхайна было принято только после вступления в войну Румынии. Это сначала привело кайзера в полное отчаяние, и он уже почти готов был сдать, когда сразу почти все в Плессе пришли к единому мнению, что только Гинденбург сможет еще спасти Германию. Даже Вильд, школьный товарищ кайзера, и Люнкер, влиятельный и до сих пор верный сторонник Фалькенхайна, теперь встали на сторону Гинденбурга. Еще до этих событий военный министр придумал формулировку: «Гинденбург — как наводящий ужас на врагов и как любимец народа, Людендорф — как душа предприятия!»⁵⁵ Генерал-полковник Плессен тоже присоединился к этому хору. Удрученный кайзер позволил Валентини убедить себя в том, что альтернатива теперь носит названия полной победы или полного поражения. Отказ от войны не спасет корону.

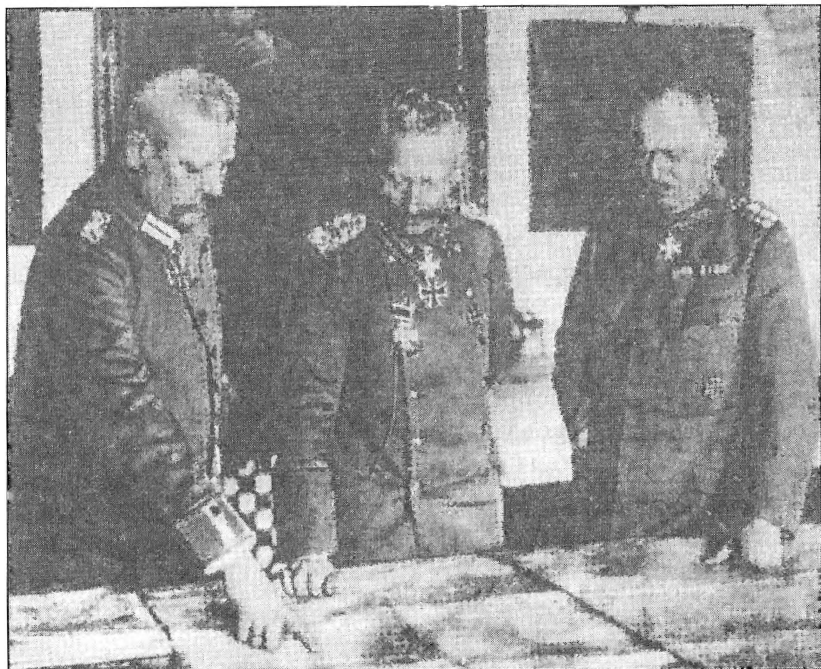
После обычного полуденного доклада Фалькенхайна, отнюдь не удовлетворившего кайзера отсутствием оптимизма, генерал-адъютант кайзера Плессен предложил монарху заменить начальника Генерального штаба Гинденбургом и Людендорфом. Армия больше не доверяет Фалькенхайну — об этом растерянному Вильгельму сообщил и Люнкер. После этого кайзер расплакался, но приказал вызвать в Плесс Гинденбурга, Людендорфа и Бетмана, чтобы выслушать их мнение об общей военной обстановке. То, что он хотел еще обсудить это со своим доверенным, военным министром Вильдом, ничего уже фактически не меняло, так как жребий уже был брошен. Немецкое командование и сам Вильгельм больше доверяли упряжке решительных и уверенных в себе победителей с Восточного фронта, чем трезво рассуждавшему начальнику Генерального штаба. Во время беседы на дворцовой террасе наконец и Вильд, питавший с давних пор смешанные чувства по отношению к Фалькенхайну, безоговорочно склонился к мнению глубоко потрясенного, но решительно настроенного кайзера. Вильгельм решил на равных с Фалькенхаймом заслушать Гинденбурга по румынскому вопросу и общей обстановке, что входило в компетенцию начальника Генерального штаба. Фалькенхайн отреагировал на это своей отставкой. По его мнению, не могло быть двух начальников Генерального штаба.

Решение Вильгельма, принятое 28 августа 1916 года после полудня, в пользу дуумвирата было преимущественно политическим. Без сомнения, Бетман сыграл решающую роль в свержении Фалькенхайна и назначении третьего ОХЛ. Позднее он сильно раскаивался в этом. «Духи», вызванные им, в конечном счете и его самого привели к падению. Канцлер сначала находился под влиянием общественного мнения, считавшего, что только «гениальная» пара Гинденбург—Людендорф может принести империи адекватный мир. Оба они обладали той «естественной уверенностью» и «непоколебимым спо-

койствием», которые еще Шлиффен называл признаками настоящего полководца.

Имперский канцлер надеялся, что Гинденбург победит Россию и принудит ее к сепаратному миру. После этого немецкое командование занялось бы исключительно Западным фронтом, чтобы там нанести поражение войскам Антанты. Популярность фельдмаршала обеспечила бы гражданский мир и успокоила бы крайне правых. Во главе с ним Бетман хотел все же реализовать свои цели войны и убедить пангерманцев и лидеров тяжелой промышленности в обоснованности своей гибкой политики. В новой ставке Обер-оста в Брест-Литовске Гинденбурга и Людендорфа в тот же день, 28 августа, застало сообщение, требовавшее, учитывая серьезность обстановки, немедленно выехать в Плесс.

НАЧАЛЬНИК ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА

Гинденбург, Вильгельм II и Людендорф в Большой ставке, 1917 г.

IV. На пути к военной диктатуре

Двадцать девятого августа 1916 года утренним поездом Гинденбург и Людендорф прибыли в Большую ставку в Плессе. Уже на вокзале от начальника военного кабинета Люнкера они узнали о своем назначении на главные посты в Главном управлении Сухопутных войск. Перед дворцом Вильгельм поздравил их с новыми должностями: Гинденбурга — как начальника Генерального штаба Сухопутных войск, а Людендорфа — как первого генерал-квартирмейстера. Назначение действительно застало фельдмаршала врасплох. Своей жене он признался, что все это «произошло так быстро и неожиданно», что он и Людендорф «были полностью огорошены... Мне это все еще кажется сном, и я могу только сказать: “Какая перемена по воле Бога!”»¹.

В помещении Генерального штаба Гинденбург снова встретился с Фалькенхайном. Тот сохранял спокойствие, по крайней мере чисто внешне, и говорил со своим недругом по поводу передачи дел подчеркнуто коротко и только по делу. Неудивительно, что и фельдмаршал задавал немного вопросов. Уже в 11.50 он вместе с Людендорфом принял начальников управлений. Конечно же Гинденбург получил большое количество поздравлений. Сразу по прибытии в Плесс он долго прохаживался по парку с императрицей, которая выразила особую радость по поводу его назначения.

Нация с большим воодушевлением встретила смену военного руководства. Немецкая общественность, союзные князья, политики и дипломаты, военные, общественные объединения, промышленники, пресса ликовали — получили то, чего все они желали. Как своего рода «мессия в мундире», Гинденбург должен был избавить империю от ее врагов и повести к славному будущему. Как написал однажды своей жене горячий поклонник Гинденбурга генерал-полковник Карл фон Айнем, бывший с 1903 по 1909 год военным министром Пруссии, а во время мировой войны командующим 3-й армией, «проявлением воли Господа явилось то, что у нас есть этот человек, являющий собой опору для нашего разобщенного народа»². И действительно, фельдмаршал становился для населения отцом нации, все сильнее затмевая Вильгельма. Он выдвинулся на передний план, его признавали истинной правящей личностью в империи. При этом Гинденбург позволил Людендорфу приняться за дело установления в дальнейшем плебисцитарной формы диктатуры. Теперь стали считать, что все авторитарные распоряжения нового Главного управления Сухопутных войск принимаются якобы по воле народа. На это постоянно могли ссылаться оба любимца нации. В соответствии с этим любое сопротивление, любая критика расценивались как ослабление немецкой военной мощи и приравнивались к измене.

Очевидной догмой стало то положение, что Гинденбург и Людендорф абсолютно необходимы для будущего Германии. Поскольку нация не видела кумиров ни в кайзере, изолированном и уже в течение нескольких лет не особенно популярном, ни во внешне трезвом и софистски действовавшем Бетман-Гольвеге, поэтому все свои надежды она возложила на фельдмаршала, своего alter ego. Людендорф подталкивал Гинденбурга, архаичного, ориентировавшегося лишь в военном деле прусского офицера старой школы, постоянно вмешиваться в политику. Прикрываясь соображениями о процветании империи в будущем и безопасности Германии, ему приходилось подчас выходить за рамки своей компетенции.

Теперь Гинденбург находился в центре власти, в Большой ставке, которую до этого он так не уважал. Главой здесь был прежде всего кайзер, который этим, как формальный Верховный главнокомандующий, хотел сохранить видимость, что руководит операциями. На самом деле он перестал быть противовесом между политическим и военным руководством. Все чаще им манипулировали, и он деградировал, превращаясь в чисто символическую фигуру. Кроме него в Большую ставку входило ОХЛ, возглавлявшееся начальником Генерального штаба Сухопутных войск, различные штабы и начальники кабинетов монарха, которые, как и сам кайзер, все больше теряли влияние и, в отличие от третьего ОХЛ, должны были лишь советовать. В Ставку входили также военный министр Пруссии, статс-секретарь Имперского Военно-морского ведомства и шеф Адмиралтейства, военные уполномоченные союзных государств и союзников, двор императора; напротив, имперский канцлер и статс-секретарь по иностранным делам посещали Большую ставку относительно редко. Оба высших чиновника проводили почти все время в имперской столице — это тоже было выражением возрастающей роли милитаризма и оттеснения дипломатии и политики, так как с 1916 года гражданское руководство империи больше не имело постоянного представителя высшего ранга в Большой ставке.

Все шло так, как и должно было идти: Гинденбург и Людендорф становились все более самостоятельными. Они больше не чувствовали себя связанными конституционными ограничениями. Сам фельдмаршал как-то подчеркнул, что чувствует себя ответственным только перед немецким народом, его историей и собственной совестью. Он никогда не хотел признавать того, что вождизм, которым его наделила нация, диаметрально противостоял монархическому принципу.

Вместе с безудержно честолюбивым Людендорфом Гинденбург все больше стал прибирать к рукам бразды правления в политических интересах. Наряду со всей государственно-правовой критикой этот образ действий выглядел особенно бесчестным. ОХЛ без коле-

баний вмешивалось от имени бессильного кайзера во все области политики, за которую совершенно не отвечало. Все непопулярные законы или меры, которые могли оказаться роковыми, приписывались канцлеру даже в тех случаях, когда он действовал исключительно по воле ОХЛ.

Важнейшим человеком в ОХЛ, стоявшим за диоскурами³, был насколько непомерно честолюбивый, настолько же одаренный подполковник Макс Бауэр. Он возглавлял 2-й оперативный отдел, отвечавший за тяжелую артиллерию, боеприпасы, военную промышленность и боевую подготовку. Прилежный и безудержно жадный до власти специалист в области артиллерии считал так же, как и его шеф Людендорф, для которого он собирал «компрометирующий» материал на Бетман-Гольвега, что должен все активнее вмешиваться в политику. Так же как и его начальник, этот прототип прусско-немецкого милитариста нового образца считал, будто чисто по-военному можно подходить к сложнейшим политическим и социальным проблемам.

Бауэр родился в 1869 году. Он был политически ангажированным офицером, имевшим прочные связи с ведущими политиками, промышленниками и даже с кронпринцем. Неутомимый интриган, подполковник не только посильно участвовал в свержении Фалькенхайна, но и завоевал также поддержку Гинденбурга и стал одним из ближайших доверенных лиц Людендорфа. В качестве эксперта по военной промышленности авторитарный, убежденный империалист использовал любую возможность для вмешательства в политику. Провозглашенные Бауэром цели, которые он часто осуществлял совершенно самостоятельно, используя хорошие связи с представителями тяжелой промышленности, заключались в изоляции рейхстага, полной милитаризации экономики и, наконец, установлении военной диктатуры Людендорфа.

Все чаще ОХЛ при любой возможности вмешивалось во внутренние дела империи, экономику, пропаганду, цензуру, даже в контроль за рабочей силой и в вопросы сельского хозяйства. В Генеральном штабе был также свой собственный политический отдел, начальником которого являлся генерал-майор Пауль фон Бартенверфер. Главное управление Сухопутных войск до войны временами вело серьезные дискуссии с военным министерством. Вильд фон Хоенборн и перед Фалькенхайном постоянно пытался отстоять свою независимость. Теперь он встал поперек дороги новому руководству ОХЛ, так как Гинденбург и Людендорф намеревались установить контроль и над этим силовым министерством.

С военной точки зрения Гинденбург и Людендорф при принятии ОХЛ оказались в неблагоприятной общей ситуации. «В это время

преимущество повсюду было на стороне наших противников», — вспоминал фельдмаршал. Настроение в тылу он считал «хотя и не отчаянным, но серьезным»⁴.

Вместе с тем его назначение начальником Генерального штаба немецких полевых войск, в сущности, ничего не изменило в «привычном и испытанном ходе дел», который он практиковал еще в Летцене. Правда, в некотором отношении жизнь его стала в значительной степени оживленнее. Он радовался тому, что может больше не жить в окруженном болотами Брест-Литовске. Ему нравилось в живописном, утопающем в зелени Плессе. Новоиспеченный начальник Генерального штаба обычно вставал в шесть утра. Двумя-тремя часами позже после получения утренних донесений он направлялся к Людендорфу. Беседы с ним длились обычно недолго, так как они прекрасно знали мысли друг друга. Иногда им хватало нескольких слов, чтобы «установить взаимопонимание», которого Людендорфу было достаточно для основы его дальнейших разработок⁵.

Затем генерал-фельдмаршал предпринимал часовую прогулку, обычно в сопровождении одного из адъютантов, реже — в обществе гостей Большой ставки. После дальнейших обсуждений с Людендорфом следовали доклады начальников отделов в рабочем кабинете Гинденбурга. В полдень кайзер регулярно вызывал Гинденбурга для доклада. Фактически делал это присутствовавший здесь же Людендорф, представлявший общую обстановку. Лишь при решении особо важных вопросов докладывал сам начальник Генерального штаба. Нередко проводились многочисленные и специфические совещания третьего ОХЛ с политическим руководством.

Почти ни дня не проходило без важных визитов: духовные и светские высокопоставленные лица, офицеры всех родов войск, политики, журналисты, промышленники, деятели искусства — все хотели засвидетельствовать свое почтение двум именитым генералам. За обеденным столом Гинденбург обычно собирал офицеров своего ближайшего окружения. После строго выдерживавшегося времени отдыха вторая половина дня проходила в таком же порядке, как и первая. Длительное расслабление приносил затем ужин, начинавшийся в 20 часов. При этом Гинденбург даже предписывал веселье и «непринужденные» беседы. Товарищеское времяпрепровождение в соседних помещениях Людендорф прекращал ровно в половине десятого вечера. Затем в служебном здании снова следовало совещание Генерального штаба перед большими картами. Только при серьезных стратегических изменениях обстановки фельдмаршал и Людендорф беседовали еще раз. После того как Гинденбург удалялся спать, генерал-квартирмейстер регулярно работал до раннего утра.

Несмотря на эти относительные удобства, даже фельдмаршал, стоический прусский профессиональный военный, находил, что мировая война временами является «самым ужасным из всех столкновений», прежние бои, в которых ему самому доводилось участвовать молодым офицером, теперь «возвысились до гротеска». Однажды он признался: «Это победа мозга над сердцем, понимания над чувством. Мы посылаем на смерть тысячи, чтобы десятки тысяч могли жить. Поверьте мне, что это нелегко. Так должно быть, и мы этим успокаиваем свое сердце. Благо общества превышает блага одного, благо Отечества — превышает отдельного индивидуума. Немец приносит себя в жертву Отечеству свободно и благородно». В разговоре с американским гостем о войне, пацифизме и международной системе коллективной безопасности он сказал следующее: «Каждый практический метод, сделать войны более редкими, заключающийся в обращении к разуму вместо обращения к оружию, должен приветствоваться и находить поддержку. Но любое правительство, позволяющее усыпить себя мнимой безопасностью и полагающееся на пацифистские идеи вечного мира на земле, пренебрегая возможностью готовиться к защите существования, чести и прав своей страны, берет на себя тяжкий грех. Ни один народ, в жилах которого течет хоть капля мужественной крови, не позволит, чтобы его жизнь и национальная честь в решающей степени зависели от других народов в ходе какого-нибудь судебного разбирательства. Есть грань, за которой любая мирная лига уже бессильна что-либо сделать»⁶. Однако у фельдмаршала было немного возможностей, чтобы размышлять по поводу катастрофы, разразившейся над Европой после роковых июльских дней 1914 года. Сражение на Сомме болезненно продемонстрировало, что Германия уступает в воинском контингенте и вооружении. Практически со времени его вступления в должность третье ОХЛ постоянно сталкивалось с неотложной проблемой производства вооружения и пополнения людских резервов. Государство и общество — по примеру Англии, Франции и Австро-Венгрии — должны были милитаризироваться, а промышленность — получить централизованное управление. Абсолютно в духе тотальной войны все отрасли военной промышленности без учета финансовых соображений должны были увеличить выпуск продукции во много раз в течение нескольких месяцев. Это относилось прежде всего к производству вооружения и боеприпасов. Все не жизненно важные и не работающие на войну отрасли, наоборот, отошли на задний план.

Сам Гинденбург дал свое имя плану расширения военного производства. Подполковник Макс Бауэр наполнил его содержанием. В ходе реализации Программы Гинденбурга 13 сентября он составил

начальнику Генерального штаба меморандум для канцлера и военного министра, в котором содержалось требование полной милитаризации всей жизни в Германской империи. Необходимо было обеспечить резервы для войск и рост военной продукции. «Весь немецкий народ должен жить лишь службой Отечеству». Молодежи мужского пола предписывалось проходить военную подготовку уже с шестнадцати лет. Призывной возраст увеличивался с 45 до 50 лет. В отношении рабочей силы снова разразилась схватка вокруг инициированного ранее закона о военном производстве. Он должен был предоставить возможность «переводить рабочих из почти остановившихся отраслей промышленности», «ограничить персонал всей невоенной промышленности, используя его на других участках», и «полностью использовать рабочую силу каждого человека в отдельности».

Закон о военном производстве, по взглядам ОХЛ, должен был распространяться и на определенные категории женщин. «Имеются тысячи бездетных жен военнослужащих, которые стоят государству больших денег. Много также женщин и девушек, которые ничем не занимаются или имеют бесполезные профессии. Основной принцип “Кто не работает — тот не ест” в нашем сегодняшнем положении больше чем когда бы то ни было оправдан, так же и в отношении женщин».

Так называемые инвалиды войны должны были в случае необходимости переучиваться за счет государства, чтобы найти применение в военной промышленности и сельском хозяйстве. Точно так же работники, освобожденные в результате остановки невоенных отраслей промышленности, были обязаны переучиваться в интересах военной индустрии. Программа предусматривала даже закрытие университетов, «насколько это позволяет настоятельная потребность в отдельных профессиях (например, врачей). Впрочем, студентов, изучающих химию и технические науки, необходимо использовать на фабриках и т. д. Это тоже целесообразно и справедливо, так как сейчас негодные к военной службе мужчины и женщины обходят сражающихся в действующей армии студентов и впредь займут их места. Уже сейчас в интересах увеличения будущего прироста населения речь идет о том, что необходимо проявить заботу об облегчении создания семей для возвращающихся с войны молодых людей. Я не сомневаюсь, что наш народ, если ему разъяснить серьезность положения, а это должно быть сделано, согласится с этим. Если он этого не сделает, то Германия недостойна победы»⁷.

Далеко идущие требования Гинденбурга имели своей целью тотальную мобилизацию всего военного потенциала страны, милитаризацию экономики под централизованным контролем полковника Бауэра и его управления, исключение свободной игры экономиче-

ских сил за счет монополизации, желательной для тяжелой промышленности. Однако в ведомстве канцлера они натолкнулись на резкий отпор. Бетману и статс-секретарю по внутренним делам Карлу Гельфериху было абсолютно ясно, что экономикой нельзя командовать так же просто, как войсками. Меры, которые требовало ОХЛ, в особенности касающиеся принудительного труда, казались имперскому канцлеру по большей части не только бессмысленными, но и вредными как с экономической, так и с политической точки зрения.

Кроме того, предложения Гинденбурга вторгались в компетенцию военного министерства. Поэтому Вильд фон Хоенборн тожеотреагировал на планы ОХЛ критически и отрицательно. В его глазах их диктаторские пассажи не только подрывали отношения с рабочими, но и угрожали сохранявшемуся до сих пор консенсусу. Однако после того как Вильд вступил в спор с ОХЛ о компетенции вновь создаваемого военного управления во главе с Грёнером, дни его были сочтены. Это управление должно было отвечать за обеспечение продовольствием и вопросы труда, а также за заготовку сырья, производство вооружения и боеприпасов. Главное управление Сухопутных войск сплоченно выступило против Вильда. Даже друживший с ним кайзер оказался не в силах защитить его от всемогущих генералов. Монарх превратился уже в марионетку начальника Генерального штаба и его жадного до власти поставщика идей и подвергался их насмешкам. Вильгельм покорно сослался на Гинденбурга, когда 28 октября письменно поставил Вильда в известность, чтобы тот подыскал кого-нибудь другого на пост военного министра. Вновь восхождение Гинденбурга и Людендорфа потребовало существенной жертвы. И она была не последней.

Основываясь на убеждении, что каждый немец в возрасте от 16 до 60 лет, если он не был призван в армию, должен был, по крайней мере в тылу, служить для победы Отечества, Гинденбург и Людендорф после создания военного ведомства стали форсировать проект, получивший название Закона о вспомогательной службе. Следуя неопределенной внутривнутриполитической стратегии Людендорфа и Бауэра, фельдмаршал настаивал на принятии закона рейхстагом. Это могло сделать народных представителей ответственными за принимаемые меры и за возможную неудачу всего проекта.

Когда, совершенно в духе имперского канцлера, принятие парламентского решения по поводу Закона о вспомогательной службе, по мнению ОХЛ, слишком затянулось, 16 ноября Гинденбург гневно распорядился направить телеграмму Бетман-Гольвегу: «Я могу отказаться нести ответственность за продолжение войны, если родина не обеспечит необходимой поддержки, полностью поставив еще имеющиеся в тылу рабочие силы на службу войне»⁸. Чтобы навредить

Бетману, телеграмму передали в прессу. В то время как кайзер еще поддерживал нажим со стороны ОХЛ, канцлер считал нужным оградить себя от всякой несерьезной поспешности.

Окончательно принятый 5 декабря 1916 года Закон об отечественной вспомогательной службе предусматривал в очень неопределенных формулировках необходимость «выполнения патриотического долга» всеми немецкими мужчинами в возрасте от 16 до 60 лет. Служебная обязанность не стала частью воинской обязанности. Рабочий оставался на гражданском положении. Несмотря на существенные ограничения права передвижения и заключения трудового договора, он мог сменить рабочее место по финансовым соображениям. Полностью отпала трудовая повинность для женщин. Гинденбург должен был воспринять как иронию судьбы то, что Закон о вспомогательной службе повлек за собой настоящий общественный и политический прогресс для рабочих. В то время как практически признанные государством профсоюзы могли радоваться растущей эмансипации рабочего класса в связи с предписывавшимся созданием комитетов рабочих и служащих на предприятиях, Людендорф был возмущен «халтурной работой» рейхстага и слишком мягким отношением Бетмана к левым. Его законопроект для рабочих был либерализован и, таким образом, направлен против преисполненного авторитаризмом генерала.

Для фельдмаршала принятие закона тоже было «весьма скромным результатом» по сравнению с тем, на который он рассчитывал. Позже он с разочарованием должен был принять к сведению, что из-за недостатка потенциальной мужской рабочей силы он не произведет предполагаемого действия и не вызовет мобилизации «моральных сил» в ожидавшемся объеме⁹. Преступная с точки зрения Людендорфа гибкость канцлера по отношению к требованиям партий и организаций рабочих сразу же поставила Бетман-Гольвега на первое место в «черном списке» ОХЛ. Должны были добавиться другие причины, которые позволили бы Гинденбургу и Людендорфу, действовавшим в стиле двух военных диктаторов, свергнуть имперского канцлера.

Однако уже зима 1916/17 года выявила утопичность программы Гинденбурга. Кризис транспорта, нехватка продовольствия, угля, дефицит сырья и возрастающая потребность в рабочей силе привели к тому, что честолюбивая и в то же время нереальная программа не могла быть выполнена. В промышленности были сделаны слишком большие инвестиции в расширение производства, так что вскоре пришлось прекратить строительство новых фабрик. ОХЛ было вынуждено даже освободить от военной службы больше рабочих, чем когда-либо. Уровень производства сначала намного отставал от

ожидаемого. И лишь с изрядным опозданием намеченные задания были выполнены и даже кое в чем перевыполнены.

Чтобы частично восполнить потребность в рабочей силе для военной экономики, производилась депортация бельгийских рабочих в Германию. При этом Гинденбург нарушил все мыслимые нормы международного права и человеческого достоинства. Фельдмаршал хотел усилить стремление Бельгии к миру путем жесточайшей эксплуатации до тех пор, пока ее правительство в Гавре не пошло бы на его заключение. По мнению прусского вояки, только таким образом можно было удержать Бельгию в зависимости от империи. ОХЛ потребовало от генерал-губернатора генерал-полковника Морица Фердинанда барона фон Биссинга депортировать не менее 200 тысяч бельгийских рабочих, и он высылал их в Германию как арестантов. Биссинг считал, что политики и общественность в нейтральных государствах будут меньше озабочены высылкой «уголовников» и соответствующим с ними обращением. Даже Бетман не мог ничего возразить против массовой депортации. Он только не хотел, чтобы для обозначения невысказанного жилья «добровольно» нанятых подневольных рабочих употреблялось выражение «концентрационный лагерь».

Хотя безжалостная и жестокая политика депортаций, проводившаяся ОХЛ, оказалась крупным промахом в связи с тем, что немецкая промышленность была неспособна принять всех прибывших, несмотря на ожесточенные протесты зарубежной и бельгийской общественности, начальник Генерального штаба приказал продолжать ее дальше. Она теперь в большей мере стала касаться вывоза станков и механизмов. В связи с отчаянным положением Германии он уже не хотел больше принимать в расчет политические или даже моральные соображения. И все же депортация бельгийских рабочих оказалась явной неудачей. Она была прекращена в феврале 1917 года, после чего началась отправка людей на родину.

В конечном счете и военное ведомство работало не так, как хотелось. Его начальник, генерал Грёнер, столкнулся не только с большими проблемами снабжения. Из соображений политики, не желавшей иметь экономического диктатора, военное ведомство формально было включено в прусское военное министерство в качестве отдела. Грёнер, таким образом, занимал также пост заместителя военного министра. Но он попал в немилость как у своего покровителя Людендорфа, так и у руководителей тяжелой промышленности, когда начал закладывать определенные основы доверия к профсоюзам. Человек, наделенный военной волей к победе, проявив готовность к реформам и консенсусу по отношению к политически организованному рабочему классу, мгновенно потерял доверие генерал-квартир-

мейстера, находившегося под влиянием Бауэра и крупных промышленников с Рейна. В августе 1917 года на должности руководителя военного ведомства его сменил генерал-лейтенант Генрих Шойх.

Гинденбург постоянно и с удовольствием подчеркивал, что по характеру он не политик. Как прусский офицер, он гордился этим, и большая часть его окружения тоже хотела видеть в нем лишь чисто военного человека. «Участие в современной политике противоречило моим наклонностям», — сказал он однажды. Ко всему дипломатическому он относился сдержанно. У него даже было ощущение, «как будто дипломатическая деятельность предъявляет к нам, немцам, требования, противоречащие нашей сущности»¹⁰.

Впрочем, отличительной чертой третьего ОХЛ было участие в политике в большей мере, чем при прежних военных руководителях. Гинденбург и Людендорф могли сколько угодно клясться в отсутствии у них склонности к политике, в то время как их вмешательство в эту область до сих пор было беспрецедентным. Первое вторжение нового ОХЛ во внешнеполитические проблемы произошло во время решения польского вопроса. Гинденбург и Людендорф выступили вместе с Бетман-Гольвегом за образование автономной Польши под германским суверенитетом. Однако канцлер еще не терял из виду возможности заключения сепаратного мира с Россией и поэтому не хотел спешить с провозглашением «независимой» Польши, в то время как фельдмаршал настаивал на рекрутировании польских добровольцев. Но пробудить в них энтузиазм можно было только провозглашением независимости Польши. Россия и Антанта, как писал начальник Генерального штаба, должны видеть, «что мы не боимся, и поляки еще могут воевать на нашей стороне. Несостоятельность Австрии принуждает нас к этому»¹¹. В отличие от Бетмана, Гинденбург считал, что мира можно добиться лишь военной победой, а не дипломатическими средствами.

При этом никоим образом нельзя было упустить из виду австрийские интересы в Польше. 6 сентября Центральные державы пришли к соглашению о создании Высшего военного руководства всех союзных войск во главе с кайзером Вильгельмом и немецким начальником Генерального штаба в качестве его заместителя. Но соглашение осталось лишь на бумаге. Двухединая монархия обеспечила себе особое положение. Преемник умершего императора Франца Иосифа, император Карл, после вступления на трон в ноябре 1916 года снова отказался от участия монархии Габсбургов в Высшем военном руководстве, которое рассматривалось в ОХЛ как средство для того, чтобы полностью исключить Австро-Венгрию из участия в оккупационной администрации Царства Польского. В одном из писем Конраду Гинденбург потребовал устранить разделение оккупационной адми-

нистрации, что означало не что иное, как включение кайзеровского и королевского генерал-губернаторства в Люблине в состав германского генерал-губернаторства в Варшаве. Эта мера, глубоко затрагивавшая двусторонние политические интересы, рассматривалась фельдмаршалом как необходимая для объединения Польши сверху, чтобы получить возможность для формирования польской национальной армии, инициированного Конрадом. Если бы предпринятый Гинденбургом план не был выполнен, то каждый из оккупантов — без взаимных совещаний в форме совместной военной комиссии — шел бы своим путем.

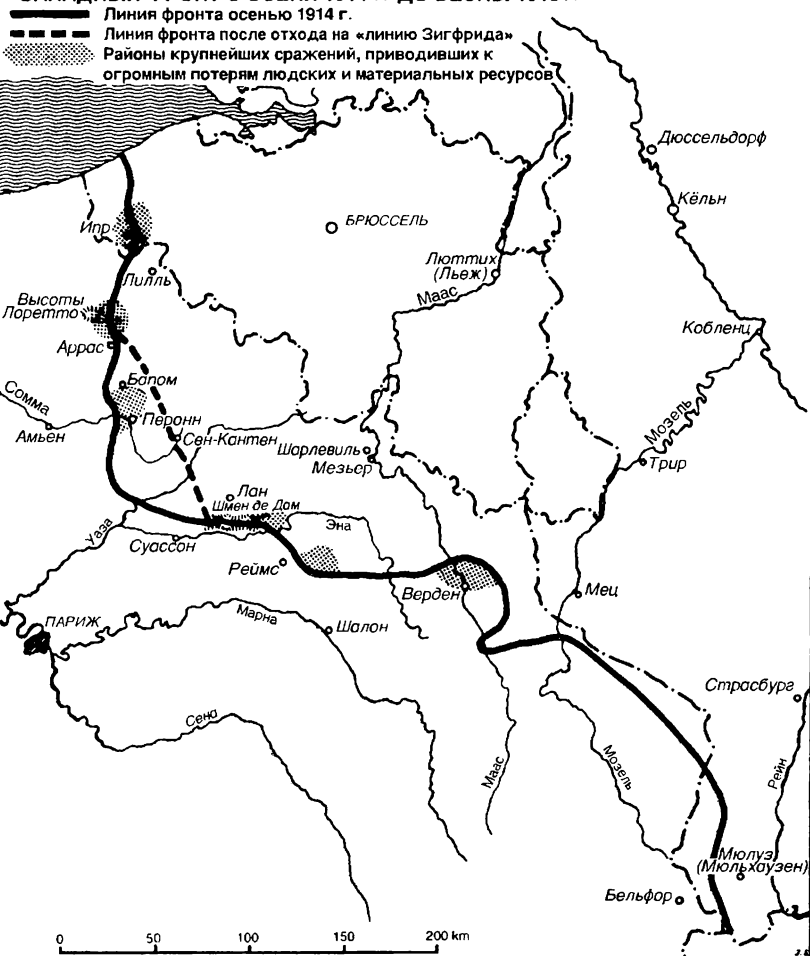
Лишь после того как командование австро-венгерской армии при поддержке министра иностранных дел Буриана резко выступило против подрыва двустороннего соглашения, ОХЛ тоже сообразовало подключить политиков. Немецкий губернатор в Варшаве генерал-полковник Ганс-Гартвиг фон Безелер выступил при этом, подобно прусским консерваторам, как союзник Генерального штаба¹². Сам Бетман, канцлер, атакованный со всех сторон, оказался больше не в состоянии сопротивляться наглости дуумвирата. Скорее он пытался, если выразиться словами Артура Циммермана, «найти за почитаемой фигурой Гинденбурга укрытие и защиту»¹³.

Фельдмаршал и Людендорф считали необходимым начать формирование польских батальонов. Вместе с Бетман-Гольвегом, секретарем по иностранным делам Яговом и Безелером они 18 октября в Плессе встретились с австро-венгерской делегацией, в состав которой входили Буриан, Конрад и посол Каетан фон Мереи. Несмотря на опасения австро-венгерского министра относительно маневров немцев, ОХЛ настояло на своем желании объявить о независимости Польши и приступить к вербовке добровольцев для германской армии как в немецкой, так и в австро-венгерской оккупационных зонах.

ОХЛ добивалось того, чтобы после провозглашения независимости тотчас же призвать поляков к формированию добровольных войск. Общественности, прежде всего польской, этим обращением от 9 ноября ясно было заявлено, что ОХЛ, то есть Германия и Центральные державы, в Польском манифесте¹⁴ ведут речь не о создании самостоятельного польского государства, а всего лишь о получении новых людских ресурсов. Поэтому безуспешной оказалась и вербовка немецкими призывными пунктами: до Пасхи 1917 года на службу поступило меньше 5 тысяч польских рекрутов. Нечестность людей из третьего ОХЛ проявилась и в том, что они после этой явной несправедливости больше не хотели и слышать о создании Польского королевства. Наконец, Гинденбург даже отвергал свою ответственность за «создание этого уroda», свалив все на Бетмана и Буриана¹⁵.

Во время подготовки Польского манифеста Гинденбург и Люден-

ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ С ОСЕНИ 1914 г. ДО ВЕСНЫ 1918 г.

дорф были разгневаны «неуважением к нашей силе и нашей воле» со стороны двуединой монархии. Время пагубного невмешательства в дела Австро-Венгрии уже прошло, и от Бетмана потребовали «полной ясности» в отношениях с габсбургской монархией. Само собой разумеется, имперский канцлер решительно воспротивился требованию ОХЛ отчитаться перед ним о своей политике. Гинденбургу пришлось признать, что он осмеливается затрагивать области, в которых весьма мало разбирается, смущаясь, фельдмаршал заверял, что ни в коем случае не хочет вмешиваться в политические вопросы¹⁶. Но будущее вскоре показало, что треть ОХЛ уже ни в коем случае не собирается отказываться от влияния на политику. Людендорф приложил значительные усилия, чтобы в конце ноября верный соратник Бетмана Ягов ушел с должности статс-секретаря ведомства иностранных дел. Его же преемник, более агрессивный Артур Циммерман, напротив, с давних пор состоял в дружеской переписке с генерал-квартирмейстером.

Тем временем перед Центральными державами появился новый противник. Вступление Румынии в войну сначала даже для флегматичного Гинденбурга означало возникновение нового большого кризиса. Но к концу 1916 года над Румынией все же удалось одержать победу. В знак признательности начальник Генерального штаба получил от Верховного главнокомандующего Большой Железный крест¹⁷ со словами: «Ваш благодарный и постоянно преисполненный благоволением король Вильгельм»¹⁸.

Фельдмаршал ожидал, что с вступлением Румынии в войну союзники активизируют действия на немецком Западном фронте «изо всех сил, с английским упорством и французским вдохновением». Действительно, отвлекающее наступление под Верденом или на Сомме отвечало бы расчетам шефа Генерального штаба, но о нем из-за слабости немецких войск нельзя было и думать. Уже именно поэтому, возглавив ОХЛ, он распорядился прекратить атаки под Верденом, поскольку считал эту операцию абсолютно бесперспективной. Он и Людендорф вынуждены были прийти к заключению, что дальнейшее ее продолжение нанесет немецким войскам больший урон, чем противнику. Артиллерия последнего обладала превосходством, связь между боевыми линиями была чрезвычайно затруднена. Гинденбург признал, что поле сражения под Верденом «превратилось в настоящий ад и в этом смысле в войсках покрыло себя дурной славой». После войны генерал в своих воспоминаниях не возражал против того, «что мы чисто из военных соображений поступили правильно, улучшив положение под Верденом не только тем, что прекратили наступление, но и добровольно отдали большую часть завоеванной территории»¹⁹.

Осенью же 1916 года он, разумеется, отказывался от этого. Он непременно хотел избежать того, чтобы в тылу высокие потери рассматривались как абсолютно напрасные и усиливали бы усталость от войны. Его надежда на то, что Антанта после окончания немецкого наступления под Верденом может перейти к позиционной войне, не оправдалась. В конце октября французские части прорвались на восточный берег Мааса и опрокинули немецкие оборонительные линии. Немецкие войска потеряли Дуомон, который был захвачен ими еще весной и объявлен «местом чести немецкого героизма». Даже фельдмаршал оценил эту операцию как значительный успех. Сражения с применением техники у Соммы тоже продолжались с прежним ожесточением. Впрочем, Гинденбург охарактеризовал их как «тактику трамбовки» и не видел в этой стратегии какого-либо «высокого подъема». К тому же он выразил сожаление, что при этом «механические и материальные элементы борьбы» были на первом месте, «в то время как духовное руководство слишком отступало на задний план». Причину того, что союзникам не удалось добиться больших успехов в наступлении на Западном фронте, он свел к «определенной односторонности их командования»²⁰.

В начале сентября он побывал с Людендорфом на Западном фронте. Только тогда Гинденбург получил полное представление о достижениях немецких войск на Западе. Казалось, что только теперь он понял, что значит месяцами находиться в изматывающей нервы оборонительной войне. Свообразно фельдмаршал воспринял огромное психическое давление, оказываемое на солдат.

После долгих совещаний с командующими группами армий и армиями в Камбре пришли к выводу, что необходимо в какой-то мере нехватку в вооружении компенсировать быстрыми и энергичными действиями. На удивление скоро Гинденбург и Людендорф примирились с обороной как главной задачей войск на Западе. В соответствии с этим зимой 1916/17 года немецкие войска должны были с полным напряжением сил готовиться к ожидавшемуся ОХЛ весеннему наступлению Антанты на Западном фронте.

Анализируя тяжелый опыт длительной немецкой обороны с зимы 1914/15 года, Людендорф систематически разрабатывал регулярный тактический каталог для предстоящих оборонительных боев. Пришел конец жестокой догме Фалькенхайна об удержании каждой пяди земли даже под сильнейшим артиллерийским огнем противника. Учитывая сокращение боевой силы войск, треть ОХЛ хотело избежать таких больших потерь, как в массовых сражениях 1916 года. Из-за слабости немецких войск по сравнению с войсками западных держав, безусловно, было необходимо экономно обращаться с воинским контингентом. Изнуренным и ослабленным дивизиям предоставлял-

ся более длительный отдых. Была улучшена подготовка и обучение поредевшего офицерского корпуса, усилена пехота, на ее вооружение поступили ставшие необходимыми для ведения войны ручные пулеметы и легкие минометы. Если удалось повысить производство вооружения, то узких мест в снабжении боеприпасами, как и прежде, избежать не удавалось. В связи с нехваткой сырья отодвинули на второй план развитие танкового вооружения, к тому же упустив из виду необходимость достаточной подготовки к отражению танков противника. Правда, слабость в обеспечении немецких войск автомобилями проявилась лишь в 1918 году.

Для нового ОХЛ особенно насущным стал совершенно другой вопрос: уже давно Гинденбург воспринимал голодную блокаду со стороны неприятеля как глумление над требованиями морали, в чем западные и к тому же христианские демократии упрекали своих противников. Поэтому немецкий ответ был таким: «Око—за око, зуб—за зуб». Со времени принятия ОХЛ Гинденбург с нетерпением ждал, особенно от командующего флотом открытого моря адмирала Райнхарда Шеера, тотального использования подводных лодок. Этим он снова расстраивал планы Бетмана. Между тем офицеры управления флота в Большой ставке делали все возможное, чтобы привлечь на свою сторону Гинденбурга, все больше склонявшегося к принятию решения о начале неограниченной подводной войны. А интерес ОХЛ к морским вопросам и без того заметно усилился.

До этого времени немцы опасались США, поэтому воздерживались от применения так называемого призового права на захват или уничтожение вражеских кораблей или торговых судов, перевозивших военные грузы. В то же время можно было наблюдать, что Англия никоим образом не придерживается Гаагской морской конвенции²¹ или более раннего права морской блокады. Неутешительное военное положение, особенно на Западном фронте, в сочетании с безусловной волей держав Антанты повергнуть Германию, начавшийся кризис снабжения и лихорадочные поиски выхода из ситуации заставляли флот, ОХЛ, промышленников и правые фракции рейхстага думать о неограниченной подводной войне, которая могла решить исход кампании. Все суда, оказавшиеся в запретной зоне, должны были быть потоплены без предупреждения.

Скорее от отчаяния, чем от переоценки своих сил, германское командование ухватилось за перспективу морить Англию голодом и через пять-шесть месяцев принудить ее к заключению мира. Только Бетман-Гольвег, казалось, считал, что вследствие вступления в войну Соединенных Штатов следует опасаться полного поражения империи. Напрасно канцлер надеялся на посредничество Вудро Вильсона²² при заключении мира. То, что Гинденбург и Людендорф все же

одобрили идею Бетмана о предложении Центральных держав заключить мир в декабре 1916 года, с одной стороны, зависело от единства по поводу Закона о вспомогательной службе и провозглашения Польского королевства. С другой стороны, ОХЛ надеялось на смягченную реакцию нейтральных государств на объявление о начале неограниченной подводной войны вследствие ожидавшегося от союзников отклонения неопределенных мирных предложений.

Гинденбург признался Грёнеру, что хотя сердцем он за неограниченную подводную войну, но умом все же должен быть против нее. К этому его вынуждала позиция Нидерландов и Дании. На одном из совещаний в Плессе сразу после вступления в должность начальника третьего ОХЛ, проходившем с участием начальника Военно-морского штаба Хеннинга фон Хольцендорфа, статс-секретаря ведомства Военно-морского флота адмирала Эдуарда фон Капелле, Бетман-Гольвега, статс-секретаря по иностранным делам Ягова и статс-секретаря по внутренним делам Гельфериха, Гинденбург предложил дождаться результатов кампании с Румынией, прежде чем объявить о неограниченном применении подводных лодок для уменьшения «страданий родины» и ослабления нагрузки на армию. «Все другое кажется отсутствием жалости к пролитию собственной крови»²³.

Казалось, что Гинденбург, еще не ориентируясь полностью в общем военном положении империи, все же к этому моменту уже осознавал опасность и последствия вступления Америки в войну на стороне Антанты. К тому же он учитывал реакцию нейтральных государств, чтобы в конечном счете не нажить из их числа новых врагов. Это был аргумент, активно приводившийся рейхсканцлером, особенно в отношении сил нидерландской армии. Требовалась более стабильная обстановка на фронтах. Неограниченная подводная война не должна была нанести вреда стране больше, чем принести пользы. Как и Людендорф, фельдмаршал ощущал в первой половине сентября усиливавшееся давление со стороны поддерживавших новое ОХЛ кругов правой ориентации, состоявших из промышленников и общественных деятелей, которые требовали решительно применить наконец все средства против ненавистной Англии. Поэтому Гинденбург раздраженно приказал из соображений военной безопасности прекратить общественную дискуссию по этой деликатной теме.

Дальнейший ход войны, опасения в отношении предложенного Бетманом мира без аннексий и постоянное давление со стороны командования флотом наконец оказали свое воздействие на начальника Генерального штаба. Уже 8 декабря фельдмаршал заговорил о том, что в настоящей обстановке войну надо вести без ограничений

на суше и на море. В конце января 1917 года подводные лодки должны были получить свободу действий. Людендорф усилил свои требования, изобразив ужасную картину неминуемого поражения Германии, в случае если не будет начата неограниченная подводная война. К тому же он снова угрожал отставкой дуумвирата из ОХЛ, если не будут приняты соответствующие меры. Фельдмаршал 23 декабря снова поддержал его двумя телеграммами, направленными рейхсканцлеру. Гинденбург проводил линию в духе правых партий и большей части промышленников, замолвив слово за мир с аннексиями и потребовав жесткого временного плана ведения подводной войны.

Одновременно ОХЛ стало слишком заноситься в вопросе о целях войны, предъявляя все более чрезмерные требования аннексий: в памятной записке от 23 декабря оно высказало желание о более существенном переносе немецких границ на Восток и Запад, что было оговорено с канцлером еще в ноябре. Так, фельдмаршал, принимая во внимание потребности немецкой военной промышленности, считал необходимым сохранить бельгийский рудный бассейн севернее Лонгви. «К тому же Люксембург должен быть по возможности окружен территорией, управляемой немецкой администрацией, чтобы его действительно поглотить». Переправа через Маас у Люттиха должна «твердо находиться в наших руках». Кроме того, Германии необходимо было располагать районом развертывания к западу от Мааса, чтобы можно было легче овладеть Бельгией. И наконец, эта область имеет для империи «огромнейшее значение» в экономическом отношении. Остальная часть Бельгии должна «оказаться в теснейшей зависимости от нас». Гинденбург также охарактеризовал как очень ценный какой-либо морской опорный пункт на побережье Фландрии. «Старые» немецкие провинции на Востоке, по его мнению, должны были обрести «непосредственную военную защиту» от Польши. Границы с Россией следует отодвинуть: «Благодаря этому мы получим хорошую полосу развертывания на случай будущих военных действий на Востоке против центров русского государства, а также важные для пропитания народа земли... Опыт с Польшей неизбежно требует, чтобы Германия охватывала Польшу, а не наоборот». В качестве австро-русской границы ОХЛ выбрало Серет. Валахия «как древне-римская провинция» может стать полезной для империи. Чернавода и Констанца должны перейти под германское управление, последняя при этом станет свободным портом для Болгарии, к которой также могла бы отойти Добруджа. Заметки заканчивались тем, что Россия в любом случае не должна закрепиться по обе стороны от устья Дуная²⁴.

Особенно большие разногласия между Бетманом и ОХЛ возникли по вопросу о дальнейшем продвижении на Восток, но они были

снова урегулированы во время совместного обсуждения в Плессе шестью днями позже. Рейхсканцлер чувствовал, что на плодотворное сотрудничество с ОХЛ рассчитывать не приходится. Он не намеревался даже дискутировать с его «фантастическим каталогом целей войны». В конце декабря ОХЛ отказалось оттягивать дальше начало неограниченной подводной войны и дало об этом ясно понять Бетман-Гольвегу. С военной точки зрения должно было происходить то, что оно считало правильным, а канцлер мог говорить что хотел.

На основании письма шефа Главного морского штаба от 22 декабря, рекомендовавшего начать неограниченную подводную войну не позднее 1 февраля 1917 года, и приукрашенного заключения экспертов (так называемого меморандума Калькмана) фельдмаршал считал теперь эту меру средством для победоносного завершения войны. Полагали, что только так можно будет поставить Англию на колени. Встреча с Хольцендорфом в Плессе за рождественским столом послужила последним толчком к принятию решения. После неудачных попыток начать мирные переговоры — предложения Центральных держав о мире от 12 декабря были отклонены Антантой — Генеральный штаб и Адмиралтейство посчитали, что настал подходящий момент для нанесения удара. Вопреки всем реальностям риск вступления в войну Соединенных Штатов казался оправданным.

ОХЛ и правые партии не желали ничего знать о мире на основе взаимопонимания, который носил почерк Бетмана и Вильсона. Имелось подозрение, что за предложением американского президента от 18 декабря скрывалась лишь уловка Лондона, желавшего оттянуть начало подводной войны до тех пор, пока Англия не получит помощь со стороны Соединенных Штатов. Основываясь на этом, Гинденбург в телеграмме канцлеру недвусмысленно выразил свою позицию: «Мы не можем, исходя из национальных интересов, учитывая наши сильные военные позиции, пойти на это. Дальнейшее промедление было бы тяжелым и с военной точки зрения неоправданным упущением, если мы позволим себя как-то задержать. Подобным образом это восприняла бы и армия, сдерживающая врага. Офицеры и солдаты ждут решительного применения всех сил»²⁵.

Фельдмаршал принял «с сожалением к сведению» осторожную позицию Бетмана. Учитывая большое расхождение мнений по вопросу о неограниченной подводной войне, Гинденбург «для сохранения позиции ОХЛ» счел необходимым подчеркнуть, что, хотя рейхсканцлер претендует на исключительную ответственность, генерал, «само собой разумеется, и дальше со всей силой и с полным чувством ответственности будет выступать за победоносный исход войны» и за то, чтобы с военной точки зрения осуществлялось то, что он считает правильным²⁶.

Для выяснения расхождений во мнениях Бетман распорядился обратиться к фельдмаршалу с просьбой о беседе. Она состоялась в Плессе 29 декабря и проходила в чрезвычайно холодной атмосфере между канцлером, Гельферихом, заместителем статс-секретаря ведомства иностранных дел Артуром Циммерманом, с одной стороны, и Гинденбургом и Людендорфом — с другой. Основе для разговора помешало уже то, что Гинденбург не захотел, чтобы Гельферих присутствовал на нем. Через молодого обер-лейтенанта барона фон Лерснера, встретившего рейхсканцлера на вокзале, Гинденбург распорядился передать, что «фельдмаршал хотел бы провести беседу и без того абсолютно формально»²⁷.

Поэтому Бетман был вынужден через направленного к Гинденбургу Циммермана разъяснить, что только он сам может рассматривать вопрос, кого привлекать к рабочим совещаниям. Он тоже умел поставить Гинденбурга в затруднительное положение. Однако фельдмаршал пытался оправдать свое несогласие тем, что Бетман намеревается оттеснить его от решения вопроса о неограниченной подводной войне. К тому же «определенные люди в Берлине» хотят вбить клин между обоими героями Танненберга и даже свергнуть Людендорфа. Гельферих и без того потерял всякое доверие ОХЛ. Во второй половине дня при разговоре с глазу на глаз обиженный канцлер дал понять Гинденбургу, что основанием для этого разлада определенно служит клевета. Когда Бетман-Гольвег попросил фельдмаршала конкретно назвать имена предательски действующих фигур, начальник Генерального штаба не смог их назвать.

Военная дискуссия не привела к удовлетворительному результату. Канцлер тщетно пытался подчеркнуть свою определяющую, гарантированную конституцией политическую роль в вопросе о подводной войне. И он совсем не забыл снова высказать свои серьезные сомнения. Высшее военное командование считало решение уже принятым. Не получив от Гинденбурга приглашение к столу, как того требовала традиция, рейхсканцлер поздно вечером отправился назад в Берлин. Бетман признавал, что оба генерала, которым в свое время он составил такую сильную протекцию, теперь враждебно противостоят ему лишь с плохо скрываемыми диктаторскими намерениями и уже давно серьезно рассчитывают на его свержение. При этом он понимал, что в конфронтации с народным героем Гинденбургом потерпит поражение.

Хотя начальник Генерального штаба в случае неограниченной подводной войны принимал в расчет, что Америка вступит в войну, от плана он больше не отходил. Он полагал, что все приготовления проведены, и думал, как фаталист: «Хуже не станет. Конец войны надо приблизить всеми средствами»²⁸. Для фельдмаршала, так же как

и для Людендорфа и шефа Адмиралтейства Хольцендорфа, отставка Бетмана была решенным делом, в случае если и дальше он не будет соглашаться с ведением неограниченной подводной войны. Это недвусмысленно дали понять кайзеру во время аудиенции. И Вильгельм согласился с доводами военных о необходимости неограниченной подводной войны без больших возражений. Решение по этому поводу он рассматривал «как чисто военный вопрос, канцлера абсолютно не касающийся»²⁹.

Страдая от тяжелого бронхита, утром 9 января 1917 года после долгой ночной поездки Бетман прибыл в Плесс. От своего доверенного лица и ярого противника неограниченной подводной войны начальника императорского морского кабинета адмирала Георга Александра фон Мюллера он узнал, что уже практически все решено. И он наконец прекратил свое сопротивление. Его отдельные беседы в Генеральном штабе и в Адмиралтействе, во время которых он снова высказывал свои сомнения, были лишь арьергардными боями, служившими для успокоения совести. У его аргументов против подводной войны шансов больше не было, поскольку Гинденбург со свойственным ему оптимизмом говорил о хороших перспективах на успех этих операций, от которых он ожидал также ограничения поставок американских боеприпасов. Людендорф снова привлек внимание рейхсканцлера к запланированному весеннему наступлению союзников, которое должно было затмить все прошлые. Разговор о «брюквенной зиме», жесточайшей нехватке продовольствия, со всей болезненностью доказавшей, что больше нельзя терять времени и необходимо прервать снабжение противника, должен был произвести впечатление и на канцлера. Во время переговоров Гинденбург показал, насколько он убежден в необходимости подводной войны и в благоприятном моменте для ее начала. «Мы достаточно вооружены, чтобы противостоять любым случайностям в отношениях с Америкой, Данией, Голландией и даже Швейцарией, — подчеркнул он. — Нам нужно действовать как можно энергичнее и решительнее; поэтому беспощадная подводная война начнется с 1 февраля 1917 года. С войной необходимо как можно скорее кончать. Хотя мы еще долго можем держаться, но это следует сделать ради наших союзников»³⁰.

Коронный совет под председательством явно нервничавшего и выражавшего нетерпение кайзера вечером наконец зафиксировал победу военных над подавленным Бетман-Гольвегом. Гинденбург, а вместе с ним все военное и политическое руководство приняли решение поставить все на одну карту: полная победа или тотальное поражение. Немецкая трагедия заключалась в безоговорочной приверженности этой сомнительной радикальности, в огромной недооцен-

ке военного и экономического потенциала Соединенных Штатов, в вере в непобедимость империи, ведомой Гинденбургом.

После того как император Карл в начале 1917 года со своим главным командованием переехал в Баден-бай-Вин, была перенесена и немецкая ставка. В феврале ее перевели в известный своим мягким климатом и солеными ваннами Бад-Кройцнах. Центр тяжести военных действий еще больше переместился на Запад. Теперь стало легче устанавливать связь с командующими группами армий и армиями. Кайзер обосновался в Курхаузе, а Гинденбург — на вилле «Имхоф», заседания Генерального штаба проходили в отеле «Ораниенхоф». Летом 1917 года сюда же приехала жена Гинденбурга с дочерьми и внуками и остановилась в «Грефенбахер Хютте», доме фабриканта, приостановившего работу металлургического предприятия. В Ганновере, как и супруги других видных деятелей, она участвовала в благотворительной деятельности в пользу раненых и инвалидов.

Под постоянным влиянием Людендорфа Гинденбург давно уже начал оказывать давление на имперскую политику. Так было, хотя фельдмаршал на самом деле отклонял эти «гражданские жалобы и раздражение именно сейчас, когда голова и сердце особенно наполнены военными вопросами и необходимо сохранять свежие нервы». Даже старый генерал не хотел больше работать с Бетманом: «Для этого наши взгляды все-таки слишком разные»³¹. И без того уступчивая позиция канцлера не могла удержать ОХЛ от намерения как можно быстрее сместить его. Уже в день принятия решения о неограниченной подводной войне, после генеральского доклада у кайзера, Гинденбург потребовал отставки Бетмана. Фельдмаршал открыл у рейхсканцлера именно «такой недостаток способности к принятию решения, что больше не может работать с ним»³².

Явно озадаченный, Вильгельм поручил Валентини убедить обоих руководителей ОХЛ, каждого в отдельности, что смена канцлера именно в этой новой фазе войны, учитывая резонанс за границей, была бы абсолютно несвоевременна. Если эти аргументы в подробной беседе с шефом гражданского кабинета сначала, казалось, успокоили Гинденбурга, то у Людендорфа они вызвали непонимание. Хотя последний в тот момент не хотел настаивать на смене канцлера, однако ясно дал понять, что не намерен долго работать вместе ни с Бетман-Гольвегом, ни с Гельферихом и Циммерманом.

Оба генерала в последующие недели не упускали случая направлять Валентини, в высшей степени благонамеренному консервативному политику, всевозможные протесты, содержавшие выдержанные в пангерманском тоне требования о смещении Бетмана. Когда эта агитация и, сверх того, представление Гинденбургом на пост канц-

лера таких лиц, как Тирпиц, Бюлов или подчеркнуто-консервативный наместник Эльзас-Лотарингии Николаус фон Дальвиц, дошли до ушей кайзера, тот в резком тоне сделал выговор обоим руководителям ОХЛ. В результате Валентини, ранее доверительно проинформировавший кайзера о «чудовищном призраке» Тирпица, стал для обоих еще одним врагом.

Четырнадцатого марта кайзер на два часа прибыл в ставку Генерального штаба в Кройцнахе. Он хотел обстоятельно поговорить с Гинденбургом. Фельдмаршал снова изложил свои старые жалобы на то, что Бетман относится к нему с ненавистью и оказывает ему сопротивление. Валентини же несет ответственность за то, что Верховный главнокомандующий все еще не имеет о канцлере ясного представления. Вильгельм попытался по возможности противостоять таким взглядам. Кайзер признал, что самозванные спасители отечества постоянно злоупотребляют его, Гинденбурга, именем как прикрытием. К тому же он объяснил генералу, что он, монарх, в отличие от ОХЛ, с удовлетворением признает рейхстаг и как народное представительство, и как выразителя мнения населения³³.

С некоторых пор и император Карл стал рассматривать доминирующее положение ОХЛ и его возросшее влияние на принятие политических решений как чистую военную диктатуру. Немецкие парламентарии — и не только социал-демократы, — такие как председатель фракции Свободомыслящей партии Генрих Эрнст Мюллер-Майнинген или Георг Готхайн от Прогрессивной народной партии, все больше обвиняли режим ОХЛ, которое «плюет на парламентское большинство». Эдуард Давид от Социал-демократической партии снова говорил о «тумане», за которым «проводится военная политика».

Причины расхождения во мнениях между ОХЛ и рейхсканцлером состояли в том, что Бетман в отличие от Гинденбурга и Людендорфа больше не верил в победу Централных держав. В то время как канцлер демонстрировал свою готовность к почетным мирным переговорам, диоскуры, напротив, твердо верили, что исход войны в пользу Германии решится военным путем. Верный своей общеизвестной «политике диагоналей», Бетман стремился нащупать средний путь, который походил на поиски квадратуры круга: с одной стороны, нужно было учитывать возрастающую усталость от войны социал-демократов и значительной части населения, выражавшуюся в требовании «мира без аннексий и контрибуций» (союзница Австро-Венгрия, находившаяся на грани развала, ради скорейшего мира готова была почти на любые уступки), с другой — канцлеру надлежало успокаивать правые партии, желавшие аннексий, и, само собой разумеется, ОХЛ, совершенно справедливо указывавшее на то, что Антанта совсем не рассталась с планами наступательной войны и немецкий

отказ от них будет расценивать как начало конца сопротивления империи.

Со своей стратегией «отстаивающего мир», исходя из убеждения, что позиция Германии недостаточно сильна, чтобы диктовать его условия, канцлер снова сидел между двух стульев: между умеренным миром, основанным на взаимопонимании, «миром Шейдемана», заклеянным правыми как «отказный мир», и «миром Гинденбурга», «победным миром», с жесткими требованиями аннексий на Востоке. Гинденбург выдвинул к мирной программе, названной его именем, девиз: «Мы хотим не выстоять, а победить»³⁴.

Учитывая очевидные расхождения во мнениях между ОХЛ и Бетман-Гольвегом, Гинденбург захотел прояснить вопрос о целях войны. «Я по военным причинам не могу пойти на мир, основанный на сохранении status quo». В соответствии с этим фельдмаршал в письме к Бетману от 20 апреля охарактеризовал аннексии Курляндии и Литвы как «неизбежно необходимые». За это России может быть построен «золотой мостик», тем что она получит оккупированные части Восточной Галиции и Буковины, а Австрия в качестве компенсации — области Сербии и Валахии. Сверх того фельдмаршал еще раз подчеркнул, что «необходимо длительное тесное взаимодействие политики и военных мер»³⁵.

Вильгельм созвал конференцию, посвященную дискуссии о целях войны. Но еще до ее начала, 21 апреля, Гинденбург побывал у лежавшего в постели больного кайзера, чтобы склонить его к отставке Бетмана. Однако позже прибыл Валентини, к которому с некоторых пор ОХЛ также относилось враждебно, и выступил в роли защитника канцлера. Забастовка рабочих в Берлине и демонстративная симпатия немецкой социал-демократии к русской Февральской революции дали фельдмаршалу повод опасаться, что рейхсканцлер больше не контролирует СДПГ. Военный министр Штайн, как и Люнкер, тоже в этом смысле воздействовали на Вильгельма. Но Валентини своим выступлением перед монархом в защиту Бетмана одержал верх, поэтому кайзер, к которому вновь вернулась уверенность в собственных силах, гневно реагировал на вмешательство Гинденбурга.

Беседа ОХЛ с Бетманом и Циммерманом проходила 23 апреля в Кройцнахе в чрезвычайно напряженной атмосфере. При этом заранее подготовившиеся генералы бесцеремонно отклонили унижительное требование канцлера об отказе от аннексий. Вечером спорящие партии на «военном совете» в присутствии Вильгельма, Хольцендорфа и трех начальников кабинетов пришли к «полному согласию» с непомерной программой военных целей. Предполагалось достижение победы над Англией. Бетман рассматривал кройцнахский документ лишь как волеизъявление ОХЛ, которым он вовсе не чувство-

вал себя связанным. Оно конкретно требовало оккупации и установления контроля над Бельгией на неопределенное время, длительной оккупации Люттиха и побережья Фландрии с Бригге, а также областей Арлона, Люксембурга, бассейна Лонгви — Брие и улучшения границы на эльзасско-французском участке. На востоке ОХЛ планировало аннексию Литвы и Курляндии почти до Риги, балтийских островов Даго, Моон и Эзель, полосы польской территории для обеспечения безопасности силезского промышленного района, установление политического и экономического контроля над Польшей, а также уже предлагавшийся Гинденбургом обмен территориями между Австрией и Россией.

ОХЛ все больше следовало своей собственной внешней политике. Хотя Гинденбург презирал дипломатию как «не немецкую», он не упускал случая, чтобы предъявить ведомству иностранных дел определенные требования и представления или поставить его перед вынужденным ходом событий или даже свершившимися фактами. При этом Балканы рассматривались как область экономических перспектив для Германии. Тесные союзнические связи как с Болгарией, так и с Румынией, управлявшейся дружественным Германии правительством, должны были обеспечить экономическую экспансию в Юго-Восточной Европе.

Учитывая все более нестабильное положение Дунайской монархии, Людендорф поднял вопрос о проведении двусторонней военной конференции. Используя эту возможность, необходимо было прийти к договоренностям о целях войны в Восточной Европе. Накануне этих переговоров Гинденбург в письме к Бетман-Гольвегу снова перечислил свои внешнеполитические цели. Он выразил уверенность в том, что Англия в любом случае вскоре после заключения мира снова нападет на Германию. Это произойдет до того, как империя успеет полностью подготовиться к обороне. Поэтому Германия должна при заключении мира добиваться такой сильной позиции, которая внушала бы страх Антанте во главе с Лондоном перед таким нападением. К тому же Германия должна была приобрести как можно больше независимости в мировой торговле и в своем обеспечении, чтобы лучше подготовиться к преодолению будущих блокад.

Конференция в Кройцнахе 17 и 18 мая 1917 года наконец принесла ОХЛ полный успех. Новый кайзеровский и королевский министр иностранных дел Оттокар граф Чернин принял немецкие пожелания об аннексии Курляндии и Литвы, а также об установлении контроля над Польшей. Австро-Венгрия вместе с тем должна была получить Румынию, а Германия обеспечивала себе существенное участие в экономической эксплуатации этой страны. Кроме того, империя Габсбургов создавала малую «новую» Сербию без выхода к Адриати-

ке, тесно связанную с Веней. Валона, Салоники и Констанца, напротив, попадали под германский контроль.

Тем временем вновь поднялся шум вокруг внутривосточных вопросов. Бетман, безусловно, должен быть смещен. Сам Гинденбург, разумеется, категорически отказывался от канцлерства. Уже потому, как он постоянно заверял, что не может и не хочет вести переговоры с рейхстагом. В качестве канцлера он предпочитал видеть Бюлова. На эту должность годился и Тирпиц, как человек ОХЛ. Правые круги политиков и представителей тяжелой промышленности, прежде всего так называемая «группа Адлон», возглавлявшаяся склонным к интригам генеральным директором фабрики красок «Байер и К^о» в Эльберфельде Карлом Дуйсбергом, выступали за военную диктатуру Гинденбурга. В соответствии с этим, фельдмаршал наряду с ОХЛ должен был возглавлять и правительство. Однако дуумвират вовсе не собирался брать на себя политическую ответственность. Для него было намного выгоднее заменить Бетман-Гольвега марионеточным канцлером, благонамеренным в отношении военных. Это подставное лицо должно было потом отвечать за все недостатки и последствия политических дел, в то время как слава третьего ОХЛ оставалась бы неприкосновенной. 14 марта Гинденбург решил на очередной удар и обратился к кайзеру с просьбой уволить Бетмана. Вильгельм разгадал новую интригу правых и решительно отклонил просьбу. В присутствии Люнкера он расценил как государственную измену деятельность представителей тяжелой промышленности. С каким удовольствием он, вопреки старой традиции и короне, немедленно распорядился бы посадить всех этих путчистов в Шпандау!¹⁶

В то время как руководство империи было вынуждено для поддержания социального мира идти на политические уступки, ОХЛ не хотело и знать об этом. Так, Гинденбург принадлежал к открытым противникам прусской избирательной реформы и «Пасхального послания» кайзера, содержавшего обещание отмены трехклассной избирательной системы и введения тайных и прямых, однако еще не равных избирательных прав. Оно открыло для ОХЛ еще одну возможность для возобновления атак на канцлера. Одновременно было заявлено, что проведение всех реформ отодвигается до окончания войны. Кризис в Германии, так и не заканчивавшийся с начала лета 1917 года и выражавшийся прежде всего в возрастающем недовольстве и волнениях в среде рабочих, послужил Главному командованию Сухопутных войск средством для достижения цели — устранения нелюбимого канцлера.

Известия о Февральской революции в России и об отречении Романовых совсем не вызвали у Гинденбурга «чувства политического, а лишь военного облегчения»¹⁷. При этом он уже потерял веру в та-

кой радикальный переворот в России. Фельдмаршал вполне осознавал риск, перебросив шесть дивизий с Западного на Восточный фронт, однако ОХЛ желало добиться окончательной победы именно на Востоке. За наступлением Керенского должен был последовать смертельный контрудар, чтобы в России окончательно изменить настроение против продолжения войны. ОХЛ, учитывая ослабление собственной военной силы, склонилось к осуществлению политического плана не препятствовать воле к миру русского населения мощными наступательными ударами, перейдя к пропагандистскому вторжению «из окопов в окопы». Это соответствовало подчеркнуто оборонительной установке третьего ОХЛ по отношению к главным противникам — Англии и Франции: возводить мощные оборонительные позиции за линией фронта от побережья Ла-Манша до Лотарингии. Так называемая «линия Зигфрида» была при этом главным оборонительным рубежом. Она проходила от Арраса до Лана и являлась, так сказать, тетивой фронтного лука в северо-восточной Франции. Во время строительных работ на «линии Зигфрида» у многих фронтных командиров возрастало убеждение, что надо добровольно отвести войска на эту позицию, чтобы добиться значительного сокращения фронта. Условия лунного ландшафта на Сомме, как и на других участках фронта с их грязью, сыростью, холодом, крысами и паразитами, действовали деморализующе и были невыносимы для солдат.

Главное командование Сухопутных войск медлило. Перспектива использовать меньше солдат на позициях, предоставлять более длительные передышки для войск и приобрести большую гибкость действий благодаря свежим резервам все же была убедительной для Гинденбурга и Людендорфа. Поэтому 4 февраля они отдали приказ об отходе 39 дивизий, который планомерно был проведен через полтора месяца. Противнику была оставлена разрушенная инфраструктура, опустошенные и заминированные участки земли. Фельдмаршал получил шанс образовать сильные резервы благодаря сокращению оборонительной линии. Все это создавало, как выразился Гинденбург, «большую стратегическую выжидательную позицию», которая, с одной стороны, давала преимущество противнику, но, с другой стороны, позволяла немецкой армии использовать для наступления его слабые места.

Девятого апреля, как раз в день рождения Людендорфа, английское наступление у Арраса наконец ознаменовало начало ожидавшегося весеннего наступления держав Антанты. Достигнутые благодаря мощному применению артиллерии первые успехи англичан вызвали в ОХЛ тяжелый кризис. «Одно из тех положений, — вспоминал сам Гинденбург, — когда кажется, что ничего нельзя удержать». Сно-

ва, демонстрируя свою невозмутимость, фельдмаршал поддерживал измотанного Людендорфа: «Ну, мы ведь вместе пережили и более трудные времена, чем сейчас»³⁸.

Французы тоже решились нанести мощный удар. Однако крупное наступление генерала Робера Нивеля, успешно защищавшего Верден, все же потерпело неудачу между Реймсом и Суассоном из-за высоких потерь и беспорядков во французских войсках. Немецким войскам удалось добиться заметного успеха в обороне. Гинденбург и Людендорф ничего не знали о масштабах бунта во французской армии. Чтобы сохранить свои резервы, они отказались от нанесения контрудара. Оба поставили перед собой задачу находиться на Западе в полной обороне. И несмотря на большие потери и заметные начальные успехи англичан, во время их нового наступления, начатого 7 июня северо-западнее Лилля, кризис в немецких войсках наконец все же удалось преодолеть. Это принесло некоторое удовлетворение начальнику Генерального штаба, который смог констатировать, что противнику прорыв абсолютно не удался.

Вместе с тем в письме к Бетману Гинденбург развеял иллюзию скорого окончания войны. Несмотря на несломленную волю Англии, он не преминул подчеркнуть эффективность неограниченной подводной войны и потребовать сплоченного фронта в тылу. «Ясно только, что мы в состоянии спокойно ожидать успеха, — заверил начальник Генерального штаба. — Наше положение с военной точки зрения обеспечено и останется таковым. Наши возможности с продовольствием будут не хуже, чем у противников»³⁹. В соответствии с этим полностью ложным утверждением ОХЛ призвало к внутренней сплоченности и укреплению стойкости.

Это было 19 июня 1917 года. Через восемь дней фельдмаршал обратился по этому поводу и к кайзеру Вильгельму. Гинденбург назвал канцлера «пораженцем». ОХЛ жаловалось на упущения Бетмана и на его осечки по снабжению, по оказанию влияния на общественное мнение, на гибельную веру в возможность мира на основе взаимопонимания с Англией. Искусный шахматный ход генерал-полковника Ганса Георга фон Плессена, генерал-адъютанта кайзера и коменданта Большой ставки, заключался в том, что он предложил Гинденбургу пригласить в ставку обер-президента Восточной Пруссии и старого друга кайзера Фридриха-Вильгельма фон Берга. Совсем в духе дуумвирата и вопреки всей старопрусской чиновной дисциплине он в связи со своим визитом к Вильгельму во время двухчасовой беседы с ним на террасе дворца Хомбург 24 июня горячо и открыто выступил против своего начальника Бетмана. По его словам, ухода Бетмана требовали «все патриоты»⁴⁰.

Обстановка продолжала обостряться. 29 июня произошел очень серьезный разговор генерал-фельдмаршала с уже отчаявшимся и всеми покинутым рейхсканцлером в Кройцнахе. Бетман чувствовал враждебность ОХЛ и постоянно ослабевающую поддержку со стороны кайзера. С глаза на глаз Гинденбург выглядел миролюбиво, но в беседе не участвовал Людендорф, решающий человек, серый кардинал, которого уже невозможно было заставить отказаться от смещения канцлера. Получилось так, что как Бетман, так и Гинденбург потребовали от Вильгельма отставки, чем сильно его разозлили.

Матиас Эрцбергер 6 июля произнес пламенную речь в главном комитете рейхстага. Он говорил об удручающем военном положении Центральных держав и о безуспешности подводной войны, превратившись из сторонника аннексий в реалиста, выступил за немедленные мирные переговоры без притязаний на приобретение территорий: Центр качнулся влево. Военные выразили серьезную озабоченность по поводу ожидавшейся мирной резолюции рейхстага, не считавшейся с немецкими аннексионистскими намерениями. По настоянию военного министра Штайна Гинденбург и Людендорф срочно отправились в Берлин.

К тому же начальник Генерального штаба направил Бетману письменный протест против мира на основе взаимопонимания. Такой мир заставлял его беспокоиться об ослаблении патриотического морального духа. Хотя фельдмаршал вполне соглашался с канцлером, что настроение в тылу «подавленное», однако видел причину этого не в разочаровании по поводу затянувшегося скорого окончания войны, а прежде всего в экономических проблемах и отсутствии внутривластного согласия. Германия должна держаться решительно, иначе она пойдет навстречу «порабощению»⁴¹.

Срочно запрошенная диоскурами аудиенция у кайзера 7 июля во дворце Бельвю проходила совсем не так, как ожидалось. Из-за вмешательства Бауэра Гинденбург и Людендорф должны были к тому же встретиться в отеле «Эксельсиор» с Матиасом Эрцбергером и Густавом Штреземаном, которого называли «молодым человеком Людендорфа», а вечером генерал-квартирмейстер один должен был встретиться еще и с Фридрихом Эбертом и Филиппом Шейдеманом. Однако рейхсканцлер узнал об этом заговоре. Вильгельм прибыл поездом из Лаксенбург-бай-Вин и сначала поехал к Бетману, чтобы узнать от него о неслыханном вмешательстве генералов в политику. В присутствии Люнкера монарх наконец поставил на место Гинденбурга и Людендорфа. Мирная резолюция их совсем не касалась. Вместо ее обсуждения они должны были незамедлительно возвратиться в ставку. После ужина у кайзера оба генерала, «поджавши хвост», поехали обратно в Кройцнах⁴². От своих договоренностей с парла-

ментариями они вынуждены были отказаться. Гинденбург был сильно расстроен и подавлен. Он понял, что Вильгельм был поставлен в неловкое положение и был просто вынужден так резко обойтись со своими высшими военными чинами.

Напротив, Людендорф еще больше ожесточился против канцлера. Каждая возможность теперь должна быть использована для его смещения. Верховное военное руководство при этом вовсе не побоялось вести двойную игру. Учитывая большое влияние различных политиков на рейхстаг, оно стало обвинять правительство в излишних уступках парламентариям. Особенно преуспел полковник Бауэр, «злой дух» ОХЛ, который в своих интригах использовал все средства, чтобы наконец свергнуть Бетмана. В союзе с известными «ниспровергателями канцлера» антибетмановской фронды — Штреземаном, Эрцбергером и консерватором Куно графом фон Вестарпом — он убедил и без того очарованного народными героями кронпринца, что против канцлера — почти весь рейхстаг. Хотя это не соответствовало действительности, национал-либералы и Центр лишили Бетман-Гольвега доверия. Фельдмаршал был «как громом поражен», когда услышал, что канцлер, как назло, должен остаться в должности по желанию Австро-Венгрии. Как может Пруссия-Германия допустить, чтобы Дунайская монархия делала такие предложения? Как может Габсбургская империя осмеливаться вмешиваться во внутренние дела Берлина? «Мы терпели таких плохих австрийских министров, как Буриан, а теперь Чернин, но мы повинемся австрийским указаниям, если хотим что-то у нас изменить, и не делаем ничего. Это настолько неслыханно, что я хочу получить подтверждение этому сообщению, прежде чем ему поверю. Если это правда, то я не знаю, что буду делать. Это необходимо спокойно обдумать, но работать с канцлером, который так поступает (так как он явно подчинился окрику из Вены), едва ли будет для меня возможно. Итак, не удивляйся и не пугайся, если я, возможно, уйду. Я не могу участвовать в позоре. Дай Бог, чтобы я ошибался! Бог не оставит свою Германию-Пруссию!»⁴³ — сообщал он своей жене.

После того как Гинденбург 12 июля услышал от военного министра Штайна о слишком подобострастной, по его мнению, мирной резолюции рейхстага, он тотчас же поспешно телеграфировал кайзеру. Он осудил резолюцию, содержания которой точно не знал, как выражение слабости, которая постоянно наносит ущерб боевой мощи Германии и может усилить только Антанту. Вильгельм, заключил он, должен, во всяком случае, расстаться с Бетманом. В ответ на это кайзер приказал зачитать фельдмаршалу мирную резолюцию по телефону, чтобы тот мог сделать свой комментарий по этому поводу. Действительно, социал-демократы, Центр и прогрессисты пос-

ле многих дискуссий согласились принять резолюцию, в соответствии с которой рейхстаг стремился к миру взаимопонимания и длительного примирения, без насильственных территориальных приращений, без политического, экономического и финансового насилия. Рейхсканцлер должен был присоединиться к этой резолюции. Через полчаса Гинденбург сообщил в ответ, что он хотел бы, чтобы вычеркнули именно тот раздел резолюции, в котором речь идет против мира с аннексиями. В этом он мог полагаться на поддержку кайзера.

Одновременно уже находилось в пути новое прошение об отставке третьего ОХЛ. Оба генерала, говорилось в нем, больше не могут работать с этим канцлером. При этом фельдмаршал подчеркивал существование «непреодолимых противоречий» между ним и Бетманом. Он усматривал во взглядах канцлера серьезную опасность для Трона и Отечества. При этом Гинденбург еще больше подключился к акции Людендорфа. И это средство давления наконец подействовало. Кайзер в крайнем гневе вызвал обоих генералов в Берлин. Он упрекал их в нарушении дисциплины, поставившем его в такое трудное положение. Их прошение об отставке Вильгельм, конечно, проигнорировал. Более того, через день он принял решение в пользу двух генералов и против Бетмана. Последнему стало ясно, что в случае ухода третьего ОХЛ оставаться на прежней должности ему будет невозможно. Ни один канцлер не удержался бы, если из-за него народный герой Гинденбург должен был бы уйти в отставку. К тому же в свое время Бетман содействовал смещению Фалькенхайна и назначению нового ОХЛ. Когда оба генерала утром 13 июля — примечательно, что это была пятница, — были приняты скорее испытывавшим облегчение, чем смущенностью, кайзером, он смог им уже объявить об отставке шестидесятилетнего Бетман-Гольвега.

Кого удивит, что оправдалось старое сравнение из литературы о смещении канцлера. Сект как-то цинично назвал Бетмана «учеником волшебника», «который однажды вызвал метлу, освободившую его от Фалькенхайна, а потом сам же был выметен этой метлой!»⁴⁴. И на этот раз, при свержении канцлера, Гинденбург и Людендорф, как и при смещении их предшественника, могли сослаться на других; теперь это были национал-либералы, Центр и часть социал-демократов, которые приняли значительное участие в отставке Бетмана. Но Гинденбург и Людендорф не были людьми, готовыми уступить требованиям левых и центристских партий о демократизации и даже о мире на основе взаимопонимания.

V. Заменяющий кайзера

Фельдмаршал с незаменимым для него Людендорфом возвысился до положения самой могущественной личности в Германии. «Как человек, Гинденбург действительно в высшей мере достоин уважения, — писал однажды Грёнер, характеризуя фельдмаршала и Людендорфа, — но он не полководец, да и от государственного деятеля в нем нет ничего. Без способностей и энергии Людендорфа он был бы военачальником среднего уровня. Гинденбург, в свою очередь, придает величие Людендорфу, которое у него отсутствует. Людендорф также не является государственным деятелем и никогда им не станет. И все же фирма Гинденбург—Людендорф должна заключить мир»¹.

Именно это широко распространенное в империи убеждение свидетельствует о своеобразии процесса принятия политических решений и показывает преобладавшую в Германии идеологию. Хотя во Франции и Англии в лице Жоржа Клемансо и Дэвида Ллойд Джорджа во главе государства также стояли сильные личности, тоже желавшие выиграть войну при любых обстоятельствах, однако они не только более реалистично смотрели на вещи, но и, несмотря на все военно-диктаторские амбиции, были гражданскими людьми. Для них война не была самоцелью, не являлась мерилom всего. Они, в отличие от третьего ОХЛ, привыкли идти на компромиссы, искусно вести себя как политические личности, учитывая межгосударственные отношения. Напротив, дуумвиратом, совершенно отвергавшим дипломатию, в расчет принимались только военная сила и безопасность империи. Все другие побуждения они воспринимали как выражение слабости.

С уходом Бетман-Гольвега, представителя осторожности и компромисса, казалось, было сметено последнее серьезное препятствие на пути к военной диктатуре ОХЛ. Вильгельм капитулировал перед огромной популярностью Гинденбурга и неукротимой волей Людендорфа. В глазах общественности фельдмаршал фактически все более заметно выполнял функцию заместителя кайзера. Как анализировал Грёнер, любовь солдата к фельдмаршалу была больше, чем к кайзеру, поскольку именно от Гинденбурга он ждал победы, мира и возвращения домой. Молодые офицеры верили, что Гинденбург «справится даже с Богом»². И действительно, повсюду продолжали появляться вместе изображения его и монарха: на плакатах и фотографиях, в кинофильмах, на игральных картах и на денежных знаках. Особенно широко чествовали Гинденбурга самозванные патриоты, к которым он относился чрезвычайно сдержанно. Например, в одном из писем Людендорфу представители пангерманцев заявили: «Фельдмаршал незаменим, поэтому его, безусловно, нельзя уволить в отставку. Ему нече-

го беспокоиться, в милости или немилости он у кайзера. Он, и только он, вместе с Вами является стражем чести и целостности Германии и Пруссии и вместе с тем — хранителем династии Гогенцоллернов как носительницы императорской короны Германии и королевской короны Пруссии»³.

Примечательно, что именно военные принимали решение по поводу назначения нового рейхсканцлера. Бетман сам предложил в качестве своего преемника министра-президента Баварии Георга графа фон Гертлинга. Кайзер согласился, однако кандидат отклонил это предложение. Бывший руководитель партии Центра, исследователь истории Церкви чувствовал себя уже слишком старым и усталым. К тому же он был не согласен с целями войны, провозглашенными военным руководством. Затем на этот пост был выдвинут недавно вернувшийся из Вашингтона посол Йохан Генрих граф фон Берншторф. Хотя кайзер вначале выразил серьезные сомнения по поводу дипломата, но был готов снять их, если Гинденбург даст свое согласие на эту кандидатуру. Узнать о согласии или несогласии фельдмаршала было поручено Люнкеру. Сам шеф кабинета считал Берншторфа непригодным для этой должности.

Тем временем поступило предложение Ганса Георга фон Плессена выдвинуть кандидатуру шестидесятилетнего заместителя статс-секретаря в прусском министерстве экономики, консерватора и политически неопытного, к тому же совершенно неизвестного обществу Георга Михаелиса. За одобрением отправились к истинному главе государства — Гинденбургу. Кайзера при этом полностью игнорировали. Его слово, по сравнению с решением Гинденбурга, было не в счет. И действительно, начальник Генерального штаба отклонил считавшуюся кайзером приемлемой кандидатуру Берншторфа и вместе с Людендорфом тепло приветствовал назначение Михаелиса. То, что этот незначительный юрист обладал большим опытом администратора и был порядочным и богобоязненным человеком, сразу сделало его кандидатуру приемлемой для Гинденбурга. Оба генерала вместе с Валентини направились во дворец Бельвю к кайзеру, вызвав у него явное удивление. И все-таки они уговорили его назначить рейхсканцлером человека, с которым он был даже незнаком.

Своей супруге Гинденбург с надеждой сказал, что именно с Михаелисом «придет наконец ясность и устойчивость в делах». Маршал чувствовал себя теперь намного спокойнее. «Теперь мне не надо заботиться о вещах, которые действительно меня не касаются». Несмотря на свой твердый и честный характер, Михаелис с самого начала считался неприкрытым орудием ОХЛ. В соответствии с этим последнее ожидало от канцлера «политики сильной руки». В начале

нового канцлерства Гинденбург был преисполнен оптимизма: «Позитивная работа, никаких сомнений, ясное решение, твердая воля. Слава Богу!» Даже нового статс-секретаря ведомства иностранных дел Рихарда фон Кюльмана он хвалил как умного и энергичного⁴. Еще будет показано, как сильно изменит фельдмаршал свое мнение именно в отношении либерального преемника Циммермана.

Он сразу же настоятельно предостерег Михаелиса от тяжелых ошибок, допущенных медлительным Бетманом: отказ от более тесного сотрудничества с ОХЛ, его бессильная внешняя политика, сопротивление подводной войне, польское фиаско, неудача в вопросе о депортации бельгийских рабочих. К тому же Бетман был малоэнергичным в своей экономической политике и прежде всего недостаточно мобилизовал «народные силы», слишком мало стимулировал пропаганду, не контролировал прессу, нанося этим ущерб престижу монархии. Все это повлекло за собой деморализацию, пессимизм и забастовки. Как бы с угрозой фельдмаршал известил политически неопытного Михаелиса о полной поддержке со стороны военного руководства. Но непременным условием было то, чтобы новый канцлер исправил ошибки своего предшественника.

Поэтому 14 и 15 июля в Берлине прошло совещание между ОХЛ, Михаелисом и представителями Центра, прогрессистов и социал-демократии по поводу мирной резолюции рейхстага. Гинденбург, который грубо уверял, что «лучше быть в окопе, чем в Берлине», ни в коем случае не хотел заранее отказываться от территориальных приобретений. При безусловном отказе от захватов фельдмаршал опасался за моральный дух офицерского корпуса. К тому же в этом случае Германии надо было также отказаться от «стратегических гарантий посредством передвижения границ» и этим ослабить свое положение в расчете на будущую войну⁵. Испытывая явное облегчение, что наконец-то удалось сместить ненавистного Бетмана, ОХЛ все же прекратило сопротивление тексту мирной резолюции. Она была принята рейхстагом 19 июля. Но Гинденбург и Людендорф знали, что объявленный отказ от аннексий и экономического насилия при заключении сепаратного мира, например, с побежденной Россией, позволял заключать специальные соглашения.

В пункте о Польше диоскуры были гораздо менее уступчивы. Из-за зашоренности третьего ОХЛ постоянно ухудшались отношения с партнером по двойственному союзу. Дальнейшая судьба Польши стала вопросом германской или австрийской гегемонии. Кайзеровский и королевский министр иностранных дел Чернин поднял этот вопрос почти до уровня самого сохранения союза.

Гинденбург, наоборот, рассматривал будущее Польши «очень спокойно», как он писал своей жене. «Охотнее всего после определе-

ния примыкающих к нам границ я отдал бы ее России. Страна слишком незрелая, неблагодарная и ненадежная для того, чтобы играть самостоятельную роль, и ее полностью присоединить — бр-р-р!»⁶ Официально он решительно заявил, что австрийская Польша «с военной точки зрения для нас неприемлема в любой форме». От нее австро-польское влияние «вскоре перекинется на Литву и даже в польско-пруссских частях страны создаст ужасные условия». Было бы еще лучше после сильного «исправления» немецкой восточной границы вернуть Польшу России, вместо того чтобы передавать ее Австрии. «Это решение представляло бы для нас с политической и военной точки зрения намного меньшую опасность, а в военном отношении создавало бы ясные условия», — писал он рейхсканцлеру в середине лета 1917 года. Он считал, что сначала надо подумать о дальнейшем развитии зависимой от Германской империи автономной Польши. Оба оккупационных губернаторства надо срочно объединить и сделать Альбрехта Вюртембергского польским регентом⁷.

Несмотря на братство по оружию, начальник Генерального штаба и его квартирмейстер считали в дальнейшем войну с Дунайской монархией абсолютно возможной. Лучше четвертый раздел Польши, чем решение в пользу Габсбургской империи, внушал Гинденбург рейхсканцлеру во время совещания 9 августа в Кройцнахе как о немецкой линии поведения в отношении австрийских притязаний. Чернин, прибывший пятью днями позднее в Берлин, чтобы вновь поднять этот же вопрос, был полностью деморализован Людендорфом, говорившим даже о присоединении Польши к Германии. Кайзер Вильгельм — и тот не мог настроить обоих генералов на другой лад. Он надеялся, что решение польского вопроса в интересах Австрии укрепит союз с Австро-Венгрией. За это он намеревался аннексировать Румынию. Однако ОХЛ опасалось, что австро-польское объединение приведет как к усилению антинемецких элементов в Дунайской монархии, так и к окружению Германии.

Расхождения по польскому вопросу продолжались. На конференции с участием рейхсканцлера и Кюльмана 7 октября 1917 года в Кройцнахе Гинденбург и Людендорф резко выступили против любого усиления империи Габсбургов. Дунайской монархии могло прийти по вкусу дальнейшее распространение ее господства. Неизбежным последствием этого была бы война с Германией, от которой для Гогенцоллернов исходила бы опасность деградировать до положения вассалов Габсбургов. «Мы должны показать австрийцам наше могущество», — звучал тенор Гинденбурга. Они и без того всегда интриговали против Германии. А теперь пришло время нанести ответный удар. Между прочим он отметил, что «немецкая национальность в Австрии несостоящая». ОХЛ больше не желало знать ни о долгосроч-

ном оборонительном и наступательном союзе, форсированном немецким политическим руководством, ни о военной конвенции с Австро-Венгрией⁸.

Оба генерала сделали лишь кажущуюся уступку, заявив, что готовы к дискуссии об условиях передачи Польши Австрии. Меморандум Гинденбурга в форме 24 условий был нацелен ни на что иное, как на использование стесненного положения двуединой монархии и предложение ей абсолютно искалеченной и экономически полностью зависящей от Германии Польши. По этой, без сомнения продиктованной Людендорфом, модели империя Габсбургов, очевидно, рассматривавшаяся в качестве будущего врага, низводилась до вассала германской аннексионистской политики. В соответствии с ней Австрийская Силезия отходила к Германии, превращаясь в немецкий коридор через территорию Габсбургской монархии для обеспечения связи с Юго-Восточной Европой. Сверх того, Людендорф требовал немецкого опорного пункта на побережье Адриатики, свободы действий в Румынии и Бельгии, поддержки аннексии Курляндии и Литвы, как и всех военных целей Германии. Очевидно, под влиянием известного антисемита Бауэра 24 пункта содержали также положения, по которым евреи не могли переселяться на аннексируемую Германией новую приграничную польскую полосу. Они также не должны были приниматься на службу в польскую армию⁹. Расистские и ультранационалистические стремления, антипольские и антиеврейские планы выселения, без сомнения, не относились к миру самобытного мышления Гинденбурга. Официально он их не отвергал — очевидно, так было ему удобно, чтобы долго не спорить с Людендорфом и Бауэром по неинтересным для него детальным вопросам. Даже если речь сначала шла о малопродуманных проектах, шанс на реализацию которых был невелик, он соглашался, чтобы пользовались его именем и авторитетом для проталкивания таких злополучных идей.

ОХЛ своей явно антиавстрийской концепцией представляло точку зрения, противоречившую мнению Кюльмана. Со своей стороны, статс-секретарь был намерен поддержать двуединую монархию австро-польским решением проблемы, чтобы таким образом подвести фундамент под двойственный союз. Кроме того, он стремился к заключению двусторонней военной конвенции, которая была отвергнута Гинденбургом и Людендорфом. ОХЛ перечеркнуло все попытки заключения плодотворных соглашений с Веной своим намерением аннексировать польскую территорию. Против вето двух обожествляемых генералов гораздо более благоразумное политическое руководство Германии было бессильно. Спор о Польше двух относящихся с недоверием друг к другу союзников, соединившийся затем с дискуссией о сфере экономического влияния в побежденной Румынии,

продолжался до осени 1918 года. Хотя в том же году была заключена двусторонняя военная конвенция, она не оказала никакого влияния на дальнейший ход войны.

Несмотря на постоянно ухудшавшуюся для Германии обстановку, ОХЛ, якобы не унывая, мечтало об аннексиях и не хотело слышать о заключении мира с отказом от них. В сентябре благодаря мирной инициативе Ватикана Михаелис попытался побудить ОХЛ к отказу от аннексионистских планов в отношении Бельгии. Однако Гинденбург сослался на флот и патриотические круги, которые согласились бы на отказ от побережья Фландрии только при крупной компенсации в виде баз флота по всему миру. Фельдмаршал хотел осуществлять военную оккупацию Бельгии многие годы, чтобы ее можно было эффективно эксплуатировать. В этом случае она больше не могла быть использована Антантой в качестве «трамплина». Германский ответ папскому престолу содержал лишь заверения об общей готовности к миру, упоминаний о Бельгии в нем не было. Но фактически не одна Германская империя была повинна в том, что мир не был заключен: Франция и Италия тоже не отказывались от своих планов аннексий.

Хотя ОХЛ примирилось с тем, что добиться цели неограниченной подводной войны не удалось, учитывая непоколебимую позицию Англии, и приходилось рассчитывать на продолжение войны наступающей зимой без стратегических перспектив, диоскуров не покидал оптимизм.

Правда, Гинденбург воспринимал крайних аннексионистов и самозванных патриотов гораздо менее серьезно, чем Людендорф. Ему надоели желания и советы чрезмерно любящих Отечество кругов и союзов. «Хороших советов мне присылают достаточно, — жаловался он своей жене, — жаль только, что они невыполнимы. Так, например... старый добрый Цеппелин требует, чтобы я захватил Брест, Гибралтар и Мальту. Пангерманцы, кое-кого из которых я считаю созревшими для сумасшедшего дома, чуть ли не требуют присоединить Цейлон к Брауншвейгу и выставить Мону Лизу в Берлинском цейхгаузе. Часто не знаешь, смеяться или плакать из-за той чуши, на которую готовы решиться “немецкие мужи” за пивным столом»¹⁰.

Но эта спасительная дистанцированность, естественно, не означала, что Гинденбург выступал за мир на основе взаимопонимания. То, что Германия может выйти ослабленной из войны, он даже не обсуждал. Как-то он сказал канцлеру: «Мы предоставили соседям самим восполнить причиненный нами тяжелый ущерб. Это трудно воспринять как значительный успех. Большой вред, который мы нанесли соседям, — неизбежное последствие войны. О соглашении относительно возмещения ущерба при нашем военном положении

не может быть и речи. Мы не должны объявлять об этом и за рубежом»¹¹.

Человеку, требовавшему от политики этого «указа о наморднике», было тогда 70 лет. Несмотря на прогрессирующее старение, фельдмаршал оставался бодрым, хотя в конце 1916 года перенес трахеит и некоторое время не вставал с постели, однако вскоре выздоровел. С января 1917 года к нему был приставлен для постоянного медицинского обслуживания капитан медицинской службы доктор Мюнтер. Несмотря на появлявшиеся временами жалобы на легкие приступы ревматизма, к Гинденбургу вернулось его обычное здоровое состояние. «Великая цель, над достижением которой работаешь и думаешь день и ночь, поддерживает бодрый дух. Если жить напряженно, умеренно спать, постоянно заниматься делом, работать с удовольствием, то времени для старения не останется... Когда труд твоей жизни дает плоды, можно ли чувствовать себя усталым или старым? Все страшнет работа, неустанная и безграничная преданность великому делу, которому должны принадлежать все помыслы»¹².

Второго октября 1917 года Германия отмечала семидесятилетие Гинденбурга. Перед этим на одном из митингов он призвал воздержаться от всяких юбилейных торжеств и поздравлений, однако практически вся официальная Германия чествовала юбиляра. В Кройцнахе Вильгельм вручил ему мраморный бюст. За праздничным столом сидели кайзер, канцлер и министры. Города и общины тоже щедро чествовали своего кумира: проводили богослужения, украшали дома флагами, устраивали школьные праздники. Наряду с бесчисленными подарками и морем цветов ему вручили большое количество дипломов почетного доктора и грамот почетного гражданина. В Геттингенском университете в актовом зале был установлен его бюст рядом с бюстом Бисмарка.

Гинденбург понимал, что он в долгу перед всеми своими почитателями, и, принимая поздравления, неустанно повторял ставшие уже привычными лозунги, призывавшие к выдержке: «Сожмите зубы! Ни слова о мире, пока не завершим кровавую работу и не одержим победу. Это должно стать призывом для всего немецкого народа... Трудитесь еще усерднее, боритесь вместе со мной против тех немногих в стране, которые выступают как бабы и слабаки!»¹³

Ни кайзер, ни его советники или канцлер не могли совладать с установлением военной диктатуры третьего ОХЛ. Удалось предотвратить рост ее влияния только рейхстагу, который действительно все больше превращался в заметную силу в стране. Хотя ему далеко еще было до парламентской системы западного образца, однако ни один канцлер уже не мог с ним больше справиться. Поэтому должны были уйти в отставку сначала Бетман-Гольвег, а потом не пользо-

вавшийся с самого начала большой любовью из-за своего консерватизма и общей непригодности для поста канцлера Михаелис, хотя и являвшийся кандидатом от ОХЛ. 1 ноября 1917 года рейхсканцлером был назначен приверженец конституционной системы семидесятипятилетний Гертлинг, вице-канцлером — Фридрих Пайер, человек Прогрессивной народной партии и кандидат от рейхстага.

Однако ОХЛ, как и прежде, выступило против растущего влияния рейхстага, парализуя почти все последующие немецкие мирные инициативы. Гинденбург ясно высказался по этому поводу: «Мы чувствуем себя на нашем месте, которое образовалось без нашего содействия, свою ответственность перед немецким народом, историей и нашей собственной совестью за установление мира»¹⁴. Это означало: без согласия ОХЛ никакой мир не может быть заключен.

Действия австро-венгерских войск против численно превосходящих итальянских армий на Южном фронте вызвали у Гинденбурга уважение. Насколько он был не в ладах с австрийцами из-за незначительности их успехов на Восточном фронте против русских, настолько он восхищался победами на Изонцо и в высокогорье Южного Тироля. Решительное итальянское наступление поколебало бы моральный дух солдат и политиков двуединой монархии. Поэтому ему показалось, что пробил час для отвлекающего наступления, для которого, безусловно, следовало использовать сильные немецкие части.

В действительности Гинденбург считал удар из Южного Тироля единственно возможным логическим стратегическим шагом, в результате которого главные силы итальянских войск могли быть окружены и уничтожены в районе Венеции. Учитывая положение на Западном фронте, ОХЛ смогло выделить только половину тех сил, на предоставлении которых настаивал Конрад для нанесения такого мощного удара. К тому же в Южном Тироле могла начаться зима еще до окончания развертывания. Поэтому начальник Генерального штаба удовлетворялся лишь более скромной целью, заключавшейся в прорыве слабого северного фланга итальянской «армии Изонцо», чтобы затем нанести уничтожающий удар по главным силам итальянских войск, находившихся южнее, прежде чем им удастся отойти за оборонительный рубеж реки Тальяменто. Победа у Плеццо — Тольмино в конце октября — начале ноября, несмотря на захват огромного количества итальянских военнопленных, не увенчалась уничтожением войск противника, поэтому не вызвала у Гинденбурга праздничного настроения. На Тиаве тоже не удалось сломить итальянское сопротивление. Вновь крупная победа в сражении почти не оказала какого-либо влияния на ход войны.

На Восточном фронте уже установилось что-то вроде перемирия. Обер-ост, возглавляемый Леопольдом Баварским и Максом Гофма-

ном, в результате наступления 3 апреля 1917 года под Тоболами отбросил русских за реку Стоход. Дальнейшие действия были запрещены ОХЛ, опасавшимся в случае продолжения немецкой агрессии объявления русскими отечественной войны против империалистических захватчиков. К тому же при редком единодушии политиков и военных было принято решение пропустить в ночь с 10 на 11 апреля через Германию и далее через Скандинавию в Россию знаменитыйпломбированный поезд с Лениным и еще 31 эмигрантом. Однако фельдмаршал отнюдь не верил в долгое господство большевиков.

Из мира на Востоке ОХЛ извлекло прежде всего военную выгоду. Между границами России и империи необходимо было создать кордон. В то время как немецкие политики говорили, по крайней мере, о зависимых, но все же автономных странах на восточной границе империи, ОХЛ требовало аннексии Литвы и Курляндии с Ригой и расположенными у побережья островами. Гинденбург и Людендорф рассматривали эти области только как военную добычу. При этом речь никогда не заходила о национальном самоопределении или о действительно дружественных отношениях с Пруссией-Германией. Нужно было использовать больше земли для пропитания собственного населения, поэтому эти области подлежали просто беспощадной эксплуатации, хотя в действительности от этих полностью истощенных земель ожидали невозможного.

Неудача наступления Керенского летом 1917 года и прежде всего Октябрьская революция большевиков наконец проложили Центральным державам путь к миру на Востоке. 15 декабря официально было заключено перемирие. Русские революционеры пропагандировали мир без аннексий и контрибуций, а также право народов на самоопределение. Но Антанта не собиралась переходить к всеобщему миру без приращения территорий. Вильгельмштрассе, лишь принимая во внимание усталость от войны большей части населения и из страха перед забастовками и беспорядками, вызванными голодом, сделало вид, что приняло за основу для ведения переговоров о территориях русский лозунг, — планировалось же противоположное.

Именно ОХЛ фантазировало о ползучем присоединении Финляндии, Эстляндии и Украины посредством усиленной деятельности немецкой пропаганды. На совещании с политическим руководством, состоявшемся 18 декабря под председательством кайзера, для определения немецких целей на мирных переговорах в Бресте Гинденбург потребовал «из военных соображений для обеспечения восточной границы» персональной унией связать с Германией Эстляндию, Лифляндию, а также Ригу и прилегающие острова. То, что такое присоединение улучшило бы геостратегическое положение империи, вызывало сомнения.

Мирные переговоры начались 22 декабря. Германская делегация под председательством Кюльмана через три дня согласилась с советскими требованиями об общей мирной конференции и об отказе от насильственных территориальных приобретений и возмещения ущерба, однако с условием, что западные державы до 5 января 1918 года тоже заявят о своей готовности к этому. Кюльман знал, что Антанта не примет это общее мирное предложение. Поэтому сепаратный мир с Россией был вне опасности. Немецкая дипломатия в Брест-Литовске на советские предложения об эвакуации со всех оккупированных территорий при сохранении полной независимости всех народов, потерявших свою свободу во время войны, а также на план, в соответствии с которым никакие контрибуции и компенсации не выплачиваются, ответила деликатно, по мнению ОХЛ — слишком деликатно. Итак, военные и большинство партий в рейхстаге опасались за шанс достижения на Востоке своих экспансионистских военных целей. К тому же они боялись, что Антанта действительно может сесть за стол переговоров. Во всеобщих же мирных переговорах ОХЛ абсолютно не было заинтересовано.

Возмущенный и без того коварной немецкой ответной нотой, 25 декабря Гинденбург телеграфировал канцлеру: «Не нам, а России нужен мир»¹⁵. Поэтому он хотел диктовать мир побежденному противнику. Кюльман и так не упускал случая шокировать советских делегатов. С его точки зрения балтийские провинции и Польша уже по собственному почину пользуются своей независимостью от России. Немецкие оккупационные войска, добавил Гофман как высший немецкий военный делегат на переговорах в Брест-Литовске, выводиться не будут. В дальнейшем отношения между сорокачетырехлетним англофилом Кюльманом и ОХЛ драматически ухудшились. Причиной тому снова были противоречия между решившимися на всё военными и политиком, слишком готовым, по их мнению, к компромиссам. Кюльман, опытный, интеллигентный дипломат, хорошо знал об одномерности политической концепции военного руководства. Соответственно, он считал фельдмаршала слишком «ограниченным и патриархальным немецким консерватором».

Гинденбург 29 декабря снова направил письменный протест канцлеру против хода брестских переговоров, «подавляющих настроение в армии и в тылу». Он указывал на недостатки во втором немецком обращении, сделанном за день до этого: о том, что там шла речь о «волеизъявлении широких масс народа», которое должно было подтвердить решение балтийских земельных советов об отделении от России. В польской приграничной полосе, «которую мы должны аннексировать в любом случае» (то есть в административных окру-

гах Сувалки — Августово и Белосток — Гродно), вообще «с военной точки зрения какое-либо голосование недопустимо»¹⁶.

Генеральный штаб продолжал не доверять Кюльману с одержимостью, граничившей с паранойей. В протесте от 31 декабря, выдержанном в еще более резком тоне, фельдмаршал подчеркнул, что не станет нести какую-либо ответственность за заключение мира, если не будет проведен каталог его требований: ограничение Польши в размерах, требуемых ОХЛ, запрет на сооружение польских приграничных укреплений, присоединение Литвы, которая должна простираться к югу до Беловежской Пущи, а также Курляндии, Риги и островов, отклонение любого права на самоопределение в областях, занятых Германией; добиться, чтобы Россия обеспечила право на самоопределение в Лифляндии и Эстляндии и не препятствовала их присоединению к империи и, наконец, признания самостоятельности Финляндии.

Гинденбург заявил, что возмущен тем, как ведутся переговоры в Брест-Литовске. Он воспринимал их как дипломатическое поражение, оказывающее отрицательное воздействие на настроение в армии. Поэтому ему должны быть обеспечены «большее влияние и выражение ясного согласия со всеми предложениями и решениями», а он прикажет генералу Гофману своевременно докладывать о содержании всех предложений в Большую ставку по телеграфу, а не только по телефону. Патетически он объявил: «Я никогда не дам моему представителю разрешения подписать слабый мир, не соответствующий достоинству Трона и Отечества»¹⁷.

К новому врагу ОХЛ в лице Кюльмана присоединился еще один — генерал Макс Гофман. В отличие от Людендорфа он был противником больших аннексий польских территорий, так как это только увеличило бы долю польского населения в Пруссии. К тому же для своей «умеренной» польской политики он нашел сильную поддержку у Вильгельма. Гинденбург и Людендорф отреагировали 2 января 1918 года в Коронном совете на эту ось подчеркнуто оскорбленно. Перед собравшимися лицами они начали громко и критично осуждать кайзера. Казалось, что они потеряли последнее уважение к Верховному главнокомандующему. Сначала Людендорф дерзко высказал оппозиционное мнение ОХЛ по поводу планов кайзера и Гофмана в отношении Польши. Когда Вильгельм, закрывая заседание, пожелал услышать новые комментарии Генерального штаба по польской политике, Людендорф выскочил из помещения, в раздражении хлопнув дверью.

Диоскуры были разгневаны предложениями Гофмана и ни в коем случае не хотели принимать идеи подчиненного им офицера. Они неожиданно представили его «агентом» Кюльмана и инициировали жестокую, подрывающую репутацию кампанию в прессе против на-

чальника штаба Главного командования Восточного фронта и его якобы слишком либеральной жены. Кроме того, 4 января Людендорф снова обратился с прошением об отставке. Этот шаг должен был ясно показать, что Германия стоит перед выбором между «сильным» миром ОХЛ и «слабым» миром Кюльмана, Валентини, Мюллера и Гофмана. ОХЛ отождествляло это с подъемом или упадком империи.

Оно опасалось за «свой» мир, приложило все усилия, чтобы дискредитировать берлинскую дипломатию перед монархом. В меморандуме кайзеру от 7 января Гинденбург жаловался: «Создание украинского государства может определенно смягчить польскую опасность для Германии. Однако обстоятельства в России настолько не ясны, что, на мой взгляд, безопасность Германской империи на этом строиться не может... Мы с генералом Людендорфом были очень удивлены соглашениями от 25 декабря... Я уже провел много обсуждений с ведомством иностранных дел, и у меня сложилось впечатление, позволяющее мне и генералу Людендорфу... идти своим собственным путем. В польском вопросе Ваше Величество предпочли поставить мнение генерала Гофмана выше моего и генерала Людендорфа». Это обстоятельство его «болезненно затронуло»: «Для нас это знак того, что Ваше Величество пренебрегло нашим мнением по вопросу, касающемуся жизни немецкого Отечества. По впечатлениям из Бреста кажется, что немецкие участники переговоров выступают не столько энергично, как дипломатично»¹⁸.

Фельдмаршал указал на различие во взглядах между Кюльманом и ОХЛ и провел четкий раздел между добром и злом: «У меня твердое убеждение, что представляемая нами точка зрения ведет к усилению монархии и расширению державных позиций Германии, а противоположная — может только еще больше низвести с высот... Ваше Величество имеет высшее право принять решение. Но Ваше Величество не отдаст приказ, чтобы искренние люди, преданно служившие Вашему Величеству и Отечеству, имеющие авторитет и имя, приняли участие в действиях, которые они по внутреннему убеждению признают вредными для Короны и Империи». Политический успех должен в будущем просто соответствовать военному.

Решительным тоном он потребовал от кайзера отставки Валентини и Кюльмана, которого в момент вступления в должность он хвалил еще как умного и энергичного. Первый же был для Людендорфа реликтом из эпохи Бетман-Гольвега, воплощением «политики слабости». Вильгельм осмелился возражать. В ответ на это утром 14 января к нему направился Гинденбург. Во время драматичной сцены фельдмаршал, побуждаемый своим генерал-квартирмейстером, угрожал отставкой обоих героев, если Валентини не уйдет со своего поста.

Запутавшись, он связал успех наступления на Западе с увольнением Валентини. В то же время обер-президент Фридрих фон Берг, доверенный человек кронпринца, должен был, по его мнению, стать шефом гражданского кабинета. Вильгельм гневно отреагировал на наглую выходку Гинденбурга: «Я не нуждаюсь в вашем отцовском совете!» — и захлопнул за собой двери.

Офицер связи Генерального штаба с рейхсканцлером полковник Детлеф фон Винтерфельдт попытался переубедить обоих генералов. После этого они вроде бы решили отказаться от требования отставки Кюльмана. Однако Валентини, который будто бы оказывал плохое влияние на монарха, должен был все же уйти. Вместе с Людендорфом фельдмаршал выехал в Кройцнах. Они сделали вид, что приняли твердое решение об уходе в отставку. Фельдмаршал также не захотел выполнить требование Вильгельма о письменном изложении пунктов обвинения против Валентини. Он опасался, что после этого все останется по-старому. Внутренне Гинденбург чувствовал себя неуверенно. Но императорская немилость была недолгой. Вильгельм оказался не в состоянии отказаться от своих народных героев и уволил Валентини со всеми почестями. Монарх, глубоко униженный, выступал теперь перед Гинденбургом и Людендорфом уже как «благодарный и благожелательный король», но своему старому школьному другу Бергу признался, что ему «приказали» сделать его шефом гражданского кабинета¹⁹.

При этом немецкая внутренняя политика требовала в действительности серьезной заботы, а не игры в интриги за личную власть и влияние. Обострившаяся обстановка с продовольствием в тылу, растущая усталость от войны и не в последнюю очередь мирные лозунги русских революционеров в Брест-Литовске в конце января 1918 года привели к широкому забастовочному движению в немецких промышленных городах. В нем участвовало более миллиона рабочих. ОХЛ, естественно, потребовало от правительства принять решительные меры. И то действовало именно в этом духе. Стачка во время войны представляла для Гинденбурга «безответственное ослабление нашей обороноспособности и непростительную вину перед армией, особенно перед человеком в окопе, который должен за это истекать кровью»²⁰.

Забастовка была прервана уже 3 февраля, военное вмешательство подействовало. Требования бастующих даже не обсуждались, как при первых демонстрациях 1917 года. Двумя неделями позднее в своем письме к рейхсканцлеру Гинденбург отметил важность того, «чтобы коротко и ясно была как можно скорее высказана точка зрения, что стачка во время войны является изменой родине» и, таким образом, наказуема. В соответствии с этим профсоюзам и СДПГ необходимо

дать ясный ответ, «действительно ли они безусловно осуждают забастовку во время войны или нет. Они должны раскрыть свои карты». Или левые при возможных забастовках окажутся бессильными, или будет констатировано их предательство. Большое значение, как ему казалось, во время стачек имела защита желавших трудиться от «терроризма забастовщиков». Фельдмаршал выразил уверенность, «что только силой и твердостью удастся на долгое время предотвратить крупные забастовки и... по возможности исключить угрозу беспорядков из-за них»²¹. Однако правительство отклонило требование о признании участия в любой забастовке изменой, и вообще оно пыталось игнорировать диктаторские прихоти ОХЛ.

Между тем военное руководство стремилось предпринять все для того, чтобы поставить Россию на колени. Мир, который устанавливал бы только *status quo ante bellum*²², казался ОХЛ невыносимым. Германия должна была стратегически укрепиться путем аннексий, иначе война была бы напрасной. В то время как Кюльман хотел продолжать переговоры с Советами, по мнению Гинденбурга, войну на Востоке следовало довести до конца. Русским необходимо было предъявить ультиматум о выводе войск из Лифляндии и Эстляндии, в противном случае перемирие необходимо прервать. Должно было что-то случиться, так как большевики могли подтолкнуть немецких солдат на неповиновение. Кайзер присоединился к мнению Гинденбурга, а Гертлинг и Кюльман из-за очевидного подрыва их плана возобновить мирные переговоры подали в отставку.

Политическое руководство империи считало продолжение войны отнюдь не настоятельным, так как Советы не представляли больше никакой угрозы. Но фельдмаршал был намерен рассчитывать на Востоке и указывал на опасность большевизации Прибалтики и Польши. К тому же он ссылался на ходатайство немецкого рыцарства в Лифляндии и Эстляндии о военной защите со стороны империи. Троцкий прервал переговоры в Брест-Литовске. На основании этого Кюльман хотел предоставить Россию самой себе с ее хаосом, однако Людендорф намеревался продолжением войны принудить ее к миру.

Коронный совет в Хомбурге, по существу, повиновался требованиям ОХЛ. В соответствии с этим Советам было сообщено, что срок перемирия истекает 17 февраля. «Полицейские акции» должны были установить право и порядок в Прибалтике, в то же время должно было быть гарантировано поступление зерна с Украины. Продвижение 52 немецких дивизий не встретило существенного сопротивления. Гинденбург и Людендорф выполнили свою волю: Россия была поставлена на колени. Отсутствие проблем у всей экспедиции не только привело к триумфу ОХЛ, но и способствовало тому, что даже

бывшие ожесточенные противники полностью перешли на его сторону. Впрочем, такое изменение во взглядах Кюльмана осталось совершенно неизвестным Гинденбургу.

Мир, навязанный в Брест-Литовске 3 марта 1918 года, наконец продемонстрировал кульминацию как немецкой силовой позиции в Европе, так и победного шествия политики ОХЛ. Более всего он соответствовал экспансионистскому мышлению и необходимости «решительной борьбы» Германии на Западе, чем праву на национальное самоопределение или даже антибольшевистскому мировоззрению Гинденбурга и Людендорфа. Они полагали, что Германии нужны буферные государства, зависимые сателлиты и безвольные обладатели источников сырья, а не эмансипированные и освобожденные нации, вставшие на ее сторону. Германские представители на переговорах вырвали у России отказ от Польши и балтийских стран и наряду с выплатами репараций добились к тому же признания Украины и Финляндии самостоятельными государствами.

В начале марта 1918 года Гинденбург обещал финнам немецкую поддержку против большевиков в форме военной экспедиции. Когда рейхсканцлер захотел, по крайней мере, отложить ее, чтобы избежать дальнейшего дорогостоящего развертывания военных действий, начальник Генерального штаба отреагировал на это чрезвычайно энергично. Кайзеру он заявил о важности нахождения сильной военной державы на русской северной границе. Поддержанная военной силой Финляндия благодаря своему геополитическому положению могла, по его мнению, оказывать благотворное давление на Россию. Последняя должна была признать бесперспективность возврата территорий, потерянных в Брест-Литовске. Он считал, что вместе с Украиной Финляндия могла бы и в мирное время быть естественным союзником Германии. Необходимо поддержать финнов до того, как они попросят помощи у Англии, которую вместе с Соединенными Штатами надо рассматривать как угрозу для балтийского региона. В случае, если бы Финляндия не могла сопротивляться Красной Армии, надо было, по мнению фельдмаршала, опасаться сильной большевистской угрозы, которой можно было бы противостоять только еще одним походом против России. Прочный союз с Финляндией и Украиной обеспечивал бы Германии тыл против западных держав и давал бы также экономические преимущества²³.

На Коронном совете во дворце Бельвю 12 марта ОХЛ снова выступило против сомнений политического руководства. Освобождение финнов от большевизма с помощью Балтийской дивизии под командованием генерал-майора Рюдигера фон дер Гольца принесло Германии — на этот раз в новой, якобы альтруистической роли — определенный рост престижа, по крайней мере в самой Финляндии.

Гинденбург, несмотря на сдержанное отношение ведомства иностранных дел и местного населения, со своей стороны, выступил за возведение на престол финского монарха. Им должен был стать, естественно, один из немецких князей, который обеспечил бы верный союз с молодым балтийским государством. Действительно, 8 октября финский парламент избрал монархом Фридриха Карла Гессенского, но исход войны заставил его в конечном счете отказаться от восхождения на трон.

Стремление к экспансии и тяжелое экономическое положение империи стали для военного руководства оправданием дальнейшего продвижения за границы Украины. Манили источники сырья, а также представление о возможности беспрепятственного проведения на Востоке политики немецкой гегемонии. В апреле и мае немецкие войска двинулись в глубь Южной России, в район Дона и в Крым. Людендорф готов был пойти еще дальше. Он мечтал о дружественном Германии блоке на Кавказе и даже надеялся на грузинских рекрутов для европейских фронтов. Фельдмаршал терпимо относился и к плану Людендорфа о направлении нескольких немецких батальонов на Кавказ для поддержки Османской империи в наступлении на Персию вплоть до Каспийского моря. Ведомство иностранных дел, учитывая напряженное положение на Западном фронте, отнюдь не предусматривало участие в рискованной азиатской авантюре и резко выступило против этого проекта.

Однако германский экспансионизм на Кавказе сталкивался с захватническими стремлениями союзной Османской империи. Поэтому 9 июня, не имея политических полномочий, Гинденбург потребовал от Энвер-паши не меньше чем ухода из всех районов Кавказа, оккупированных сверх пределов, установленных договором в Брест-Литовске. Когда такой герmanoфил, как Энвер-паша, стал из-за этого угрожать своей отставкой и одновременно с этим дело дошло до столкновений между турецкими и немецкими войсками на Кавказе, даже Людендорф сдал свои позиции, чтобы окончательно не подвергать альянс опасности.

Отчаянное положение Германии в дальнейшем даже побудило фельдмаршала к тому, чтобы привлечь Россию, полностью разрушенную гражданской войной, в качестве нового партнера против западных союзников. Так же как и Людендорф, он чувствовал отвращение к стратегии Кюльмана, заключавшейся во временном сотрудничестве с большевиками, чтобы сохранить таким образом Брест-Литовский мир. Нужно было, напротив, установить связи с монархистскими, антибольшевистскими кругами в России. Германский посланник в Москве, Вильгельм граф фон Мирбах, поддерживал мнение обоих генералов, что революционеры не смогут долго про-

держаться. ОХЛ пришло к заключению, что Германия должна содействовать контрреволюции и помочь приходу к власти антибольшевистского правительства.

Двадцать третьего июня Гинденбург писал по этому поводу кайзеру и канцлеру: «Я пришел к выводу, что положение в России чрезвычайно напряженное и требует от нас ясного решения... С военной точки зрения я вынужден требовать... чтобы мы попытались там создать правительство, которое бы желало и было бы в состоянии действовать с нами против Антанты»²⁴. Гинденбург и Людендорф хотели к тому же воспрепятствовать английскому проникновению в Россию и опасности возникновения нового Восточного фронта. Но ОХЛ взялось за выполнение этого проекта вполсилы, так что Кюльман мало занимался проведением его линии.

Несмотря на все заботы на фронтах и трудное положение со снабжением в тылу, ОХЛ находило еще достаточно энергии для вмешательства в расстановку кадров политического имперского руководства. События вокруг мирных переговоров в Бухаресте повлекли за собой еще одну попытку наконец-то сместить Кюльмана. Как в деле с Бетман-Гольвегом, так и в отношении Кюльмана в Генеральном штабе нашлись молодые офицеры, собиравшие компрометирующий материал на политиков, особенно ненавидимых Людендорфом. В ходе переговоров в Брест-Литовске фельдмаршал собирался информировать кайзера о том, что статс-секретарь «проводит свое время за американской азартной игрой в покер».

В непосредственном докладе кайзеру от 2 апреля фельдмаршал жаловался, что Кюльман недостаточно представляет германские интересы в Бухаресте. Немецкие дипломаты без соответствующей подготовки использовали военную мощь империи. Кюльман позволил переиграть себя Чернину. Кроме того, фельдмаршал еще раз отметил внеслужебное поведение Кюльмана и его сотрудников, развлечения которых «не соответствуют взглядам прусских офицеров и чиновников». От такого поведения, по мнению Гинденбурга, страдал престиж Германии²⁵.

Заключением Бухарестского мира 7 мая 1918 года Кюльман обеспечил империи обязательство на значительные поставки нефти и зерна, а также установление контроля Центральными державами над румынским транспортом. Заключение мирных договоров и гегемонистская политика на Востоке снова помогли Гинденбургу и Людендорфу поверить в положительный исход войны. Если неограниченная подводная война не принесла ожидаемых успехов, то русская революция показала, что не разбитый с военной точки зрения противник может потерпеть поражение из-за внутреннего разложения. Именно Людендорф все больше оказывался в плену своего субъективного

желания, чтобы западные державы развалились из-за внутривнутриполитических кризисов. Кроме того, теперь, после «разрушения России», наконец пришел момент, когда можно было полностью посвятить себя наступлению на Западном фронте, тем более что военный потенциал Соединенных Штатов явно недооценивался. Гинденбург надеялся, что «решающее сражение на Западе» возродит боевой дух в тылу и у союзников: «Как только ввысь взмоет сверкающий меч, он потянет за собой и сердца. Так было всегда». Роковым для Германии было то, что у Генерального штаба для империи существовал только «выбор между борьбой до победы или поражением до самоотречения»²⁶. Учитывая угрозу массового ввода свежих американских войск и очевидное техническое превосходство держав Антанты, немецкая сторона не могла рассчитывать на оборонительную стратегию, как и на равноправный мир, поскольку после вступления США в войну в апреле 1917 года в Париже и Лондоне считали себя близкими к триумфу.

К сожалению, Гинденбург и Людендорф, наиболее значительные фигуры немецкой политики, все больше отрывались от реальности. Они упрямо верили, что немецкий солдат совершит невозможное, при этом справедливо считая: альтернативой наступлению может быть только капитуляция, которая по меньшей мере обернется потерей Эльзаса и Лотарингии. Роковая вера в прямо-таки безграничные возможности немецкого солдата, чувство, что после поражения для империи не будет жизни, мужество отчаяния и конечно же вера в собственную непобедимость заставили обоих полководцев играть ва-банк, а это потребовало от обеих сторон дополнительных неисчислимых жертв.

Переброска частей с Восточного на Западный фронт до прибытия американских войск действительно обеспечивала Германии незначительное преимущество в численности солдат. Однако превосходство противника в вооружении и боеприпасах, танках, горючем, транспортных средствах и продовольствии его более чем перекрывало. Поэтому военному руководству Германии было абсолютно ясно: необходимо избегать тупика в сражении с использованием техники. Следовало стремиться нанести мощный, по возможности внезапный удар. Идеальным Гинденбург считал прорыв через оборонительные линии противника, что позволило бы потом вести свободные операции. Для прорыва был избран участок фронта Аррас, Камбре, Сен-Кантен, Ла-Фер.

Гинденбург и Людендорф считали британские войска в бою менее подвижными. Этот недостаток, на взгляд фельдмаршала, впрочем, компенсировался упорством. Ему казалось, что французские солдаты превосходят своих союзников благодаря лучшей подготовке, по-

лученной в мирное время, но менее устойчивы в обороне. Зато немецкая сторона с большим уважением относилась к французской артиллерии. Путем использования «тактических клещей» с севера и с востока предусматривалось «раздавить» английские части южнее Камбре. Англичан необходимо было отделить от французов и отбросить к побережью пролива. При этом ОХЛ придавало большое значение внезапности. Превосходство противника в технике пытались компенсировать современным управлением войсками в наступлении.

Развертывание армий, предназначенных для наступления, проходило в слишком ограниченное время и с соблюдением строжайшей тайны, организационная сторона была впечатляющей. Войско из 200 дивизий общей численностью четыре миллиона человек, плохо вооруженное и малоподвижное, что касается транспортных средств, ждало ввода в бой. Гинденбург с Людендорфом снова поехали на фронт, чтобы побывать в различных частях, в том числе и своем старом 3-м гвардейском полку. 8 марта 1918 года ставка была переведена в Спа, в отель «Британик». В качестве передового командного пункта ОХЛ со своим оперативным отделом перенесли штаб-квартиру еще дальше вперед, в Авен, куда они и прибыли 19 марта. ОХЛ ожидало полного успеха трех армий на невиданной до сих пор ширине участка в 80 километров, на котором намечался прорыв.

Ясную предвесеннюю погоду сменили буря и дождь. Операция «Михаэль» началась утром 21 марта в густом тумане. 6600 немецких орудий вели огонь в течение пяти часов практически вслепую, так как видимость улучшилась только около полудня. Фельдмаршал остался вполне доволен результатами первого дня. В то время как 2-я армия Георга фон дер Марвица и 17-я армия Отто фон Белова столкнулись с ожесточенным сопротивлением, 18-я армия Оскара фон Гутьера смогла добиться заметных успехов на южном участке наступления. В слабой английской 5-й армии были заметны явные признаки разложения, и она была близка к полному разгрому. Однако до сих пор немецким частям не удавалось захватить артиллерию противника. На третий день ОХЛ изменило свою концепцию. В то время как 17-я армия при поддержке 4-й и 6-й армий должна была продолжать операцию против англичан, 2-й и 18-й армиям теперь ставилась задача атаковать французов. ОХЛ увлеклось значительным прорывом и недооценило силы сопротивления противника. Быстрота немецких действий и захват обширной территории воодушевили нацию и привели противника к тяжелому кризису. Опрометчиво кайзер считал сражение выигранным. Он приказал вывесить флаги и дать победный салют. Гинденбурга он пожаловал особой наградой — «Звездой Блюхера» к Железному кресту. Такая награда вручалась только

один раз в 1815 году, когда после победы при Ватерлоо ее был удостоен «Маршал Вперед»²⁷. Людендорф получил Большой Железный крест.

Вся нация ожидала победы от этого последнего большого немецкого наступления. Но ОХЛ отошло от своего первоначального плана. Оно слишком разделило направления наступления. При этом волшебным словом для Гинденбурга стал Амьен. Этому транспортному узлу он придавал большое стратегическое значение. Его необходимо было захватить или по меньшей мере подвергнуть длительному обстрелу. Однако изнуренная немецкая пехота все же не смогла достигнуть горячо желаемой цели, даже не удалось взять высоты Виер-Бретонье, чтобы обстреливать оттуда Амьен.

Немецкий наступательный прорыв ослабел из-за громадных потерь, составивших 230 тысяч человек за 15 дней, недостаточной моторизации, не позволявшей с должной скоростью подтягивать артиллерию, вездесущих трудностей со снабжением, неприятностей с местностью и ввода в бой сильных французских резервов, установления единого главного командования над армиями Антанты, а также не в последнюю очередь из-за физического и психического истощения собственных, подгоняемых вперед немецких войск. 5 апреля Верховное военное руководство остановило наступление, продвинувшееся на 60 километров на Запад. Решающее сражение не было выиграно прежде всего не из-за недостатков стратегической концепции или отсутствия последовательности со стороны ОХЛ, как его критиковали позднее, а по той простой причине, что недостаточными средствами, надеясь на собственный гений и предусмотрительность, не может быть разбит явно превосходящий противник.

После скромных успехов неограниченной подводной войны третья ОХЛ снова потерпело неудачу. Новая, столь широко запланированная операция уже в связи с ослаблением войск была больше невозможна. Однако Гинденбург и Людендорф упорно отказывались признать свой провал. И они внезапно сделали ставку на стратегию изматывания: с «ударами молота», системой «малых взаимосвязанных ударов», многочисленными, следующими друг за другом наступлениями в Бельгии и во Франции, от которых противник должен был прийти в отчаяние. Но именно этот план был актом отчаяния немецкого Главного командования Сухопутных войск. 9 апреля на Лисе во Фландрии начали сражение 4-я и 6-я армии. Северный участок английского фронта должен был быть разгромлен. Операцию сильно затрудняло бездорожье — болота, воронки, наполненные водой. Тем не менее была надежда на успех прорыва. Однако снова не ладилось со снабжением. Пехота истекала кровью под пулеметным огнем про-

тивника. Неожиданно удалось взять Кеммельберг юго-восточнее Ипра, где рухнула оборона англичан. Им поспешили на помощь французы, и немецкие войска с 1 мая вынуждены были перейти к обороне.

Наступление против северного фланга англичан, постоянное ослабление экспедиционных войск оставалось и дальше главной идеей немецкой стратегии. Гинденбург хотел наконец достигнуть побережья Ла-Манша, чтобы непосредственно подойти к жизненно важным артериям Британской империи. Необходимо было не только перехватить ее морские коммуникации, но даже подвергать обстрелу Британское южное побережье. Он продолжал придерживаться плана разъединения французов и англичан. Поэтому снова было принято решение о новом наступлении. 1-я и 7-я армии под Суассоном и Реймсом должны были наступать в южном направлении. Этим ОХЛ надеялось принудить Главнокомандующего объединенными войсками союзников генерала Фердинанда Фоша отвести свои войска из Фландрии. Это дало бы немцам возможность осуществить здесь второе наступление.

Наступление на реке Эна 35 дивизий, получившее наименование операция «Блюжер—Йорк», началось 27 мая. Удалось добиться внезапности, особенно важного для германского командования элемента в этой битве. Слабый французский фронт развалился. Наступление продолжалось дальше, как было запланировано. 30 мая германские войска вышли на Марну. Снова артиллерия отстала от пехоты. Но ОХЛ не отступило от своего плана проведения следующей битвы во Фландрии и поэтому не направило на Марну дополнительных резервов. Недостаточно обеспеченная пехота исчерпала свои возможности. Французы подтянули резервы, а по артиллерии они и так имели преимущество. 14 июня Гинденбург и Людендорф остановили наступление, попав в затруднительное положение.

Лишь явные успехи могли гарантировать сохранение выдержки немецкого населения, поэтому германская армия, безусловно, должна была наступать. Гинденбург понимал, что если пренебречь наступлением, то можно «попасть под молот». ОХЛ проповедовало наступление как самоцель из политических мотивов. Оно должно было произвести впечатление на противника и прежде всего — на собственные войска и немецкий народ. Далекий от фронта и реальности Гинденбург упражнялся в простодушно-напускном оптимизме. Одним ударом, оказывающим влияние на общественность, ОХЛ пыталось заставить противника пойти на мировую. К тому же у обоих генералов в запасе была отговорка, что союзники не предлагают Германии приемлемых мирных условий. Однако на это нельзя было больше рассчитывать, так как налицо было возрастающее превос-

ходство стран Антанты. Поэтому ОХЛ поставило все на карту нового большого сражения во Фландрии.

Генерал-фельдмаршалу было абсолютно ясно, что немецкие формирования, расположенные вдоль выдающейся вперед излучины Марны, являются удобным объектом для атак противника. Чтобы существенно улучшить обеспечение войск, необходимо было взять Реймс и холмистую местность на противоположном берегу реки. Более важной задачей этой операции являлось лишение английских войск во Фландрии поддержки со стороны французов. Началась подготовка к решающему сражению — операции «Хаген», предусматривавшей, как и прежде, нанесение удара по главным силам английских войск в Северной Бельгии.

На различных совещаниях Гинденбург развивал план, по которому целью наступления на Восток было как можно дальше продвигнуться в глубь Шампани. Рискованная попытка форсирования Марны должна была, с одной стороны, обеспечить охват Реймса на юго-востоке, а с другой — по возможности — ускорить наступление до Шалона-на-Марне. ОХЛ надеялось благодаря такому удару захватить большое количество пленных и военной техники, в то же время сознавая, что для данного широкого наступления придется ослабить оборону в ключевых местах. Учитывая все более увеличивающуюся численность американских подкреплений, операцию необходимо было начинать как можно скорее. Хотя время работало против планов Гинденбурга и Людендорфа, наступление, получившее наименование «Марнешуц—Реймс», по организационным причинам смогло начаться только 15 июля.

Удар пятидесяти дивизий в направлении на Реймс в действительности с самого начала был обречен на неудачу. Противник получил информацию от пленных и перебежчиков, поэтому его не удалось захватить врасплох, и он оказался более подготовленным, чем это ожидалось. Уже двумя днями позже ОХЛ стало ясно, что поставленных целей добиться больше будет невозможно. В Шампани от французской артиллерии второй линии немецкие войска вскоре понесли многочисленные потери. Пехота вперед не продвигалась. ОХЛ уже шестнадцатого июля приняло решение о прекращении сражения в Шампани и в конечном счете о переходе к обороне. Южнее Марны и в холмистой местности под Реймсом наступление должно было продолжаться. В то время как 17 июля сражение в Шампани захлебнулось, положение немецких войск южнее Марны становилось все более критическим. 18 июля наступил перелом: Фош начал контр наступление со стороны леса Виллер-Котрэ, поддержанное массированным применением быстходных танков. Немецкие позиции, занятые деморализованными и изнуренными солдатами, были прорваны. Гинден-

бург понимал, какое впечатление производит танковая атака. Однако не только этот новый род войск, по его мнению, нагонял на немецких солдат страху: «Где нет танков, противник бросал против нас черные волны, волны из африканских людских тел. Горе, если они врывались на наши линии, убивая беззащитных или, что еще хуже, истязая их. Человеческое возмущение и осуждение относится не к черным, совершающим такие мерзости, а к тем, кто привел эти орды на европейскую землю якобы для борьбы за честь, свободу и право»²⁸.

По мнению старого генерала, необходимо было охватить противника с севера через реку Эна у Суассона, чтобы таким образом его уничтожить²⁹. По этому поводу 19 июля произошло два столкновения между Гинденбургом и Людендорфом. Фельдмаршал предлагал всеми силами перейти в контрнаступление через высоты северо-западнее Суассона. Для этого необходимо было оттянуть войска из Фландрии. Таким образом, надо было выбирать между Эной и Марной. Если измученный Людендорф еще за обедом резко воспротивился этой идее, то вечером, когда начальник Генерального штаба снова вернулся к ней, своенравно отклонил ее как совершенную чепуху. Такого несдержанного поведения теперь даже для Гинденбурга было слишком много. В разговоре с глазу на глаз он настоятельно просил своего квартирмейстера впредь быть более конструктивным и соблюдать тон военной субординации. Настроение, во всяком случае, становилось день ото дня все более нервным. Все, особенно Людендорф, страдали от чрезмерной работы и усталости, только старый Гинденбург оставался непоколебимой скалой среди прибой. Он должен был к тому же отговаривать психически неуравновешенного и в то время небезопасного Людендорфа от его намерений уйти в отставку. Необходимое, по его мнению, развертывание войск, предназначенных для новой битвы во Фландрии, требовало слишком много времени. Фельдмаршал был вынужден согласиться с планом, предусматривавшим в первую очередь обезопасить участки фронта, подвергшиеся атакам в излучине Марны. Поскольку применение противником танков и превосходящей артиллерии грозило совершенно измотать немецкие войска, ОХЛ наконец приняло такое трудное для Гинденбурга решение: оставить излучину Марны — во второй раз после 1914 года. Начальник Генерального штаба знал, что с отступлением связано не только моральное поражение. Инициатива перешла к противнику. К тому же для этой битвы были стянуты крупные контингенты, предназначенные для наступления во Фландрии против англичан, которое теперь оказалось неосуществимым. Нельзя было отрицать и негативного воздействия на настроение в тылу. Контрнаступление французов и невыносимое положение немецких войск, вынужденных сражаться в трех направлениях, не оставляли иного выбора.

Несмотря на мрачную военную обстановку на всех фронтах и потерю миллиона солдат в последних четырех наступлениях на Западе, ОХЛ верило, что еще сможет удержать штурвал абсолютно нереальным силовым актом. Тщетно оно требовало полного контроля государства и военных над экономикой и обществом. В подробном письме рейхсканцлеру Гертлингу от 18 июня Гинденбург решительно выступил за расширение военной и военно-призывной обязанности³⁰. Положение с резервами стало очень серьезным. Личного состава тыловых запасных частей больше не хватало для заполнения брешей в войсках на фронте. И так было, несмотря на то, что уже активно призывался самый молодой возрастной контингент. Уже давно ОХЛ приняло решение о сокращении в пользу пехоты тыловых и технических частей до «едва допустимых размеров».

Естественно, ОХЛ искало виновных за обозначившееся поражение не у себя, а в тылу. Генерал-фельдмаршал жаловался на снижающуюся работоспособность рабочих на предприятиях военной промышленности. Для него это было связано не только с продовольственным положением и с привлечением к труду женщин и подростков: «Зарплата настолько высока, что нужда жизни больше не побуждает к труду или к стремлению зарабатывать больше». К тому же, по его мнению, ухудшилась трудовая дисциплина и укоренилась дурная привычка «самовольно устанавливать праздники». Рабочих лидеров он упрекал в намеренном сдерживании трудоспособности отдельного рабочего, «чтобы предотвратить освобождение рабочей силы для службы в армии и, таким образом, помешать ослаблению своего влияния на массы... Внешне патриотическое поведение профсоюзов не должно нас ослеплять и не может помешать нам заглянуть за их личину».

Все это требовало перемен. Индивидуальная производительность труда должна была возрасти, чтобы высвободить таким образом дополнительные силы для армии. Гинденбург снова вернулся к своему требованию, которое он уже безуспешно предъявлял Бетман-Гольвегу ввиду напряженной стратегической ситуации осенью 1916 года: распространение воинской обязанности на мужчин в возрасте от 15 до 60 лет и обязательная вспомогательная служба для женщин. Вступивший в силу закон о вспомогательной службе отнюдь не оправдал ожиданий. Не удалось ни полностью охватить мужскую рабочую силу, ни повысить производительность труда «наивысшей степени».

Расширением военной обязанности и введением дополнительных обязанностей для женщин ОХЛ хотело теперь добиться установления «действенного контроля над всей рабочей силой». По мнению военного командования, производительность труда была бы повы-

шена, «так как существует возможность наказания при вялой работе или призыва на другую службу». Рабочие могли быть в приказном порядке привязаны к своим рабочим местам, предотвращая таким образом текучесть. Впредь регулирование зарплаты не должно было больше оставаться прерогативой предпринимателей. Вопрос о зарплате и прибыли должен был контролироваться государством. Тем самым достигалась желаемая милитаризация предприятий, производящих вооружение. Фельдмаршалу казалось, что благодаря этому возникала большая возможность наконец действительно охватить военную прибыль, а также снизить цены на товары повседневного спроса и зарплату на военных предприятиях «до такой величины, которая соответствует справедливому соотношению стоимости жизни между различными слоями населения». С завистью Гинденбург ссылался на успешное проведение таких мер в других государствах. ОХЛ, в особенности Людендорф и Бауэр, начали подготавливать легенду об ударе ножом в спину, при этом все чаще представляя тыл козлом отпущения за неудачи на Западном фронте. Военные, выражал уверенность Гинденбург, уже выиграли бы войну, если бы только гражданская жизнь прекратила нападать на них с тыла.

Одним из тех, кого даже возвели в ранг «пораженца», кого, безусловно, хотели удалить из политического руководства, был статс-секретарь по иностранным делам. Его «демонтаж» был существенно облегчен после того, как он выступил с речью в рейхстаге 24 июня. В ней Кюльман охарактеризовал чисто военное решение без дипломатических переговоров как невероятное. Этого правым депутатам было достаточно для его обвинения в пораженчестве. Гинденбурга об этом проинформировали еще во время заседания. Тот сразу же отправил две телеграммы Гертлингу. Так, он хотел знать, шла ли при этом речь о личном мнении Кюльмана. Одновременно он подчеркнул отрицательное влияние этой речи на войска. Для ОХЛ и немецких правых было ясно: Кюльман должен был наконец уйти.

В Большой ставке в Спа фельдмаршал в присутствии Гертлинга обвинил 1 июля в либеральных интригах статс-секретаря по иностранным делам вместе с «Франкфуртер цайтунг», «Берлинер тагеблатт» и парламентским большинством. Неделей позже кайзер действительно расстался с Кюльманом. Его преемником стал человек ОХЛ — адмирал Пауль фон Хинтце, обладавший достаточным дипломатическим опытом. Гинденбург был им вполне доволен: «Хинтце — хитрая, умная, холодная, решительная, но все же симпатичная личность, к тому же до мозга костей пруссак, так что я могу быть только доволен, что избрали его. Думаю, что мы будем хорошо сотрудничать, потому что он умело наведет порядок в ведомстве ино-

странных дел, привнесет исполнение долга и энергию и на переговорах не даст прижать себя к стене»³¹.

Снова ОХЛ удалось внедрить в политическое руководство империи расположенную к нему фигуру. Гинденбург с Людендорфом еще могли мнить себя на вершине власти. Но картина вводила в заблуждение. Военный потенциал Германии был практически исчерпан. Оба победоносных полководца Востока шаг за шагом терпели поражение на Западе. Ни неограниченная подводная война, ни весеннее наступление на Западе в 1918 году не смогли сломить боевую мощь и волю противника к борьбе. Напротив, он становился все сильнее благодаря постоянному подвозу американских войск. Людендорф с его близкой к помешательству одержимостью и Гинденбург с его логически пока необъяснимым оптимизмом не хотели признавать знамения времени.

При упорядоченном отходе немецкие войска в начале августа заняли позицию на участке Эна—Вель. Фельдмаршал мог приободриться «мастерскими действиями командования и войск», а также тем, что Антанта не воспользовалась далее своими успехами. Немецкий фронт не был прорван. Дальнейший отход немецких войск был отвергнут. В то время как на Востоке немецкие войска находились в Прибалтике, на Украине и в Южной России, Генеральный штаб уже снова ковал новые планы наступления на Западе.

VI. Главное командование под знаком поражения

В начале августа 1918 года оба разочарованных полководца — Гинденбург и Людендорф — рассчитывали, что Антанта пока не предпримет крупное наступление. Новый фронт за реками Эна и Вель казался укрепленным. Оба генерала с оптимизмом уповали на разработанный ими план «наступательной обороны», посредством которой они хотели измотать наступающие силы союзников. Однако немецкие войска уступили инициативу противнику, усиленному миллионом американских солдат. Союзное командование во главе с маршалом Фошем, надеясь завершить войну в течение следующего года, приняло решение сделать все возможное, чтобы немецкие войска на Западе, понесшие большие потери уже с середины июля, не могли восстановить свою боеспособность.

Под прикрытием густой дымовой завесы 8 августа была предпринята массированная атака английских танков по обе стороны от древнеримской дороги Амьен — Сен-Кантен. Без обычной артиллерийской подготовки 500 английских танков захватили врасплох не-

мецкую 2-ю армию. Позиции немецких дивизий были прорваны, радиосвязь между сражающимися войсками и командными инстанциями прервана. Передовые линии сначала остались без управления. Потеря территории составила 12 километров. О контрударе — надежде Гинденбурга — нечего было и думать из-за нехватки войск и орудий. Втайне фельдмаршалу пришлось признаться самому себе, что было проведено слишком мало инженерных работ для оборудования оборонительных позиций. И хотя удалось снова организовать сопротивление, Фох и без того, добившись ограниченных целей, уже 12 августа приказал остановить наступление. Оно по его замыслу должно было оказать прежде всего психологическое воздействие.

Что действительно заботило Гинденбурга, так это ставшая очевидной деморализация немецких войск. Более чем две трети потерь 2-й армии составили взятые союзниками пленные. На исходе были оборонительные силы и психологическая выносливость немецких войск. Если фельдмаршал расценивал провалившееся немецкое наступление в середине июля по его воздействию на общественность как не совсем фатальное, то последствия «неудачи 8 августа» считал более угнетающими. «Это нечто совершенно другое, если мы терпим поражение в наступлении или нас побеждают в оборонительном сражении»¹.

К тому же «черный день» под Амьеном вызвал у Людендорфа тяжелый духовный кризис. Его нервы были настолько перенапряжены, что с ним постоянно происходили припадки бешенства. Он больше не мог ясно мыслить и отдавать разумные приказы, а если наконец и отдавал таковые, то они вели к катастрофическим последствиям. Он противодействовал приказам командующих группами армий и командующих армиями, постоянно отвергал тактически необходимые маневры уклонения от боя. После окончания танкового наступления он не хотел и слышать об отводе войск на «линию Зигфрида», что настоятельно рекомендовал Фриц фон Лосберг, начальник штаба группы армий генерал-полковника Ганса фон Боена, чтобы путем сокращения фронта получить необходимые резервы.

Неожиданно Людендорф предписал то, за что в свое время выступал Фалькенхайн, — не отдавать добровольно ни единого квадратного метра территории. Лишь медленно и постепенно позволял он немецким частям уклоняться от массированных танковых атак. Так как армии Антанты все же 31 августа перешли от Арраса до Суассона в широкомасштабное наступление и смогли добиться существенных успехов, стало ясно даже Гинденбургу и Людендорфу, что немецкие войска как можно быстрее необходимо отвести на «линию Зигфрида», позиции которой уже местами были разрушены. Третье ОХЛ уже перешагнуло зенит своей славы. 11 августа в Авене оба вое-

начальника доложили кайзеру о «тяжелом поражении». На основании этого Вильгельм посчитал необходимым закончить войну.

Тринадцатого августа на 10 часов утра в Спа было назначено совещание верхушки ОХЛ с Гертлингом и Хинтце по поводу военной обстановки. За час до этого Людендорф в присутствии Хефтена без прикрас поставил в известность Гинденбурга о всей серьезности положения. Квартирмейстер хотел выложить имперскому руководству все начистоту.

Хотя незадолго до обсуждения в разговоре с глазу на глаз с Хинтце, который все еще почитал диоскуров, Людендорф дал понять, что Антанту наступательными ударами победить не удастся и что теперь немецкая стратегия будет носить строго оборонительный характер, однако на совещании четырех в комнате Гинденбурга в отеле «Британик» оба генерала ничего не хотели слышать о переходе к исключительно оборонительным действиям, конечно же предусматривая возможные наступательные операции в пределах общего оборонительного ведения войны. По убеждению ОХЛ, таким образом еще можно было сломить волю Антанты к продолжению военных действий. В то время как Хинтце, учитывая прежде всего положение уставших от войны союзников, охарактеризовал политическую ситуацию как очень серьезную, оба генерала не желали отказываться от своих целей войны. Они выражали большое недовольство настроением в тылу, слабым авторитетом правительства и различными организационными проблемами.

Четырнадцатого августа в 10 часов Коронный совет собрался в Спа в здании Генерального штаба. Хинтце не забыл пессимистическую оценку Людендорфа и попытался сделать из нее выводы. Однако статс-секретарь не получил поддержки своего удручающего и реалистического доклада со стороны обоих генералов. Неожиданно они снова заявили, что, если приложить все силы, еще можно нанести поражение державам Антанты. Но эти надежды были абсолютно нереальны. Союзники приближались к победе, а сателлиты Германии стояли перед крахом. Тем не менее кайзер, так же как и Гертлинг, пришел к мнению, что мирные шаги следует предпринять в подходящий для Германии момент: после успехов на Западе.

Начальник Генерального штаба взял слово только в конце совещания. Желая продемонстрировать, что ОХЛ ни в коем случае не пало духом, он невозмутимо подчеркнул, что немецкие войска, несмотря на серьезное положение, как и прежде, стоят в глубине территории противника. В присутствии кайзера оба генерала не хотели объявлять войну проигранной. Гинденбург указал жалующемуся тылу на готовность французского населения идти на жертвы. Хотя фельдмаршал и признавал, что решительной победы больше не достигнуть, но, по крайней

мере, необходимо «остаться на французской территории и таким образом наконец принудить противника выполнить нашу волю». Необходимо было истощить силы врага. «И тогда мы предусмотрительно обеспечим государству сносное существование»².

Уже вскоре после Коронного совета Людендорф, принципиально возлагавший вину за бедственное положение на других и ни в коем случае не на себя, снова впал в глубокую депрессию. В качестве нового начальника оперативного отдела к нему был приставлен молодой офицер — полковник Вильгельм Хайе. Он должен был существенно разгрузить генерала в работе. Гинденбург проявил озабоченность по поводу психической деградации своего квартирмейстера, но тем не менее считал, что тот «стоит больше, чем 12 армейских корпусов»³. Консультировавший невропатолог определил у квартирмейстера тяжелые нарушения в личных проявлениях и предписал ему отдых с физической закалкой.

Большая ставка была снова перенесена в комфортабельный арденнский курортный город Спа. ОХЛ опять разместилось в отеле «Британик». Фельдмаршал занял личную квартиру на вилле Су Буа. К всеобщему удивлению нервно истощенный Людендорф последовал предписаниям врача. Несмотря на это, дни его были сочтены, так как в ОХЛ становилось все больше штабных офицеров, которые не хотели оставаться безучастными к его деградации. По их мнению, в отличие от обожаемого фельдмаршала, Людендорф оправдывал свою должность благодаря военным успехам. Поскольку последние заставляли себя ждать, значит, и он потерял право на эту должность. В это время уже считалось, что Людендорф нерешителен и утратил «фортуна». Бауэр, не упускавший ни одной интриги, уже «вентилировал» его замещение энергичным генерал-майором Фридрихом Бернхардом графом фон дер Шуленбургом.

Не только Людендорф полностью снимал с себя вину за наметившееся поражение. Еще в Авене Гинденбург тоже заявил собравшимся генералам, что ОХЛ не допускало ошибок, иначе он сам уже больше бы не командовал. По его мнению, причины неудач крылись в неумении хранить тайну и плохом управлении армиями. Отступление наконец должно прекратиться. Необходимо снова побеждать, иначе все будет потеряно. Он считал, что в войсках прискорбно ощущается нехватка большого числа командиров низших воинских званий с достаточной подготовкой. Он указал также на упадок боевой дисциплины, что проявилось, например, в разграблении трофейных складов. Прибывавшее в полки пополнение — уже под влиянием подавленного настроения в тылу — больше не соответствовало высоким качествам солдат 1914 года. Кроме того, усилия вражеской пропаганды все же в конце концов увенчались успехом.

Второго сентября атака английских танков опрокинула передовые позиции 17-й армии на дороге Аррас—Камбре. Под угрозой оказалось положение 2-й и 18-й армий. В соответствии с этим было намечено отвести весь фронт от реки Скарп до реки Вель. Кайзер болел, и такие тревожные известия угрожали его полностью сломить. Несмотря на это, еще 3 сентября Гинденбург абсолютно спокойно сообщил Гертлингу, что хотя обстановка и напряженная, но есть надежда удержаться. Гинденбург хотел, чтобы, по крайней мере, рейхсканцлер считал дальнейшее крупное наступление противника невероятным.

Хинтце заседал на фельдмаршала, чтобы тот согласился на переговоры с участием нейтрального государства. Он приехал в Спа в Большую ставку. И Гинденбург заявлением от 10 сентября фактически уполномочил статс-секретаря провести мирную акцию через королевские дома Нидерландов и Испании. Но Генеральный штаб никоим образом не спешил. Отчаянные требования Австро-Венгрии, которой грозил полный развал, выступить с мирным предложением всех Центральных держав фельдмаршал решительно отклонил ввиду отрицательного воздействия такой акции на войска и тыл. После этого Вена сама проявила инициативу, но ее усилия не принесли успеха. Хинтце тем временем вел переговоры с Нидерландами.

Все чаще у ОХЛ возникало впечатление, что даже в некоторых высших штабах уже не доминирует «спокойная оценка общего положения». Поэтому Гинденбург в совершенно секретном письме от 25 сентября в штабы групп войск и командованию армий обратил их внимание на то, что, согласно поступающей к нему информации из лагеря противника, в Англии, Франции и Италии наблюдается «такое же напряжение народных сил». Маршал настойчиво требовал от офицерского корпуса и высших командных инстанций «сделать все, чтобы сохранить моральную и материальную силу сопротивления нашей армии. Малодушие столь же губительно, как и далеко идущие надежды». Особенно его беспокоила возрастающая напряженность в отношениях между командованием и войсками. Но, поскольку именно «уважение к офицерскому корпусу лежит в основе воспитания солдат, теперь необходимо обратить особое внимание на неправильное поведение офицеров всех возрастов, которые таковым наносят ущерб офицерскому корпусу в целом и тем самым — внутренней структуре войск»⁴.

Почти весь сентябрь западные союзники сотрясали немецкий фронт массированными атаками. Американцы тоже уже нанесли немцам тяжелые потери, особенно за счет взятия в плен уступающих по численности и изнуренных борьбой кайзеровских войск. Но ОХЛ до сих пор еще не выяснило стратегических замыслов

Фоша. 26 сентября он начал новое наступление. Войска Антанты при поддержке 1500 танков нанесли удар между Маасом и Аргоннами, а также в Шампани. «Линия Зигфрида» была прорвана западнее Камбре, одержаны успехи во Фландрии. Теперь уже казалось, что сила давления больше не ослабеет. Но получилось еще хуже. После успешного наступления союзников в Македонии Болгария оказалась разгромленной и запросила перемирия. Эти новости заставили покориться судьбе даже такого непоколебимого оптимиста, как фельдмаршал. Сильно побитый союзник Турция — изолирована, эксплуатация важных нефтяных месторождений в Румынии — под угрозой, и прежде всего — для Дунайской монархии открылся еще один фронт. Именно Габсбургская империя больше не могла вести войну дальше. Долго так продолжаться не могло, и этот союзник должен был сложить оружие. Гинденбургу и его генерал-квартирмейстеру стало до боли ясно: война Германией была проиграна. Месяцами они не желали замечать начало конца, выразившегося в провале немецкого наступления на Западе. Теперь, под знаком поражения, Гинденбург и Людендорф все больше видели свою главную задачу в том, чтобы уберечь войска от полного разложения и большевизации.

Вечером 28 сентября Гинденбург и Людендорф пришли к соглашению, что окончание боевых действий стало безусловной необходимостью. Правительство должно просить о перемирии и мире на основе объявленной в январе 1918 года программы Вудро Вильсона из 14 пунктов. Обоим было ясно, что в качестве предварительного условия Антанта потребует отказа от оккупированных территорий на Западе. Если ОХЛ еще было готово принять это условие, то об уходе с оккупированных территорий на Востоке оно и слышать не хотело. При этом оно надеялось на страх союзников перед коммунизмом. Сильная на Востоке Германия могла бы служить буфером между западными демократиями и опасностью, которую представлял русский большевизм. Прежде всего Людендорф намеревался выиграть время путем заключения перемирия. Немецкая армия должна была в полном порядке и при сохранении всех своих военных сил отойти на государственную границу, чтобы там возродиться. Если союзники захотели бы навязать Германии «позорный мир», войска, более или менее отдохнув, могли бы пойти «в последний бой». Итак, ОХЛ совсем не думало о капитуляции. Людендорф с этого момента горячо выступал с величайшей энергией за немедленное объявление немецкого предложения о заключении перемирия. Для имперского руководства, естественно, все это происходило слишком быстро. Внезапно оказалось, что именно политическое руководство захотело еще выждать.

Настало время кризисных заседаний. 29 сентября принимающие решения политики один за другим прибыли в Спа: сначала — Хинтце, затем — кайзер и наконец — рейхсканцлер Гертлинг. В 10 часов в отеле «Британик» прошло совещание Гинденбурга, Людендорфа и Хайе со статс-секретарем по иностранным делам. Хинтце говорил о необходимости как внутри, так и вовне сделать явный шаг в направлении парламентаризации и нового государственного порядка. Военные снова настаивали на немедленной отправке предложения о переговорах относительно перемирия. Войскам, безусловно, нужна была пауза для отдыха, чтобы в случае необходимости они позднее смогли бы продолжать боевые действия. Даже Людендорф отверг как бесперспективную альтернативу диктатуры, о которой Хинтце не думал всерьез, поскольку на военную победу больше надеяться не приходилось. Ближе к полудню, на совещании обоих генералов и Хинтце с кайзером, монарх, совершенно захваченный врасплох серьезностью обстановки, тоже отклонил план диктатуры как «чепуху».

«Революция сверху» стала новой волшебной формулой. Многопартийное правительство должно было помочь предотвратить большевистский переворот. У него имелось намного больше перспектив прийти к взаимопониманию с Вильсоном. Консерватор Гертлинг обязан был, конечно, уйти в отставку. Парламентскому правительству с участием СДПГ надо было определить, когда необходимо объявить предложение о перемирии. По мнению Людендорфа, левые и без того были главными виновниками негативного исхода войны. Поэтому их следовало бы привлечь к ответственности и за заключение мира — их, а не военное руководство. Признание ОХЛ поражения глубоко шокировало немецкую общественность. Никто не предполагал, что Германия стояла настолько близко к поражению. Войска под командованием дуумвирата слепо считались непобедимыми. Гинденбург и Людендорф еще больше укрепляли общественность в этой вере. И все же Коронный совет 29 сентября принял соответствующие решения. Господствовавшая до сих пор в Германии конституционная система была заменена парламентской. Впрочем — уже по своему воздействию на заграницу — выбор баденского наследника престола принца Макса главой нового правительства не был удачным.

Принц, без сомнения, выступал за мир на основе взаимопонимания, желал реформ и был социально ангажированным человеком. Но он не был партийным политиком и к тому же происходил из старого руководящего слоя. Несмотря на это, он стал рейхсканцлером правительства, облик которого все еще определяли чиновники, а теперь в него вошли также представители СДПГ, Центра и Прогрес-

сивной народной партии. Фракции большинства в рейхстаге — СДПГ, левые и национал-либералы, а также Центр — согласились с назначением принца Макса не без сомнений, но за него выступило ОХЛ. Для Гинденбурга либеральный, миролюбивый принц был вполне воплощением современного духа времени, который он сам, правда, мало мог уловить. Фельдмаршал писал своей жене: «Мне любопытно, устоит ли современность перед суровой действительностью. Я не думаю»⁵.

Во второй половине дня 2 октября Гинденбург вместе с Людендорфом встретился в Берлине для совещания с канцлером, Пайером, Хинтце, Бергом и другими. Гинденбург, несмотря на то, что оценивал обстановку спокойнее, чем Людендорф, очень серьезно сказал принцу с глазу на глаз: «Это наступление мы уже выдержали; в течение восьми дней я жду нового и не могу дать никакой гарантии, что оно не завершится катастрофой... или, по крайней мере, не повлечет за собой если не катастрофические, то очень тяжелые последствия»⁶, — немного смягчил он в конце свою оценку ситуации. Макс Баденский хотел все же сначала взяться за внутривнутриполитические проблемы. Он не мог понять спешки военных. На следующее утро ему снова не удалось подвигнуть фельдмаршала на отсрочку этого политически столь решающего шага. Так, рейхсканцлер наконец заявил, что готов направить соответствующую ноту Антанте, если получит от ОХЛ письменное подтверждение безвыходности военной ситуации.

ОХЛ не медлило ни мгновения. Макс Баденский не долго ждал от Гинденбурга письма, в котором кроме прочего драматически говорилось: «Главное командование Сухопутных войск продолжает настаивать на своем требовании, выдвинутом в воскресенье, 29 сентября сего года, о немедленном объявлении предложения мира нашим противникам. Вследствие развала македонского фронта и неизбежного ослабления в связи с этим наших западных резервов, а также из-за невозможности восполнить очень значительные потери в сражениях последних дней, больше нет, по здравому смыслу, никакой перспективы навязать мир противнику. Последний, со своей стороны, постоянно вводит в бой новые свежие резервы. Немецкая армия стоит еще прочно и победоносно отражает все атаки. Однако положение обостряется ежедневно и может вынудить Главное командование Сухопутных войск к принятию серьезных решений. В этих обстоятельствах требуется прервать борьбу, чтобы избавить немецкий народ и его союзников от напрасных жертв. Каждый упущенный день стоит жизни тысячам храбрых солдат»⁷.

Но Макс Баденский все еще не был убежден в необходимости немедленного перемирия. В ответ на его запрос военное руководство сообщило, что армия, вероятно, может продержаться до следующей

весны. В то же время на озабоченность канцлера политическими последствиями немедленного перемирия военные ответили, что, разумеется, мелкие франкоговорящие части Эльзас-Лотарингии придется уступить. Однако для них по-прежнему даже не подлежал обсуждению вопрос об отказе от немецких территорий на Востоке.

Наконец натиск ОХЛ стал приводить к желаемому результату. В ночь с 3 на 4 октября немецкое предложение о перемирии было направлено Вильсону. Но под нажимом своих союзников американский президент просто не принял обращения. Антанта хотела использовать процесс разложения в Центральных державах и избрала тактику затягивания. В то же время Гинденбург и Людендорф снова начали оттеснять на второй план свою удручающую оценку военного положения Германии. Речь уже шла больше о передышке для войск, необходимой для того, чтобы решить острую проблему с пополнением и восстановить их боеспособность.

В первой ответной ноте Вильсона от 8 октября еще говорилось о том, чтобы немцы приняли 14 пунктов, ушли из Эльзас-Лотарингии, польского коридора и покинули оккупированные районы на Западе. «У меня сердце обливается кровью», — поведал Гинденбург своей жене. Вторая нота от 14 октября уже имела целью капитуляцию Германии и отречение кайзера Вильгельма. Такие условия представлялись ОХЛ неприемлемыми. По свидетельству очевидцев, Гинденбург отреагировал необычно бурно.

В письме жене он снова подчеркнул: «Перемирие необходимо нам и с военной точки зрения, силы наши скоро будут на исходе. Если затем не последует мир, то мы, освободившись, по крайней мере, от врага, отдохнем и выиграем время. Позже будем более готовы к бою, чем сейчас, если потребуется снова наступать. Однако я не думаю, что через 2—3 месяца у какого-либо государства появится желание вновь начинать войну»⁸. Из упрямства и ущемленной гордости у военных снова возросла надежда получить возможность еще месяцами оказывать сопротивление. И они обрели неожиданную поддержку от прусского военного министра Шойха, оценивавшего обстановку с пополнением как не совсем безнадежную.

В тот же день Гинденбург телеграфировал канцлеру, что ОХЛ выступает за подъем «патриотического настроения» во всех слоях населения. Именно из внутренней разобщенности и отчаяния, воцарившегося в Германии, противник постоянно черпал все новые силы для наступления. «Опираясь на прочную, как скала, волю народа, до последней возможности сопротивляться каждому унижительному условию, — ни у кого не должно быть причин для сомнения. Только тогда армия найдет силу для противостояния превосходящему противнику»; повсюду — в церквях, школах, на общественных со-

браниях, в театрах и кино — нации необходимо представлять «ужасные последствия мира любой ценой». В соответствии с этим у Германии была только альтернатива: «Почетный мир или борьба до последнего»⁹.

ОХЛ, кроме того, надеялось на коренное расхождение во мнениях между Вильсоном и Фошем. Если американский президент предусматривал «справедливый мир примирения и взаимопонимания», то французский генералиссимус желал «полного унижения Германии и удовлетворения французского тщеславия». Который из двух одержит верх, по мнению ОХЛ, зависело только от твердости империи. В соответствии с этим любое укрепление германского фронта и германской дипломатии усиливало позицию Вильсона, которая включила в себя — наряду с ограничением подводной войны — демократизацию Германии в форме конституционной монархии. Для достижения мира на основе взаимопонимания необходимо было сделать все, чтобы удержать фронт, затормозить потребность в перемирии и мире и направить дальнейшую демократизацию «на спокойный, заслуживающий доверия путь». Поэтому в письме от 18 октября фельдмаршал усиленно просил военное руководство «со всей строгостью позаботиться о том, чтобы все годные для использования на фронте солдаты были выведены из этапной службы и хозяйственных формирований» и включены в боевые подразделения¹⁰.

В то время положению Гинденбурга как начальника Генерального штаба ничто не угрожало, зато в политических и даже военных кругах все больше дискутировался вопрос об отставке Людендорфа. Квартирмейстер потерял поддержку правых, когда заявил, что готов поступиться целями войны на Западе. Главным, кто тайно планировал его отставку, был Бауэр. Когда о готовящемся заговоре дошло до слуха фельдмаршала, он дал понять, что в случае отставки Людендорфа уйдет и он. Кроме того, квартирмейстер получил поддержку от принца Макса против нападок правых, все еще мечтавших об аннексиях.

Но после того, как канцлер решился на капитуляцию, дело дошло до столкновения с ОХЛ. После заявления правительства об отказе торпедировать пассажирские корабли в полдень 20 октября Гинденбург позвонил Максусу Баденскому, сообщив принцу, что Западный фронт находится в большом напряжении. Впрочем, он не опасался возможного прорыва противника. «Отрывом от противника в Бельгии и доставкой обещанного пополнения могло быть организовано стойкое сопротивление, которое продлило бы борьбу на Западном фронте и если не обеспечило бы нам явной победы, то спасло бы от крайностей. Но даже если мы будем разбиты, нам будет немногим хуже, чем если бы мы сейчас уже все приняли». Он задал тяжелый

судьбоносный вопрос: «Хочет ли немецкий народ бороться за свою честь не только на словах, но действительно сражаться до последнего человека, обеспечив себе таким образом возможность возрождения, или хочет, чтобы его принудили к безоговорочной капитуляции и тем самым к гибели от чрезвычайного перенапряжения сил?»¹¹ Отказ от подводной войны означал для ОХЛ в любом случае вступление на путь капитуляции и к гибели немецкого народа.

Форма перемирия, которую требовали союзники, была несовместима с офицерской честью Гинденбурга. Такого позора для себя империя допустить не могла. Поэтому фельдмаршал телеграфировал канцлеру: «Из многочисленных устных и письменных сообщений я вижу, что моим именем злоупотребляют для того, чтобы породить настроения полного отчаяния. Мне приписывают высказывания вроде: “Мы не можем больше оказывать сопротивление”, “Мы больше не можем удерживать войска”, “Срок уже стал измеряться часами” и много подобных. Не говоря уже о том, что мне не может быть безразлично, если таким образом обращаются с моим именем, я считаю необходимым и в интересах ведения войны выступить против этого». Каждое из этих якобы его высказываний выдуманно. «Каждому, кто связывает такие высказывания с моим именем, должно быть ясно, что он способствует врагу»¹².

Однако правительство больше не видело другой возможности, кроме как идти навстречу Вильсону. Макс Баденский угрожал своей отставкой, если не будет прекращена неограниченная подводная война. Ловкий Хефтен нашел наконец для ОХЛ желанный выход. В соответствии с ним ответственности за решение об окончании неограниченной подводной войны оно совершенно не должно было нести. Гинденбург и Людендорф, таким образом, становились невиновыми в политических последствиях ответной ноты Вильсону. 21 октября канцлер объявил не только об окончании подводной войны. Со всей ясностью он подчеркнул перед Вильсоном парламентские основы настоящего и всех последующих германских имперских правительств.

ОХЛ наконец осознало, что Германия проиграла войну. В проекте инструкции для комиссии по перемирию оно охарактеризовало военное положение таким образом, «что сил полевых войск больше недостаточно для надежного удержания позиций». Просто больше не удастся возможным пополнением вновь обеспечить войскам необходимую боевую мощь. «В соответствии с этим теперь не существует вероятности отвоевать у американско-англо-французских войск определенные условия мира. Учитывая такое положение, было сделано предложение о мире».

«Скорое прекращение борьбы отвечает насущнейшим интересам

немецкой армии». Несмотря на это, Германия должна быть готова возобновить борьбу «в случае, если нам будут поставлены условия, разрушающие наше будущее». Такие условия ожидалось не от Вашингтона, а от Лондона и Парижа. Гинденбургу и Людендорфу соответственно представлялось, что Соединенные Штаты воздержались бы от участия в случае возобновления военных действий. Тогда продолжение войны отнюдь не было бы бесперспективным, особенно если в нем не приняла бы участия Бельгия и война ограничилась бы только немецко-французской пограничной областью. Но оба генерала опасались, что западные державы представят возможно невыполнимые условия только после ухода немцев с оккупированных территорий. Возобновление боев на собственной границе ОХЛ считало чрезвычайно неблагоприятным. Намного лучше оно было бы в Бельгии или «перед Мецем». Оба генерала показали себя особенно принципиальными в стремлении к доверительным отношениям с Соединенными Штатами, так как были убеждены в серьезных противоречиях между интересами Вашингтона, с одной стороны, и Лондона и Парижа — с другой. Необходимо было вбить клин между западными державами, который предоставлял бы Германии возможность заключения приемлемого мира¹³.

Это была иллюзия. Третья нота Вильсона от 23 октября слишком ясно это показала. В ней резко и открыто было высказано требование капитуляции Германии. Это было для Гинденбурга и Людендорфа уж слишком. Оба генерала восприняли это как поспрашение чести прусского офицера. Без согласия имперского руководства ОХЛ отдало боевой приказ всем войскам: «Ответ Вильсона требует военной капитуляции. Поэтому для нас, солдат, он неприемлем. Это доказательство того, что воля наших врагов — развязавших войну в 1914 году — к уничтожению не уменьшилась. Ответ доказывает, что наши враги хотят «справедливого мира» только на словах, чтобы ввести нас в заблуждение и подорвать нашу силу сопротивления. Поэтому ответ Вильсона для нас, солдат, может быть лишь приглашением продолжать сопротивление с полным напряжением сил. Если противники признают, что немецкий фронт нельзя прорвать, несмотря на все жертвы, они будут готовы заключить мир, который обеспечит будущее Германии именно для широких слоев населения»¹⁴.

Этот приказ по армии противоречил взглядам имперского руководства, поэтому телеграммы к командованию армий были задержаны. Оба генерала теперь еще больше хотели возложить на политику вину за надвигающуюся катастрофу. Гинденбург обвинил Макса Баденского в том, что в его последней речи в рейхстаге не слышал «теплого призыва в пользу армии и за нее». Генерал-фельдмаршал все же надеялся, что новое правительство «соберет силы всего народа на

службу отечественной обороне». В рейхстаге шла речь только о примирении, «а не о поражении угрожающего Отечеству врага». Это, по мнению Гинденбурга, потрясло и повергло армию в состояние депрессии. На будущее генерал ожидал от политики «соответствия священной задаче», моральной поддержки населения и солдат и убеждения их в необходимости «национальной обороны».

По мнению Гинденбурга, переговоры должны были быть прерваны. Казалось, что пришло время для отчаянной борьбы немецкой нации. ОХЛ и без того постоянно рассматривало себя как «исполнителя национальной воли для ведения войны». Начальник Генерального штаба говорил, с одной стороны, об «оборонительной борьбе» империи, с другой — о «борьбе на уничтожение Германии». Очевидно, когда он думал о последнем подъеме, он имел перед глазами, как и прежде, самоотверженно сражающиеся фронтовые войска. Он мало размышлял о падении дисциплины в запасных частях, о недовольстве вернувшихся из русского плена солдат, о неготовых воевать промышленных рабочих, которые теперь должны были оставить свои сравнительно хорошо оплачиваемые рабочие места ради службы на Западном фронте, об усиливавшейся напряженности в отношениях между офицерами и солдатами, о растущем числе немецких военнопленных, дезертиров и отставших от своих частей солдат, массы которых оседали в тылу. Все они составляли оплот волнений в армии. Казалось, что фельдмаршал ничего не хотел об этом знать. В ставке в Спа старый генерал отдал распоряжение собрать своих офицеров и с обнаженной шпагой поднять тост за здоровье кайзера и короля. После этого он вместе с Людендорфом отправился в Берлин, чтобы убедить имперское руководство в необходимости прервать переговоры. В отличие от своих предшественников, рейхсканцлер не хотел допускать своевольного вмешательства ОХЛ в политику. С возмущением он просил кайзера положить конец «двойному правлению» и отправить Людендорфа в отставку, заявив, что в противном случае сам будет вынужден уйти. Фельдмаршала же необходимо было побудить остаться. Снова кайзер встал между политическим руководством империи и третьим ОХЛ. Но к этому времени полубоги в мундирах превратились в совершенно обычных людей, стоявших перед руинами своих планов.

В Берлине диоскуров на вокзале ожидал полковник Хефтен. Он настаивал, чтобы оба генерала направили свои рапорты об отставке, в случае если третья нота Вильсона не будет отклонена. На аудиенции во дворце Бельвю 25 октября оба генерала, особенно подстрекавшийся Хефтен Людендорф, потребовали от кайзера прервать переговоры с Вильсоном. Необходимо было наконец призвать Отечество мобилизовать всю свою энергию. При этом Людендорф, само

собой разумеется, не преминул одновременно разнести правительство Макса Баденского. Вильгельм отослал обоих генералов к канцлеру, однако тот, будучи больным гриппом, не принял их. Затем на квартире вице-канцлера Пайера вечером состоялся драматический разговор. В присутствии Хефтена, генерал-майора Винтерфельдта, адмирала Райнхарда Шеера и капитана I ранга Магнуса фон Левецова, начальника штаба руководства войной на море, оба генерала попытались перетянуть вице-канцлера на свою сторону. Впрочем, трезво мысливший шваб Пайер знал, что офицерский корпус уже не стоит сплоченно за Людендорфом. Поэтому его патетические тирады не произвели впечатления на вице-канцлера. В отличие от первых двух военных, он — совершенно гражданский человек, что не забывал подчеркивать, — имел перед глазами голодающую и истощенную родину. В возможность Германии выстоять он больше не верил. Они расстались, сознавая, что живут в разных мирах.

На следующее утро Людендорф написал прошение об отставке. Гинденбург снова попытался его удержать и постарался все же прийти к соглашению с канцлером. Однако все испортил Хефтен, сообщив генерал-квартирмейстеру, что кайзер благодаря стараниям канцлера собирается отправить его в отставку. Во время аудиенции, войдя в раж, «очень резким тоном» Людендорф сообщил кайзеру о своем прошении об отставке. При этом он упрекнул монарха, что тот «должен быть обязан своему Генеральному штабу». Мучительно воспринимавший все фельдмаршал молча присутствовал при ожесточенной дискуссии. Он не вмешивался в словесную перепалку, в которой Вильгельм вынужден был напомнить Людендорфу, что тот разговаривает с кайзером. Начальник Генштаба не мог больше защищать своего генерал-квартирмейстера. Когда кайзер удовлетворил прошение последнего об отставке, Гинденбург тоже обратился с просьбой об увольнении. «Вы остаетесь!» — прозвучал резкий ответ Вильгельма. Фельдмаршал вспомнил о своей исконной роли роялистского офицера и преданно поклонился, в то время как Людендорф выходил из комнаты.

Гинденбург после этого удара в литавры имел еще короткий разговор со своим прусским королем. Вильгельм, как и принц Макс, хотел, чтобы он оставался и дальше «палладиумом¹⁵ немецкого народа». Армии и народу надо было обеспечить спокойствие¹⁶. Людендорф некоторое время ожидал фельдмаршала в коридоре. Когда же он услышал от Гинденбурга, что тот остался на своем посту, то обвинил его в предательстве. Озлобленный, он отказался возвращаться с Гинденбургом в одной машине в здание Генерального штаба. С этих пор Людендорф преследовал своего соратника с ожесточенной враждебностью. Непрерывно он пытался отплатить за измену и разру-

шить миф о Гинденбурге. Причины того, что Людендорфу не удалось осуществить это намерение, крылись не в последнюю очередь в самом образе его нервной личности.

Разочарование уволенного генерал-квартирмейстера объяснялось его эгоцентризмом. Людендорф был тем, от кого в последние четыре года исходила большая часть планов и идей. Его работоспособности и неутомимости фельдмаршал был обязан восхождением и успехом. Квартирмейстер мирился с тем, что прежде всего Гинденбургу, а не ему, истинному начальнику Генерального штаба, выпало на долю почитание целой нации. С точки зрения Людендорфа Гинденбург был обязан ему до конца жизни за то, что он из старого, забытого генерала сделал живую легенду, величайшего военачальника, творившего войну, как сказал совсем недавно Хинтце.

Многие в ОХЛ и его ближайшем окружении думали, что Людендорф уже «совсем положил старого Гинденбурга в карман»¹⁷. Уважение фельдмаршала к невероятной работоспособности Людендорфа все же имело свои пределы. Слишком часто такому аполитичному генералу приходилось участвовать в личных интригах честолюбивых офицеров ОХЛ, сущность которых ему была абсолютно чуждой. Достаточно часто он терпел временами неуважительное поведение Людендорфа в отношении к вышестоящим или по меньшей мере равным по чину авторитетам. Даже по отношению к Верховному главнокомандующему его alter ego заставлял прибегать к противоположному его характеру образу действий, близкому к шантажу.

При этом он мог заручиться прощением у своей совести, ибо все это делалось на благо империи. Ведь на монарха тоже иногда оказывали давление для его же счастья, так как он нередко был окружен лживыми советниками. Как мог Людендорф в этот тяжелый для Германии и императорского дома момент открыто выражать кайзеру неуважение, Гинденбург отказывался понимать. В последние недели он также с растущим недовольством отмечал, что генерал-квартирмейстер переживает нервное расстройство и, по-видимому, некоторое время не сможет выполнять свои функции. Старый генерал должен был принять решение: покинуть своего прусского короля из солидарности с квартирмейстером или защищать Верховного главнокомандующего и Германию в этот трудный час до горького конца.

Вечером 26 октября Гинденбург выехал из Берлина в Большую ставку в Спа. «На следующий день, — писал фельдмаршал в своих воспоминаниях, — я снова вошел в бывшие до этого нашими общими рабочие помещения. У меня было чувство, как будто я вернулся с похорон особо дорогого мне человека в опустевшую квартиру»¹⁸. Свою жену, наоборот, он заверил тогда: «Ты знаешь, чем хуже идут

дела, тем я спокойнее»¹⁹. Если бы Людендорф сохранял внешние формальности, то мог бы все еще быть его генерал-квартирмейстером. Поэтому Гинденбург верил, что «мой дорогой Людендорф задним числом распознает ошибочность своего образа действий и, вероятно, будет теперь переживать тяжелые душевные муки»²⁰.

Однако у начальника Генерального штаба было мало времени для сентиментальностей в поисках преемника для решения таких тяжелых задач. Начальник центрального отдела Генерального штаба полковник фон Тишовиц рекомендовал фельдмаршалу Вильгельму Грёнера, который в то время на Украине возглавлял группу армий Эйхгорна. Грёнеру Гинденбург заявил, что предложение назначить его на должность первого генерал-квартирмейстера исходит от него самого и политически не мотивировано.

Фельдмаршалу нужен был трезвый прагматик, организатор, который, в отличие от Людендорфа, понимал бы что-нибудь в политике и экономике. Не в последнюю очередь поэтому его выбор пал на генерал-лейтенанта, происходившего из мелкобуржуазной семьи, из вюртембергского Людвигсбурга. Шваб прибыл 30 октября в Спа. До сих пор он особенно ценил в Гинденбурге его «патриархальную, очень симпатичную сущность», его манеру спокойно и ясно говорить об обстановке, «думать просто и естественно, без затейливости». В его военных качествах пятидесятилетний уроженец Южной Германии, напротив, совершенно не был уверен. Еще 12 октября он сказал: «Старый Гинденбург, обладавший некоторыми качествами, которых не было у Людендорфа, особенно олимпийским спокойствием, конечно же мог дополнять Людендорфа, если бы тот не был намного более сильной личностью. Хотя внешне брак Гинденбург—Людендорф казался блестящим, однако Гинденбург был в чем-то слишком слаб, а Людендорф в чем-то слишком силен, чтобы создать облик настоящего полководца. Каждый из них сам по себе таковым не был. Для совершенного сочетания качеств полководца не хватало их правильного смешения — жаль и тысячу раз жаль! Поэтому издавна беспокоились о благоразумных и посвященных»²¹.

Напротив, Гинденбург в письмах к жене отзывался о Грёнере всегда положительно: «О нем идет слава как о бодром, энергичном человеке широкой натуры, а мне он известен как симпатичная личность». Фельдмаршал был доволен также первой встречей: «Мы вели друг с другом серьезный разговор, нашли согласие по всем важным пунктам и желаем держаться вместе на благо Короля и Отечества... Я твердо надеюсь, что мы подойдем друг другу, так я смогу немного забыть Людендорфа»²².

Сначала фельдмаршал думал, опираясь на прусскую военную традицию и офицерскую честь, призвать к храбрости и выдержке.

Не только Людендорф укреплял его во мнении, что Германия все же должна осмелиться на отчаянную борьбу против неприемлемых условий, предъявленных союзниками. За это же высказались генералы Макс фон Гальвиц, Бруно фон Мудра и Герман фон Куль, несмотря на плохое настроение в армии, о чем они имели вполне ясное представление. Истощение войск и тыла и разгром союзника (Австро-Венгрия 27 октября направила Вильсону предложение о сепаратном мире, а через три дня — предложение о перемирии с Италией) потребовали наконец от Гинденбурга поисков «достойного завершения».

Впрочем, с уходом Людендорфа его позиция была ослаблена. Проводившаяся Максом Баденским конституционная реформа урезывала права монарха и усиливала рейхстаг. Она превращала империю в парламентское государство. Изменения зашли настолько далеко, что назначения офицеров должны были утверждаться военным министром, то есть впервые — избранным политиком. Хотя фельдмаршал принципиально отклонял любое ограничение прав Верховного главнокомандующего, он счел себя вынужденным согласиться с этим. На самом деле его уговорил поступить так Хефтен.

В Германии усталость от войны тем временем продолжала нарастать. Все больше высших фронтовых офицеров не только не разделяли, но и не уважали взгляд Гинденбурга на положение вещей, постепенно снижалась его популярность и у простых солдат. Демонстрации фильмов, где показывали его или кайзера, сопровождались выкриками неодобрения, что было лишь приметой этого. Для его оптимизма, основанного на вере в Бога, больше места не было. Германия была почти побеждена и стояла на пороге революции. Отсутствие перемирия вело к радикализации. Вместе с общей депрессией в стране старая система день ото дня становилась все более ненавистной и невыносимой. Унаследованная феодальная структура, милитаризм и особенно монархия стояли теперь у позорного столба. Три ноты Вильсона обострили вопрос об отречении Вильгельма. Расширялся круг контрреволюционно настроенных людей, желавших после отречения кайзера, по крайней мере, спасти монархию. Вильгельм, не намеревавшийся разлучаться со своей армией и выехавший из Берлина в Спа, казалось, стоял поперек пути к миру.

Гинденбург до конца не хотел верить в то, что произойдет революция. Отречение Вильгельма при сохранении монархической формы государства, которого теперь ультимативно требовали социал-демократы и поддерживали Центр и Прогрессивная народная партия, он считал просто невыносимым. Как и Грёнер, он опасался, что после этого солдаты устремятся в тыл как «мародерствующая банда разбойников». Однако бунт немецкого флота открытого моря

в Вильгельмсхафене окончательно возвестил о конце монархии. Разразилась революция. Были образованы рабочие и солдатские советы прежде всего в Северной Германии, а также в Мюнхене и Берлине. Забастовки, массовые демонстрации и восстания были характерными для картины первых ноябрьских дней 1918 года.

Напрасно фельдмаршал взывал к немцам: «Речь теперь идет о нашей чести и свободе будущего. Мы непобедимы, если едины. Каждый видит в другом только немецкого товарища»²³. Большая часть населения уже не слушала своего идола из Танненберга. Времена окончательно изменились. Мир старого генерала постепенно разваливался. «Как Зигфрид от коварного броска копья свирепого Хагена, падал наш изнуренный фронт»²⁴ — так он варьировал в своих мемуарах легенду об ударе ножом в спину²⁵.

Армия больше не стояла за кайзером, так что он потерял свою легитимность. При этом Грёнер считал, что Вильгельм еще мог бы для спасения престижа монархии пойти на своего рода акцию самоубийства, возглавив войска, и погибнуть на фронте смертью героя. Фельдмаршал, как и ближайшее окружение кайзера, и знать ничего не хотел об этой идее. О самоубийстве не могло быть речи и по религиозным причинам. Старый генерал все еще не рассматривал вопрос о кайзере как неотложный. Он заявил военному кабинету, что «будет считать себя подлецом, если покинет кайзера»²⁶.

Сам Вильгельм не мог себе представить реальную картину все более ухудшающейся обстановки. Еще в полдень 8 ноября во время императорского доклада он предложил армии атаковать восставших на рубеже Рейна и отвоевать Берлин и Родину у большевизма. Однако о гражданской войне, к тому же с Антантой в тылу, нельзя было и думать. Между тем войска не желали сражаться и были деморализованы. Революционеры уже располагали достаточными возможностями для снабжения. Транспортные узлы и склады были в их руках. У полевых войск продовольствия и боеприпасов оставалось только на несколько дней. Этапные и запасные войска развалились и перешли уже на сторону революции.

Из-за безысходности ситуации теперь даже Гинденбург осознал необходимость отречения Вильгельма. Положение становилось невыносимым. Внешний противник становился все более могущественным, перемирие не было еще заключено, полевые войска держались из последних сил, а в тылу революция ширилась с каждым часом. Хотя фронтовые части еще и сражались, против тыла их использовать было нельзя. После стольких лишений, мучений и страданий для этого уже не хватало их верности Верховному главнокомандующему. Для ОХЛ это было прискорбно ясно. Вильгельм все еще жил иллюзиями, подкреплявшимися его тесным окружением, в

которое входили такие люди, как Плессен, комендант Большой ставки, и Маршалль, ставший с конца июля шефом военного кабинета. Монарх не хотел капитулировать перед улицей.

В первой половине дня драматического 9 ноября шеф Генерального штаба, разумеется, был не готов сказать монарху всю правду. «Я живу и умру с моим королем», — заверил он незадолго до этого своего адъютанта и зятя ротмистра Пентца. «Если кайзер уйдет, армия побежит домой»²⁷. Кайзер собрал вокруг себя к военному докладу фельдмаршала и Грёнера своих важнейших советников: Плессена, Маршалля, Шуленбурга, Хинтце и представителя ОХЛ при кайзере майора Альфреда Нимана. Гинденбург еще до начала военного доклада обратился с просьбой о своей отставке, потому что ему было «бесконечно прискорбно отговаривать своего Верховного главнокомандующего от операций против Родины»²⁸. Кайзер не принял решения по этому поводу. Генерал-полковник Плессен и генерал-майор Шуленбург оценивали обстановку гораздо менее пессимистично. По их мнению, еще ничего не было потеряно. Они требовали быстрых действий против восставших. После того как Гинденбург и Грёнер со всей ясностью выступили против этого, Вильгельм отказался от идеи вновь завоевать Родину посредством операций полевых войск.

Ему представлялось, что после заключения перемирия он вернется на Родину во главе своей армии. Однако квартирмейстер смог сослаться на недавние высказывания откомандированных в Спа командиров полков и генералов десяти армий и даже штабных офицеров ОХЛ, дав понять Вильгельму, что армия больше не за него. Гинденбург сознавал, к чему ведут эти слова. Известный своим честолюбием Шуленбург резко отказался сомневаться в верности солдат Верховному главнокомандующему. Он возразил Грёнеру, упрямо веря в силу военной присяги. Офицер прусского короля должен для своего монарха отважиться даже на невозможное. Так приказывал ему его духовный склад. Гинденбург, напротив, был убежден в трезвости суждений Грёнера, но уже вскоре в этом снова раскаялся. При первом генерал-квартирмейстере Шуленбурге его решение было бы совершенно другим.

Когда по телефону из Берлина стали поступать все более настойчивые требования об отречении, военный доклад был прерван. Все вышли в парк виллы кайзера, где тем временем появился кронпринц. Он просил своего отца не покидать армию и с его группой войск направиться в тыл. Представители погибающего режима совещались, разделившись на группы. Обсуждался вопрос, куда кайзер должен выехать, и при этом назывались Швейцария и Нидерланды. Гинденбург отдал предпочтение монархической и близко расположенной Голландии. Впрочем, фельдмаршал согласился с графом

Шуленбургом, что ни канцлер, ни рейхстаг не имеют права требовать отречения Вильгельма как короля Пруссии. Беспомощно и ошеломленно все находившиеся в Спа вынуждены были наблюдать, как погибает монархия. Стало известно, что даже буржуазные партии наконец согласились с отречением Вильгельма. Представитель имперского канцлера при кайзере Хинтце и представитель ведомства иностранных дел при кайзере легационный советник Вернер барон фон Грюнау получили сообщение об уличных боях в Берлине. Войска перешли на сторону восставших. Только отречение Вильгельма еще могло спасти династию. Однако решение должно быть принято немедленно. Под таким давлением Вильгельм решил отречься от престола германского императора, но он все же хотел оставаться королем Пруссии и повести свои прусские войска на родину. Хинтце написал соответствующее заявление. Канцлер, чье отношение к Гогенцоллерну и без того за последние недели осложнилось, уже не дожидаясь письменного решения монарха.

В 14 часов 10 минут 9 ноября 1918 года в Спа пришло судьбоносное сообщение из столицы империи: Макс Баденский самовольно, на основании выхода социал-демократов из правительства и вследствие всеобщей забастовки, объявил об отречении Вильгельма и об отказе кронпринца от трона. Хотя у него не было на то конституционных полномочий, он и сам ушел в отставку, передав дела правительства председателю СДПГ Фридриху Эберту. На все оказывала давление улица. Социал-демократы возглавили теперь ниспровергающее движение, чтобы, являясь как бы общепризнанной силой порядка, уберечь империю от анархии и большевизма, которого они тоже боялись.

Но время монархии без монарха уже прошло. Массы радикализировались. Филипп Шейдеман, председатель фракции СДПГ, стремился видеть во главе движения умеренных социал-демократов. Блестящий оратор, он в 14 часов с балкона берлинского рейхстага провозгласил Германскую республику. Одновременно вождь Союза Спартака Карл Либкнехт из Берлинского дворца провозгласил Свободную Социалистическую Республику. Ни тому, ни другому таких полномочий Эберт не давал. Он бы охотнее предоставил право решения в пользу республики или монархии Учредительному Национальному собранию.

Тем временем в 15 часов 30 минут в Спа Грёнер, Шуленбург, Хинтце, Маршалль и Грюнау собрались у фельдмаршала. Все сошлись на том, что не существует возможности аннулировать отречение военным путем. В случае, если Вильгельму будет угрожать опасность, в качестве убежища была избрана Голландия. После этого участники совещания отправились на виллу кайзера. Только Шуленбург вернул-

ся к себе на службу. Свергнутый монарх, с которым оставались Плессен и адмирал Шеер, был до крайности взволнован. Фельдмаршал предложил ему направить письменный протест против самоуправления Макса Баденского, предварительно отказавшись от его публикации. Вильгельм, совершенно растерянный, обращаясь за советом к тому или другому из присутствовавших, все еще думал, что ни в коем случае не отречется от трона прусского короля. Правда, главное командование армией он передал фельдмаршалу, поскольку больше уже не являлся германским императором. Вильгельм решил провести ночь в королевском поезде, стоявшем на вокзале Спа. Кроме того, он поручил Хинтце принять подготовительные меры для «перехода в Голландию». На основании этого Хинтце связался с немецкими представителями в Голландии и Бельгии. Около 17 часов Гинденбург вместе с Грёнером покинули виллу кайзера. Окончательного решения об отъезде в эмиграцию принято еще не было. Хотя идея уже была высказана, такого совета определенно Вильгельму никто не давал. Так, по крайней мере, Гинденбург считал до самой смерти. Но мог ли Вильгельм не учитывать последствий доклада Гинденбурга об обстановке? Не отбрасывалась ли любая альтернатива отъезду в эмиграцию как утопичная?

Уже через несколько недель после этих событий между присутствовавшими в Спа началась ожесточенная дискуссия о том, действительно ли Гинденбург вечером 9 ноября 1918 года советовал кайзеру отречься и немедленно уехать и даже настаивал на этом. После войны Гинденбург по этому поводу говорил, что узнал об отъезде Вильгельма только тогда, когда это стало уже свершившимся фактом. Грёнер подтверждает это: в 19 часов 30 минут генерал-полковник Плессен сообщил им, что уже этим вечером Вильгельм намерен выехать в Голландию. Плессен отсоветовал фельдмаршалу посетить кайзера в последний раз.

Вскоре после этого ОХЛ получило информацию, что по настоянию Плессена Вильгельм отменил решение об отъезде. Но на следующее утро фельдмаршал узнал, что около пяти часов утра в королевском поезде свергнутый кайзер со своим ближайшим окружением отправился в Нидерланды. Кто в конце концов побудил его сделать это, осталось неясно. Со всей уверенностью можно сказать, что это был не Гинденбург. Этому могло способствовать предупреждение Хинтце. Вечером он обратил внимание колеблющегося монарха на то, что «при более позднем отъезде момент внезапности, как момент в пользу выполнения плана, был бы утрачен»²⁹.

В любом случае через несколько месяцев в ходе происходившей тогда дискуссии Гинденбург подчеркивал, будто вечером 9 ноября он никак не думал, что решение об отъезде уже принято³⁰. Poleмика об

ответственности за отречение и бегство последнего кайзера должна была Гинденбургу сильно докучать. Она бросала тень на его лояльность по отношению к прусскому королю, как и на его искренность, его мужество отвечать за тяжелые решения и их отстаивать. Причастность к концу 500-летней династии Гогенцоллернов, к свержению Вильгельма, с которым он только в июне праздновал 30-летие его вступления на престол, лежала на нем тяжким бременем до самой смерти.

В те ноябрьские дни 1918 года Гинденбург, старый пруссак, верный королю, был свидетелем того, как от старой системы не осталось камня на камне. Монархия, властное государство, милитаризм были, по мнению большей части разочарованного населения, в ответе за войну, которая после стольких жертв и лишений в конечном счете была проиграна. Начальник Генерального штаба был согласен с трезвым реалистом Грёнером, что необходимо предотвратить худшее — большевизм в Германии — и даже перейти на службу новому, возглавлявшемуся Эбертом правительству. Многие ему не доверяли, но Гинденбург был готов принять «демократическую» революцию, чтобы воспрепятствовать кровавой гражданской войне и поддерживать порядок в войсках. Одновременно новое политическое руководство признало необходимость дальнейшего существования ОХЛ под началом обоих кайзеровских генералов.

Вечером 9 ноября в Спа были получены продиктованные Фошем условия перемирия. Нет сомнений, что ОХЛ в случае германской победы точно так же унизило бы проигравших: Брест-Литовск был не так давно. Теперь Германия должна была почувствовать жесткость победителей: сперва надлежало оставить Эльзас-Лотарингию и оккупированные территории, затем — левый берег Рейна, включая 40-километровую нейтральную зону на правом берегу, а также три предместных плацдарма — Кёльн, Кобленц, Майнц. Империя должна была передать Антанте 5000 локомотивов, 150 000 вагонов и 5000 грузовиков, а также вооружение и боевую технику — артиллерийские орудия, танки, самолеты, флот открытого моря и подводные лодки. Военнопленных нужно было отпустить без притязаний на взаимность с другой стороны. Мирные договоры в Брест-Литовске и Бухаресте были объявлены недействительными, хотя находившиеся на территории России немецкие войска еще не должны были выводиться. Установленная с 1914 года блокада немецких портов и одновременно немецкой морской торговли сохранялась, в то время как Антанта принимала на себя ответственность за обеспечение Германии продовольствием.

В ОХЛ продолжали считать, что войска, с точки зрения их боевых возможностей, еще могут оказывать сопротивление на границе за Рейном. Но революция в Германии этого не позволила. Учитывая

развитие событий в тылу, ОХЛ было не в состоянии отклонить требования союзников или возобновить борьбу. После совещания Гинденбург распорядился сообщить об этом правительству в Берлине. И оно приняло условия.

В Компьенском лесу, в салон-вагоне союзного Главнокомандующего, руководитель немецкой делегации Матиас Эрцбергер из партии Центра утром 11 ноября подписал соглашение о перемирии. Для дальнейшего развития политических событий знаменательным было то, что ни один немецкий офицер не присутствовал при подписании и к этому моменту ни одного солдата союзников не было на немецкой территории, стратегически разбитые немецкие войска, как и прежде, находились в Бельгии, Франции и в Восточной Европе.

Одиннадцатого ноября 1918 года в 12 часов дня война была закончена. Она стоила жизни почти восьми миллионам солдат, из них только немцев было почти два миллиона. Гинденбургу казалось, что настоящее время потеряно. Ему оставалась только надежда на будущее. Поэтому сохранившиеся остатки войск нужно было спасти для будущего строительства Германии. В этом фельдмаршал видел свою задачу. Он обращался к временам Освободительных войн и связанного с ними государственного восстановления. Германия должна лишь, как ему хотелось, сохранить веру в свою всемирно-историческую миссию.

Впрочем, как и Грёнер, Гинденбург отказался разделять ответственность за заключение перемирия и за все последующие шаги. Он считал, что к ответу обязаны быть привлечены новые ведущие политические силы, те, которые хотели во что бы то ни стало прекратить войну, а не те, кто ее вызвал. Генеральный штаб и офицерский корпус должны были вступить неотягощенными в и без того трудное будущее. То, что Гинденбург оставался начальником Генерального штаба и получил от кайзера Главное командование, должно было показать военным важность преемственности. Это казалось столь важным уже потому, что все прежние авторитеты были свергнуты. Немецкие князья отрекались практически без борьбы. После свержения монархии власть в стране находилась в руках политически организованного рабочего движения. Шорник по профессии из Гейдельберга стоял во главе правительства, повсюду были созданы рабочие и солдатские советы. Они приступили к установлению контроля за гражданскими и военными властями, а также над предприятиями. Хотя ОХЛ, как и прежде, представляло наследие погибшей империи кайзера, оно должно было приспособливаться к новым условиям, чтобы из руин проигранной войны и демократической революции перенести в новое государственное образование как можно больше ценностей и традиций старой структуры.

Естественно, Гинденбургу было крайне тяжело приходиться к взаимопониманию с новым временным правительством, состоявшим из трех представителей социал-демократов большинства и трех представителей независимых социал-демократов и называвшимся по русскому примеру «Советом народных уполномоченных». Но он достаточно был реалистом и прагматиком, чтобы приспособиться к сложившимся обстоятельствам. К тому же он имел опору в лице Грёнера, который, несмотря на всю склонность к монархии, сумел установить конструктивные отношения с умеренными социал-демократами. Даже фельдмаршал смог — через некоторое время личной дистанцированности, — к своему удивлению, оценить некоторых ведущих представителей СДПГ как патриотов и сознающих ответственность государственных деятелей. При этом в конечном счете он выглядел гораздо менее высокомерным и статичным, чем многие другие консерваторы старого режима. Главному командованию Сухопутных войск очень скоро удалось подняться до положения равноправного партнера правительства. Его основной задачей сначала было своевременно, упорядоченно, не допустив усиления влияния большевизма, вывести войска в Германию. Кроме того, необходимо было оказать поддержку умеренному социал-демократическому правительству против левых радикалов. Социал-демократы большинства стремились установить парламентскую демократию, основанную на социальных реформах. Они чувствовали отвращение к социалистической революции по русскому образцу и хотели как можно скорее провести всеобщие выборы в Учредительное Национальное собрание. Из общего страха перед революцией и анархией СДПГ и ОХЛ соединились в союзе по расчету. Уже вечером 10 ноября Грёнер сообщил по телефону главе правительства, что войска находятся в распоряжении новой власти. Гинденбург и офицерский корпус, добавил генерал-квартирмейстер, разумеется, ожидают поддержки правительства для сохранения порядка и дисциплины в армии. Они требуют борьбы с большевизмом и для этого стоят с винтовкой к ноге. Эберт пошел на этот альянс. Для председателя партии было также по меньшей мере важно, чтобы бунтующие солдаты его слушали. Правда, Гинденбург сначала ничего не знал о действиях Грёнера. После того как тот обрисовал ему внутривластную обстановку в Германии, он задним числом одобрил этот пакт.

СДПГ тоже выступала за союз. 11 ноября ОХЛ по желанию Грёнера получило от правительства телеграмму, в которой оно просило Главное командование Сухопутных войск поддерживать военную дисциплину, спокойствие и строгий порядок. Власть офицера в соответствии с этим продолжала оставаться неограниченной, солдатские советы и советы доверенных лиц были поставлены в подчиненное

положение. Они должны были «безоговорочно» поддерживать офицеров при наведении порядка. Итак, в военной области все должно было оставаться по-старому. В первые дни после свержения императора ОХЛ еще предавалось надежде, что будет располагать достаточным количеством надежных войск для охраны границы на Рейне. Однако очень скоро военное руководство с прискорбием узнало, что у солдат совершенно иные заботы, чем борьба с бунтующими рабочими. На войска, вернувшиеся в тыл, офицеры практически не имели никакого влияния. Солдаты возвращались к своей гражданской жизни.

После ухода Людендорфа в распределении работы среди руководства ОХЛ тоже ничего не изменилось. Гинденбург полагался на инициативы Грёнера, который заботился о сотрудничестве с правительством в ежевечерних телефонных разговорах по секретному проводу с Эбертом. Фельдмаршал принимал мало участия в решающих процессах. Несмотря на все изменения, он не потерял своих, вошедших в поговорку, спокойствия и невозмутимости. «Своей внутренней цельностью он воплощал последнего из поколения старого кайзера, сохраняя внутреннюю связь с пруссачеством Вильгельма I. Она делала его легендарной личностью, в которой нуждался тогда немецкий народ для поднятия своего духа. До конца своей жизни он был чужд учреждению республики»³¹, — считал Грёнер. Впрочем, генерал-квартирмейстер признавал, что его личные хорошие отношения со считавшимся образцом фельдмаршалом существенно облегчали его положение и отношения с офицерским корпусом.

После прибытия французской комиссии по перемирию в Спа 16 ноября ОХЛ переехало в замок-отель Вильгельмское под Касселем. Собственно говоря, сначала хотели перенести ставку в Бад-Хомбург, но радикальное поведение местного солдатского совета, конфисковавшего запасы офицерского клуба Главного командования, заставило высших военных чинов быть осторожнее и направиться в Вильгельмское, туда, где когда-то находился в плену побежденный Наполеон III. Времена, правда, изменились. Во время поездки фельдмаршал постоянно наблюдал распущенность мародерствующих солдат. Революционные памфлеты называли его «старым забойщиком людей».

Напротив, солдатский совет Касселя по прибытии Гинденбурга заменил красные нарукавные повязки на черно-белые и вывесил флаг Пруссии. Даже эти революционеры признавали, что фельдмаршал выполняет свой долг. Предложение разместиться в замке Гинденбург отклонил. Без разрешения кайзера, которому замок принадлежал, он не хотел его занимать. Ставку охранял штурмовой батальон. Замок-отель из-за отсутствия угля сначала не отапливался.

Запасы были уже конфискованы, так что старый генерал довольствовался полевой кухней. Хлеб, искусственный мед, супообразная смесь были составными частями его скудного пропитания.

Правительство в Берлине снова назначило своих комиссаров в Вильгельмское. С одной стороны, они должны были защищать ОХЛ от свирепых солдатских советов, а с другой — наблюдать за возможными реставраторскими тенденциями в военном руководстве. В обязанности старого генерала все еще входил прием многочисленных депутатий, например учителей с их учениками. Для большей части населения, именно в провинции, он оставался достойным почестей фельдмаршалом.

С возмущением старый генерал вынужден был наблюдать, как некогда такая могущественная и сильная империя унижалась другими нациями. В Позене (Познань) поляки выступили против немецкого правления. 14 ноября на родине Гинденбурга был образован «Верховный польский совет». Штаб немецкого корпуса покинул город. Вся область, как планировали поляки, должна была отделиться от Германии еще до подписания ею мирного договора. 23 ноября фельдмаршал вопреки правительству, стремившемуся решить дело переговорами, призвал к формированию добровольческих частей для защиты восточных территорий. Действительно, нашлось большое количество добровольцев. Но они пришли слишком поздно, чтобы сохранить Позен для Германии. Польским повстанцам понадобилось всего несколько дней, чтобы захватить город и большую часть провинции.

Фельдмаршал наблюдал эти события с глубокой печалью. Он чувствовал себя уже «смертельно усталым», но все еще хотел служить примером для юношей, пока это позволяло ему здоровье. Он сам знал, что считается прежде всего символом исполнения долга, порядка и дисциплины. И в качестве такового он стремился держаться во главе войск, подобно скале в морском прибое, как страж старых добрых традиций в изменчивом времени. Несмотря на строго консервативную принципиальную позицию и столь характерную для него флегматичность, Гинденбург был человеком, не игнорировавшим полностью политических реальностей, какими бы чуждыми они ни были лично для него. Поэтому он был готов к сотрудничеству с Эбертом. Он поставил главу правительства в известность, что объединяется с ним «для спасения нашего народа от угрожающей ему катастрофы. В Ваших руках находится судьба немецкого народа. От Вашего решения будет зависеть, добьется ли немецкий народ нового подъема. Я готов, а вместе со мной и вся армия, решительно поддержать Вас в этом». Однако ОХЛ одновременно было вынуждено объяснить Эберту, что политика в войсках, где, как и прежде, долж-

на царить строжайшая дисциплина, не утратила значения. Военное руководство жаловалось на «неслыханные злоупотребления» рабочих и солдатских советов. Они хотели допустить запланированный на 11 и 12 декабря ввод в Берлин десяти дивизий только без боеприпасов. При этом, по представлению ОХЛ, эти войска должны были «проч-но усадить в седло» правительство Эберта. Фельдмаршал требовал от правительства издать указ, который бы определил, что военной командной властью наделены только командные инстанции. Стро-гая иерархия, привычная точная субординация офицеров должны были быть, безусловно, восстановлены. Гинденбург потребовал, что-бы солдатские советы «исчезли из войск»³².

Еще сохранившиеся части полевых войск ясно доказали свою «непригодность» для установления спокойствия и порядка при вводе гвардейских войск в Берлин. Эти фронтовые соединения должны были разоружить гражданское население и «очистить» столицу от левых радикалов, спартаковцев. Желание солдат вернуться домой оказалось и здесь намного сильнее «чувства долга» участвовать в выполнении задач по «очистке». Учитывая очевидную усталость по-левых войск от боев, ОХЛ стало требовать формирования добро-вольческих соединений. В них собирались главным образом фронто-вики-студенты, офицеры и генштабисты. Контрреволюционно и подчеркнуто националистически настроенные добровольческие формирования занимали обычно крайне правый фланг политиче-ского спектра. Впрочем, для Гинденбурга эти временами ненадеж-ные части были только несовершенной заменой хороших активных войсковых подразделений.

Демократическая Германия должна была бороться и против тер-риториальных притязаний соседних государств. 13 декабря Гинден-бург проинформировал правительство об угрозе германской восточ-ной границе со стороны русских советских войск, поляков и чехов. Он подчеркнул, что задача армии, по крайней мере на Востоке, состо-ит в том, чтобы «удерживать противника на расстоянии от немецкой территории». Для этого были необходимы единая организация и управление всеми военными мероприятиями. «Мы должны соб-ственными силами удержать наши позиции на Востоке; иначе мы будем и политически бессильны, если вступим в мирные перегово-ры»³³.

Одновременно три партии обратились к Гинденбургу с просьбой выставить свою кандидатуру на выборах в Национальное собрание. Куно фон Вестарп и бывший прусский министр финансов Оскар Хергт хотели видеть его первым кандидатом своей Немецкой наци-ональной народной партии, преемницы прежней консервативной и свободной консервативной партии по избирательному округу Вос-

точной Пруссии. Республиканская наследница Национал-либеральной партии — Немецкая народная партия, возглавлявшаяся Штреземаном, стремилась одновременно заполучить его для Имперского комитета независимых национальных кандидатов. Все это было напрасно, поскольку Гинденбург не хотел ни слагать с себя главного командования, ни втягивать ОХЛ в партийную политику.

Грёнер использовал имя Гинденбурга как точку опоры в жизни Германии. Надпартийный, служащий только Отечеству, Верховный главнокомандующий — как высшая инстанция — должен был образовать мост из старого времени в новое. В соответствии с этим ОХЛ издало приказ: «Фельдмаршал фон Гинденбург считает своим долгом как можно дольше, благодаря своему личному авторитету, обеспечивать сохранение состава ОХЛ; дальнейшее существование этой структуры является тем более необходимым, что военное министерство в Берлине под давлением происходящих там ежедневных событий не в состоянии принимать требуемые для оздоровления войск меры, свободные от каких-либо влияний. ОХЛ как фактор, находящийся вне правительства и Национального собрания, в состоянии оказывать всестороннее воздействие во время работы Национального собрания на всех направлениях, особенно на правительство. Имя и личность фельдмаршала должны быть тем более сохранены в качестве объединяющего весь народ фактора, так как сейчас нельзя предвидеть, какие новые разлагающие силы будут влиять на войска и народ. Поэтому его не должна использовать для усиления своей пропаганды какая-либо одна партия. Если фельдмаршал будет втянут в партийную суету, то в конечном счете его историческое имя получит окраску, делающую его чуждым части населения. Избежать этого тем важнее, что после исхода войны, затронувшего весь народ, этический и исторический долг фельдмаршала, поскольку он находится на службе Отечеству, требует от него служить всему народу, а не отдельной партии»³⁴.

После выборов 19 января 1919 года три политические партии, наиболее убежденно выступавшие за парламентскую демократию, — СДПГ, Центр и Немецкая демократическая партия (бывшие прогрессисты) — получили 329 из 421 места в Национальном собрании. На основании этого они образовали правительственный альянс. Филипп Шейдеман, печатник из Касселя, стал социал-демократическим министром-президентом во главе этой так называемой «Веймарской коалиции». Парламент избрал Эберта рейхспрезидентом. Выдвигали кандидатом на пост главы государства и Гинденбурга. Однако Национальное собрание отреагировало на это с такой аллергией, что от предложения пришлось отказаться. Несмотря на это, Гинденбург остался Главнокомандующим и обладал полной командной властью над все-

ми военными формированиями. Правда, приказы он получал не от правительства, как предусматривалось временной конституцией, а непосредственно от президента.

С 6 января командующим правительственными войсками в районе Берлина был назначен Густав Носке. 13 февраля он стал министром рейхсвера в кабинете Шейдемана. Деревообделочник по профессии был в рейхстаге референтом СДПГ по флоту. К большой радости военного руководства, у него был «военный инстинкт» и он не останавливался перед чрезвычайно энергичными действиями. «К счастью, Носке думает так же, как и мы», — с удовлетворением писал Гинденбург своей жене. Министр рейхсвера производил на фельдмаршала более приятное впечатление, чем казавшийся ему подчас медлительным Эберт³⁵. На основании распоряжений министра рейхсвера ОХЛ усиленно создавало добровольческие корпуса, которые, с одной стороны, должны были защищать демократически настроенное правительство, с другой — служили оплотом антиреспубликанских, праворадикальных сил. С последним мирились, поскольку нуждались в их помощи: с начала года забастовки и демонстрации и даже кровопролитные бои с организованными рабочими в промышленных центрах не давали стране обрести покой. Военные оказались на месте и тогда, когда социал-демократическое правительство обратилось за помощью для подавления попыток леворадикальных путчей, как, например, берлинского «спартаковского восстания» в январе. То, что в Германии с начала года сложились обстоятельства, сходные с гражданской войной, доказывало не в последнюю очередь создание Баварской советской республики и ее насильственное уничтожение. Массовые забастовки и манифестации крайне левых прошли в Верхней Силезии, Вюртемберге, Мангейме, Магдебурге и Брауншвейге. Национальное собрание в связи с нестабильной обстановкой в столице империи даже было вынуждено переехать в Веймар. Там оно находилось под охраной Добровольного земельного егерского корпуса под командованием генерал-майора Георга Меркера. Гинденбурга же в это время мучили тяжелые личные заботы. 27 января он задумал праздновать в Вильгельмское день рождения свергнутого кайзера. Он считал недостойным скрывать свою симпатию к дому Гогенцоллернов. Но Вильгельм, отрекшийся 28 ноября 1918 года и от престола прусского короля, страдал в своем изгнании в Доорне от все больше распространявшегося упрека, что 9 и 10 ноября он нарушил присягу и как трусливый дезертир бросил свою страну на произвол судьбы. Можно себе представить, как от этой критики Вильгельм чувствовал себя, учитывая, что почти два миллиона немецких солдат пали на войне за кайзера и Отечество.

Дискуссия обострилась в связи с запиской графа Шуленбурга, со-

держание которой стало известно общественности. В этом меморандуме он возлагал ответственность за бегство кайзера на Гинденбурга и Грёнера, которые якобы настояли на отречении Вильгельма. Консерваторы и без того намеревались свести счеты с Грёнером и Максом Баденским. Они считали обоих главными виновниками драмы 9 ноября. Одна из статей прусско-консервативной газеты «Кройццайтунг», посвященная дню рождения кайзера, представляла Грёнера как «революционного генерала» и к тому же утверждала, что тогда, 9 ноября, в Спа все ходили только с красными кокардами³⁶.

Гинденбург, который тоже почувствовал себя задетым, был вынужден дать опровержение в газету, в общем столь близкую ему по духу. 2 февраля он написал в редакцию: «1. Это неправда, что в ставке все ходили с красными кокардами, я там не видел ни одной. 2. Только с клеветническими намерениями мой первый помощник... может быть причислен к тем, “кто недостаточно поспешно мог стать на почву существующих фактов”, и получить прозвище “революционный генерал”».

В тот же день он довел до сведения Вестарпа следующее: «Я не могу допустить, чтобы подвергались таким серьезным подозрениям настроения подчиненного мне штаба и генерала Грёнера — так как, без сомнения, подразумевали именно его, до мозга костей монархически настроенного офицера, который только со времени своей деятельности в военном ведомстве знаком с левыми партиями и достаточно разумен, чтобы не пробивать головой стену и все этим испортить. Кроме того, брошен упрек и мне. Моя просьба сводится к тому, чтобы мне как можно скорее было дано полное удовлетворение на видном месте в газете. Мне было бы тяжело порывать отношения с “Кройццайтунг”, но я твердо решил в случае необходимости довести дело до конца»³⁷. Вскоре после этого в консервативной газете действительно было опубликовано опровержение.

Полемика, сильно докучавшая Гинденбургу, имела свое продолжение. Консерваторы высказали предложение о подготовке совместного протокола присутствовавших тогда в Спа Гинденбурга, Хинтце, Шуленбурга, Плессена и Маршалля, чтобы выяснить вопрос. В Доорне бывший кайзер с нарастающей резкостью тоже настаивал на соответствующей публикации. При этом для Вильгельма наибольшее значение имела позиция Гинденбурга, его ответственность за происходившее. После этого 17 марта фельдмаршал передал прессе заявление о 9 ноября, в соответствии с которым кайзер «в согласии со своими советниками» принял решение выехать из страны, чтобы спасти свой народ от кровавой гражданской войны и поддержать спокойствие и мир³⁸.

Шуленбург, Плессен и Маршалль ссылались на самого бывшего

кайзера, утверждая, что Гинденбург тогда прямо-таки настаивал на отречении Вильгельма и его отъезде в Голландию. Тот якобы тем временем был глубоко огорчен тем, что Гинденбург не хотел публично признаться, что дал ему этот совет, повлекший за собой тяжелые последствия. Однако он, как и прежде, считает этот совет правильным. Грёнер же, напротив, прикрывал высказывание своего начальника Генерального штаба. Кайзер, мол, в тот момент был в полном смятении и постоянно спрашивал мнение окружающих. По свидетельству Грёнера, высказывания фельдмаршала оставляли за Вильгельмом полную свободу решения.

После публикации меморандума Шуленбурга в различных газетах в начале апреля Гинденбург ясно разъяснил газете «Кройццайтунг», что граф был недостаточно информирован о действительном положении. Особенно Гинденбурга возмутило утверждение Шуленбурга, что ОХЛ 9 ноября с самого начала настаивало на отречении и бегстве кайзера за границу. Шуленбург должен был наконец заявить фельдмаршалу, что его меморандум был бестактно опубликован против его воли. К тому же «он не был законченным целым, а представлял собой лишь отрывочные заметки, которые были предназначены для того, чтобы служить основой для разработки более позднего совместного документа о событиях 9 ноября»³⁹.

Двадцать четвертого апреля Вестарп приехал на два дня к Гинденбургу в Кольберг. Во время утренней прогулки по морскому пляжу фельдмаршал высказался наконец за подготовку совместного протокола, который Вестарп должен составить как «внепартийная, достойная всякого доверия личность». В этом документе должны быть окончательно выяснены вопросы, которые так сильно занимали обе спорящие партии — Гинденбурга и Грёнера, с одной стороны, Шуленбурга, Плессена и Маршалля — с другой: оказывал ли Гинденбург давление на кайзера или явно давал ему совет, рекомендовал ли он ему эмигрировать или только выдвигал альтернативы для рассмотрения?

Двадцать девятого июня Вестарп посетил «старого господина» во второй раз. Он обратил внимание, что Гинденбург, несмотря на свою любезность, уж очень «болезненно относится к вопросу». У него чуть ли не случается сердечный приступ, когда он думает о «царственном владыке». «Я хочу конечно же предстать перед кайзером и взять на себя часть ответственности, — сказал он, — но другие (Плессен, Маршалль и прочая свита) не должны сваливать все только на меня»⁴⁰.

«Из вассальной верности для спасения чести монарха», как сформулировал позднее сам Гинденбург, 27 июля все же был опубликован совместный протокол под заголовком «События 9 ноября 1918 года в Большой ставке в Спа». Гинденбург тщательно работал над ним и

внес свои «замечания». В конце концов, протокол был делом чести для всех участников. При этом именно честь Гинденбурга была под угрозой. Поэтому он самым внимательным образом следил за формулировками текста. Потребовалось несколько вариантов и даже контрпроект Гинденбурга. Шла оживленная переписка между участниками. Противная сторона — Шуленбург, Маршалль и Плессен — препятствовала тому, чтобы Грёнер, к которому она относилась с неприязнью, засвидетельствовал правильность протокола своей подписью. Плессен считал, что так Гинденбург прикроет все ОХЛ. Само собой разумеется, фельдмаршал настаивал на своей точке зрения, согласно которой «переезд кайзера в Голландию» он рассматривал лишь как крайний временный выход.

Публикация отнюдь не избавила фельдмаршала от его душевного бремени. Вильгельм, страдавший от упрека в позорном бегстве, как и прежде, придавал большое значение тезису, что ему в свое время посоветовали отправиться в эмиграцию. Вопрос об ответственности за это все еще не был удовлетворительно прояснен для фельдмаршала, существенно омрачая его отношения с монархом. Поэтому старопрусская совесть воина, покоившаяся на верности к королю, не хотела оставить его в покое.

Недавнее прошлое довлело над Гинденбургом и в том, что касалось его отношений с Людендорфом: в Национальном собрании Шейдеман назвал возвратившегося из Швеции Людендорфа «авантюристом мировой войны». Это еще была мягкая характеристика бывшего квартирмейстера по сравнению с суждениями, которые приходилось слышать генералу. Считая Людендорфа подлинным руководителем третьего ОХЛ, многие в империи к тому времени рассматривали его как воплощение грубого прусского милитаризма. Из-за острой критики ему пришлось на несколько месяцев укрыться в Швеции.

До сих пор Гинденбург почти ничего не делал для спасения чести некогда близкого ему доверенного человека. Это обстоятельство могло только усилить разочарование Людендорфа в начальнике Генерального штаба. Но когда глава германского правительства так высказался о Людендорфе и тем самым косвенно об ОХЛ и самом Гинденбурге, тот не захотел больше мириться с этим. Его протест был опубликован 16 февраля в прессе. В своем ответе Шейдеман только выразил сожаление, что его упрек в отношении Людендорфа затронул и фельдмаршала. Это не входило в его намерения.

Озлобленный и мстительный Людендорф в своих уже подготовленных воспоминаниях выставил на всеобщее обозрение неповоротливость и нерешительность старого генерала. Свен Хедин еще в Швеции попытался убедить Людендорфа отказаться от такой рас-

платы. Последующие попытки примирить обоих соратников не увенчались успехом. По мнению Людендорфа, первый шаг должен был сделать Гинденбург. По просьбе последнего посредником в марте выступил генерал-майор Мертц фон Квирнхайм, но потерпел неудачу. Наконец, 9 апреля фельдмаршал написал удрученному генералу сердечное поздравительное письмо ко дню рождения. Он просил Людендорфа забыть «размолвку» и снова протянуть ему руку дружбы. И Людендорфу действительно стало легче оттого, что, казалось, конфликт между ним и фельдмаршалом был преодолен. Он согласился на примирение, и Гинденбург радовался тому, «что теперь с ним все по-старому»⁴¹.

Независимо от этого «преодоления прошлого» в начале 1919 года на Западе были завершены освобождение территорий и отвод войск. На Востоке все добровольческие формирования вели пограничные бои. Штаб Главнокомандующего Восточного фронта был расформирован, а его функции приняло на себя ОХЛ. Ему были подчинены штаб группы армий в Киеве и штаб 10-й армии. В Кёнигсберге оно создало свой собственный пункт связи для управления отводом войск с Востока на территорию империи. Военное руководство было полно решимости отвоевать Познань, защитить Курляндию от большевизма и создать новые вооруженные силы. Для этого ОХЛ расположило свою ставку в померанском морском курортном городе Кольберге.

В обращении, выдержанном в драматическом тоне, Гинденбург призвал к продолжению формирования частей в Восточной Пруссии и Силезии. Он весь был в тяжелых заботах о будущем Германии. «Мы должны были просить мира не потому, что были подавлены превосходством наших врагов и голодной блокадой, а потому, что наш народ был дезорганизован и потерял прежнюю силу. Многие стоят в стороне, утратив вместе с радостью служить Отечеству способность идти на жертвы. И куда только приведет нас такое положение вещей? Мы должны сделать рывок! Решительно взяться за работу на благо Отечества! Любя Родину и старые немецкие земли, мы в первую очередь должны защищаться от нового врага — большевизма, несущего угрозу цивилизованному миру». Так он призывал молодежь и добровольцев рисковать своей жизнью ради защиты восточных территорий и помнить о «верности 1914 года». Он также призвал ветеранов Танненберга и Мазурских озер к действенной помощи: «Откуда бы вы ни были родом, из Баварии, Саксонии, Швабии или Пруссии, или к какой бы вы партии ни принадлежали, все мы — немцы! Забудьте о том, что нас может разделять, соединитесь снова в вашей любви к Родине, в самовоспитании, дисциплине и доверии к вашим вождям!»⁴²

Оперативный отдел ОХЛ разрабатывал планы наступления на Польшу с двусторонним охватом противника. Но в Трире, в ставке союзников, Фош встал на сторону поляков. Он настоятельно потребовал от германского правительства немедленно прекратить все военные операции в направлении Позена. 16 февраля было предписано заключить перемирие. В бессилии Гинденбург должен был согласиться с тем, что демаркационные линии будут соблюдаться. То, что немецкие части, направленные против Польши, были остановлены, Гинденбург воспринял как тяжелое оскорбление. Но против армий западных держав предпринимать ничего было нельзя. Оставалось только организовать оборону от поляков и чехов восточных провинций, еще находившихся под немецким контролем.

Ганс фон Сект, последний шеф османского Генерального штаба, был назначен начальником штаба армейского Главного командования «Север» в Кёнигсберге, в функции которого входила также оборона границ в Силезии. В Прибалтике продолжали вести боевые действия немецкие части, которые с одобрения союзников освободили Ригу и начали наступление против красноармейцев в Литве. Добровольческие корпуса⁴³ официально использовались для борьбы с большевизмом. Одновременно добровольцы надеялись таким образом получить землю. Поэтому после подавления большевиков значительная часть немецких бойцов в Прибалтике осталась в Латвии.

Для размещения ставки в Кольберге ОХЛ избрало отель «Бельвю». Грёнер, Мюнтер, майор Курт фон Шляйхер и зять Гинденбурга ротмистр Пентц составляли ближайшее окружение фельдмаршала. Он познакомился также с Носке и оценил его. Для охраны ставки был создан добровольческий корпус «Гинденбург». Здесь фельдмаршал под настойчивыми уговорами и приступил к написанию своих мемуаров, хотя в действительности относился с большим предубеждением к такого рода военной литературе. К отставным генералам, взявшимся за пробу пера, он не питал симпатии уже потому, что «между словом и делом имеются глубокие существенные различия. Генерал должен быть человеком дела». Поэтому его воспоминания предназначались только для того, чтобы «оставить память детям об их отце»⁴⁴. Подлинными авторами этого опуса объемом в 400 страниц были все же два других человека. В предисловии говорилось, что книга не должна стать ни оправданием, ни самовозвеличиванием, но первым все же она стала.

В составлении рукописи большую поддержку Гинденбургу оказали историк Отто Гётч и обер-квартирмейстер Военно-исторического отдела прусского Генерального штаба полковник Мертц фон Квирнхайм. Мертц, который при этом занимался изложением событий мировой войны, уже помогал Людендорфу в работе над его во-

енными мемуарами. Начиная с мая Гинденбург ежедневно по многу часов работал со своими биографами над рукописью. Оба они не были упомянуты в книге «Из моей жизни»: фельдмаршал посвятил ее «в благодарность всем тем, кто боролся вместе со мной на фронте и в тылу за величие и существование империи»⁴⁵.

Начало мирных переговоров в Париже 18 января 1919 года побудило фельдмаршала сообщить правительству империи о своем решении как можно скорее уйти в отставку. 1 мая он писал рейхспрезиденту Эберту: «На переломе лет я оставался во главе Главного командования Сухопутных войск, поскольку видел свой долг в том, чтобы защищать Отечество в его самую трудную минуту. Так как предварительный мир заключен, я считаю свою задачу выполненной. Желание вернуться к частной жизни понятно при моем преклонном возрасте, тем более что известно, как в настоящее время стало тяжело дальше исполнять должностные обязанности, имея в виду мои взгляды, особенности личности и мое прошлое»⁴⁶.

Седьмого мая немецкая мирная делегация, возглавлявшаяся министром иностранных дел Ульрихом графом фон Брокдорф-Ранцау, получила от союзников условия мира, вызвавшие у немецкой общественности шок: Верхняя Силезия, Позен (Познань) и большая часть Западной Пруссии должны были отойти к вновь образованной Польше, Хульчинер Лендхен — к новообразованной Чехословакии, Мемельская область переходила под управление Антанты. Данциг в качестве вольного города переводился под комиссарский надзор Лиги Наций. Эльзас-Лотарингия возвращалась Франции, для оккупированной Бельгией территории Эйпен-Мальмеди, так же как и для Северной Силезии, назначался референдум, в Саарской области на 15 лет устанавливался контроль Лиги Наций. Угольные шахты отходили к Франции, Рейнскую область демилитаризовали и оккупировали на определенный срок, присоединение Австрии было запрещено. Сверх того, империя теряла свои колонии.

Кайзеровская военная мощь была подорвана, воинская обязанность отменена, Большой Генеральный штаб, рассматривавшийся союзниками как символ прусско-германского милитаризма, расформировывался. Условия предусматривали ограничение численности сухопутных войск до 100 000, а флота — до 15 000 кадровых военных. Германия не должна была иметь военно-воздушных сил и подводных лодок, танков и химического оружия. Флот открытого моря сокращался до 36 кораблей (остальные суда передавались союзникам), все крепости в полосе шириной до 50 километров к востоку от Рейна подлежали сносу.

«Позорный параграф», пресловутая 231-я статья, возлагала на Германию и ее союзников всю вину за развязывание войны. Поэто-

му империя должна была возместить ущерб в форме поставок товаров и выплаты репараций. Кроме того, разные представители старой системы, среди них и Вильгельм II, рассматривались как военные преступники. Они подлежали выдаче и суду. Для многих были невыносимы именно эти «почетные пункты», особенно для тех, кто во время войны мечтал о мире с позиции силы в случае немецкой победы. Возмущение «диктатом победителей», «увековечением войны», «смертным приговором» для Германии, казалось, снова объединяло нацию. Протест против неожиданного унижения Германии образовал «фронт» от немецких националистов до социал-демократии. Рассчитывали на «мир Вильсона», мир на основе равноправия и взаимопонимания, но не на такое унижение. Часто упоминавшееся право народов на самоопределение казалось растоптанным.

Гинденбург и другие высшие военные чины смогли убедиться в правоте своих прежних взглядов, что капитуляция приведет к «порабощению» западными державами и «бесчестью» Германии. Не часто ли говорил об этом фельдмаршал вместе с Людендорфом? Антанта предусматривала разрушение великодержавной позиции Германии, ее полную незащищенность. Теперь все было намного хуже, чем он сам мог предугадать. При этом условия не содержали еще всех пожеланий Франции и Польши. И Главнокомандующий знал, что у империи в это время не было больше никакой возможности предотвратить полную оккупацию страны союзниками. Однако она вполне могла произойти, если бы германское правительство отклонило условия мира. Гинденбург надеялся, что делегация путем переписки — устные переговоры были запрещены — еще сможет добиться смягчения этих условий.

Ответ союзников на встречные немецкие предложения от 16 июня все же предусматривал проведение референдума о будущей государственной принадлежности для Верхней Силезии. Относительно оккупации Рейнской области Антантой были обещаны более ранние сроки ее окончания, если Германия будет вести себя хорошо. Немецкое представление по вопросу о вине за развязывание войны было отвергнуто со всей ясностью и твердостью.

Так как многие все еще выступали за отклонение «возмутительных» условий, 17 июня фельдмаршал распорядился по запросу правительства разъяснить военные перспективы и позицию ОХЛ: «При возобновлении военных действий мы, с военной точки зрения, в состоянии вновь захватить на востоке провинцию Позен и удерживать наши границы. На западе в случае серьезного наступления наших противников, в связи с численным превосходством Антанты и возможностью охвата нас с обоих флангов, мы вряд ли можем рассчитывать на успех. Благоприятный исход общей операции поэтому

остаётся под большим вопросом, но я, как солдат, должен предпочесть достойную гибель позорному миру»⁴⁷.

ОХЛ обсуждало две альтернативы на случай, если бы правительство не стало подписывать условия: пассивное сопротивление или возобновление боевых действий. Грёнер исходил из остававшихся на немецкой стороне 350 тысяч человек по сравнению с одним миллионом у Антанты. С одной стороны, обсуждалась возможность обороны на Западе при одновременном наступлении на Востоке в направлении старого Царства Польского, с другой стороны — оборона на обоих фронтах. Оба варианта все же были крайне рискованными, а о пассивном сопротивлении военное руководство не хотело ничего знать. Сначала надеялись путем ведения переговоров в Версале выиграть время, чтобы подготовиться в военном отношении и уменьшить опасность большевизма внутри страны. Однако доклады корпусных штабов об общей усталости от боев и истощении населения, отсутствие какой-либо готовности к национальному сопротивлению лишили ОХЛ надежды на возобновление боевых действий.

На политическом уровне тем временем был сделан решительный шаг. Шейдеман ушел в отставку. Рейхсканцлер и министр иностранных дел Брокдорф-Ранцау слишком настаивали на отклонении условий мира. 21 июня в Германии было сформировано новое правительство, состоявшее из социал-демократов и представителей Центра, которое возглавил бывший рейхсминистр труда и профсоюзный деятель Густав Бауэр. Хотя 22 июня Национальное собрание и проголосовало за принятие предложенных условий мира 237 голосами против 138, однако с оговоркой, что Германия не признает своей исключительной вины за возникновение войны и не выдаст так называемых военных преступников. Но Антанта настаивала на безоговорочном подписании. Принятие условий снова оказалось под угрозой срыва не только в парламенте. Хотя ОХЛ постоянно подтверждало бесперспективность возобновления боевых действий, многие офицеры не намеревались без сопротивления подчиняться диктату победителей. На случай принятия выдвинутых условий такие люди, как военный министр Вальтер Райнхардт, планировали отказаться от единства Германии и основать самостоятельное «Восточное государство». Оно должно было напоминать об освободительной войне с Наполеоном и служить опорой для более позднего национального подъема всей Германии. Такие высокопоставленные военные, как Лосберг или Белов, хотели сразу после принятия условий мира во главе общего повстанческого движения начать с Востока освободительную борьбу.

Грёнер считал эти идеи чрезвычайно опасными. ОХЛ не могло взять на себя руководство таким повстанческим движением. 22 июня

Гинденбург получил письмо Белова с вопросом, встанет ли он во главе восстания в Восточной Пруссии. В случае отказа фельдмаршала он сам изъявлял готовность осуществить это. Гинденбург отказался и заявил, что не потерпит самоуправных действий генералов. Чтобы не создавать угрозу порядку, Белов был уволен в запас.

В случае отклонения немцами условий мира фельдмаршал опасался французской оккупации Берлина. Одновременно старый прусский генерал не был готов объяснить политическому руководству страны бесперспективность попыток немецкого сопротивления на Востоке. 23 июня Эберт позвонил в Главное командование и сообщил Грёнеру, что социал-демократы и Центр заявили о согласии принять условия мира. Озабоченный, он спрашивал генерал-квартирмейстера о позиции войск в отношении возможных военных мятежей.

Ситуация была очевидной. Грёнер снова вел переговоры от лица ОХЛ. Гинденбург улизнул из комнаты. Его советник должен был «снова стать черной овцой», как фельдмаршал признался потом Грёнеру. Сам он был не в состоянии дать совет рейхспрезиденту принять «позорный мир»⁴⁸. Генерал-квартирмейстер должен был за это отвечать своим именем. А Гинденбург не пожелал испытать «вероломство Веймара». Итак, Грёнеру пришлось в дальнейшем одному нести груз критики и клеветы правых.

После того как 23 июня 1919 года, несмотря на тяжелые сомнения, мирный договор был принят парламентом, через два дня фельдмаршал сообщил Эберту по телеграфу, что слагает с себя главное командование. Одновременно Гинденбург попрощался с войсками. В своей речи он вспомнил десятилетия мира, годы войны и крушения, поблагодарил офицерский корпус и солдат за службу, верность и доверие. «Но нация все еще находится в большой опасности, — заявил он. — Возможность сохранить внутреннее спокойствие и добиться плодотворной работы существенно зависит от надежности вооруженных сил страны. Поэтому наш первый долг — поддержать эту крепость. Личные взгляды, как бы ни было вам тяжело, должны отодвинуться в сторону. Только дружной работой с Божьей помощью можно вывести наше бедное немецкое Отечество из глубокого унижения. Желаю вам здравствовать. Я вас никогда не забуду»⁴⁹.

Двадцать восьмого июня министр иностранных дел Герман Мюллер от СДПГ и министр транспорта Йоханнес Белль от партии Центра подписали в Зеркальном зале Версальского дворца мирный договор, состоявший из 440 статей. По «насильственному миру» империя утратила почти восьмую часть своей территории и десятую часть населения. Была потеряна половина поступления железной руды и четверть добычи каменного угля. Урожай картофеля снизил-

ся на 17 процентов, посевные площади пшеницы сократились на 13 процентов. В качестве репараций союзники потребовали 60 процентов немецкой добычи угля и 25 процентов фармацевтической продукции. Передаче подлежали все торговые суда водоизмещением более 1600 брутто-регистражных тонн и половина судов водоизмещением от 1000 до 1600 брутто-регистражных тонн, почти все локомотивы и большой парк вагонов. Необходимо было немедленно произвести поставку скота и строительных материалов.

Общая сумма репараций не была еще установлена. В качестве предварительной выплаты в первые два года после вступления договора в силу должны быть переведены 20 миллиардов золотых марок. Несмотря на такие тяжелые условия, неразделенная, хотя и существенно ограниченная в своем суверенитете, империя все еще оставалась экономически самой сильной страной в Европе, государством с наибольшей численностью населения к западу от русской границы. И Гинденбург мог убедиться в том, что в Германии дело отнюдь не дошло до общественного краха. Моральная преемственность с погибшей империей кайзера сохранялась. Гинденбург сам оставался ее символической фигурой.

Вечером 2 июля фельдмаршал в последний раз собрал все Главное командование Сухопутных войск. Присутствовали также представители властей Кольберга и померанские дворяне, с которыми в течение длительного времени поддерживались дружественные отношения. Грёнер, который тоже ушел из ОХЛ, в своей речи отметил символическую силу 9 ноября. В этот день Гинденбург принял от кайзера Вильгельма «заботу об армии и о сплоченности войск, тыла и народа» под свою ответственность. «Так личность генерал-фельдмаршала знаменовала переход из старого времени в новое». В конце речи присутствовавшие по примеру Грёнера прокричали громогласное «ура!» фельдмаршалу. И торжественно поклялись: «Мы будем следовать его примеру до конца наших дней».

В ответ Гинденбург, будучи глубоко тронут, подчеркнул, что в течение своей долгой жизни постоянно чувствовал над собой «милостивую Божью волю». С «безграничной любовью и верностью, но также и с печалью в сердце» он сначала вспомнил бывшего кайзера, затем войска и добровольческие корпуса и, наконец, с благодарностью — всех своих сотрудников в штабах, «моего несравненного Людендорфа, которого я никогда не забуду», и своего «последнего верного советника, генерала Грёнера. Доживу ли я до лучших времен — на то воля Божья. Но вам я этого желаю и знаю также, что нашим соотечественникам суждено увидеть восстановление былого величия, без которого Германия и Пруссия немислимы»⁵⁰. Гинденбург действительно был многим обязан своему советнику Грёнеру. В конечном

счете именно он был тем, кто помогал старому фельдмаршалу выбираться из всех трудных ситуаций и мог по праву утверждать: «Я сознательно распространял славу старого Гинденбурга из политических соображений»⁵¹.

Когда Гинденбург с присутствовавшими после званого обеда оказался перед порталом замка-отеля, почти как во сне, казалось, что вновь возродилось былое величие Пруссии. Военные оркестры различных частей под светом факелов собрались на Большую вечернюю зорю. Они исполняли старые военные марши Пруссии, сопровождавшие генерала в течение всей жизни. Его военная карьера началась с войны, с триумфа Пруссии и основания Германской империи. Она закончилась Великой войной, принесшей крушение стольких ценностей, которыми он всегда так дорожил. Последние пять лет одарили его высшими почестями, которые может заслужить офицер. На фоне кровавых массовых сражений он стал любимцем народа, поднялся до положения заместителя кайзера. Но в конце было все же поражение, унижение и сознание того, что все жертвы были напрасны. Долгая офицерская карьера Гинденбурга стала теперь историей.

На следующий день он отреагировал на требование держав-победительниц о выдаче кайзера как военного преступника для предания суду, написав собственноручно Фошу открытое письмо, в котором просил отказаться от выдачи Вильгельма. «Чтобы удержать от этого позорного унижения нашего народа и нашей армии, я готов принести любую жертву. Поэтому вместо моего императорского и королевского Верховного главнокомандующего я предоставляю лично себя в полное распоряжение союзных и ассоциированных держав. Я убежден, что любой другой офицер старой армии готов сделать то же самое»⁵². Фош даже не ответил на рыцарское предложение старого прусского генерала.

Вечером 3 июля Гинденбург покинул Кольберг. Мимо почетных караулов, в сопровождении всего командования Сухопутных войск он направился на вокзал, где его в парадном строю ожидал добровольческий корпус его имени. На перроне он снова обошел роту почетного караула. Затем генерал-фельдмаршал поднялся в поезд на Ганновер. Он ехал домой. Ему почти исполнилось семьдесят два, и он думал, что окончательно выполнил свой долг перед Германией.

РЕЙХСПРЕЗИДЕНТ

Гинденбурге и Гитлер, 3 июля 1934 г.

VII. Долгий путь к кандидатуре

Прибывшему в Ганновер 4 июля 1919 года Гинденбургу была приготовлена торжественная встреча. На вокзале была выстроена рота почетного караула. Пришли все: городская администрация, военнослужащие гарнизона, студенческие корпорации, тысячи школьников, граждане Ганновера. Улицы были украшены знаменами и цветами. Город праздновал возвращение прославленного полковника. В автомобиле он проехал на виллу, где его ожидали рота и эскадрон почетного караула.

Большая вилла на Зеельхорстштрассе, 32, в пригороде Ганновера, стала теперь его новым домом. Городская администрация предоставила ее своему почетному гражданину еще в 1918 году, затем, после революции, подарок был подтвержден новыми социал-демократическими отцами города. Участок земли был выбран с таким расчетом, что находился на территории бывшего учебного плаца, на котором Гинденбург после своего возвращения из Кёниггреца обучал рекрутов. В саду с того времени еще сохранилась ива. Внутри дом можно было сравнить с музеем: куда ни падал взгляд — везде были почетные подарки.

Находившийся под пристальным вниманием общественности фельдмаршал, даже будучи в отставке, дома имел свой собственный «штаб». Он мог рассчитывать не только на своего верного Карла, денщика со времен войны, остававшегося при нем как слуга. Добровольно в его распоряжение в качестве адъютанта предоставил себя подполковник фон Кюгельген. До этого фельдмаршал абсолютно не был знаком с бывшим уланским офицером. Сын Оскар фон Гинденбург как офицер рейхсвера был откомандирован в Ганновер. Во время войны он проходил службу в качестве офицера Генерального штаба при штабах дивизий и корпусов. Затем в Ганновере он получил пост офицера Генерального штаба при командире пехоты 6-й дивизии. В дальнейшем Оскар превратился в чрезвычайно влиятельного политического советника своего отца.

Старый полководец все еще вызывал общественный интерес, и не только потому, что должен был, как и прежде, вести широкую переписку. Куда бы он ни направлялся, везде сразу же собирались люди. Со своей виллы он не мог пройти пешком. Даже в гражданском сером бюргерском скюртуке его сразу узнавали, и нарушалось, как он сам в шутку говорил, уличное движение. Поэтому о таких прозаических вещах, как прогулка с женой за покупками, нельзя было даже и мечтать. Всевозможные национальные организации хотели заполучить его для своей реваншистской антиреспубликанской агитации. Но Гинденбург, несмотря на свое анахроническое мировоззрение, все больше давал

понять, что озабочен единством, спокойствием, порядком, переходом к нормальным и гарантированным условиям в стране. О контрреволюции он не думал.

Несмотря на это, его выбрали председателем Общества Шлиффена, объединения бывших офицеров Генерального штаба. Он стал почетным членом «Стального шлема», Союза фронтовиков и «Киффхойзербунда» — всеобщего военного союза. Но он отказался вступить в монархический «Союз стойких», созданный его консервативным зятем Брокхузенем-Юстином.

Уже в ноябре 1919 года состоялось первое большое политическое выступление Гинденбурга. По явному желанию Людендорфа он вместе со своим бывшим генерал-квартирмейстером был приглашен в качестве свидетеля парламентским следственным комитетом, занимавшимся выяснением причин германского поражения 1918 года. Весь процесс характеризовался правыми как национальный позор. У них вызывал бурю возмущения тот факт, что фельдмаршал, личность которого немецкая общественность считала священной, должен предстать перед этим форумом, по мнению союзников, как возможный военный преступник. Правительство империи предоставило народному герою для поездки в Берлин личный салон-вагон. На вокзале его ожидал почетный караул рейхсвера. Два офицера были выделены в качестве адъютантов. Гинденбург жил на охранявшейся вилле Карла Гельфериха, в то время — ведущего депутата рейхстага от немецких националистов (членов Немецкой национальной народной партии. — Б. Т.). Вопрос, должен ли Гинденбург подвергаться чудовищному допросу со стороны следственного комитета, разделил нацию. В столице произошли демонстрации истеричных правых и контрдемонстрации критически настроенных левых. Фельдмаршал призвал население воздержаться от всяких акций, нарушающих общественный порядок. На него самого уже наседали фанатичные студенты, решившие, что он собирается отправиться в рейхстаг.

Восемнадцатого ноября Гинденбург и Людендорф, оба в гражданском, в сопровождении конного эскорта действительно направились в рейхстаг. Шел снег, патрули рейхсвера охраняли Тиргартенштрассе. Демонстранты из правых кричали фельдмаршалу, чтобы он не давал показаний. На площади Кёнигсплац раздавались крики «Да здравствует!» и «Долой!». Вокруг здания рейхстага были установлены пулеметы и колючая проволока. Когда оба генерала вошли в зал, депутаты встали. Места свидетелей были украшены хризантемами и черно-бело-красными лентами. Председатель, демократ Георг Готхайн, открыл заседание и верноподданнически извинился за вызов фельдмаршала в Берлин по желанию Людендорфа. Гинденбург отказал Готхайну в рукопожатии. Холодно-отстраненно он заявил, что

его долг состоит в том, чтобы «оказаться на стороне своего верного товарища по борьбе в трудное и великое время». Он даже благодарен за то, что ему предоставилась такая возможность. Первый вопрос председателя, о чем оба генерала были осведомлены заранее, относился к неограниченной подводной войне. Гинденбург, Людендорф и Гельферих договорились этот вопрос просто игнорировать. Вместо ответа Гинденбург зачитал заявление, составленное заранее. Оно не имело ничего общего с выяснением проблемы, когда и почему было принято решение о неограниченной подводной войне. В нем содержалось изложение мотивов, оправдывающих ведение войны третьим ОХЛ. Гинденбург выступил против «лжи о виновности за развязывание войны» и охарактеризовал ОХЛ как «исполнителя воли народа и армии», которая сражалась достойно до самого последнего момента. Однако народ, по его мнению, проявил слабость и недисциплинированность, что неизбежно вело к поражению. Массы, говорилось в его заявлении, стали морально разлагаться, еще до назначения третьего ОХЛ, и одновременно началось падение боевого духа в войсках и на флоте, а это, в свою очередь, повлекло за собой неудачи в операциях и затем поражение. Революция явилась лишь завершением. И закончил он своим фатальным, ставшим знаменитым высказыванием: «Один английский генерал правильно сказал: “Немецкая армия получила удар ножом в спину”». Здоровое ядро армии не несет на себе вины. Его подвиги достойны восхищения так же, как и подвиги офицерского корпуса. На ком лежит вина — совершенно ясно». Кроме того, фельдмаршал подчеркнул, что он и Людендорф вместе принимали все важнейшие решения.

Допрос все больше перерастал в открытое противостояние правых, военных и представителей нелюбимой обоими генералами республики. Гинденбург и Людендорф, несмотря на многократные предупреждения председательствовавшего, не воздерживались от оценок и полемики. Страсть Людендорфа к спорам подогревалась откровенно презрительным отношением Гинденбурга к данному следственному комитету. Беспокойная аудитория стала свидетелем растущей сумбурности заседания. Людендорф отвечал на вопросы дикими тирадами. Фельдмаршал сидел рядом, казался совершенно невозмутимым и ограничивался отдельными краткими комментариями. Он выражал крайнее возмущение только тогда, когда говорили о «его верном помощнике и советнике». «Он всегда выступал за мир, — взял он под защиту своего прежнего генерал-квартирмейстера, — но, правда, за почетный. Мы тогда надеялись добиться победы немцев, работая для этого день и ночь. Я не знаю, видели ли господа подобную ответственность за Отечество, которую мы должны были годами нести в своих сердцах»¹.

Людендорф и охваченные реваншистскими настроениями правые использовали данный форум для прославления командования Сухопутных войск и нападков на демократов. С гордостью покидали зал оба генерала. Своей безрассудной защитой третьего ОХЛ, старого режима и неправомерными обвинениями в адрес демократических «ноябрьских преступников» они увели комитет от цели его заседания. Пришлось благоразумно отказаться от дальнейшего допроса. Гинденбург уехал из Берлина. У станции «Зоопарк» снова стоял почетный караул рейхсвера. Молодые националисты, главным образом студенты, выкрикивали из толпы зрителей: «Гинденбург должен стать рейхспрезидентом!» — что, казалось, совсем не вдохновляло фельдмаршала.

Правые, то есть старые правящие и националистические круги, офицерский корпус, часть крупной буржуазии, крупные земельные собственники, а также многие студенческие объединения не желали мириться с поражением Германии. Но их агрессивность была направлена не только против держав-победительниц, все больше они обвиняли политику Веймара в катастрофическом исходе мировой войны. Своим высказыванием Гинденбург как бы авторизовал «легенду об ударе ножом в спину». Обвинение, стоявшее за ней, в действительности особенно рьяно пропагандировал Людендорф после обозначившегося поражения в войне. «Легенда об ударе ножом в спину» внесла решающий вклад в дальнейшее ухудшение климата в Веймарской республике. «Национальная оппозиция» в дальнейшем постоянно призывала к борьбе против версальского позора. Под этим предлогом она выступала внутри страны прежде всего против веймарской системы. На республиканцев, социал-демократов, либералов и людей Центра бросали тень, как на «ноябрьских преступников», возлагая на них одних вину за утрату национального величия и ослабление позиции Германии в мире. Они, а не люди июля 1914 года, должны были отвечать за развал и позорное поражение.

Силы, тяготеющие к правым, и прежде всего бывший шеф гражданского кабинета Берг, полковник Бауэр, а также Штреземан, все чаще высказывались за выдвижение кандидатуры Гинденбурга на пост рейхспрезидента, решение о чем и было принято руководящим комитетом Немецкой народной партии в августе 1919 года. Наделись, что Гинденбург объединит бюргерство и монархистов. Немецкие националисты подхватили это предложение с энтузиазмом. В Ганновере Гинденбург совещался с доверенными лицами. Даже свергнутый кайзер Вильгельм из эмиграции в Голландии заявил, что согласен с кандидатурой фельдмаршала. Макс Бауэр увидел в президентстве Гинденбурга предпосылку к реставрации Гогенцоллернов во главе с кронпринцем. Полковник расчетливо поделился этой идеей,

обеспокоившей всю Европу, с корреспондентом одной из американских газет. Гинденбург, все еще не сломленный легитимист, оставался в стороне от шумихи: «Я не могу освободиться от убеждения, что с моими выборами спешат, напрасно выпустив последний патрон, так как сам я на этом месте не смог бы практически противостоять злу и полностью удовлетворить то, чего от меня ожидают, был бы вскоре покинут своими друзьями, плачевно развенчав, таким образом, последний идеал немецкого народа. Антанта увидела бы в моем избрании как представителя вильгельминизма и монархического мышления благоприятный повод для вмешательства, то есть для вторжения... Чем больше я размышляю над ситуацией, тем больше вижу, что она для меня неприемлема... А что уж говорить о министрах, которых сам президент не может назначить и которые должны принадлежать всем партиям! К тому же меня день и ночь мучает мысль, что я буду занимать место, по праву принадлежащее только моему кайзеру, и, чего доброго, войду в конфликт со своей совестью из-за пока мне неизвестного содержания присяги президента. Что, если мое избрание будет служить лишь партийным интересам вместо всеобщих и я не смогу, как раньше, быть полезным моему королю и господину? Опасаюсь, что жертва окажется напрасной и вместо пользы стране будет нанесен лишь вред»².

Во время пребывания в Берлине он беседовал со Штреземаном из Немецкой народной партии и Оскаром Хергтом, руководителем Немецкой национальной народной партии. Разностороннее влияние на старого генерала наконец возымело действие. Снова он почувствовал себя облеченным чувством ответственности. На определенных условиях он выразил готовность согласиться с выдвижением своей кандидатуры, не желая, однако, служить вывеской для социалистической республики и потерпеть поражение на выборах. Поэтому он попросил еще две недели на размышление.

То, что Вильгельм высказался за его кандидатуру, в конечном счете сыграло решающую роль. В соответствии с этим он проинформировал бывшего кайзера: «Всеподданнейше сообщаю, что я теперь заявил руководителям партий порядка о своей готовности принять участие в возможных президентских выборах, если это отвечает желаниям широких отечественных кругов. Ваше Величество знает, как безмерно тяжело мне было сделать этот шаг как прусскому офицеру и благородному человеку. Но Ваше Величество через господина фон Берга передали мне высочайшее решение и заявление компетентных лиц, что только так могут быть возвращены Отечеству внутреннее благоденствие, порядок и внешний престиж, выполнение чего и будет моим долгом. Дай Бог, чтобы мне в таком случае удалось добиться этой цели, несмотря на незначительные средства, находящиеся в

распоряжении президента, и создать таким образом основы для возвращения лучших времен»³.

Девятого марта 1920 года немецкие националисты и Немецкая народная партия внесли предложение в Национальное собрание о проведении выборов в рейхстаг и прямых выборов президента в соответствии с конституцией. Старый, умеренного толка генерал столкнулся с нападками крайне правых. Шла критика и от левых, которые за президентством Гинденбурга снова видели Людендорфа. Спрашивали о людях, стоявших за ним, видели угрозу для «гражданского мира» и выражали опасение, будет ли монархист тем человеком, который сможет стать во главе республики. В то же время выборы не прекратили состояние, близкое к гражданской войне. С лета 1919 года рейхсвер состоял главным образом из бывших добровольческих корпусов. Однако не все добровольческие части вошли в армию и в связи с требованиями Версальского мира о сокращении вооруженных сил подлежали роспуску. В марте 1920 года недовольные войска, возглавляемые командиром 1-й группы рейхсвера генералом Вальтером бароном фон Лютвицем, вступили в Берлин. Это были части добровольческих корпусов, подлежавшие расформированию. Они объявили правительство рейха низложенным и провозгласили новым главой правительства генерального ландшафтсдиректора Вольфганга Каппа, связанного с Максом Бауэром пламенного приверженца Людендорфа. Все они вынашивали планы установления правой диктатуры. Страдавший манией величия Капп презирал Гинденбурга из-за его сотрудничества с республикой. Среди мятежных добровольческих корпусов имя фельдмаршала тоже не пользовалось доброй славой. Лютвиц, со своей стороны, не придавал значения сотрудничеству со старым генералом, придерживавшимся умеренных воззрений.

Рейхспрезидент и кабинет министров бежали в Южную Германию. Эберт и министр рейхсвера Носке упустили возможность направить против путчистов рейхсвер. Генерал фон Сект и так уже дистанцировался от республики. Он как начальник Войскового управления руководства Сухопутных войск стремился к возвращению Германии статуса великой державы. Теперь, в эти мартовские дни, заняв нейтральную позицию между конституционным правительством и путчистами, он отказался направить войска против мятежников. Профсоюзы, наоборот, призвали к всеобщей забастовке. Рабочие массы прекратили работу, и не прошло и нескольких дней, как путч захлебнулся. Каппу, который в последнюю секунду уже был готов даже просить Гинденбурга возглавить восстание, пришлось бежать в Швецию. А Сект, напротив, заменил генерала Райнхардта в должности начальника руководства Сухопутных войск. Гинденбург

не одобрял планов Каппа, но от него долго требовали посредничества, а также напоминания рейхсверу о конституции. 17 марта, когда путч уже окончился провалом, фельдмаршал наконец направил телеграмму генералу Лютвицу с просьбой срочно вывести войска из Берлина и восстановить конституционное положение. Он также обратился к общественности с призывом соблюдать спокойствие.

Путч Каппа полностью дискредитировал как правых, так и армию. Это значительно ухудшило перспективы Гинденбурга на выборах в рейхспрезиденты. Кроме того, западные державы угрожали, что не потерпят избрания на этот пост потенциального военного преступника. Фельдмаршал отозвал свою кандидатуру. «Мое избрание теперь... принесло бы больше вреда, чем пользы. По моему мнению, я больше не могу, как планировалось, стать центром спокойствия и объединения; думаю, что это признание найдет понимание и у тех, кто раньше предусматривал мое избрание в патриотических целях»⁴.

В целом, после этого он стал избегать общественности и ни в коем случае не проявлял политических амбиций. В 1920 году известное лейпцигское издательство «С. Хирцель-Ферлаг» выпустило в свет его мемуары «Из моей жизни». Бюргерские круги восприняли их с большим удовлетворением, в то время как социал-демократическая пресса подвергла резкой критике. В течение короткого времени были распроданы многие тысячи экземпляров. Том мемуаров был излюбленным подарком по любому поводу. По крайней мере, судя по тому как расходилась эта приглашенная, сознательно выдержанная в народном стиле автобиография, свою воспитательную роль она выполняла. Имя Гинденбурга не исчезало с заголовков прессы. Если речь не шла о его автобиографии, то говорилось об освящении кораблей и других «подвигах»: летом 1920 года газеты сообщали, что он на своей вилле захватил взломщика, пуля которого пролетела мимо. Итак, Гинденбург был не только гениальным полководцем, он, несмотря на преклонный возраст, все еще обладал физической силой. Город подарил ему овчарку для устрашения грабителей. Однако ее вскоре пришлось заменить на другую: как в шутку заметил Гинденбург, каждое утро она кем-то «завтракала».

Но для старого генерала времена стали трудны не только с политической и общественной точки зрения. Обнаружили рак у его жены Гертруд, ей пришлось перенести многочисленные операции. Наконец 14 мая 1921 года ее мучения закончились. После сорокадвухлетнего супружества фельдмаршал похоронил свою супругу. Ее погребли в почетном месте города Ганновера, на кладбище Штёкенер. На похоронах присутствовал и сын Вильгельма принц Оскар Прусский. Несмотря на личные страдания и политическую тревогу, которая все еще окружала его имя, фельдмаршал по возможности принимал уча-

стие в мероприятиях ветеранов войны и открытиях военных памятников. При каждом таком случае он обязательно подчеркивал свою верность королю. С середины мая до середины июня 1922 года он впервые после окончания войны отправился в поездку по историческим местам боев в Восточной Пруссии. Ему было трудно смириться с тем, что южная часть местности, где проходило сражение под Танненбергом, — окрестности Зольдау и Усдау — стала уже польской. Его выступление даже привело к кровавому столкновению между протестовавшими коммунистами и рейхсвером. Необдуманно он высказался о своем страстном желании реванша в отношении Франции, что вызвало дебаты в рейхстаге.

Гинденбург должен был также сносить горькие упреки со стороны своих бывших соратников. Подвергавшийся нападкам правых, Грёнер, которого защищал Гинденбург, критиковал в журнальных статьях ведение войны ОХЛ в 1918 году. В своих воспоминаниях Макс Бауэр снова представлял Людендорфа ведущим мозговым центром дуумвирата в 1914—1918 годах. Поэтому Гинденбург попросил своего бывшего генерал-квартирмейстера опровергнуть эти утверждения. Людендорф посоветовал фельдмаршалу поручить такую задачу кому-нибудь другому. Затем, в 1922 году, вышли военные воспоминания кронпринца, которые в связи с драматическими событиями 9 ноября подчеркивали неспособность и бездеятельность фельдмаршала в Спа.

Тем временем правые не переставали требовать от Гинденбурга четкого разъяснения того, что происходило вокруг отречения кайзера и его бегства в эмиграцию. Маршал однозначно утверждал, что кайзер тогда не дезертировал, а скорее был брошен своим народом на произвол судьбы, но все же полководец не смог прийти к пониманию своей главной роли, повлиявшей на решения кайзера. Однако свергнутый монарх в Доорне не соглашался с такой трактовкой. Поэтому фельдмаршал снова счел для себя необходимым прояснить сложившуюся в то время обстановку в письме бывшему кайзеру, впрочем, описав события не слишком точно. Неудивительно, что это совсем не удовлетворило Вильгельма.

С растущим беспокойством наблюдал Гинденбург за усиливающимся напряжением во внутриполитическом состоянии страны. Коммунистические восстания в Рурской области, Средней Германии и Гамбурге, убийства депутата от партии Центра Матиаса Эрцбергера и министра иностранных дел Вальтера Ратенау, совершенные по приговору тайного судилища правыми радикалами и оправданные «легендой об ударе ножом в спину», слишком ясно показывали внутреннюю разобщенность молодой республики. В связи с расправой над министром иностранных дел — 354-м политическим убийством,

подготовленным правыми с 1919 года, — коммунисты стали относиться к старому фельдмаршалу еще враждебнее. Они даже окрестили виллу на Зеельхорстштрассе «Центром праворадикальной организации убийц», требовали отобрать у Гинденбурга дом и переоборудовать его в приют для рожениц. По этому поводу генерал упрямо заявлял, что, если его выгонят, он просто переедет сам и перевезет останки своей жены в Нойдек, чтобы там провести последние годы.

Умеренным, осознающим ответственность силам республики был брошен упрек в «политике исполнителей», тем более после того, как Берлин вынужден был принять лондонский ультиматум о репарациях. В соответствии с ним Германия должна была ежегодно выплачивать 5 миллиардов марок деньгами и материальными репарациями. Кроме того, по предшествовавшим соглашениям Северный Шлезвиг отходил к Дании, а Эйпен-Мальмеди — к Бельгии; Верхняя Силезия подлежала разделу, при этом Польша получала экономически более ценную часть.

После особого экономического развития, когда в Германии в 1920—1921 годах вопреки всеобщей послевоенной депрессии радовались оживленной конъюнктуре и полной занятости, началась запоздалая гиперинфляция. Немецкая валюта значительно упала. Виноват в этом был главным образом чудовищный груз материальных репараций. Когда Германия задержала поставки, французские и бельгийские войска в январе 1923 года оккупировали Рурскую область. Правительство рейха призвало к пассивному сопротивлению. Финансирование этой акции и французские ответные меры вызвали обвал валюты в неизмеримых масштабах. Рейхсмарка рухнула: 15 ноября 1923 года триллион марок имел ту же покупательную способность, что и одна марка в 1914 году. Инфляция привела к широкому обеднению вкладчиков. Гинденбург тоже попал в финансовые затруднения. Однако промышленники создали для него его собственный фонд, чтобы оградить заслуженного генерала от крайней нужды.

В Баварии, все больше становившейся оплотом праворадикального лагеря в противовес республиканскому Берлину, крепили сепаратистские и реставраторские тенденции. Это вызывало у Гинденбурга большую озабоченность за целостность Германии. При этом определенные круги пытались поставить его самого вместе с кронпринцем Рупрехтом во главе южнонемецкого контрреволюционного движения. Но фельдмаршал держался в стороне от таких планов. Он отклонил также просьбы баварских роялистов, которых возглавлял его старый друг, крайне консервативный министр-президент Густав риттер фон Кар, о переезде в Мюнхен. Вместе с тем в августе 1922 года он побывал во второй по величине земле рейха.

В замке Дитрамсцель фельдмаршал встретился с кронпринцем Рупрехтом и Людендорфом. Гинденбург, с удовольствием отправившийся охотиться на серн, остался холоден к сомнительным контактам с монархистами и национал-социалистами «первого часа». Но с хозяевами великолепно расположенного Дитрамсцеля и местным населением он поддерживал многолетние связи. Каждое лето вдовец с удовольствием возвращался на охоту в располагающие для отдыха леса Верхней Баварии.

Однако, анализируя внутреннюю политику, он опасался распада рейха. В ответ на возглавленный Каром консервативный баварский мятеж, который должен был привести к падению республики, СДПГ и КПП образовали в Саксонии и Тюрингии правительства Народного фронта. В Гамбурге охваченные фанатизмом рабочие пошли на баррикады. Даже в Рейнланде сепаратисты при поддержке французских оккупационных войск попытались отделить от рейха Рейнскую и Пфальцскую республики. Не правительство рейха, а только своевольный Сekt, будучи начальником руководства Сухопутных войск, казалось, был в состоянии решать по своему усмотрению вопрос о существовании республики. Рейхсвер, как единственный сохранившийся фактор порядка, практически полгода контролировал общественную жизнь Германии.

Поздним летом 1923 года Гинденбург снова предавался в Дитрамсцеле своей охотничьей страсти, как раз в то время, когда в Мюнхене Кар вынашивал замыслы контрреволюции против Веймарской республики. Вместе с рейхсвером и отечественными союзами Северной Германии, возглавлявшимися генералом Беловым, он стремился к подчеркнуто консервативной перестройке государства. Фельдмаршал знал об этих планах. Он тоже приветствовал скорый конец парламентаризма и возвращение к старой «благопристойности и порядку». Однако антиреспубликанские силы в Мюнхене не были едины. Людендорф и Адольф Гитлер не стремились к реставрации при формальном господстве Виттельсбахов, которую замыслил Кар, назначенный генеральным статс-комиссаром. Они хотели исключительно национальной диктатуры во всей Германии.

В момент кульминации напряженности в отношениях между Баварией и рейхом соратник фельдмаршала попытался захватить бразды правления. Экстремист по натуре, Людендорф, чтобы взять в руки судьбу Германии, в качестве средства избрал насилие и радикализм. Возглавив «Союз борьбы», в который входила НСДАП (Национал-социалистическая рабочая партия Германии) Адольфа Гитлера и другие правозэкстремистские группы, в полдень 9 ноября 1923 года генерал привел в центр Мюнхена многотысячную демонстрацию. Попытка путча, образцом для которого послужил «поход на Рим» Муссо-

лини⁵, потерпела неудачу, у Фельдхерренхалле имелись убитые. Кар, на самом деле пытавшийся вместе с Сектом направить империю в направлении правой директории, был захвачен национал-социалистами врасплох, перешел на другую сторону и направил против путчистов земельную полицию. Крайне правые передрались друг с другом.

Гинденбург, которому всегда была чужда агрессивная неутомимость его бывшего генерал-квартирмейстера, хотя и был «очень доволен неудачей плана покушения, считая его редкой глупостью», все же был угнетен распрями внутри национальных сил. К тому же он беспокоился о «своем Людендорфе», пламенная любовь к Отечеству и неумная деятельность которого привели его к несчастью, о чем Гинденбург действительно сожалел: «Быть может, время смягчит приговор и многое прояснит, и его образ предстанет в истории в правильном свете»⁶. Впрочем, баварские офицерские союзы отвернулись от Людендорфа. Объединение Шлиффена считало, что необходимо провести расследование против генерала-путчиста. Гинденбург встал между фронтами и пытался посредничать. Людендорф вышел из больших офицерских союзов, обвинил кронпринца Рупрехта во враждебных рейху сепаратистских тенденциях и в том, что он отдал распоряжение Кару предпринять насильственные действия против него и Гитлера. Кронпринц снова обратился к Гинденбургу и потребовал суда чести над бывшим генерал-квартирмейстером. Спор затянулся. Попытки примирения со стороны мучительно обеспокоенного фельдмаршала принесли мало плодов. Баварские генералы исключили уже патологически раздраженного Людендорфа из военного сообщества.

Привлекший большое внимание процесс о государственной измене в феврале — марте 1924 года, наоборот, закончился для Людендорфа оправданием. Гитлер, использовавший этот форум для удачного политического самопредставления, был осужден на пять лет тюрьмы. Различные правые круги обращались к Гинденбургу с просьбой, чтобы он предотвратил процесс в Мюнхенском народном суде. Хотя он, как и прежде, стремился взять под защиту своего бывшего генерал-квартирмейстера, человека маниакально честолюбивого и склонного к сектантству, но вступать в конфликт с официальной юрисдикцией не желал. Когда Людендорф был оправдан, фельдмаршал почувствовал облегчение, сразу же направил ему телеграмму и призвал к примирению соперничающие партии. Людендорф чувствовал себя никем не понятым. Поэтому он держал дистанцию со своим старым соратником, к которому в письмах обращался «высокопочтимый господин генерал-фельдмаршал», в то время как Гинденбург всегда приветствовал его словами «мой дорогой друг». Контакты между ними стали и без того более редкими. Людендорф, заблуждающийся и ограничен-

ный, все больше отдалялся от него. Празднование десятой годовщины битвы под Танненбергом в августе 1924 года снова свело их вместе. На закладке памятника под Зауденом присутствовали 50 тысяч человек, среди которых были все генералы, занимавшие в свое время ответственные посты, и Сект как начальник руководства Сухопутных войск.

Тем временем правительству рейха удалось после поражения отдельных восстаний постепенно, все больше и больше, консолидировать Веймарскую республику. «План Дауэса» в 1924 году снова урегулировал вопрос немецких выплат и предусматривал в дальнейшем утвердить общую сумму задолженности по репарациям. Германия должна была сначала до 1928 года выплатить 5,4 миллиарда марок. С 1929 года следовало вносить «нормальные ежегодные платежи» в размере 2,5 миллиарда рейхсмарок.

Такие имперские сборы, как таможенная пошлина, косвенные налоги и имперская железная дорога, были заложены. Рейхсбанк был преобразован в независимое от государства учреждение, и Германия для возвращения к золотой валюте и для выплаты первой части репараций получила международный кредит в размере 800 миллионов золотых марок. С политической точки зрения, рейху удалось, по крайней мере, добиться вывода французских и бельгийских оккупационных войск из Рурской области. Наконец стабилизировалось внутривнутриполитическое положение. Казалось, страна пришла к спокойствию, экономика получила передышку.

В это время, 28 февраля 1925 года, в возрасте всего лишь 54 лет в результате воспаления слепой кишки и брюшины умер германский рейхспрезидент. Фридрих Эберт в качестве главы государства начал работу, направленную на взаимопонимание и сотрудничество умеренных сил в стране. Однако в качестве президента он почти полностью вернулся к чрезвычайным декретам как средству управления. Несмотря на все нападки, он, несомненно, был патриотом и убежденным демократом, человеком, всегда желавшим для Германии добра, хотя временами и чересчур полагался на своих советников. В этом он обнаруживал удивительные параллели со своим преемником. Но большое различие между ними заключалось в том обстоятельстве, что второй рейхспрезидент Германии, несомненно, не был республиканцем.

Началась избирательная кампания. Национал-социалисты поддержали кандидатуру Людендорфа. В ужасе Гинденбург прочитал об этом в газете. «Из давней преданности» он с глубокой озабоченностью писал своему бывшему генерал-квартирмейстеру и «дорогому другу»: «Незамедлительно отзовите свою кандидатуру на пост президента. Вместо объединения, которое нам крайне необходимо, Вы снова в ре-

шающий час разобщите с таким трудом объединенные национальные круги. И при этом Ваше избрание бесперспективно. Лишь скомпрометируете себя... Этот шаг подвергает Отечество опасности! Поэтому выполните, быть может, в этой жизни мою последнюю просьбу, которую я направляю не только ради Германии, но и ради Вас»⁷.

Естественно, «национально» настроенный шестидесятилетний генерал не послушал своего старого соратника и потерпел ужасное фиаско. Во время первого тура 29 марта при участии 68,9 процента избирателей ни один из кандидатов не получил необходимого абсолютного большинства: за Карла Ярреса, бывшего министра внутренних дел и обер-бургомистра Дуйсбурга, кандидата от Немецкой народной партии, Немецкой национальной народной партии и Экономической партии, проголосовали 10,4 миллиона человек. Это составляло 38,8 процента голосов. За Отто Брауна от социал-демократов проголосовали 7,8 миллиона, Вильгельма Маркса от Центра — 3,9 миллиона; коммунист Эрнст Тельман собрал 1,9 миллиона голосов, кандидат Немецкой демократической партии Вилли Хельпах — 1,6 миллиона, а Генрих Хельд из Баварской народной партии — 1 миллион голосов. Людендорф оказался слабейшим кандидатом, собравшим всего 1,1 процента голосов, что составляло 286 тысяч избирателей.

Во втором туре, на котором для победы было достаточно получить простое большинство голосов, объединившиеся в Народный блок Центр, Демократическая партия и социал-демократы выдвинули общего кандидата. Веймарские партии сделали ставку на Вильгельма Маркса как на безупречного человека середины и компромисса. Между тем верный Церкви католик не считался слишком народным. Несмотря на это, правые во главе с Ярресом не могли рассчитывать на шанс против общего кандидата веймарских партий. Поэтому они должны были обзавестись более привлекательной фигурой. Немецкая национальная народная партия надеялась теперь на знаменитое имя Гинденбурга. Его называли еще перед первым туром, так же как и министра рейхсвера Отто Геслера, гросс-адмирала Тирпица и начальника руководства Сухопутных войск Секта. Но из-за преклонного возраста Гинденбурга от этой идеи скоро отказались.

Теперь же старые консерваторы среди немецких националистов снова стали высказываться за кандидатуру Гинденбурга, не проявив к нему никакого интереса перед первым туром. Для некоторых из них старый генерал был дискредитирован событиями 9 ноября 1918 года и даже стал предателем. Однако необходимо было сильное имя, чтобы победить республикански настроенный Народный блок. Никто не подходил для этого так, как Гинденбург, хотя у фельдмаршала

абсолютно отсутствовал политический опыт. Да, знаменитый генерал до сих пор даже не проявлял интереса к политике. Напротив, он ее по-настоящему ненавидел.

Поэтому было нелегко убедить фельдмаршала выставить свою кандидатуру. В то время как различные правые круги, такие как «Стальной шлем», пытались отговорить от этого старого полковника, политики из немецких националистов в течение первой недели апреля нанесли ему три визита. Гинденбург привлек в качестве «неполитического советника» своего старого товарища довоенных времен графа Ведела. При этом фельдмаршал подчеркнул, что не хочет выставлять кандидатуру только от одной партии, а также ни в коем случае не станет «предателем» Ярреса. Кроме того, он не хотел бы становиться причиной подрыва альянса между немецкими националистами и Немецкой народной партией.

На самом деле у Немецкой народной партии были большие сомнения по поводу кандидатуры Гинденбурга. Министр иностранных дел Штреземан опасался спровоцировать державы-победительницы. Банковские и промышленные круги тоже отрицательно относились к форсированному привлечению кандидатуры старого генерала крупными землевладельцами. В связи с этим они отказались от финансирования его избирательной кампании. Глубокий пессимизм в отношении его кандидатуры царил и в интеллектуальных кругах, даже среди немецких националистов. Представители Немецкой народной партии специально приезжали в Ганновер, чтобы отговорить фельдмаршала от согласия выставлять свою кандидатуру, дав ему понять, что его победа отнюдь не является обеспеченной. Этот аргумент и чувство неприязни со стороны Немецкой народной партии заставили Гинденбурга передумать. Разуверившись, он 7 апреля снял свою кандидатуру, несмотря на объявленную поддержку со стороны Баварской народной партии. Не в последнюю очередь сказывался и возраст, он чувствовал себя уже непригодным к тому напряжению, которое потребует от него при выполнении обязанностей первой должности в государстве. Кроме того, во время войны он был кумиром масс, а теперь не был уверен, есть ли у него все еще такая широкая опора среди немецкого населения. Вот почему он снова решил предложить кандидатуру Ярреса, распорядившись направить об этом телеграмму в Берлин Имперскому блоку, чтобы о его отказе пресса узнала уже на следующий день.

Гинденбург, однако, не принимал в расчет Тирпица. Как раз 8 апреля 1925 года гросс-адмирал вместе с крупным землевладельцем Вальтером фон Койделем по заданию немецких националистов посетил фельдмаршала в Ганновере. И ему удалось переубедить явно рассерженного всей этой суетой Гинденбурга. Тирпиц искусно обра-

тился к чувству долга фельдмаршала перед Отечеством. Убеждал его и сорокалетний Койдель, выступавший от имени молодого поколения консерваторов и аграриев. Гинденбург постепенно сдавался. Не имея другого перспективного претендента, наконец заколебалась и Народная партия. Снял свою кандидатуру в пользу Гинденбурга и Яррес. За старым генералом теперь стояли партии Имперского блока: немецкие националисты, Баварская народная партия, Экономическая партия, Баварский народный союз, НСДАП и, наконец, Немецкая народная партия. 9 апреля Гинденбургу было официально предложено баллотироваться, и он согласился. Но перед этим все еще верный королю генерал получил одобрение Вильгельма из Доорна.

Во время избирательной кампании основные дебаты, как и ожидалось, развернулись вокруг личности Гинденбурга и его прошлого. Внезапно появились вопросы о его контактах с Доорном, о возможной реставрации и о регентстве в рейхе и даже — не хочет ли престарелый полководец принять титул «великого герцога милостью Божьей». Его помощники в предвыборной кампании снова и снова проводили параллели с кайзером Вильгельмом I или Клемансо, которые в еще более преклонном возрасте сослужили своим странам ценную службу. Имперский блок постоянно подчеркивал внепартийный характер его кандидатуры. В действительности же Гинденбург с удовольствием поддерживал контакты с доверенными лицами Немецкой национальной народной партии. Несмотря на это, фельдмаршалу отдавалось предпочтение как неподкупному стражу закона и морали, как соединяющей силе и даже просто как воплощению доброй Германии. Но за кулисами партии Имперского блока совсем не были едиными. Постоянно возникали разногласия между немецкими националистами и Немецкой народной партией, которая, как и прежде, чрезвычайно скептически и без всякого энтузиазма относилась к кандидатуре Гинденбурга. Сотрудничество партий Народного блока, напротив, развивалось намного слаженнее и эффективнее. Несмотря на все эти сложности, культ фельдмаршала расцвел снова. Правые организации со знаменами и оркестрами маршировали перед его виллой. Как и в годы войны, маршал мешками получал почту. В больших количествах ему бесплатно присылали омолаживающие медикаменты. Понятно, что шумиха вокруг его личности слишком утомляла семидесятисемилетнего человека.

На Пасху Гинденбург отправился в имение тещи своего сына Оскара баронессы фон Маренхольц в Гросс-Швюльпере. Но и там его преследовали фотографы и журналисты. В поместье, располагавшемся в Люнебургской пустоши, Гинденбург издал свое пасхальное послание «К немецкому народу!», в котором среди прочего заявил, что «уже недостаточно молод, чтобы думать о внезапном изменении

положения вещей; ни война, ни восстание внутри страны не смогут освободить нашу скованную и, к сожалению, раздраемую распрями нацию. Нужна долгая, спокойная, мирная работа. Прежде всего необходимо очистить нашу государственную структуру от тех, кто сделал из политики гешефт. Без чистоты общественной жизни и порядка не может процветать ни одна государственность. Рейхспрезидент призван прежде всего для того, чтобы высоко держать святость права.

Как от первого президента, который как страж конституции никогда не отрекался от своего происхождения из социалистического рабочего класса, так и от меня никто не сможет потребовать, чтобы я когда-либо отказался от своих политических убеждений. Подобно господину доктору Ярресу, которого высоко ценю, я считаю, что в настоящее время решающей является не форма государства, а дух, оживляющий ее. Я протягиваю руку каждому национально мыслящему немцу, внешне и внутренне поддерживающему достоинство немецкого имени и желающему конфессионального и социального мира, и прошу его: помоги и Ты возрождению нашего Отечества»⁸.

В предвыборной борьбе Гинденбург держался подчеркнуто сдержанно. Исключение при этом составило лишь большое мероприятие в Ганновере. На собрании Имперского блока 19 апреля в Штадтхалле Гинденбург перед шестьюстами приглашенными провозгласил первоочередной задачей государства «заботу о тех кругах народа, которые тяжелее всего страдают в это время от нужды». При этом он указал на то, что «у части наших политических партий роковую роль играет мнение, что только безусловные сторонники партийных программ или, по крайней мере, созданные в период революционных бурь партийные коалиции имеют право сотрудничать в государстве. Как спокойный наблюдатель политического развития последних лет, я смог увериться снова и снова в ложных взглядах на сущность и значение политических партий в государстве, управляемом парламентом, что ведет к заблуждению и без того склонный к разобщению немецкий народ. Однако широкие круги стремятся к великим общим целям, чему желает служить и Имперский блок, правильно определивший требования дня».

Гинденбург определил в качестве первоочередной задачи снова добыть для немецкого народа основу экономической и политической жизнеспособности: «Без восстановления авторитета немецкой нации в мире этой цели достигнуть нельзя». Однако он опасался, что пройдет еще много времени, «прежде чем весь наш народ снова настолько пробудится к осознанию высших ценностей нации, что сможет добиться успеха как в обыденной, так и в общественной жизни».

Искреннее стремление к мирному обновлению Германии и к мирному участию в мировом прогрессе казались ему важнейшей ос-

новой немецкой внешней политики. Но ничто не могло нанести больший ущерб этим возвышенным целям, «чем клеветническая шумиха об угрозе военной реакции в Германии, которая якобы должна проявиться в моей кандидатуре». Убежденно старый фельдмаршал предупреждал о большой опасности, «которую представляет для всего немецкого народа такая безответственная предвыборная пропаганда. Я здесь со всей ясностью подчеркиваю, что не стремлюсь ни к чему иному, как к тому же, что противники моей кандидатуры приписывают только себе, а именно — обеспечить немецкому народу при его полном суверенитете и полной свободе свое место среди других народов. Чтобы добиться этого, как можно скорее должно быть снято возложенное на нас тяжкое бремя ответственности за мировую войну. Это те мысли, которыми я руководствуюсь, и если обещаю, то вы должны мне поверить, что вся эта болтовня об антиконституционных действиях, которые якобы замышляю, о так называемых реакционных и прочих опасных намерениях является бессмысленной»⁹.

И все же не везде считали старого фельдмаршала воплощением традиций и благородных ценностей. Кандидатура Гинденбурга вызвала большую озабоченность как внутри страны, так и за рубежом. Опасались оживления планов реставрации, возрождения милитаризма, развития идеи реванша, поворота во внешней политике, принятия решений, направленных против еще такой молодой Веймарской республики. Критиковали его преклонный возраст, политическую неопытность и приверженность к старому режиму. В Англии общественность с растущим интересом следила за избирательной кампанией Гинденбурга. Консервативная пресса приходила в негодование. «Таймс» называла его предвыборную кампанию провокацией. «Дейли экспресс» даже требовала снятия кандидатуры. В генерале видели «милитариста старой потсдамской школы» и выражали особую озабоченность тем, что именно Тирпиц, инициатор антианглийской программы строительства флота перед мировой войной, стоял за кандидатурой Гинденбурга как политический закулисный руководитель. Повсеместно выдвижение фельдмаршала оценивали как грядущую опасность для политической ситуации. В кругах Сити в случае избрания Гинденбурга даже допускали возможность прекращения выплаты кредитов со стороны Англии и Америки¹⁰.

Во Франции считали, что по президентским выборам можно будет составить ясную картину об ориентации немецкого населения. То ли оно решит в пользу мирной политики, то ли в пользу реваншизма и реставрации. Посол Леопольд фон Хёш так обобщил настроение: «Гинденбурга здесь уважают как личность, и его позиция со времени перемирия пользуется признанием, но, считая его вер-

ным монархистом, опасаются, что он, как бывший немецкий полководец, само собой разумеется, не может иметь никакой другой большой цели, как подготовить Германию к победоносной реваншистской войне. Самого престарелого фельдмаршала воспринимают не так уж плохо, но видят в нем заклятого врага и воплощение немецкой военной угрозы. Столь честно задуманные разъяснения ничего в этом не могут изменить. Слишком усердные попытки придать Гинденбургу иной образ вызвали бы только издевку и недоверие. В соответствии с этим я мог бы предположить, что избрание Гинденбурга на первых порах сильно затруднило бы успешное продолжение нашей внешней политики в намеченном направлении или совсем бы сделало ее невозможной»¹¹.

Общественное мнение в Соединенных Штатах рассматривало возможное избрание Гинденбурга как губительное для внутренней консолидации Германии, а также для экономического сотрудничества с США и мирного процесса в Европе. Фельдмаршал при всех оценках его личности рассматривался как паладин кайзера и местоблюститель для Вильгельма или кронпринца. В Италии сводили появление кандидатуры фельдмаршала к ошибочной политике Антанты в последние шесть лет. Выдвижение Гинденбурга показало, что большая часть немецкого населения устала от демократии, социализма и унижений. Если во время избирательной кампании будет не слишком пропагандироваться требование аншлюса Австрии, то его кандидатура не вызовет беспокойства и со стороны итальянского правительства. Министр иностранных дел Штреземан поэтому был вынужден заверить, что Гинденбург ни в коем случае не будет предпринимать шаги к реставрации или к подрыву немецкой внешней политики: «Гинденбург абсолютно не политик по своей природе и, кроме того, человек долга, который прежде всего никогда не нарушит данной клятвы». Штреземан вспомнил о событиях 1918—1919 годов. В то время фельдмаршал полностью лояльно относился к республике и даже предотвратил гражданскую войну. Гинденбург и сейчас держался в стороне от всех националистических «подстегиваний» или партийно-политических действий¹².

Столкнувшись со всеми предубеждениями и опасениями, Гинденбург заверил представителей прессы: «Хочу возвратить Германии мир. Я не милитарист, как говорят мои противники, не “массовый убийца”, в чем меня упрекают, поскольку во время войны нельзя гарантировать личную безопасность отдельного человека. Но говорю здесь и повторяю: я также не старик в кресле-коляске, как хотят заставить думать народ, сегодня еще нет, и, даст Бог, долго еще таким не стану!»¹³

В интервью корреспонденту Рейтер он снова отвечал на вопрос, возникнет ли с победой его кандидатуры напряженность в Европе:

«Тех, кто, говоря об этом, думает о военных акциях, могу заверить, что мне как старому солдату слишком хорошо известно военное бесилие Германии, чтобы я мог отстаивать какие-либо военные авантюры. В Германии нет партии войны под предводительством старых офицеров».

Затем Гинденбурга спросили, можно ли рассматривать его кандидатуру как домогательство монархистов. «Внезапное изменение конституционных основ Германской империи, — объяснил он, — я не считаю ни возможным, ни желательным, поскольку неизбежные при этом распри вступили бы в противоречие с программой внутреннего согласия. От своего происхождения из монархического мира я не отрекаюсь, так же как и господин Эберт не возражал, что он выходец из среды социал-демократии. Рейхспрезидент, который должен служить всем слоям народа, не может быть представителем мышления борьбы какого-либо класса». А о «слухах» по поводу консультаций с кайзером Вильгельмом он сказал: «Это абсолютная неправда, что я согласовывал выдвижение моей кандидатуры с Доорном. По этому поводу у меня не было никаких контактов с домом Гогенцоллернов». Фельдмаршал прибег к вынужденной лжи, поскольку знал, что, если признает контакты с Голландией, для его кандидатуры возникнет серьезная угроза.

Гинденбург не прекращал повторять, что, выдвигая свою кандидатуру, он приносит жертву своему Отечеству, «потому что вижу: партии движутся вперед не по пути национального объединения. Я снова жертвую вечер моей жизни общему интересу, поскольку долг побуждает меня до последнего дня служить Отечеству. Если мои противники заявляют, что я не профессиональный политик, то именно это утверждение не производит на меня никакого впечатления, поскольку у нас и за рубежом достаточно известно, что современные профессиональные политики часто мало смыслят в действительном руководстве. Утрачивается авторитет, когда в политику вносится деляческий интерес. Каждый в мире сможет подтвердить, что при вступлении в общественную жизнь мною двигало не политическое честолюбие»¹⁴.

Можно представить, какое отвращение должен был чувствовать старый военный к подобному освещению своей личности. Насколько мог, он держался в стороне от избирательной кампании. Ее «американизация», отсутствие политической этики и чувства ответственности осуждались повсеместно. Население разделилось на два враждебных блока. Именно такого развития маршал хотел избежать. Но причина такой поляризации избирателей заключалась скорее не в его личности, а в ценностях, которые с ним связывались. Если для одних он означал надежду на достойное и позитивное будущее, воплоще-

ние национального самоуважения, то другие считали его лишь реликтом погибшей империи.

Престарелому господину все эти кампании глубоко претили, и он уже иногда раскаивался, что согласился на выдвижение своей кандидатуры. Сам полководец не мог ни разу уклониться от определенных обязательств. Так, генерал невольно дал уговорить себя выступить по радио. Редактор в студии оказался под таким впечатлением от речи Гинденбурга, что забыл после нее отключить эфир. Поэтому до слушателей дошел и вздох облегчения фельдмаршала: «Ну, слава Богу, теперь мы и это сделали»¹⁵. Маршал даже радовался, когда настало наконец 26 апреля. Снова Гинденбург отошел на задний план, провел день выборов в Гросс-Швюльпере и даже не пошел на избирательный участок. Отдавать за самого себя голос казалось ему глупостью. Поэтому он предпочел гулять со своими внуками на лоне природы. О политике в тот день не хотел больше слышать. В привычное время, то есть около 10 часов вечера, когда его родственники следили по радио за сообщениями о результатах выборов, он отправился спать.

Результаты были установлены около 2 часов ночи: фельдмаршал выиграл избирательную битву. Сначала во время подсчета голосов долгое время лидировал Маркс. В итоге за Гинденбурга проголосовали 14,66 миллиона избирателей (48,3 процента), за Маркса — 13,75 миллиона (45,3 процента) и за Тельмана — 1,93 миллиона. Участие в выборах 77 процентов избирателей показало, что к урнам пришло почти на 3,5 миллиона человек больше, чем в первом туре. Из них не менее 3 миллионов отдали свои голоса за фельдмаршала, получившего большинство в Восточной Пруссии, Саксонии и Баварии. Хотя на Рейне и в Рурской области большинство проголосовало за Маркса, там генералу удалось по сравнению с первым туром снизить республиканское большинство. Кроме того, почти 500 тысяч голосов избирателей Центра оказались решающими для победителя под Танненбергом. Даже часть сторонников Демократической партии оказали доверие Гинденбургу. Так, в либеральном Гамбурге он одержал победу над Марксом, которому, как нарочно, уступил в своем родном Ганновере.

Большинство рабочих голосовало за Маркса. Успех Гинденбурга на выборах объяснялся не только первой удачной мобилизацией консерваторов, националистов и антиреспубликанских сил в стране, но и поддержкой Баварской народной партии, что имело большое значение. Хотя в отличие от Маркса Гинденбург был протестантом, партия нисколько не сомневалась в его враждебности к социал-демократии. Оказало влияние и то, что коммунисты снова выставили кандидатуру Тельмана, вместо того чтобы поддержать кандидата Народного блока.

Оскар фон Гинденбург попытался разбудить отца после выборов в 6.30 утра, но тот спал настолько крепко, как будто бы все это его не касалось. Проснулся он лишь получасом позже и узнал результат от сына. Верный своей натуре, он принял известие трезво и невозмутимо. Учитывая сложные задачи, которые теперь предстояло ему решать, престарелый господин не видел никакой причины для большого веселья, предоставив это другим. В то время как правые торжествовали, в лагере проигравших царило неприкрытое замешательство. Бывший посол Йохан Генрих граф фон Берншторф говорил о «смертном часе немецкой республики». Газета «Берлинер тагеблатт» выразила свой «стыд по поводу политической незрелости многих миллионов». Либеральная «Франкфуртер цайтунг» тоже свела победу Гинденбурга на выборах к аполитичности части населения, ослепленного блеском и нимбом старого полководца. Газета «Форвертс» привела близкое историческое сравнение: в 1873 году французы тоже избрали президентом клерикала, монархиста и маршала в лице Патриса Мориса Мак-Магона, который должен был потерпеть поражение из-за отсутствия единства у правых и сопротивления радикальных республиканцев¹⁶.

Французский премьер-министр Поль Пенлеве был сражен победой Гинденбурга на выборах, которая, без сомнения, затрудняла политику взаимопонимания с Германией. Выражали беспокойство и в Англии. Эдгар Винсент д'Абернон, английский посол в Берлине, охарактеризовал перед Штреземаном избрание Гинденбурга как большую ошибку с внешнеполитической точки зрения. Наоборот, в Соединенных Штатах исходили в целом из того, что избрание Гинденбурга надо расценивать как победу разумного консервативного мышления над социализмом и большевизмом. Несмотря на это, все еще существовали влиятельные круги, опасавшиеся нового военного конфликта.

Многие вынуждены были разочароваться в своих ожиданиях, возлагавшихся на президентство старого генерала. Через день после выборов он заявил делегации Комитета по избранию Гинденбурга, что для него имеет значение прежде всего — единство нации. В будущем он хотел бы сотрудничать со всеми немцами, в том числе и с противниками в избирательной борьбе. «Только не надо воображать, что я теперь позволю какой-либо партии давать мне предписания»¹⁷.

Девятого мая рейхсканцлер Ганс Лютер и Гинденбург на вилле по Зеельхорстштрассе обсудили необходимые детали процедуры вступления в должность. Двумя днями позже генерал покинул Ганновер, но, в отличие от августа 1914 года, как человек, которого в рейхе знал каждый. На вокзале он попрощался с оберпрезидентом земли, быв-

шим министром рейхсвера Носке. Гинденбург сел в салон-вагон на Берлин. Там убежденный монархист должен был принести присягу как глава государства германской республики. К этому маршал стремился с чистой совестью, верный особой немецкой добродетели исполнять прежде всего свой долг так, как он это делал до сих пор, постоянно, всю свою жизнь.

VIII. Первый немец

Вечером 11 мая 1925 года Гинденбург прибыл поездом в Берлин, где на вокзале Хеерштрассе его встречал Ганс Лютер со всем своим кабинетом. Маленькая дочь рейхсканцлера бойко прочитала фельд-маршалу приветствие в стихах. По пути во дворец рейхсканцлера автомобиль с Гинденбургом проезжал мимо войсковых частей и восторженных толп народа, стоявших по обеим сторонам дороги; с самолетов сбрасывали цветы. В эту ночь Гинденбург оставался гостем в доме канцлера, в бывшей квартире Бисмарка. Во время следования по столице старый генерал почувствовал некоторую подчеркнутую отстраненность республиканских организаций от его встречи. И все же наряду с черно-красно-золотыми знаменами на зданиях учреждений на большинстве домов были вывешены старые черно-бело-красные флаги, символизируя праздник для всей страны: в Берлин прибыл тот, на кого так уповала Германия.

На следующий день Гинденбург снова, как много лет назад, вошел в здание рейхстага. Но с тех пор все вокруг разительно изменилось. Разве тогда, когда его допрашивали здесь в следственном комитете, народ не призывал его стать рейхспрезидентом? На этот раз по лестнице парламента поднимался уже не просто представитель старого режима, коего так ненавидели республиканцы, а человек, на которого с надеждой взирала единая новая Германия. Перед депутатами, собравшимися в пленарном зале, социал-демократический президент рейхстага Пауль Лёбе привел главу государства к присяге на верность конституции. Старый господин, как его часто называли, словно читая молитву, клялся «перед Богом, Всемогущим и Всеведущим», посвятить свои силы благу Германского рейха, уважать конституцию и законы, на совесть выполнять свои обязанности и соблюдать справедливость в отношении каждого. «Да поможет мне Бог!» — произнес он в заключение.

В краткой речи Гинденбург подчеркнул, что рейхстаг и рейхспрезидент — одно целое, так как избраны народом. Им обоим надлежит стоять на страже суверенитета государства, что лежит в основе конституционного строя Германии. «В этом глубокий смысл конститу-

ции, на которой я только что торжественно дал клятву мужчины. Но если в рейхстаге найдут себе место противоречия в мировоззрениях и в политических убеждениях, рейхспрезидент должен служить надпартийному сплочению всех работоспособных и конструктивных сил нашего народа»¹.

Это было его кредо. При этом, как он часто подчеркивал, маршал ставил долг выше права, что вошло в его плоть и кровь за многие десятилетия воинской службы. На улице нового главу государства ожидала огромная толпа народа, которая его бурно приветствовала. Перед Фрайтретпе, у старой Кёнигсплац, стояли части рейхсвера. Под звуки встречного марша он, став вновь Верховным главнокомандующим Вооруженных сил, обошел вместе с канцлером строй роты почетного караула. Затем, в привычном ему старомодном стиле, призвал солдат и офицеров самоотверженно служить долгу и вместе с ним идти дорогой к возрождению Германии, храня верность ее достижениям и успехам. Потом в сопровождении эскорта улан он направился в официальную резиденцию рейхспрезидента в правительственном квартале в старом Шверинишер Пале на Вильгельмштрассе, 73. Его «местоблюститель», президент имперского суда Вальтер Симонс торжественно осуществил передачу ему должности, после чего последовали приемы для правительства и президиума рейхстага, для генералов и адмиралов.

Четырнадцатого мая он принимал поздравления глав иностранных миссий, через день его посетили министры-президенты восемнадцати немецких земель. В соответствии с конституцией президент избирался на семь лет. Глава государства представлял Германию в отношениях с другими странами и заключал от имени республики международные договоры, назначал и увольнял чиновников и офицеров, аккредитовал глав немецких миссий за границей. В соответствии со статьей 48 Веймарской конституции от 11 августа 1919 года он обладал правом принимать необходимые меры для восстановления общественной безопасности и порядка, прибегая к помощи вооруженной силы, и временно отменять определенные основные права. Его указы должны были подписываться канцлером и соответствующим министром. Глава государства назначал канцлера и по предложению последнего — имперских министров. Правда, рейхспрезидент мог быть смещен всенародным референдумом или при явном нарушении конституции рейхстаг имел право выдвинуть против него обвинение в Государственной судебной палате.

Конечно, для Гинденбурга, человека преклонных лет, было важно, что его режим дня был налажен разумно: до 8 часов он наслаждался утренней прогулкой в дворцовом парке, иногда вместе с внуками и постоянно с овчаркой Рольфом. Завтракал он обычно с сыном. За-

тем направлялся в свой рабочий кабинет, чтобы сначала познакомиться с тем, что пишут в газетах. В 10 часов от статс-секретаря Отто Майснера поступали важнейшие служебные бумаги и информация о политическом положении, протоколы кабинета и министерств. Гинденбург также подробно изучал сообщения, поступающие от немецких миссий за границей, занимался вопросами бюджета, чтением поздравительных телеграмм и выражений соболезнования, вникал в ходатайства и петиции. Следующим пунктом программы был доклад руководителя отдела прессы правительства о том, что интересного появлялось в печати страны и за рубежом. Затем следовали ежедневные приемы рейхсканцлера или различных министров и депутатов. К полудню, особенно во времена кризисов, под председательством президента постоянно проходили заседания Совета министров.

Обедал фельдмаршал чаще всего в узком кругу, иногда с немецкими или зарубежными гостями. После этого он, особенно в свои последние годы, наслаждался часом отдыха. Во второй половине дня он иногда давал небольшие приемы, разбирал почту и, если была такая возможность, предпринимал еще одну прогулку по дворцовому парку. Ужинал он в 19.30. Если его больше не занимали служебные совещания или изучение документов, вечер принадлежал семье. Ровно в 23.00 он отправлялся ко сну. Маргарете, младшая невестка, вела хозяйство вдовца. В течение года Гинденбург редко устраивал представительские праздники: он давал всего три официальных обеда, два вечерних приема зимой и два раза приглашая на чай в саду президентского дворца летом.

Сначала многие в стране и за рубежом относились с большим сомнением к президентству старого генерала. Но Гинденбург сразу же попытался развеять эти опасения и предубеждения, успокоив республиканцев заверением, что хочет править на основе конституции. И действительно, он не намеревался изменять курс в ревизионистском или агрессивном направлении. Бывший рейхсканцлер, а ныне — министр иностранных дел Штресеман, не видевший Гинденбурга с 1920 года, вначале заботившийся о состоянии здоровья фельдмаршала, теперь с удовлетворением отметил, что старый генерал выглядит более свежим и отдохнувшим, чем в первое время после войны. По мнению Штресемана, республика никогда не была так консолидирована, как после вступления в должность «разумного республиканца» Гинденбурга.

Так, один из наиболее значительных политических деятелей Веймара, национал-либеральный министр иностранных дел, был приятно удивлен тем хорошим впечатлением, которое Гинденбург произвел на его соратников. Его подозрение, что старый человек будет на-

ходиться под сильным влиянием камарильи, по-видимому, не подтвердилось. Напротив, все больше казалось, что новый рейхспрезидент сумел объединить вокруг себя левых и правых Германии. К изумлению Штреземана, Гинденбург оказался с самого начала более информированным во внешней политике, чем ожидалось. Правда, к Лиге Наций рейхспрезидент относился с большим скепсисом и предубеждением. Сверх того, было неудивительно, что фельдмаршал проявлял особый интерес к преодолению «лжи о виновности в войне».

Никого не могло поразить, что Гинденбург не делал тайны из своих строго консервативных взглядов. Однако он дал себе слово точно придерживаться конституции. Но именно это вскоре настроило против него монархистские и националистические круги. К их разочарованию, он намеревался придерживаться правил игры, которые диктовало новое время. Безусловное чувство долга, даже по отношению к республике, отчуждало его от многих непримиримо ограниченных сторонников правых. Старая элита считала, что он ее предал. С другой стороны, он не обходился без советов именно своих прежних товарищей из офицерского корпуса. Ни для кого не было тайной, что вопреки всякой критике он чувствовал себя особенно тесно связанным со старыми прусскими консерваторами среди немецких националистов и, естественно, среди военных. Именно они скорее всего олицетворяли его общественную и политическую родину. Он никогда бы не смог создать таких тесных отношений с молодой республикой, служить которой для него было почти сверхчеловеческой жертвой, и не только по причине его преклонного возраста.

Умеренные республиканские круги облегченно вздохнули, когда Гинденбург не сменил личных советников Эберта. Так, Отто Майснер оставался ближайшим сотрудником президента, хотя Гинденбургу сначала советовали подобрать человека явно правых взглядов. Родившийся в 1880 году, статс-секретарь президентской канцелярии и руководитель бюро рейхспрезидента был родом из Эльзаса. Сын прусского почтмейстера, он сначала был занят в юриспруденции, затем — в администрации железных дорог. Во время войны, как капитан запаса, он служил в штабе армейской группы в Киеве. В первые дни республики он вступил на дипломатическое поприще и сначала работал как немецкий поверенный в делах на Украине. Уже в 1919 году он стал при посланнике Рудольфе Надольном заместителем руководителя бюро рейхспрезидента, а в 1920 году — его преемником.

Влияние либерального Майснера, ошибочно считавшегося многими социал-демократом, во время президентства Гинденбурга выросло еще больше, так как старый генерал привык полностью пола-

гаться на свое ближайшее окружение. А Майснер, которого старый господин с глазу на глаз патриархально называл «дитятко», знал свое ремесло. Еще и поэтому бюро рейхспрезидента по своему кадровому составу осталось неизменным. Лишь майор Оскар фон Гинденбург последовал за своим отцом в качестве адъютанта в столицу рейха. Через год президент получил второго офицера в лице подполковника Ведиго фон дер Шуленбурга.

Гинденбург не сменил и правительство рейха. В сложившихся обстоятельствах он был вполне удовлетворен составом коалиции. Беспартийный, хотя и близкий к Немецкой народной партии, Ганс Лютер стоял во главе кабинета, состоявшего из представителей немецких националистов, Центра, Народной партии и Баварской народной партии. Родившийся в 1879 году в Берлине, Лютер по образованию был юрист-администратор. В течение четырех лет он занимал должность обер-бургомистра Эссена, прежде чем уйти в имперскую политику, чтобы стать министром продовольствия, а позже — и министром финансов. Так же как и у его предшественников, Куно или Маркса, у Лютера было мало политической харизмы — в прямую противоположность министру иностранных дел Густаву Штреману. Председатель Немецкой народной партии, являясь рейхсканцлером в 1923 году, был сам несколько месяцев главой правительства большой коалиции. Во время мировой войны вначале выступал сторонником немецкой аннексионистской политики, теперь же пропагандировал взаимопонимание, прежде всего — с Францией, однако оставался всегда верен своей линии мирной, постепенной ревизии Версальского мирного договора, особенно в вопросах немецко-польской границы и восстановления силовых позиций рейха в Европе.

Хотя Гинденбург и оставил прежний персонал президентского бюро, он все же изменил убранство дворца. Ему казалось, что он не может начать свою деятельность в помещении, где его предшественник украсил стены «Женской головкой» Рембрандта и пейзажами. Примечательно, что скоро вместо них появились картины военного содержания и портрет Бисмарка в фетровой шляпе с широкими полями. В рабочем кабинете рейхспрезидента стоял бюст Сципиона Африканского, на письменном столе — обрамленный пожелтевший лист бумаги с надписью «Ora et Labora»² — вещь, доставшаяся по наследству от отца. За письменным столом повесили портрет прусского генерал-фельдмаршала и победителя при Ватерлоо князя Блюхера.

Типичным для его стиля работы были записные книжки, в которых различный круг проблем Гинденбург обычно подчеркивал разным цветом. К большому сожалению, он сжигал их всякий раз после того, как они заканчивались и занесенные в них вопросы были

рассмотрены. Воспринимал он все и сосредоточивался намного быстрее, чем многие думали. Может быть, что-то старый фельдмаршал и представлял себе несколько упрощенно, но зато умел задавать каверзные и точные вопросы, на которые требовал точные ответы, когда при разговоре с ним немало чрезвычайно опытных политиков испытывало чувство известной неуверенности.

Не вызывало сомнения, что рейхспрезидент обладал присущим ему от природы авторитетом. Конечно, тексты его речей или посланий сначала готовились другими: статс-секретарем рейхсканцелярии Францем Кемпнером, ведомством иностранных дел и самим Майснером. Разработчики концепций делали все возможное, чтобы проекты речей соответствовали стилю старого генерала. А тот педантично, иногда целыми днями проверял их и редактировал, добивался свойственной ему лаконичности, переделывал или просто вычеркивал целые абзацы. Проповедь немецкого единства Гинденбург подкреплял на деле своей деятельностью. Все его официальные визиты в столицы земель с лета 1925 года были направлены на укрепление национальной общности.

Еще будучи начальником Генерального штаба Сухопутных войск, Гинденбург не делал тайны из того, что не питает симпатий к дипломатии и даже считает ее «не немецкой». Теперь, когда он стал рейхспрезидентом, внешняя политика приобрела в его глазах особое значение, он требовал, чтобы о важных и срочных вопросах его информировали официальным путем, а не через прессу. На совете кабинета он настаивал на передаче Антанте меморандума, отвергавшего вину Германии и ее союзников в развязывании войны.

Заключенные 16 октября 1925 года на конференции по безопасности в швейцарском городе Локарно договоры между западными союзниками и Германией вернули последнюю в круг европейских великих держав. Они закрепили немецкую западную границу с международно-правовой точки зрения. Рейх, так же как Франция и Бельгия, отказывался от насильственного изменения установленных границ, гарантами этому выступили Великобритания и Италия. Но со своими соседями на Востоке — Чехословакией и Польшей — Германия заключила лишь арбитражные договоры. Таким образом, мирный пересмотр немецкой восточной границы, как предусматривал Штресеман, по крайней мере теоретически, был еще возможен. Париж обязался оказать военную поддержку своим союзникам — Польше и Чехословакии — в случае немецкого нападения.

Союзники обещали Германии освободить кёльнскую оккупационную зону после ратификации договоров. Западные державы пошли также Берлину навстречу в вопросе приема Германии в Лигу Наций. Вследствие этого Германия не по своей воле должна была

участвовать в экономических санкциях против Советской России или в случае польско-советской войны пропустить через свою территорию французские войска. Весь договор мог вступить в силу только после приема Германии в Лигу Наций. В любом случае Штреземан должен был успокаивать чрезвычайно скептически настроенного рейхспрезидента, что вступление Германии в Лигу Наций ни в коем случае не ограничит политику двусторонних договоров и не приведет к отчуждению от России.

Если Париж и Лондон хотели Локарнскими соглашениями обеспечить мир, то для германского министра иностранных дел речь шла о постепенной ревизии версальского порядка. Локарно явилось важным шагом к тому, чтобы Берлин смог, несмотря на старые ограничения мирного договора, снова начать проводить политику европейской великой державы. Одновременно Штреземан, следуя догме германской внешней политики, смог успешно отразить польские стремления к «восточному Локарно». Хотя национально-либеральный министр планировал при благоприятной возможности сразу же использовать затруднительное положение Польши для территориальных уступок, немецкие националисты были совершенно не удовлетворены достигнутым. С отказом от Эльзас-Лотарингии и Эйпен-Мальмеди Немецкая национальная народная партия не хотела согласиться. Немецкие националисты вышли из правительства Народного блока.

Главную роль в этой акции, вызвавшей «кризис Локарно», сыграл Альфред Гутенберг. Депутат рейхстага, король средств массовой информации и сооснователь Пангерманского союза представлял правое, антидемократическое крыло Немецкой национальной народной партии и постоянно способствовал ее радикализации. Родившийся в 1865 году в Ганновере, убежденный монархист, купивший киностудию «УФА» и превративший ее в крупнейший киноконцерт Европы, Альфред Гутенберг предоставил мощь своей газетной империи Немецкой национальной народной партии для проведения непримиримой радикально-националистической линии. Именно такое развитие событий наблюдал Гинденбург с растущей озабоченностью, так как хотел, само собой разумеется, сохранить немецких националистов в качестве конструктивной силы в партийном спектре.

В дискуссии вокруг Локарнского договора о безопасности глава государства оказался между двух фронтов. Если правительство во главе с Лютером и Штреземаном убеждало Гинденбурга в необходимости его заключения, то его старые соратники, напротив, непрерывно предостерегали об опасности. По этому поводу его посетили Тирпиц и Макензен, две центральные фигуры старого режима. Давно вышедший из игры правых крутов Людендорф тоже требовал от-

клонить такой договор и напоминал фельдмаршалу, что, подписав его, он навредит своей полководческой славе и запятнает свою политическую честь. Эти слова заставили Гинденбурга задуматься.

Засомневавшись, президент принял решение возглавить заседание Совета министров, чтобы там разрешить эти вопросы и выработать свою позицию. Почти смирившись, он думал о кабинете: «Остается только уповать на благословение Божье. Хочется надеяться, что благодаря этому договору Германия снова займет надлежащее место в концерте народов и получит возможность навести у себя порядок... Я сам желал бы чего-то большего, но пока надо довольствоваться хотя бы этим»³.

Что особенно смущало президента в договоре, так это его неравноправные условия. Германия должна разоружиться, а другие государства — нет. Рейх был обязан иметь нейтральную демилитаризованную зону, хотя в Эльзас-Лотарингии французские войска продолжали оставаться. К тому же Германии приходилось настаивать на ускорении вывода оккупационных войск из Рейнланда. Кроме того, членство в Лиге Наций не должно было затрагивать соглашения с Советской Россией. Но все же правительству рейха удалось найти нужную аргументацию, чтобы склонить президента на свою сторону. Гинденбург подписал договор. Теперь он один должен был противостоять враждебности правых, которых не удалось сломить.

Двадцать седьмого ноября Гинденбург снова председательствовал на Совете министров, где пытался отстоять свою идею ратифицировать в рейхстаге пока только один Локарнский договор, вступление же в Лигу Наций провести отдельным законом, от которого следует пока воздержаться. Окончательное решение должно было еще оставаться за Германией. Однако правительство рейха сочло такой двоякий подход все же чересчур опасным, что могло привести к прекращению начавшихся переговоров со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями, а с точки зрения внутривнутриполитической — к роспуску рейхстага и в дальнейшем — к нежелательной предвыборной борьбе.

Из-за выхода немецких националистов из коалиции правительство уже потеряло свое большинство в рейхстаге. Но именно оно было необходимо рейхспрезиденту для ратификации договора. Сильнейшая фракция СДПГ, находившаяся в оппозиции, воспользовалась случаем и единогласно проголосовала за договор. Принятие такого решения было существенно облегчено тем, что прежде было объявлено об уходе в отставку кабинета Лютера после подписания договора.

Несмотря на это, президент обратился к правительству с предложением приложить все силы и добиться проведения в жизнь до сих

пор не достигнутых взаимных обязательств еще до окончательного вступления в Лигу Наций. Гинденбург хотел иметь ясное подтверждение, что со вступлением Германии в нее не будут связаны признаки границ и территориальное status quo. (Положения Лиги Наций содержали только обязательство предпринимать изменения границ исключительно мирным путем.) Германия все еще ощущала необходимость сокращения сроков вывода оккупационных войск для второй и третьей зон. После плана Дауэса и пакта Локарно эта оккупация потеряла смысл и цели. Не в полном объеме реализовывались обещанные изменения и в Рейнланде. Надо было окончательно решить вопрос о воздушных сообщениях и разоружении.

Чтобы действительно установить равноправие, необходимо было серьезно добиваться всеобщего разоружения. Как считал рейхспрезидент, при вступлении Германии в Лигу Наций желательно было получить согласие о защите немецких меньшинств за рубежом. Кроме того, Гинденбург хотел, чтобы державы-победительницы проявили предупредительность при распределении многочисленных мандатов на управление колониями.

Особенно Гинденбург настаивал на том, чтобы в отношении Германии «до или после вступления в Лигу Наций все ее члены были уведомлены о снятии с нас возложенной вины. Правительству рейха, как и прежде, надлежит решительно бороться против ложных обвинений в развязывании войны и предпринять непартийное, нейтральное расследование вопроса об этом». Канцлер вместе с правительством должен взять на себя проверку таких требований. «Я убежден, что предусмотренное Локарнским договором умиротворение Европы лишь тогда сможет оказать влияние на Германию, когда осуществление взаимных обязательств убедительно покажет немецкому народу, что и наши противники честно хотят мира и поэтому признают равноправие Германии, на которое она с полным правом может и должна претендовать»⁴.

Перед Гинденбургом стояла задача сформировать новое правительство. Лютер посоветовал ему создать кабинет из представителей буржуазных партий, голосовавших за Локарно, включив в него и СДПГ. Фельдмаршал возложил полномочия по формированию правительства на лидера демократов Эриха Кох-Везера. Как и ожидалось, переговоры потерпели неудачу из-за чрезмерных требований СДПГ к Народной партии. В действительности СДПГ не испытывала большого желания войти в правительство, против которого выступали ее избиратели. Тогда Гинденбург поручил Лютеру образовать что-то вроде надпартийной коалиции. Не удалась и эта попытка. Глава государства оказал давление на лидеров партий, потребовав прекратить недостойную игру и подчинить свои частные интересы

благу Отечества. Это возымело успех. К тому же он обеспечил Лютера декретом о роспуске рейхстага на случай, если последний не поддержит канцлера. Небольшим большинством голосов в рейхстаге правительство, состоявшее из представителей Народной партии, демократов, Центра и Баварской народной партии, получило вотум доверия. Гинденбург вышел из этого кризиса победителем. Как сильный глава государства, он снова направил разрозненные партии на путь дальнейшей конструктивной работы во благо рейха.

В действительности Локарно явилось для президента тяжелым испытанием. Вся дискуссия явно раздражала и расстраивала его. Только теперь он стал понимать, насколько трудно объединить различные партии, чтобы они действовали во имя государственных интересов. В этой связи особенно его злила бесплодная обструкционистская политика немецких националистов. Он не мог понять, почему старые товарищи военных лет только критикуют его лояльное отношение к конституции, вместо того чтобы помочь снова сделать Германию, пусть даже и в новом облике, авторитетным членом международного сообщества. Антинемецкая политика Польши в отношении национального меньшинства чрезвычайно озлобляла президента. Снова и снова Гинденбург утверждал, что он «будет считать нетерпимым одновременный прием Германии и Польши в Совет [Лиги Наций] в любой форме». В таком компромиссе президент видел наибольшее препятствие «проведению политики пакта Локарно и вступления в Лигу Наций с точки зрения внутренней политики»⁵.

Яростно атаковал по вопросу Локарно своего старого соратника и Людендорф, ставший еще более ожесточенным и агрессивным в связи с обострением базедовой болезни. Полностью отойдя от христианства, проповедуя «народный» германизм, он клеймил «документ позора и бесчестья». Живя в то время в полной изоляции в Баварии, никому не нужный Людендорф обвинял Гинденбурга в масонстве. Несмотря на все его выпады, президент все же не хотел порывать дружбу со своим бывшим советником. В Нойдеке, как и на Зеельхорстштрассе, в его кабинете висел портрет Людендорфа.

Непримиримые немецкие националисты, стремившиеся только к восстановлению всего устаревшего, не могли скрыть своего разочарования. Для них фельдмаршал был «национальной надеждой», но после вступления в должность он, по их мнению, развеял этот миф. При каждом удобном случае консервативно-народные круги нередко своими советами пытались подтолкнуть Гинденбурга и его сына Оскара к установлению диктатуры. С известной критикой в адрес республики и демократии президент еще мог согласиться, но о радикальных решениях он и слышать не хотел. К тому же он ясно понимал, что такие советы давали люди, которые в отличие от него не несли никакой

ответственности за страну. В конечном счете он прислушивался больше к Лютеру и Штреземану, чем к генералам-пенсионерам или членам отечественных союзов, олицетворявших и выражавших интересы лишь меньшинства населения.

Седьмого апреля 1926 года Гинденбург отпраздновал 60-летний юбилей пребывания на военной службе. Выступая перед воинскими частями и военными союзами, фельдмаршал подчеркнул, насколько важно товарищество для сплоченности и единства, особенно во время раздоров и смуты в стране: «Тем, что новые вооруженные силы следуют великим традициям нашего военного прошлого и соблюдают их, тем, что исповедуют великие добродетели: самоотверженную верность долгу, преданную любовь к Отечеству и беззаветную храбрость, они доказывают, что по-прежнему являются оплотом национальной силы и хранителем солдатских качеств, присущих нашему народу. Преисполненные этого духа, современный рейхсвер и рейхсмарине, — я в этом уверен — верные присяге, будут постоянно выполнять свой долг и, невзирая на нынешнюю шумиху, руководствоваться только преданной любовью к Родине и убеждением, что спокойной, самоотверженной работой станут служить на благо немецкого народа»⁶.

Но о спокойной работе не могло быть и речи. По решению кабинета, немецкие миссии за границей наряду с республиканским черно-красно-золотым флагом времен революции 1848 года должны были вывешивать и торговый черно-бело-красный флаг цветов кайзеровской Германии. Такое желание постоянно выражали немцы, проживавшие за границей, что вызвало бурю протеста со стороны республиканского лагеря. Гинденбург, который, само собой разумеется, чувствовал свою неразрывную привязанность к цветам монархии, в конце концов подписал 5 мая 1926 года смягчающий противоречия указ. В соответствии с ним вывешивать торговые флаги в Европе и вне ее разрешалось только в тех местах, куда прибывали морские торговые суда. Рейхспрезидент оправдывал свой шаг тем, что Германия, учитывая свое настоящее положение в мире, нуждалась в поддержке немцев, проживавших за пределами страны, которые на общественных мероприятиях рады были бы признать свою принадлежность ко всему германскому. Но за рубежом «препятствием служил злополучный раздор с вывешиванием флагов». Президент был убежден, что данный указ разрешит возникшие осложнения. «Я далек от того, чтобы устранить национальные цвета, установленные конституцией, и, как и прежде, исполнен решимости урегулировать вопрос о флагах только на основе конституции»⁷. Но группировки убежденных республиканцев не унимались. СДПГ внесла вотум недоверия, Немецкая демократическая партия — предложение о пори-

цании в рейхстаге действий рейхсканцлера. Лютер был вынужден подать в отставку. После этого Вильгельм Маркс, проигравший на президентских выборах Гинденбургу, сформировал свой новый, уже третий кабинет. При этом внешняя политика Германии не изменилась, поскольку Штреземан оставался на посту министра иностранных дел. Но Гинденбург столкнулся еще с одной проблемой, коренившейся в прошлом: со спором об имуществе правивших раньше немецких князей. В 1918 году оно было не отчуждено, а просто конфисковано; начиная с 1924 года князьям удавалось иногда добиваться через суд крупных возмещений от земельных правительств. В марте 1926 года в ответ на это народная инициатива за безвозмездное отчуждение собственности князей достигла не менее 12,5 миллиона сторонников. Гинденбург, естественно, принял другую сторону и предостерег правительство, что рассматривает такой закон, форсируемый левыми, как нарушающий конституцию и не подпишет его. Правые потребовали, чтобы президент выступил с публичным заявлением. Статс-секретарь Майснер предложил Гинденбургу еще раз сообщить о своих взглядах в личном письме своему знакомому, бывшему прусскому министру внутренних дел Вильгельму фон Лёбелю.

Маршал сделал, как ему советовали. Фридрих Вильгельм фон Лёбель, брат друга молодости Гинденбурга, представитель правых, конструктивно действовавших в отношении республики, и руководитель комитета правых партий, во время президентской избирательной кампании опубликовал это послание в газете «Дойчер шпигель» и позаботился о его всеобщем обсуждении. Даже если президенту неудовольствие левых не могло быть безразличным, то ему все же было очень приятно снова доказать правым, что он на их стороне. В то же время вопрос об отчуждении в действительности касался и его самого. При принятии данного закона он серьезно подумывал подать в отставку. Хотя на референдуме 20 июня 1926 года число сторонников отчуждения и составило 14,5 миллиона, для внесения изменения в конституцию требовалось не менее 20 миллионов.

В области внешней политики Локарнские договоры все еще не давали ему покоя из-за постоянного недовольства правых. Если старый господин внешне производил впечатление крепкого человека, то от вкрадчивых нашептываний ультраконсерваторов он приходил в замешательство. Своими размышлениями он поделился с рейхсканцлером Марксом: «Как и прежде, я считаю, что до нашего приема в Лигу Наций должно быть обеспечено снижение численности иностранных оккупационных войск как минимум до численности наших гарнизонов мирного времени. Не говоря уже о том, что со слишком часто упоминаемым духом Локарно действительно несовместимо, когда наряду с договорными заверениями еще сохраняются принуди-

тельные военные меры в виде оккупации на Рейне. Мы можем сослаться на формальное обещание противоположной стороны, которое при любых обстоятельствах должно быть выполнено, иначе правительство и население Германии утратят всякую веру в такие обещания... Я считаю, что именно сейчас наступило благоприятное время для удовлетворения нашего старого требования, и думаю, что если мы упустим настоящий момент, то едва ли сможем в обозримом будущем рассчитывать на значительное сокращение оккупационных сил. Как только мы войдем в Лигу Наций и таким образом пакт Локкарно вступит в силу, а Франция получит американский кредит и освободится от финансовых тягот, в нашем распоряжении больше не будет средства давления, которым мы располагаем в настоящее время. Сокращение оккупационных сил — только этап на пути к полному их выводу. Скорейшая реализация этого акта должна, как и прежде, оставаться целью нашей политики в отношении Запада... Вторым пунктом, который необходимо выяснить до нашего вступления в Лигу Наций, является вопрос о разоружении. Все мы считаем ноты межсоюзной военной контрольной комиссии и конференции послов, с их мелочными рекламациями и протестами в отношении наших военных и полицейских организаций, унижениями и недостойными придирками. Этим недопустимым вмешательством в наши внутренние дела, направленным на оскорбление нашего чувства чести и возбуждающим страсти нашего народа, должен быть положен конец. Я ходатайствую и сейчас, перед нашим вступлением, подтвердить в обязательном порядке, что разоружение Германии проведено в соответствии с Версальским договором и деятельность межсоюзнической военной контрольной комиссии закончена»⁸.

Гинденбург обратился с просьбой к рейхсканцлеру «убедительнейше принять» эти требования и своевременно поставить о них в известность западные державы. Однако правительство под внешнеполитическим руководством Штреземана мало заботилось о сомнениях президента. 10 сентября в Женеве на праздничной церемонии Германия была принята в Лигу Наций, чему особенно радовались социал-демократы. Рейх сразу же стал постоянным членом Совета Лиги Наций. К большому удовлетворению Гинденбурга, главный конкурент — Польша — на этом форуме получила только так называемое непостоянное место. ⇄

Через месяц рейхспрезидент снова столкнулся с чрезвычайно неприятной для него задачей. В начале октября ему не оставалось ничего другого, как освободить Секта от должности начальника руководства Сухопутных войск. Это было сделано под давлением общественности в связи с тем, что он допустил к участию в осенних маневрах рейхсвера принца Вильгельма Прусского, старшего сына кронприн-

ца, в форме бывшего 1-го гвардейского полка. По этому поводу в общественных кругах заговорили о монархических тенденциях в армии. К тому же это расценивалось как безрассудная бестактность в отношении Штреземана, пытавшегося как раз побудить союзников к выводу войск из Рейнланда. Был обойден и демократический министр рейхсвера, поэтому Отто Геслер был намерен уволить своего вольного Секта, заручившись поддержкой правительства и партий большинства в рейхстаге. Геслер и канцлер подали прошение об отставке. Даже рейхспрезидент сначала заявил, что хочет сложить с себя полномочия.

Гинденбург, снова атакованный правыми, пытавшимися не допустить падения генерала, должен был скрепя сердце принять решение против Секта. Он знал, что этот политически честолюбивый, монархически настроенный генштабист — совсем в его духе — много сделал для укрепления рейхсвера, как он путем поддержки «черного рейхсвера» искусно, но нелегально обошел стотысячное ограничение численности армии. Но президент не мог идти на риск нового правительственного кризиса. К тому же казалось, что оправдаются опасения Штреземана в отношении межсоюзнической военной контрольной комиссии и досрочного вывода оккупационных войск с части территории Рейнланда. В конце концов 8 октября Сект ушел в отставку.

Он отклонил предложение Гинденбурга занять должность комиссара по разоружению. С другой стороны, Сект был готов принять должность посла, в перспективе предложенную ему президентом. Однако министр иностранных дел остерегался делать такое предложение вызывавшему его подозрения генералу. Тем не менее после смерти Штреземана Сект вошел в политику в качестве депутата рейхстага от Немецкой народной партии. Предложенный Сектом на должность начальника руководства Сухопутных войск генерал-лейтенант Вильгельм Хайе вновь вызвал возмущение консерваторов, его и Грёнера рассматривали как активных виновников отречения кайзера в то злое 9 ноября 1918 года. Однако рейхспрезидент заступился за своего бывшего сотрудника в ОХЛ. Аполитичный Хайе, занимавший до этого должность командующего 1-м военным округом, хорошо зарекомендовал себя, по мнению Гинденбурга, во время войны и мира и к тому же обладал безупречным характером.

На парламентском и правительственном уровне в ту осень кабинет сотрудничал в своего рода «тихой коалиции» с СДПГ. Гинденбург, более гибкий в политике, чем это казалось на первый взгляд, предугадывал участие социал-демократов в правительстве в обозримом будущем. В этом мнении президент не был одинок, так как различные буржуазные круги, даже внутри Немецкой народной партии,

проявляли готовность к воссозданию Большой коалиции, чему, однако, вскоре помешали вновь возникшие социально-политические расхождения. Когда социал-демократы под давлением своего левого крыла потребовали радикальной реформы рейхсвера — немедленной отставки Геслера, жестких ограничений будущих вооружений, отказа от связей с правыми союзами и от финансовой поддержки со стороны тяжелой промышленности, — тогда многим, в том числе рейхспрезиденту и большей части Центра, Немецкой народной партии, стало ясно, что договориться им не удастся. Правда, когда СДПГ вынесла вотум недоверия, он встретил такую широкую поддержку, в том числе и среди немецких националистов, что правительство Маркса было вынуждено уйти в отставку. Под влиянием полковника Курта фон Шляйхера, талантливого и политизированного начальника отдела Вооруженных сил в министерстве рейхсвера, предпочтение было отдано правому коалиционному правительству, включавшему и немецких националистов.

Шляйхер родился в 1882 году, лейтенантом вместе с Оскаром фон Гинденбургом служил в 3-м гвардейском пехотном полку, родной части старого фельдмаршала, и был близким другом его сына. Во время Первой мировой войны Шляйхер служил в войсковом управлении Генерального штаба и в ОХЛ в качестве сотрудника своего протеже Грёнера. После войны, оставшись на действительной службе, он подружился с Майснером и Штреземаном. Доступ к рейхспрезиденту он получил благодаря связям с Оскаром фон Гинденбургом и вскоре стал одним из влиятельнейших президентских советников. С военно-политической точки зрения он попытался избегать слишком тесных взаимоотношений с Советской Россией и не забывать западную карту. Это привело его к отчуждению от ориентировавшегося преимущественно на Восток Секта.

Старый фельдмаршал явно симпатизировал интересному офицеру. Он даже позволял ему появляться в обществе в гражданском костюме. Несмотря на свои крупные политические интересы, Шляйхер был очень живым человеком со склонностью к экстравагантности. Не обладая на первый взгляд импозантной внешностью, молодой человек долгое время вел холостяцкий образ жизни и благодаря признанному всеми шарму пользовался чрезвычайным успехом у женщин. Но особенно был симпатичен Гинденбургу этот «человек будущего» в немецкой политике своим устремлением к реставрации. Только в восстановлении монархии Шляйхер видел для рейха шанс снова добиться славы, признания и преодоления «бездуховной» демократической системы.

Но все это были пожелания на будущее. А теперь Гинденбург снова должен был заниматься формированием правительства. При этом он

горячо выступал за участие в нем немецких националистов. А социал-демократов на основании речи Шейдемана в рейхстаге, направленной против различных махинаций рейхсвера (секретных контактов с Красной Армией, нелегальных поставок боеприпасов и производства вооружения), наоборот, хотел исключить из коалиции. Наконец 29 января 1927 года после сложных переговоров было сформировано правительство во главе с канцлером Марксом, в которое наряду с членами Центра, Немецкой народной партии и одним представителем Баварской народной партии вошли четыре немецких националиста.

В течение всей своей жизни Гинденбург ни в грош не ставил демократию и партийную политику. Теперь же, сталкиваясь со спорящими фракциями в рейхстаге чаще, чем ему этого бы хотелось, рейхспрезидент чувствовал, как его неприязнь еще более укреплялась. Где было национальное единство, к которому он то и дело взывал? Все чаще маршал вспоминал о своих опасениях увязнуть в «низменностях» парламентаризма. Как первый немец и одновременно как третий судья между партиями и идеологиями, он теперь вел жизнь, в правильности которой постоянно сомневался.

Особенно его одолевали сомнения, когда в памяти возникало недавнее прошлое. Все чаще открывались старые раны. 18 сентября 1927 года рейхспрезидент принял участие в празднике по поводу освящения памятника битвы под Танненбергом. Фельдмаршал в свое время одобрил проект, напоминавший средневековые орденские замки: гигантское восьмиугольное сооружение наподобие крепости — монументальное строение изысканной безобразности, возвести которое позволило частное финансирование. Гинденбург, прибывший в сопровождении рейхсканцлера после посещения маневров рейхсвера, торжественно, с большой грустью открыл монумент в память о прошлых «великих временах». Социал-демократическое министерство Пруссии демонстративно осталось в стороне, так же как и республиканский «черно-красно-золотой Железный фронт», зато в торжествах принимали участие союзы «Стального шлема» и национал-социалистические группировки.

В речи рейхспрезидент ясно выразил свою позицию в отношении острой международной проблемы: «Обвинение Германии в развязывании этой крупнейшей из всех войн мы опровергаем, единодушно его отвергают все слои немецкого народа! Не зависть, ненависть или желание захватов вложили меч в наши руки. Война была для нас крайним средством самоутверждения в мире врагов, связанным с тяжелейшими жертвами всего народа. С чистым сердцем мы выступили на защиту нашей Родины, и чистыми руками немецкая армия направляла свой меч. Германия в любой момент готова доказать это

перед независимыми судьями! В бесчисленных могилах, являющихся знаком немецкого героизма, покоятся без различия люди всех партийных расцветок. Тогда они были едины в любви и верности общему Отечеству. Поэтому пусть об этот памятник постоянно разбивается внутренняя распря; это будет место, где соединятся руки всех, кто питает чувство любви к Родине, для которых немецкая честь превыше всего»⁹.

Людендорф в сопровождении второй жены тоже присутствовал на празднике. Врач и религиозный философ Матильде фон Кемниц помогла ему не только во время опасной операции, связанной с опухолью щитовидной железы. Под влиянием супруги генерал покинул церковь и занялся изучением «тайных доктрин» масонства и еврейской каббалы. Некогда могущественный военачальник помешался на идее, что существованию германизма угрожают рвущиеся к власти «надгосударственные силы». В Танненберге Людендорф подчеркнуто неуважительно относился к Гинденбургу. Так, накануне церемонии отказался участвовать в официальном банкете, который давал Хайе в Алленштайне. Он не хотел встречаться с фельдмаршалом, а присутствовавшего здесь же канцлера Маркса посчитал «римско-верующим рейнским сепаратистом». Во время торжественного открытия памятника фельдмаршал подошел к Людендорфу и подал ему руку со словами: «Как я рад видеть вас. Я никогда не забуду, чем были вы для меня тогда». При этом Людендорфу показалось, что его встретил «злбный взгляд» президента. Поэтому он демонстративно отошел от Гинденбурга на несколько шагов. Тем не менее фельдмаршал предложил ему вместе объехать строй войсковых частей и военных союзов. Упрямый генерал отказался и поехал во втором автомобиле, следовавшем за президентом. После этого Людендорф принимал парад частей в стороне от трибуны, на которой собрались Гинденбург, Маркс, генералы и другие почетные гости. Он встал таким образом, что проходившие маршем видели его первым и принимали равнение раньше, чем это было нужно. Гинденбург был ошеломлен неожиданной враждебностью своего бывшего соратника. «Он прочно засел в моем старом сердце», — заявил он сотрудникам бывшего штаба Обер-ост, ударяя себя в грудь.

Бывший кайзер снова прислал телеграмму из Доорна, которую президент должен был зачитать в Танненберге, подчеркнув при этом историческое величие Гогенцоллернов. Однако Гинденбург избежал открытой провокации, огласив послание только офицерам накануне вечером во время банкета. Правда, «Кройццайтунг» подлила масла в огонь, опубликовав телеграмму Вильгельма, и снова повергла в тревогу общественность республики. Официальная речь рейхспрезидента в Танненберге с неудовольствием была воспринята и за грани-

цей, на Западе. Штреземан, как раз в это время добивавшийся в Лиге Наций сокращения союзных оккупационных войск, выслушал немало упреков в неблагодарности. Государства Антанты отплатили Гинденбургу, не послав ему поздравлений по случаю восьмидесятилетия.

Воспринято это было как нанесение оскорбления немецкой нации. Ольденбург-Янушау начал акцию по сбору средств для приобретения Нойдека в восточных провинциях, спасенных от разорения во время мировой войны благодаря «полководческому искусству» старого генерала. Рейхсканцлер отказался от покупки имения в подарок президенту за счет государства или Пруссии. Последнее поместье Гинденбургов, Нойдек, престарелая невестка президента уже не смогла больше содержать. Поэтому и было решено выкупить поместье, стоившее около миллиона марок, но которое было гораздо меньше, чем многие другие восточно-эльбские имения, и подарить его «в знак благодарности Гинденбургу» в связи с восьмидесятилетием. Тем более что прецедент был — «пожертвование Бисмарку», когда основателю империи к семидесятилетию было подарено поместье Шёнхаузен, утраченное его семьей.

Приобретение Нойдека состоялось за счет пожертвований из Восточной Пруссии и Силезии, от солдатских союзов, немецких промышленников и восточно-пруссских аграриев. Имение было записано на имя сына Оскара фон Гинденбурга. За фельдмаршалом оставалось пожизненное право пользования. Через год состоялась закладка нового господского дома. В 1930 году президент переехал на виллу, у входа которой стояли две трофейные русские пушки. От дома на Зелльхорстштрассе он отказался. До сих пор для летнего отдыха ему служили баварский Дитрамцель и рубленый дом у Вербеллинзее в бренденбургском Шорфхайде.

Рейхспрезидент питал надежду, что в последние годы жизни сможет уединяться от суеты берлинской политики в Нойдеке, однако вскоре с разочарованием убедился: даже в своем поместье полностью от повседневных проблем ему не уйти. Его даже упрекали в том, что, получив Нойдек в подарок, он оказался слишком тесно связанным с восточно-эльбскими крупными землевладельцами. Во всяком случае, они действительно посещали президента в Нойдеке, чтобы склонить его на свою сторону.

Сумму второго подношения — «Дара Гинденбургу от немецкого народа» — юбиляр направил в помощь пострадавшим от войны. Был образован фонд, которым управлял попечительский совет из 15 человек, включая президента рейхстага Лёбе; в него вошли также крупные банкиры и промышленники. Кроме того, имперское правительство подарило фельдмаршалу столовый сервиз из 500 предметов стоимостью в 40 000 марок. В свое время Фридрих Великий заказал его у Бер-

линской фарфоровой мануфактуры для городского замка в Бреслау. Государственный баварский монетный двор выпустил в частном порядке «Медаль Гинденбурга». Для так называемой с 1918 года «Башни Гинденбурга» в главном доме Немецкого ордена в Мариенбурге государством было выделено 75 тысяч марок.

В течение трех дней, пока шло чествование президента, в народе наблюдалось редкое единство. Лишь исходили злобой Людендорф и его последователи да коммунисты кричали о милитаристских и имперских устремлениях Гинденбурга. В церкви Св. Троицы его общины был отслужен благодарственный молебен, после которого уважаемые лица из Германии и из-за рубежа поспешили поздравить президента лично. Молодежь собралась чествовать пожилого юбиляра на берлинском стадионе, вдоль дороги к которому выстроились 60 тысяч ветеранов. Всего в праздновании восьмидесятилетия приняли участие несколько сот тысяч человек, пришли поздравления и от немцев, проживавших за границей: из Мадрида и Гётеборга, Сан-Паулу, а также из Австрии, многие влиятельные круги которой не перестали желать аншлюса с Веймарской республикой.

В январе 1928 года Гинденбург назначил своего бывшего генерал-квартирмейстера Грёнера на должность министра рейхсвера вместо Геслера. Поводом послужило опубликование рейхстагом материалов о нарушениях положений о разоружении со стороны рейхсмарине. Статус Геслера, непрерывно руководившего министерством рейхсвера в течение восьми лет в четырнадцати кабинетах, сильно пошатнулся. Сначала Гинденбург представил на эту должность Франца фон Папена, бывшего офицера Генерального штаба, обосновавшегося теперь на правом фланге Центра. Однако рейхсвер был против этой кандидатуры. С другой стороны, Шляйхер выступил за своего бывшего покровителя. Естественно, немецкие националисты были против «революционного генерала» Грёнера и поддержали его бывшего контрагента генерала Шуленбурга, карьера которого должна была завершиться в качестве национал-социалистского депутата рейхстага. Демократическая народная партия выступила за своего эксперта в области флота адмирала Брюнингхауза. Но голос Шляйхера уже имел достаточный вес, поэтому Гинденбург решил в пользу своего бывшего близкого советника.

Правительственной коалиции было суждено разбиться о проект христианского школьного закона. Дискуссия ясно показала различия между Немецкой народной партией и другими правыми буржуазными партиями. Так как в 1928 году парламент должен был быть переизбран, Гинденбург 31 марта распустил рейхстаг и назначил день проведения новых выборов на 20 мая. Немецкие националисты во время избирательной кампании активно выступили за увеличение

властных полномочий рейхспрезидента, пытаясь использовать в своих целях его портреты, на что маршал ответил запретом и разъяснил Немецкой народной партии, называвшей себя «партией Гинденбурга», что не принадлежит ни к какой подобной организации.

Исход выборов показал, что маятник значительно качнулся влево. Больше всего выиграли социал-демократы, в проигрыше явно оказались немецкие националисты. Потерю голосов вынуждены были отметить все партии буржуазного блока. СДПГ, принявшую решение участвовать в правительстве, не представилось возможным обойти. Гинденбургу пришлось поручить социал-демократу формирование нового правительства, высоко оценив, на удивление самому себе, личность умеренного, популярного председателя партии Германа Мюллера. Пятидесятишестилетний уроженец Мангейма тоже был человеком долга и компромисса. В свое время он, будучи министром иностранных дел, с тяжелым сердцем подписал в Версале мирный договор. Фельдмаршал даже как-то признался Грёнеру, что Мюллер — лучший канцлер из всех, что у него до этого были.

После долгих переговоров и предложения Гинденбурга сформировать правительство с Немецкой народной партией, которое возглавил бы Эрнст Шольц, была наконец создана большая коалиция СДПГ, Немецкой демократической партии, Немецкой народной партии и Центра. Правительство Мюллера как по широте охвата (от социал-демократов до умеренных правых), так и по качеству не было в обычном смысле слова партийным и вполне соответствовало идеалу Гинденбурга — кабинету национального единства.

Однако чем дольше Гинденбург находился у власти, тем больше замечал, что вызывает разочарование, а то и непонимание, раздражение правых. Если «Стальной шлем» еще соблюдал приличия, чтобы не повредить величию Гинденбурга, то пангерманцы, возглавлявшиеся советником юстиции Генрихом Классом, и бывший кронпринц открыто критиковали президента. Они возложили на маршала ответственность за то, что, с их точки зрения, после его вступления в должность дела пошли еще хуже. Тем, кто в большинстве поддерживал кандидатуру полководца, казалось теперь, что он предал их дело. Выражая свое неуважение, национальные круги теперь все чаще говорили с неодобрением о «господине фон Гинденбурге».

Президент же пытался представлять интересы недовольных им правых, особенно в тех случаях, которые были ему жизненно близки. Так, он энергично поддержал строительство тяжелого крейсера «А», который должен был стать, по мнению националистов, символом возрождающегося величия Германии. В этом вопросе Гинденбург поддерживал министра рейхсвера Грёнера, партию Центра и Немецкую народную партию против сомневавшихся в необходимости

строительства СДПГ и Немецкой демократической партии. Стремительного распада коалиции удалось избежать. Однако депутаты от СДПГ вновь выступили против закладки броненосного крейсера и компрометировали социал-демократических министров, призывая в рейхстаге голосовать в первую очередь за исполнение предвыборных лозунгов, в которых говорилось и о том, чтобы сэкономленные деньги направлять на бесплатное питание для детей в народных школах.

В действительности Гинденбургу никогда даже мало-мальски не удавалось удовлетворить чаяния своих бывших военных товарищей и сторонников. Ему было очень неприятно, что правые упрекали его в пассивности по отношению к «общему делу». С одной стороны, он не мог понять, почему эти люди не хотят признать его заботу о государственных интересах, с другой — маршал все еще чувствовал свою принадлежность к кругам, высоко ценившим кайзеровскую Германию. В обстоятельном разговоре с Вестарпом он выразил свое стремление к покою в Нойдеке и даже заверил старого консерватора, что тоже вступит в национальную оппозицию. Осенью 1928 года Гинденбург стал свидетелем резкого рывка вправо двух крупных партий Веймарской республики. Радикальный Гутенберг сменил сравнительно умеренного Вестарпа на посту председателя Немецкой национальной народной партии. Людвиг Каас, прелат и церковный законник из Трира, встал во главе Центра вместо уставшего от исполнения служебных обязанностей Вильгельма Маркса. Новый председатель не делал секрета от общественности из своей склонности к авторитарному управлению государством и к «вождизму высокого стиля». После того как требование Центра о трех местах в кабинете не было выполнено, в скором времени его представители вышли из правительства, которое из-за этого потеряло большинство в рейхстаге. Такие события были лишь дополнительными доказательствами отсутствия единства даже среди так называемых веймарских партий и кризиса парламентской системы в Германии.

Следующий год принес для Гинденбурга еще одну большую проблему, связанную с ожесточенными спорами вокруг «плана Юнга». Ее решение хотя и давало преимущество уже потому, что снова обеспечивало в политико-экономическом отношении суверенитет Германии, но рейх теперь должен был выплачивать репарации и в случае экономического кризиса. Перспектива отчисления в течение 59 лет этих денег на общую сумму 34,5 миллиарда золотых марок действовала удручающе.

Принятие Германией нового соглашения о репарациях дало республике возможность сделать еще один решительный шаг в вопросе оккупированного Рейнланда: на конференции с участием союзни-

ков и Германии в Гааге в 1929 году было достигнуто соглашение о выводе оккупационных войск из этого района раньше срока. После того как первая зона была уже освобождена в конце 1925 — начале 1926 года, отвод союзных войск из второй зоны предстоял 30 ноября 1929 года. И наконец, третья зона должна была быть очищена от оккупационных войск на пять лет раньше, чем было предусмотрено Версальским мирным договором, а именно до 30 июня 1930 года. Новый премьер-министр Франции, социалист Аристид Бриан, кроме того, согласился на переговоры с Германией о Саарской области, будущее которой, как это предусматривалось ранее, должен был решить референдум только в 1935 году.

Крайне правые проклинали «план Юнга» и считали неприемлемыми связанные с ним экономические трудности. Немецкая национальная народная партия, «Стальной шлем», Пангерманский союз и национал-социалисты выступили за референдум против «плана Юнга» и «лжи о виновности в развязывании войны». Национальная оппозиция, или «Имперский комитет за немецкие народные требования», как она себя называла, внесла проект закона, по которому от правительства требовалось объявить зарубежным государствам в официальной форме, что вынужденное признание в Версале вины за развязывание войны противоречит исторической правде и поэтому является необязательным с точки зрения международного права. Статья мирного договора о виновности в войне должна быть отменена, а вследствие этого не должны осуществляться новые выплаты и обязательства, содержащиеся в «плане Юнга». В проекте закона сначала даже предусматривалась статья, по которой рейхспрезиденту, канцлеру и членам правительства грозило тюремное заключение на срок не менее двух лет, если они будут подписывать международные договоры, противоречащие закону. Несмотря на критику в свой адрес, председатель «Стального шлема» Франц Зельдте не захотел предъявлять почетному члену своего союза такие несправедливые требования и вместе с немецкими националистами внес изменение, снимавшее с рейхспрезидента угрозу наказания.

Несмотря на это, фельдмаршал ясно дал понять, что он против грозящих тюрьмой параграфов; воспротивилось этим «народным требованиям» и правительство. Сторонники и противники обратились за разрешением спора к президенту, вызвав недовольство Гинденбурга тем, что его втягивают в общественные противоречия. Он заявил рейхсканцлеру Мюллеру, что никого не уполномочивал говорить от его имени и намерен о своем окончательном решении объявить только тогда, когда сочтет нужным. Под требованием о проведении референдума подписались 10,02 процента граждан, имевших право голоса, на 0,02 процента больше, чем требовалось, и рейхстаг,

как и ожидалось, большинством голосов отклонил «Закон о свободе». Во время плебисцита, проведенного в соответствии с конституцией 22 декабря 1929 года, в конечном счете за «Закон против порабощения немецкого народа» проголосовало 13,8 процента. Это составляло 5,8 миллиона человек. Однако для принятия этого документа требовалось более 21 миллиона голосов «за».

В ходе дискуссии, развернувшейся вокруг «плана Юнга», рейхспрезидент столкнулся с еще большей враждебностью правых. Его старые сторонники, такие как Национальный союз немецких офицеров, все больше отдалялись от него. Людендорф в своей газете «Людендорфс фольксварте» («Народная стража Людендорфа») среди прочего опубликовал следующие строки: «Генерал-фельдмаршал фон Гинденбург по законам старой армии утратил право носить солдатский мундир старой армии цвета фельдграу¹⁰ и быть в нем похороненным»¹¹. Национал-социалисты атаковали президента с невиданной жесточечностью и представляли его старым человеком, не имеющим понятия о политике и находящимся под влиянием своей свиты. В рейхстаге они отказывались устанавливать с ним какое-либо политическое взаимопонимание, считая его марионеткой определенной честолюбивой политической группы, камарильи вокруг его сына Оскара и Курта фон Шляйхера. При этом рейхспрезидент принимал большое участие в разработке и осуществлении «плана Юнга», постоянно вызывая к себе для доклада с глазу на глаз нового министра иностранных дел Юлиуса Куртиуса. В своей большой записной книжке он помечал все вопросы, на которые требовал точных ответов.

Естественно, Гинденбург во время дискуссии о принятии или отклонении «плана Юнга» получал несметное количество писем, в которых различные объединения, союзы и отдельные лица требовали от президента отклонить этот документ. Глава государства не должен был вызвать недоверие к своему имени прославленного полководца и просто отказать в подписи. В конечном счете после тщательного взвешивания всех аргументов Гинденбург счел «план Юнга» политически прогрессивным. Он казался ему значительным шагом вперед «на пути постепенного сбрасывания политических пут Версальского договора и ослабления его финансового бремени». Это будет, как он уверял своего старого офицера-коллегу, существенным финансовым облегчением по сравнению с «планом Дауэса». Каким бы неудовлетворительным ни был проект Юнга, выплаты по нему были намного ниже, чем прежние. Но замысел, заключающийся в том, чтобы, вызвав кризис, «катастрофу Дауэса», добиться снижения немецких выплат, он считал практически невыполнимым. К тому же «план Юнга» содержал возможность его ревизии. «Полный отказ от Версальского

договора», как того требовали Макензен и Тирпиц, «повлек бы, по видимому, за собой с внешнеполитической точки зрения возобновление старой политики санкций и оккупацию немецких территорий на западе французами и бельгийцами, на востоке — поляками и чехословаками, а внутри страны вызвал бы тяжелые экономические и политические потрясения». Вместо «свободы» это могло бы привести к «распаду Германии и введению коммунистических и большевистских методов правления в отколовшихся государствах». В связи со сложившимся соотношением сил альтернатива войны была исключена с самого начала. В соответствии с этим Гинденбург отказывался от любой политики силы и выступал за взаимопонимание: «Я согласен с тем, что чувство и восприятие солдата, которому претят многолетние унижения и принуждения со стороны наших противников в войне, побуждают к сопротивлению как единственно правильному выходу из положения; но холодный расчет и чувство ответственности за нацию и ее будущее, при отказе от всех личных амбиций, должны помочь найти другой путь»¹².

Всегда такой спокойный и невозмутимый, фельдмаршал тяжело страдал от обвинений в национальной измене и от отчуждения своих коллег-офицеров. Партийный съезд немецких националистов на этот раз даже не направил ему обычного приветствия. Он переживал ужасное время, начал страдать бессонницей. Разрываясь между государственными интересами и собственной политической и общественной принадлежностью, Гинденбург все больше чувствовал себя неуверенным, даже хотел «переписать» «план Юнга» хотя бы относительно вывода войск из земли Саар.

После зрелых рассуждений и благодаря силе убеждения правительства он все же его подписал. Несмотря на тяжелые сомнения, как президент сообщил нации, он пришел к выводу, что «план Юнга» по сравнению с «планом Дауэса» все же лучше и принесет облегчение, отказ же от первого, по его мнению, приведет к непредвиденным последствиям для немецкой экономики и финансов. Это может повлечь за собой тяжелейший государственный кризис. Однако казалось, что правые окончательно покинули его свиту. В редакционной статье «Дойче цайтунг» Класс обвинил его в катастрофической некомпетентности. «Стальной шлем» ожесточенно дискутировал по поводу лишения Гинденбурга почетного членства. Хотя дело до такого шага не дошло, так как при голосовании не хватило для этого голосов, фельдмаршал немало пережил из-за потери доверия со стороны старых соратников. Они в свое время видели в нем «блюстителя трона» кайзера, регента рейха, который бы привел Германию к былому величию. Вместо того чтобы авторитарно, железной рукой снова ввести правление от демократии, он, как казалось правым, беспо-

мощно запутался в партийных распрях Веймарской республики. То что убежденный монархист так строго придерживался конституционной присяги, усиливало критику антиреспубликанских сил. На фоне разобщенности рейхстага и постоянных правительственных кризисов Гинденбург, казалось, действительно оставался надежной опорой государства. В связи с временной неработоспособностью парламента часть законодательной компетенции перешла к президенту, что легло тяжелым грузом ответственности на плечи старого человека. Однако ум его был на удивление ясным. Ежегодный грипп, которым Гинденбург всегда болел в конце зимы, он переносил сносно. Врачи лечили его от застарелых болей в колене, но к этому он старался не привлекать внимания. Посопротивлявшись некоторое время, он все же согласился на установку лифта в президентском дворце.

После принятия «плана Юнга» Гинденбург был намерен уволить в отставку кабинет Мюллера. Он больше не хотел сотрудничать с социал-демократией, на что не в последнюю очередь оказал влияние Шляйхер. Вместе с рейхсвером и «молодыми силами в парламенте» президент планировал привести перед своей смертью дела «в порядок». С некоторого времени Гинденбург обсуждал со своими советниками образование правого, независимого от партий кабинета, наделенного особыми полномочиями статьи 48, гласившей: «Рейхспрезидент может в случае возникновения в Германской империи угрозы общественной безопасности или нарушения порядка принимать нужные меры для их восстановления, при необходимости действовать с помощью вооруженной силы. В этих целях он может временно... полностью или частично отменить основные права. Обо всех мерах... принимаемых в соответствии с этой статьей, рейхспрезидент должен незамедлительно поставить в известность рейхстаг. По требованию последнего меры эти должны быть отменены».

План «независимого президентского правительства» особенно горячо поддерживал Шляйхер, тем временем произведенный в генерал-майоры и занимавший с апреля 1929 года должность руководителя управления в министерстве рейхсвера в ранге статс-секретаря. При этом из такого правительства, безусловно, исключалась бы СДПГ, устанавливалась «конституционная диктатура», которой не требовалось большинства в рейхстаге. Канцлер должен был управлять с помощью декретов вместо законов, а его авторитет подкреплялся бы доверием главы государства. Было вполне логично, что Гинденбург при этом думал о таком человеке, которого уже хорошо знал лично, как, например, о вюртембергском генерале Гальвице, но и о «сером кардинале» Шляйхере, чьи советы тем временем приобрели для него большое значение. Он также допускал обсуждение кан-

дидатуры умеренного немецкого националиста или представителя правого крыла Народной партии.

Сам Шляйхер отстаивал назначение новым канцлером Брюнинга. По своим консервативным убеждениям последний был близок фельдмаршалу, вызывал симпатию у правых, получил высокую оценку СДПГ за свои социальные воззрения. Будучи фронтовиком, он заслужил Железный крест 1-го класса, который носил даже на своем штатском костюме¹³. Такой человек, думал Гинденбург, умеет себя вести и должен пользоваться доверием рейхсвера. Президент пригласил его к себе. В феврале 1930 года Брюнинг, вновь избранный руководителем фракции Центра в рейхстаге, побывал у него. Они поделились воспоминаниями о войне.

В отличие от фельдмаршала сорокачетырёхлетний Генрих Брюнинг не обладал внушительной внешностью. Но то, что он в свое время пошел добровольцем на фронт, был ранен, награжден и произведен в лейтенанты запаса, убеждало старого генерала в правильности выбора этого холостяка родом из Мюнстера. Поэтому президент тешил себя мыслью, что назначит рейхсканцлером этого трезвомыслящего, аскетичного человека. Тем более что Шляйхер и Грёнер сумели представить дело так, что подобное правительство ему будет больше по вкусу. В ноябре 1918 года Брюнинг служил в части контрреволюционной «Группы Винтерфельдта». С 1924 года этот христианско-национальный профсоюзный деятель являлся депутатом рейхстага. Ему как католику была присуща подчеркнутая сдержанность, но при каждом удобном случае он демонстрировал свой патриотизм. Умеренный монархист в глубине души, он, являясь прагматичным политиком, демонстративно действовал как республиканец.

Президент и его советники постепенно готовили смену правительства. Расколотым между Гутенбергом и Вестарпом немецким националистам намекали, чтобы они не бойкотировали «кабинет Гинденбурга», «антипарламентское и антимарксистское правительство», иначе фельдмаршал вообще не освободится от «правления вместе с социал-демократами». 1 марта рейхспрезидент снова принял Брюнинга. Без обиняков Гинденбург спросил председателя фракции, поддерживает ли Центр правительство, отличающееся от современного. Однако Брюнинг хотел как можно дольше сохранять Большую коалицию, так как еще необходимо было принять «план Юнга» и другие важные законы о реформе. И действительно, кабинет снова сплотился. Поэтому Гинденбург пообещал как Брюнингу, так и Мюллеру обеспечить правительству полномочия в соответствии со статьей 48. Его ближайшие советники — прежде всего Шляйхер и Грёнер — на самом деле не были согласны с этим.

Теперь рейхспрезиденту пришлось оказать давление на правительство. Под нажимом восточно-эльбских аграриев Гинденбург считал своим «долгом совести» срочно потребовать от рейхсканцлера Мюллера как можно скорее оказать соответствующей программой помощь восточно-прусскому сельскому хозяйству, находившемуся в плачевном состоянии. Чтобы придать данным требованиям еще больший вес, он распорядился опубликовать свое письмо. Но правительство действовало совсем не так быстро, как этого бы хотелось, что и подорвало последнее доверие президента к Мюллеру. Гинденбург дал понять, что не желает сохранять социал-демократического канцлера дольше, чем в этом была безусловная необходимость. Нашептывания Шляйхера возымели успех, теперь на посту канцлера фельдмаршал хотел видеть Брюнинга. Мюллеру же он больше не намеревался предоставлять полномочия в соответствии со статьей 48. Когда СДПГ и качнувшаяся вправо Народная партия под влиянием мирового экономического кризиса не смогли прийти к единому мнению по вопросу оказания помощи безработным — введенное в 1923 году страхование по безработице в январе должно было оказывать поддержку уже 3,2 миллиона человек, — кабинет Мюллера 27 марта ушел в отставку. Это был исторически значимый шаг, так как с ним закончился последний период правления кабинета парламентского большинства в Веймарской республике.

Рейхспрезидент апеллировал не только к национальному чувству долга офицера запаса Брюнинга, но даже угрожал, что сам подаст в отставку, если тот откажется принять канцлерство. Уже через три дня после ухода кабинета Мюллера было назначено новое правительство. Очевидно, что Гинденбург и его советники проделали всю работу заранее. Хотя восемь из двенадцати министров и принадлежали к Большой коалиции, однако новые руководители ведомств придавали «кабинету Гинденбурга» значительный правый уклон. Один из них — президент крупнейшего объединения, представлявшего интересы аграриев, «Рейхсландбунда», — Мартин Шиле, которому Гинденбург отдавал предпочтение, своими широкими требованиями угрожал сразу же вновь взорвать коалицию. Президент счел необходимым вмешаться, хотя при этом и поддержал силой своего авторитета намерения своего протеже в аграрном секторе.

Правительство, называвшееся «кабинетом фронтовиков», так как состояло из подлинных участников мировой войны, пользовалось большой поддержкой, и в первую очередь — доверием главы государства. Кабинет, подкрепленный с тыла такой сильной личностью, как Гинденбург, вселял надежды, но не мог их реализовать, потому что президент быстро вновь отошел с передовой линии назад. Он отказался публично выступить за «свое» правительство, да и канцлер

как будто этого не требовал. Оппозиция тут же воспользовалась такой пассивностью и обвинила Брюнинга в том, что он возглавляет обычный партийный кабинет, который только бессовестно прикрывается именем фельдмаршала. В действительности же Гинденбург продолжал оказывать влияние на работу правительства, когда, например, постоянно настаивал на оказании скорейшей помощи восточно-прусскому сельскому хозяйству. Это было для него настолько важным делом, что он не мог скрыть столь необычного для него нетерпения.

Летом 1930 года программой президента предусматривалась поездка в освобожденный Рейнланд. Накануне глава государства приложил все силы к снятию запрета на деятельность «Стального шлема» в Вестфалии и Рейнланде, введенного за год до этого. Полувоенные учения «Стального шлема» не только нарушали Версальский договор, но и угрожали окончательному выводу оккупационных войск из Рейнланда. После утверждения «плана Юнга» и вывода войск Антанты старый генерал уже не хотел принимать во внимание дипломатические расчеты. Почетный член «Стального шлема», Гинденбург снова, под давлением потока просьб и жалоб со стороны правых, был не в состоянии посещать те земли, в которых объединение старых фронтовиков было запрещено по решению правительства рейха. Так, свое появление там он поставил в зависимость от снятия запрета.

Для доказательства солидарности с тем «Стальным шлемом», который его почти что исключил, маршал был также готов оказать сильнейшее давление на прусское правительство, которое в случае снятия запрета на эту организацию поколебало бы свой авторитет. Ему особенно не мешало то обстоятельство, что «Стальной шлем» обрушивался с публичными нападками на министров внутренних и иностранных дел Йозефа Вирта и Юлиуса Куртиуса, считавших запрет законным. Президент даже потребовал от Брюнинга вступить за «Стальной шлем», к которому канцлер и без того питал определенные симпатии. В конце концов прусское правительство было вынуждено сдаться, хотя и руководители «Стального шлема» должны были заявить, что в будущем не допустят нелегальных военизированных учений.

Внешняя политика при Брюнинге приняла национальную направленность, а именно этого и ждал Гинденбург от своего канцлера. В его духе было и то, что немецкая сторона прервала двусторонние переговоры по решению Саарского вопроса и, сверх того, ответила ясным отказом на «план Бриана» о европейском союзе государств. Не было ни одного шанса, что в Берлине согласятся на объединение Европы под эгидой Франции, тем более когда снова начала набирать

силу идея ориентированной экономически и политически на Германию Срединной Европы: министр иностранных дел Куртиус вместе с Веной в качестве первого шага к осуществлению этого плана стремился к созданию германо-австрийского таможенного союза. Однако замысел потерпел неудачу из-за возражений Франции и Малой Антанты.

Хотя Брюнинг был специалистом в налоговых вопросах, на фоне Великой депрессии ему не удалось снизить дефицит бюджета, который постоянно возрастал; инвестиции снижались, и марка попала под сильное давление. К тому же продолжала расти численность безработных. Брюнинг намеревался ответить на это дефляционными мерами. Цены должны были удерживаться на низком уровне при сохранении стоимости валюты на международном рынке. Поэтому правительство было вынуждено ввести новое налогообложение. Его меры были направлены на увеличение поступлений и сокращение расходов как имперского правительства, так и правительств земель; кроме того, предусматривалось определенное ограничение помощи безработным.

Но рейхстаг не принял этот проект. Брюнинг отправился к рейхспрезиденту, и тот 16 июля издал два первых чрезвычайных внепарламентских постановления. СДПГ при поддержке немецких националистов, возглавляемых Гутенбергом, через два дня внесла в рейхстаг предложение об отмене президентских указов. В ответ на это Гинденбург распустил рейхстаг. Чрезвычайные постановления были отменены, и определен срок новых выборов. Меньше чем через неделю президент издал новое всеохватывающее «Внепарламентское постановление о преодолении финансового, экономического и социального чрезвычайного положения». При его подписании он сначала сказал: «Господи, дай на то свое благословение», а при последнем росчерке пера добавил: «Черт поberi всех тех, кто попрет против этого!»¹⁴

В течение последовавшей предвыборной кампании, омраченной кровавыми столкновениями между национал-социалистами и коммунистами, во время которых имелись человеческие жертвы, Гинденбург держался в тени. Отказавшись поддерживать свое правительство, он предпочел снова, ссылаясь на свой надпартийный статус, оставить трезвомыслящего интроверта¹⁵ Брюнинга, обращенного к внутренним переживаниям, одного с его спокойными речами в избирательной борьбе; хотя он как рейхспрезидент оставался центральной фигурой немецкой политики.

Результат похода к урнам 14 сентября 1930 года показал, что население недовольно политикой Брюнинга и что страна однозначно поляризовалась. Это подтвердила прежде всего агитация национал-социалистов, увлекшая за собой многих, кто раньше не участвовал в

выборах, а также либералов и консерваторов. Национал-социалисты сделали скачок с 12 до 107 мандатов и стали второй по силе партией; существенного выигрыша удалось добиться и коммунистам. Напротив, немецкие националисты потеряли почти половину своих избирателей, существенную неудачу потерпела и СДПГ. Обе либеральные группировки, Немецкая народная партия и Немецкая государственная партия (бывшая Немецкая демократическая партия), снова проиграли. Число мандатов у обеих католических партий, Центра и Баварской народной партии, умеренно сократилось.

Во всяком случае, Гинденбург оставил кабинет в его прежней форме. Бесспорным для фельдмаршала явилось участие в правительстве по-прежнему наиболее сильной по числу полученных голосов партии СДПГ. Но он с удовольствием занялся вопросом о введении в правительство дополнительно того или иного немецкого националиста, посчитав, однако, полностью неприемлемым требование Гитлера о назначении министров внутренних дел и рейхсвера из числа национал-социалистов, сославшись при этом на Центр, Баварскую народную партию и Государственную партию, которые, как и прежде, уклонялись от коалиции с НСДАП. Кроме того, президент проявлял единство взглядов с немецкими промышленниками и рейхсвером, которые в тот момент тоже не хотели ничего слышать об участии национал-социалистов в правительстве. В результате выборов Брюнинг попал в еще большую зависимость от доверия президента. Вместе с тем он мог утешаться перспективой, что сможет участвовать в новых выборах только в 1934 году, надеясь, что к тому времени Германия оправится от экономических потрясений и пойдет на убыль поддержка, получаемая национал-социалистами. К тому же СДПГ была готова «с целью избежания правой диктатуры» поддержать его правительство в важнейших вопросах, даже если не будет в нем представлена. Фельдмаршал воспринял сотрудничество между правительством и социал-демократами с большим неудовольствием. Политики-реалисты из СДПГ из-за своей терпимости по отношению к правительству и его мерам в области экономии снова были обвинены в «предательстве рабочего класса». А социал-демократия, действовавшая в интересах сохранения системы и готовая терпеть болезненную санацию¹⁶ «канцлера голода», передала свою оппозиционную роль почти исключительно национал-социалистам.

Противники «плана Юнга» почувствовали поддержку своего мнения в связи с мировым экономическим кризисом и безработицей в Германии, достигшей четырех миллионов человек. Как они и предсказывали, по рейху распространялась нищета, и в этом обвиняли главным образом за границу. Страдания народа в Германии не в последнюю очередь были связаны с репарациями. Объявленный в мар-

те 1931 года без достаточной дипломатической подготовки проект таможенного союза с Австрией еще больше усилил это впечатление из-за резкого противодействия Франции. Рейху необходимо было, прежде всего в военном отношении, снова стать великой державой, чтобы эффективно противостоять антинемецкой политике западных держав. С точки зрения правых, Брюнинг и веймарская система были слишком слабы для этого.

Напротив, Гинденбург твердо поддерживал канцлера и его меры по экономии. 5 июня 1931 года президент подписал «Второе чрезвычайное внепарламентское постановление по сохранению экономики и финансов». На деле оно обещало крайне непопулярную программу, предусматривавшую снижение пенсий инвалидам и жертвам войны, уменьшение помощи безработным и нормы кризисной компенсации. Кроме того, были сокращены оклады чиновникам и служащим. Превышение выплаченного налога на заработную плату не возмещалось, был введен кризисный налог как добавка к налогу на заработную плату и подоходный налог. Практически все политические лагеря, особенно национал-социалисты, реагировали на эти жесткие меры бурей негодования. Правительство рейха опасалось, что в случае проведения необходимого заседания рейхстага возникнут социальные беспорядки непредсказуемых масштабов. На этот счет Гинденбург дал согласие правительству предупредить командование рейхсвера о принятии неотложных мер для пресечения возможных волнений.

В июне Германия оказалась перед угрозой экономической катастрофы. Расходы золота и валюты из хранилищ Рейхсбанка неожиданно стремительно выросли. В середине месяца возникла опасность полного прекращения его платежей. В тот момент президент Соединенных Штатов, озабоченный дальнейшей экономической и политической дестабилизацией в Европе, призвал к введению одногодичного моратория на все вынужденные долги государства, репарации и межсоюзнические военные долги. Герберт Гувер обратился с просьбой к Гинденбургу направить ему по телеграфу сообщение о своих взглядах на обстановку в Германии, предлагая рейхспрезиденту ходатайствовать в пользу инициативы США. Его авторитет помог бы американскому президенту преодолеть трудности в Конгрессе.

Естественно, старому человеку было очень тяжело ставить свою подпись под таким ходатайством, тем более что не исключалось его отклонение. Поэтому Гинденбург сам правил проект своего послания американскому президенту. Наконец в ночь с 20 на 21 июня телеграмма была отправлена. Этим необычным шагом он попытался объяснить американскому президенту, что Германии «для того, чтобы и дальше иметь возможность участвовать в международной жизни и сохранить доверие мира», срочно нужна помощь. «Помощь должна

прийти немедленно, если мы хотим избежать большого несчастья для нас и для других. Немецкий народ и дальше должен обладать возможностью работать в сносных условиях жизни. Вы, господин президент, как представитель великого американского народа, в состоянии предпринять шаги, которые могли бы немедленно изменить обстановку, угрожающую сегодня Германии и остальному миру»¹⁷.

Через шесть месяцев в ходе дебатов в Конгрессе телеграмма была опубликована, хотя в свое время по просьбе Гинденбурга было обещано не делать ее достоянием прессы. Отсрочка международных обязательств сроком на год, осуществленная Гувером, давала возможность надеяться на окончание репарационных выплат. Продолжавшийся кризис, проявившийся особенно в развале банков, все же не позволил правительству воспользоваться успехом и в сфере внутренней политики.

С виду бесцветный, канцлер продолжал твердо проводить свою дефляционную политику, учитывая при этом экономические нужды, социальную бедность и радикализацию политической жизни. Он стремился использовать такое неблагоприятное развитие событий, чтобы окончательно решить проблему репараций в пользу Германии. За границей, по его мнению, не должны допускать и мысли, что при доброй воле рейх в состоянии оплатить свои государственные долги. Брюнинг хотел побудить кредиторов репараций отказаться от «плана Юнга». Только после этого он был намерен сильно девальвировать рейхсмарку.

Немецкие националисты во главе с непримиримым Гутенбергом, «Стальной шлем» и национал-социалисты не прекращали попыток свергнуть кабинет Брюнинга. Гинденбург тем временем все еще прислушивался к советам старой элиты и выступил за отставку министра иностранных дел Куртуса, потерпевшего неудачу с проектом таможенного союза, и несимпатичного ему министра внутренних дел Вирта. Много сил потребовалось Брюнингу, чтобы убедить президента отказаться от этой акции.

Несмотря на то, что сам Гинденбург с каждым днем все больше тревожился из-за невозможности угодить своим бывшим сторонникам и соратникам, при этом постоянно терял их доверие, позиция его на самом деле значительно укрепилась. Давно прошли те времена, когда он как президент исполнял лишь представительские функции. Учитывая внутривнутриполитическую обстановку, от него ждали последнего решения.

Больше чем когда-либо он нуждался для этого в советниках, на которых можно было бы безусловно положиться. Ими были в основном его сын Оскар, Майснер и, естественно, Брюнинг. Разумеется, самым важным человеком был славившийся своим неуравнове-

шенным характером и хитростью генерал-майор Шляйхер, начальник управления в министерстве рейхсвера. Считая, что прежде всего следует заботиться об укреплении рейхсвера, он так же, как и Майснер, пытался найти подход к национал-социалистам. Это соображение в перспективе должно было оказать свое воздействие на президента, которого удручали высокая безработица и беспокойная обстановка.

Гинденбург хотел вернуться к конституционному правительству и стремился к расширению кабинета вправо с помощью немецких националистов. Старый фельдмаршал настойчиво склонял к этому канцлера после последних выборов в рейхстаг, хотя и понимал, что своей осторожной политикой Брюнинг все больше препятствует выполнению его желания. Маршал становился все нетерпеливее, тем более что правые, такие как немецкие националисты или «Рейхсландбунд», и без того обвиняли кабинет в невыполнении воли президента.

Национал-социалисты продолжали нападать на Гинденбурга с каждым разом все неуважительнее и грубее. Верхом бестактности послужила редакционная статья «Маршал-президент» в газете «Ангрифф», берлинском органе НСДАП. В ней президентство старого маршала характеризовалось как «смертельная трагикомедия». Президента упрекали в бесхарактерности, в том, что под маской преисполненного достоинства государственного мужа скрывается не способная к действиям личность, говорилось о «гротескной незначительности» этого человека, и, наконец, ставился вопрос: «Как случилось, что этот простофиля смог стать императорским полководцем и президентом республики?». И только в конце статьи вскользь было замечено, что речь шла о французском маршале времен Наполеона III и президенте республики Мак-Магоне¹⁸.

Гинденбург не мог понять причин радикализации национального лагеря. Раньше на него постоянно нападали только крайне левые. Теперь же от старого господина уже не могло укрыться взбудораженное настроение и разочарование в массах. Повсюду его настигали политика и бедствия, порожденные временем. Он постоянно сталкивался с хулиганскими выходками со стороны приверженцев коричневых. Даже во время отъезда из Нойдека на охоту в Дитрамцель он услышал на вокзале восточно-прусского Розенберга из толпы зевак песню национал-социалистов «Проснись, Германия!». В бешенстве он крикнул демонстрантам: «Сегодня праят мужчины, а не болваны!»¹⁹

Руководствуясь желанием объединить немецких националистов с Брюнингом, Гинденбург, остановившийся проездом на несколько дней в Берлине, нашел время, чтобы принять Гутенберга, прозванно-

го за седые, подстриженные ежиком волосы Серебряным Лисом. Полтора года, с тех пор как немецкие националисты отказали правительству в своей поддержке, не принимал он этого маленького человека в очках с толстыми стеклами. Отношения между ними снова немного улучшились. Гинденбургу хотелось похоронить старые разногласия, отговорить вождя немецких националистов от совместных с НСДАП действий и склонить его к сотрудничеству с рейхсканцлером. При этом расточая похвалы Брюнингу, президент характеризовал его как человека, «одухотворенного лучшими патриотическими убеждениями», который «работает с энергией и умом и вообще является одним из самых превосходных людей», которые когда-либо встречались на его долгом жизненном пути.

Что касается согласованных действий немецких националистов и национал-социалистов, Гинденбург высказался, наоборот, неодобрительно, пояснив, что последних считает больше социалистами, чем националистами, и в целом ненадежными. Ему совсем не нравились выступления национал-социалистов, часто подстрекавших молодых людей. Так, в Восточной Пруссии они специально устроили скандальную демонстрацию во время его поездки на поле битвы под Танненбергом и даже оскорбляли его. Маршал также критически отзывался по поводу «ухода правых от ответственности», об их выходе из рейхстага, что вынудило Брюнинга укреплять сотрудничество с левыми. Гинденбургу не удалось убедить Гутенберга, который предпочел сотрудничать не с Брюнингом, а с Гитлером²⁰.

Итак, разговор с вождем националистов снова прошел неудовлетворительно, сотрудничество на широкой национально-консервативной основе казалось, как и прежде, невозможным. Разочарованный, фельдмаршал продолжил свое путешествие в Баварию. Но и там он не нашел покоя. В Дитрамсцеле его окружили крайне правые, нащепывавшие ему тенденциозную информацию против канцлера и высказывавшиеся за совместные действия с немецкими националистами и национал-социалистами.

Окончательное крушение плана таможенного союза 5 сентября 1931 года снова развязало правительственный кризис. Старый господин еще не пришел в себя от изнурительного гриппа, когда на него обрушился растерявшийся Брюнинг. Глубоко взволнованный предстоящей демонстрацией силы правых в Бад-Гарцбурге, канцлер потребовал от президента решительных политических установок, в соответствии с которыми рейхспрезидент должен был или силой подавить национал-социалистов как угрозу конституционному порядку, или включить их в новое правительство — в таком случае Брюнинг отказывался в нем оставаться.

Выздоровливающий, но уставший от болезни фельдмаршал не

смог принять решение в пользу ни одной из предложенных альтернатив. Хотя он и заверил канцлера снова в своем доверии, Брюнинг должен был реорганизовать свой кабинет, сделав его независимым от партий. Считавшийся слишком мягким Куртиус, нелюбимый Гинденбургом Вирт и министр транспорта Карл Теодор фон Герард должны были оставить свои посты. Канцлер Брюнинг сам принял ведомство иностранных дел, министр рейхсвера Грёнер после некоторой неразберихи тоже получил важное ведомство внутренних дел.

Преобразование правительства, к сожалению Гинденбурга, совсем не рассматривалось национально-шовинистическими кругами (фёлькише) как достаточный крен вправо, не произошло также сближения с постоянно жаловавшимися аграриями и представителями промышленности. В конечном счете сам президент был неудовлетворен составом кабинета Брюнинга, который на самом деле больше, чем когда-либо, зависел от его доверия. Особенное недовольство вызывало и то, что Брюнинг снова отказался от привлечения «Стального шлема», немецких националистов и национал-социалистов в правительство. Сдвинувшаяся еще больше вправо под давлением представителей тяжелой промышленности Немецкая народная партия уже не вошла в кабинет. 10 октября 1931 года, через день после того как правительство было сформировано и за день до Гарцбургской демонстрации, президент принял наконец Гитлера по просьбе Шляйхера и фюрера СА Эрнста Рема. Брюнинг надеялся, что эта встреча отрезвит Гинденбурга, что в действительности и произошло.

Так же как Грёнер и Шляйхер, Гинденбург считал фюрера НСДАП в основном подходящим человеком. Своим антидемократическим, антимарксистским поведением, выступлениями против Версаля и репараций, стремлением к сильному Германскому рейху он полностью солидаризировался со старыми офицерами Генерального штаба. Но им не нравились насильственные действия СА, пропагандистская шумиха, открытый антисемитизм и сохранявшаяся до сих пор антикапиталистическая позиция национал-социалистов. Для Гинденбурга Гитлер, чье место рождения в Верхней Австрии — Браунау-на-Инне — он путал с тем Браунау в Северной Богемии, в котором побывал во время кампании 1866 года, был слишком вульгарным. Он видел в нем агитатора, которого не стоило принимать слишком серьезно; хотя он и был хорошим солдатом на Западном фронте, но все же не являлся человеком его круга. Он был фигурой черни, национальной, но к тому же еще и социалистической.

Гитлер считал маршала слишком пассивным, нерешительным, готовым к компромиссу, человеком, не обладающим в действительности качествами лидера. Он презирал президента как символа бла-

гополучных, привилегированных слоев в Германии, которые опасались любого радикализма и поэтому не были в состоянии спасти нацию. В личном контакте с рейхспрезидентом Гитлер все же оказался под сильным впечатлением от импозантной фигуры и ауры, которая все еще окружала фельдмаршала. Вождь партии разразился истеричным монологом, в то время как депутат рейхстага Герман Геринг, многократно награжденный капитан и командир знаменитой истребительной авиационной эскадры Рихтгофена, стоял рядом молча.

Гинденбург не привык к подобным тирадам, бесконечные лозунги Гитлера не затронули его. Через день он недвусмысленно открылся канцлеру, что больше никогда не хочет встречаться с этим «богемским ефрейтором». Достоянием общественности стали слухи, что фельдмаршал считает национал-социалистского фюрера «своеобразным парнем», которого, «вероятно, можно назначить министром почты, но не рейхсканцлером». В действительности, как говорили, старый господин в беседе со Шляйхером выразился в довольно необычной для него грубой манере: «Этот хочет стать рейхсканцлером? Самое большее — министр почты. Тогда он сможет на почтовых марках меня сзаци...»²¹

Крупное выступление правых в Бад-Гарцбурге с парадом военизированных формирований, на котором среди прочих присутствовали Сект, бывший в то время депутатом рейхстага от Немецкой народной партии, бывший президент Рейхсбанка Яльмар Шахт и фюрер СА принц Август Вильгельм Прусский, вызвало у Гутенберга истинное разочарование. Не было никакого национального единого фронта. Для явно недовольного Гитлера другие группы — немецкие националисты, представители Немецкой народной партии, промышленности и сельского хозяйства, князья и знать — были представителями старой системы, принадлежностью прошлой эпохи.

Между Шляйхером, убежденным в легитимности национал-социалистов, и Брюнингом возникли слишком большие разногласия. Оба боролись за место первого советника Гинденбурга. А развитие событий дало козыри в руки Шляйхера, так как президент испытывал все большее недовольство из-за того, что постоянно приходится отвечать за непопулярные меры и из-за невозможности прийти к сотрудничеству с правыми. Получая от Шляйхера информацию о предполагаемом включении правых в правительство, он оказывал давление на канцлера, чтобы попытаться, по крайней мере, проташить туда «Стальной шлем» и немецких националистов. Брюнинг мог сообщать ему лишь о бесперспективности таких попыток.

Канцлер правил только с помощью внепарламентских постановлений, это обстоятельство становилось для президента все более не-

выносимым. Он был вынужден издать постановление о борьбе с политическими бесчинствами. Власти же применяли его в гораздо больших масштабах против коммунистов, чем против национал-социалистов. Люди КПП слишком буквально воспринимали лозунг «Бей фашистов, где бы ты их ни встретил!». Во всяком случае, оба лагеря протестовали против постановлений президента. С апреля по декабрь 1931 года Гинденбург должен был издать не менее 40 указов, а в 1932 году — даже 59. Особой заботой Гинденбурга оставалась финансовая поддержка Восточной Пруссии. Осаждаемый нескончаемыми жалобами крупных восточноэльбских землевладельцев, глава государства требовал как можно быстрее сделать рентабельным страдающее от долгов сельское хозяйство. В противном случае он опасался банкротства многих помещиков и сильной миграции жителей из восточной части рейха, которую он в свое время успешно защитил.

Восьмого декабря рейхспрезидент издал уже «Четвертое внепарламентское чрезвычайное постановление по сохранению экономики и финансов и защите внутреннего мира». Хотя, с одной стороны, в нем снова предусматривалось уменьшение на 15 процентов заработной платы и окладов, с другой стороны — заметное снижение цен, квартирной платы и процентов. Если социал-демократия приветствовала это вмешательство государства в экономику, то промышленники против этого ожесточенно протестовали. Под предлогом обеспечения внутренней безопасности постановление запрещало всем членам политических объединений, даже явно республиканских, ношение форменной одежды и эмблем.

Зима конца 1931 — начала 1932 года должна была стать для Германии особенно суровой. Если даже учитывать так называемых «освобожденных от налогов», то все равно около восьми миллионов человек в рейхе оставалось без работы. В то же время не утихали политические волнения. Это удручало старого господина как первого немца в стране, который нес на своих плечах ответственность перед народом и историей, когда не было видно ни одного проблеска надежды на горизонте. В новогоднем обращении по радио, прямом и простом, но уже не трогавшем массы, глава государства убеждал их, что преодоление нищеты зависит в первую очередь от самих немцев, что, конечно, и за граница «должна великодушно пойти навстречу готовности к самопожертвованию немецкого народа». Нации, закончил он, не нужно предаваться малодушию и отчаянию. Ей надо скорее сплотиться, веря в будущее Германии. Гинденбург не мог предсказать населению, когда наконец наступят лучшие дни. Это сделал другой вождь нового типа, грубо, в стиле, присущем выходцу из низов.

Меньше, чем когда-либо, фельдмаршал понимал, что происходит на политическом Олимпе. Казалось, давно прошло его время, когда

благородная сдержанность означала характер, а не утрированную саморекламу и истеричные инсценировки. Гинденбург стал стариком. Естественно, он чувствовал себя слишком усталым и неспособным сосредоточиться. Он мечтал о том, чтобы отправиться на покой в Нойдек и там, в Пруссии, где были его корни, насладиться своими последними годами. Однако, несмотря на то, что его миф и слава о нем поблекли, общественность по-прежнему призывала его к исполнению долга, служению Родине, осуществлению задач, которые он всегда прежде всего ставил перед собой. Это были ценности, сохранения которых он требовал от нации в течение всей своей жизни. За это под его командованием пали миллионы солдат. И теперь страна требовала от него, невзирая на преклонный возраст, держаться и снова послужить символом доброго, осознающего долг немца, олицетворяющего преемственность, спокойствие и порядок.

Восьмидесятичетырехлетний человек, остававшийся в душе, как и прежде, прусским солдатом, осознававшим свой долг, должен был уберечь Германию от рвущегося в рейхспрезиденты Адольфа Гитлера.

IX. Глава государства в тени Гитлера

Тысяча девятьсот тридцать второй год предшествовал решающему, фатальному году в истории немецкого народа. Весной подходил к концу срок правления рейхспрезидента. Гинденбург, вне всяких сомнений, хотел уже окончательно удалиться на покой. Своим преемником он охотно признал бы бывшего начальника Адмиралтейства Райнхарда Шеера. Немецкая народная партия рассчитывала на другого военного — Секта. Однако против него особенно активно ополчились фёлькише, усматривавшие в нем лишь «второго Гинденбурга», который также не стал бы действовать в их духе. Гутенберг предложил на президентский пост сначала Гитлера, но тот, боясь потерпеть поражение, сперва отказался, затем были выдвинуты не прошедший на выборах в 1925 году Яррес, а потом два военных — Гольц и Белов — в качестве возможных общих кандидатов от «Гарцбургского фронта». Такой расклад не заинтересовал фюрера НСДАП, и Гитлер все же решил сам участвовать в предвыборной гонке за президентское кресло. Социал-демократы, выражая большие сомнения в отношении Гинденбурга, сами не были в состоянии выставить перспективную кандидатуру, поэтому имели в виду даже Хуго Эккенера, популярного умеренно-правого командира дирижабля «Цепелин».

Брюнинг, сам являвшийся возможным кандидатом, хотел избавить измученную страну от ожидавшейся избирательной баталии. В связи с этим рейхспрезидент получил от канцлера предложение, по

которому старый генерал должен был оставаться в качестве своеобразного регента или местоблюстителя, чтобы после его смерти стало возможным восшествие на престол одного из сыновей кронпринца. Однако маршал отверг эту идею. С одной стороны, он, как старопрусский роялист, не имел ничего против представительной монархии по британскому образцу, как это предлагал Брюнинг, с другой стороны, по его мнению, снова занять трон мог только сам бывший кайзер Вильгельм. Все другие попытки канцлера убедить Гинденбурга не увенчались успехом, он так и не изменил своего отрицательного к этому отношения.

Однако было очевидно, что после выборов его преемник будет носить имя Адольф Гитлер. И это Брюнинг хотел предотвратить всеми средствами. Он, Шляйхер и Отто Браун, с которым Гинденбург находил общий язык, осаждали фельдмаршала предложениями остаться в должности. Только так можно было воспрепятствовать приходу к власти право- или левоэкстремистского преемника и предотвратить последующую гражданскую войну. Снова старого господина призвали задуматься об ответственности за судьбу страны. Он сдался и позволил, убежденный в конституционности этого шага, при поддержке двух третей депутатов парламента, склонить себя к тому, чтобы постановлением рейхстага продлить срок его полномочий пожизненно или, по крайней мере, на два года. Однако маршал оставил за собой право уйти в отставку, когда он сочтет обстановку в Германии достаточно стабильной для проведения президентских выборов. В действительности Гинденбург исходил из того, что он в народном представительстве для продления срока своих полномочий получит все голоса, вплоть до коммунистов.

Только национал-социалисты и немецкие националисты по политическим и конституционно-правовым причинам не считали возможным поддержать план Брюнинга. В то время как канцлер не мог принять требования Гитлера о новых выборах в рейхстаг, Гугенберг вообще категорически отклонил предложение голосовать в парламенте вместе с социал-демократами за продление полномочий старого господина. Свое отношение к Гинденбургу во время выборов оба вождя крайне правых еще хотели обдумать. Фельдмаршал совсем не был обрадован этим осложнением, но заявил, что готов выставить свою кандидатуру в президенты на второй срок. Гитлер и Гугенберг согласились поддержать его при условии отставки Брюнинга. В берлинском отеле «Кайзерхоф» Гитлер предложил статс-секретарю Майснеру, чтобы Гинденбург выставил свою кандидатуру от НСДАП, немецких националистов и «Стального шлема». Предпосылкой к этому должно было быть формирование «национального» правительства и новые выборы в рейхе и Пруссии.

К этому времени президент уже не мог отказаться от отставки Брюнинга, чтобы наконец ввести правых в правительство. Однако он не был готов назначить канцлером «богемского ефрейтора» и передать нацистам рейхсвер. Сверх того, «Гарцбургский фронт» из-за отсутствия единства оказался не в состоянии сформировать собственный кабинет. Президенту было ясно, что требование крайне правых было сродни шантажу или, по крайней мере, недостойной закулисной сделке. В надежде, что его повторное избрание будет изъяслением желания нации, он наконец резко отверг мысль добиться поддержки ценою отставки Брюнинга.

По-человечески Гинденбург высоко ценил Брюнинга и признавал его политически. Несмотря на это, он бы с ним расстался, если бы возникли перспективы формирования «переместившегося вправо правительства». Однако длившиеся неделями переговоры между вождями трех группировок «Гарцбургского фронта» — немецкими националистами, «Стальным шлемом» и национал-социалистами — потерпели неудачу. Все это произошло из-за требований Гитлера, нацеленных на создание чисто национал-социалистической партийной диктатуры. «Для такого эксперимента настали слишком серьезные времена», — заявил фельдмаршал своим старым товарищам-фронтвикам. Переговоры закончились провалом также из-за требования Гугенберга сформировать под его личным руководством новое правительство на слишком узкой платформе, которому Гитлер не захотел подчиниться. Даже попытки «Стального шлема» побудить национал-социалистов и немецких националистов принять единую линию остались безрезультатными. «Несмотря на все неудачи, я все же не оставляю своих попыток осуществлять здоровое развитие с уклоном вправо»¹, — писал Гинденбург.

Важнее, чем поддержка немецких националистов и национал-социалистов, для Гинденбурга было одобрение союзов ветеранов, «Стального шлема» и «Кифхойзербунда». Но Гугенберг оказывал давление особенно на первые. Так как Гинденбург придавал чрезвычайное значение тому, чтобы не оказаться кандидатом от левых и тем самым не отпугнуть от себя своих старых товарищей, его сторонникам-демократам пришлось довольно долго выжидать, прежде чем они смогли объявить общественности о своей поддержке. Надпартийный комитет под руководством берлинского обер-бургомистра Генриха Зама начал новую предвыборную кампанию за кандидатуру фельдмаршала. Гинденбург был раздражен тем, что не только консервативные и национал-либеральные личности, такие как министр в отставке Отто Геслер или председатель Имперского союза немецкой промышленности Карл Дуйсберг, но и либералы, и социал-демократы (например, Густав Носке или председатель «Рейхсбаннера»

Карл Хельтерман) выступили за него. Деятели искусств, и среди них писатель Герхарт Хауптман и художник Макс Либерман, подписали воззвание, в котором оценивали Гинденбурга как личность, которая «преодолеет партийный дух», «олицетворяет собой народную общность» и своим «правлением приведет к свободе».

Позже маршал получил информацию, что «Стальной шлем» был готов поддержать его только в случае изменения курса. Требование довольно жесткое, но отступить под давлением даже старых офицеров он не собирался. Конечно, ему было горестно, что именно это объединение, над которым с самого начала президентства простиралась его охраняющая рука, предотвращая его роспуск, отнеслось так к нему. Подобное поведение «Стального шлема» больше не имело ничего общего с его пониманием верности. Ко всему прочему, союз выставил своего собственного кандидата — профессионального офицера, подполковника в отставке Теодора Дюстерберга. НСДАП выдвинула Адольфа Гитлера после того, как тот получил титул брауншвейгского правительственного советника и наконец приобрел германское гражданство.

Старого главу государства поддержали, по крайней мере, «кифхойзеры», и Вестарп мобилизовал еще оставшихся в живых умеренных старых консерваторов в поддержку кандидатуры Гинденбурга на второй срок. Берлинский обер-бургомистр через две недели представил список с 3,5 миллиона подписей, по которому можно было видеть, насколько широк спектр подписавшихся. «Рейхсландбунд», однако, отказал Гинденбургу из-за того, что он якобы сотрудничал с антикрестьянски настроенными социал-демократами. Другие «патриоты» не хотели его поддержать, упрекая в лояльности к «плану Юнга». В рейхстаге снова отрицательно отнеслись к нему национал-социалисты. Нападки все усиливались. Йозеф Геббельс обвинил рейхспрезидента не только в сотрудничестве с Центром и социал-демократической партией, но и заявил, что Гинденбурга «хвалит берлинская бульварная пресса, хвалит партия дезертиров», под которой он подразумевал СДПГ. Хотя Геббельс за эту грубость был удален из зала пленарных заседаний, вечером того же дня во Дворце спорта толпа встречала его как героя.

Престарелый президент все больше чувствовал отчуждение старой элиты, считая себя по-прежнему принадлежащим к ней. Отвернулись от него и крупные аграрии Восточной Пруссии и Померании. Даже его старый друг Ольденбург-Янушау ратовал за кандидата от «Стального шлема» Дюстерберга. Еще больше неприятностей доставляли маршалу утверждения прессы немецких националистов, выдававшие его за кандидата левых или красно-черной коалиции. Только влияние Гугенберга и его прессы помешало совместным дей-

ствиям немецких националистов и «Стального шлема» с президентом — жаловался Гинденбург Янушау. «То, что Гитлер пойдет своей дорогой, надо было ожидать с самого начала»².

Маршал снова благородно ушел в сторону от предвыборной борьбы. У него вызывали отвращение такие кампании, когда собственная личность открыто выставлялась напоказ, как на рынке. Этим несерьезным, по его мнению, делом он предоставил заниматься своим сторонникам. Повсюду на стенах были развешаны такого рода плакаты с лозунгами: «Он стоит за вас! Храните верность ему!» или просто: «С ним!». СДПГ призывала своих членов: «Бейте Гитлера! Для этого голосуйте за Гинденбурга!» Отто Браун в своем личном воззвании характеризовал президента как «воплощение спокойствия и стойкости, мужской верности и преданного исполнения долга перед всем народом... Я знаю рейхспрезидента как человека, на слово которого можно опереться, как человека чистой воли и ясных суждений, преисполненного кантианским чувством долга»³. И все-таки нельзя было назвать гетерогенный лагерь Гинденбурга, состоявший из социал-демократов, Центра, Государственной партии, Баварской народной партии, Народной партии, объединенным и единым.

Естественно, поддерживал президента и Брюнинг, используя для агитации выступления по радио и пропагандистские полеты на дирижабле. В берлинском Дворце спорта он охарактеризовал президента как «настоящего вождя», «человека, ниспосланного Богом», и «символа немецкой силы и единства во всем мире», оправдывая несвойственный ему пафос тем, что «Гинденбург должен победить, потому что Германия должна жить»⁴. Такие известные историки, как Герман Онкен или Фридрих Майнеке, призывали к тому, чтобы избрать старого президента на второй срок. К ним присоединились Объединение профсоюзов, газета Центра «Германия» и социал-демократический «Форвертс». Национал-социалисты и немецкие националисты, напротив, изображали Гинденбурга зависящим от своего окружения «дряхлым, беспомощным стариком». Однако маршал, пройдя основательное медицинское обследование, доказал, насколько он бодр, хотя бы тем, что принял парад Берлинского гвардейского полка в Моабите. Событие было заснято и представлено нации в недельной кинохронике.

В своей речи по радио 10 марта 1932 года — втором, и последнем, выступлении в течение всей избирательной кампании — президент изложил слушателям причины согласия на повторное выдвижение своей кандидатуры: «После серьезных раздумий я принял решение снова выдвинуть свою кандидатуру, делая это с чувством выполнения патриотического долга. Мой отказ привел бы к тому, что при сильной раздробленности партий и особенно отсутствии единства

правых во втором туре голосования президентом Германской империи был бы избран кандидат от крайне правых или от крайне левых. Избрание человека однопартийного блока, являющегося представителем односторонних и крайних политических взглядов, вызовет недовольство большинства немецкого народа, что ввергло бы нашу Родину в тяжелые непредсказуемые потрясения. Предотвратить это велит мне мой долг.

При этом я полностью осознаю, что такое мое решение не будет, к сожалению, понято и одобрено частью моих прежних избирателей и среди них некоторыми старыми товарищами. Но лучше мне быть непризнанным и подвергнуться личным оскорблениям, чем, хорошо понимая немецкий народ, переживший так много трудностей за последние полтора десятилетия, позволить втянуть его в новые внутренние распри. Чтобы уберечь Германию от этого и дать ей время для передышки, в течение которой ей необходимо решить столько важных для нашего будущего крупных внутренних и внешних проблем, я продолжу исполнять свои обязанности в случае повторного избрания.

Определенные политические круги по-другому расценили мое решение баллотироваться на второй срок. Обо мне также распространяется искаженная информация, если не прямая ложь. Я должен уточнить: утверждается, что я был выдвинут кандидатом от левых или от черно-красной коалиции. Это неверно! Мою кандидатуру поддержали все слои и все круги немецкого народа, как большая часть моих прежних избирателей, так и те, кто в 1925 году отдал свои голоса другим кандидатам. Первые предложения о повторном выдвижении моей кандидатуры поступили ко мне от групп правых. К этому процессу присоединились другие партии и объединения.

Сам я дал согласие на выдвижение своей кандидатуры только после того, как убедился, что, независимо от партийной принадлежности, широкие слои населения по всей Германии хотят, чтобы я продолжал и дальше исполнять свои обязанности. Я отказался быть кандидатом одной партии или партийной группировки, точно так же, как и отклонил условия или обязательства по отношению к ним. Но быть кандидатом немецкого народа на надпартийной основе и в качестве такового выступить против тех, кто является кандидатом лишь от одной партии, это я расцениваю как свой патриотический долг. Поэтому если я буду снова избран, то буду обязан этим лишь Богу, моей совести и Отечеству и смогу отправлять должность как доверенное лицо всего немецкого народа».

Гинденбург в своей речи выступил также против тяжелейших обвинений в свой адрес по поводу исполнения им обязанностей: в том, что он подписал «план Юнга» и внепарламентские чрезвычайные по-

становления. Преодолеть внутренние трудности и победить безработицу можно будет только в том случае, если немецкий народ наконец снова станет единой общностью. «Я вспоминаю дух 1914 года и фронтовое настроение, когда задавали вопрос о человеке, а не о его сословном положении или партийности». Гинденбург подчеркнул, что нельзя отказываться от надежды на новое национальное патриотическое единство. Твердо и с непривычной для него эмоциональностью он бросил в эфир слова: «Кто не хочет меня выбирать, тот отказывается от этого. Тем более я не стану отталкивать никого, кто в моем лице хочет найти осуществление единства Германской империи. Ответственность, заставлявшая меня держаться во время войны до тех пор, пока я не вернул войска на Родину, ответственность, возложившая на меня как на рейхспрезидента принятие всех важнейших решений, эта ответственность перед моей совестью заставляет меня выстоять и теперь и верно служить немецкому народу. Отдавая для этого свои последние силы, я снова предоставляю себя в его распоряжение. В этом и заключается смысл и цель выдвижения моей кандидатуры!»⁵

Во время первого тура выборов 13 марта Гинденбургу лишь немного не хватило до абсолютного большинства. За старого президента проголосовали 18,65 миллиона избирателей. Это соответствовало 49,6 процента. Гитлер получил 11,34 миллиона голосов (30,1 процента), Эрнст Тельман — почти 5 миллионов, Дюстерберг — 2,56 миллиона. Такие результаты означали тяжелое поражение Гитлера. Заметное изменение состава избирателей по сравнению с предыдущими выборами произошло и в стане генерала: хотя Гинденбург фактически имел за собой католических избирателей Центра, добрую часть своих сторонников 1925 года, особенно из евангелических сельскохозяйственных районов восточнее Эльбы, он все же потерял.

Последовала короткая вторая избирательная кампания. По «Чрезвычайному постановлению о сохранении Пасхального мира» она продолжалась менее недели, которую летавший на самолете Гитлер интенсивно использовал, применяя самые современные средства пропаганды. Однако победа старого господина считалась предрешенной. Гинденбург снова ушел в тень, если не считать его фотографий. В то время как Гитлер и Геббельс на массовых митингах атаковали «старую систему», сторонники рейхспрезидента держались в обороне. На сторону Гитлера переметнулись многие известные люди, хотя и не признавали себя национал-социалистами. К ним относились бывшие немецкие князья во главе с кронпринцем Вильгельмом, Фриц Тиссен и немало других предпринимателей, высокопоставленные военные, деятели науки и искусства. Безуспешно Карл Дуйсберг пытался склонить крупных предпринимате-

лей финансировать предвыборную кампанию маршала, многие из них отказывались поддерживать Гинденбурга, а следовательно, проявлявший терпимость в отношении социал-демократов кабинета Брюнинга. Исключение составляли Густав Крупп, Пауль Зильверберг и Фридрих Флик.

Во втором туре выборов 10 апреля Гинденбург хотя и получил 19,4 миллиона, или 53 процента, голосов, однако Гитлеру удалось со своими 13,4 миллиона сторонников (36,8 процента) выиграть более двух миллионов голосов по сравнению с первым туром. Таким образом, национал-социалисты удвоили число полученных ими голосов по сравнению с выборами в рейхстаг 1930 года. Тельману оказали доверие 3,7 миллиона избирателей. То что социал-демократы праздновали повторное избрание Гинденбурга как «большую победу партии» и «триумф демократии», сильно задевало старого господина. Еще и поэтому он не видел никакой причины для ликования. К тому же президента оттолкнуло от своего канцлера то обстоятельство, что Брюнингу не удалось привлечь к голосованию за него немецких националистов. С большим трудом, но все же успокоил главу государства тот факт, что его избрал явным большинством немецкий народ.

Сам Гинденбург во время своего второго срока правления меньше, чем когда-либо, отвечал воле своих избирателей. Еще больше, чем прежде, маршал был склонен доверять своему ближайшему окружению и тому кругу, к которому он принадлежал. Именно социал-демократии, обеспечившей его выборы на второй срок, он противостоял теперь более решительно и враждебно, чем до сих пор. И его предубеждения в отношении своего горячего сторонника Генриха Брюнинга росли день ото дня под пагубным влиянием восточноэльбских помещиков.

Одиннадцатого апреля канцлер предложил рейхспрезиденту ради формы отставку своего кабинета. К удивлению Брюнинга, Гинденбург не принял это предложение только потому, что после ожидавшихся выборов в прусский ландтаг должны были быть внесены изменения в состав правительства и сотрудничество с социал-демократами прекращалось. Еще большее недовольство старого господина Брюнинг вызвал тем, что от имени правительства рейха потребовал от Гинденбурга особого постановления, а именно — запретить четырехсоттысячные формирования СА и СС⁶ в связи с предательской, тайной военной политикой и отобрать их собственность в пользу земель.

Президент сначала отказался издать такое постановление против определенной партии непосредственно после своего переизбрания и именно в тот день, когда он призывал нацию к внутреннему прими-

рению. Шляйхер, представлявший интересы армии, и сын Оскар, главной заботой которого было уберечь семью Гинденбург от враждебного отношения, не советовали президенту вводить такой запрет, который еще сильнее настроил бы правых против фельдмаршала. Наоборот, министр внутренних дел Грёнер стал настаивать на осуществлении данного акта в интересах государственной власти, тем более что после выборов, весьма похожих на гражданскую войну, необходимо было наконец стабилизировать обстановку. Кроме того, министр, пользуясь тем, что совмещает две должности, ссылаясь на единогласное решение кабинета. 13 апреля Гинденбург в конце концов уступил напору Грёнера, угрожавшего, как и Брюнинг, отставкой «по причине государственных интересов». «Чрезвычайное постановление по обеспечению государственного авторитета» было издано. После него Гитлер приказал распустить СА и СС, однако одновременно их сотрудники были приняты в партию единой кадровой структурой.

Гинденбургу этот запрет дался с большим трудом. В конечном счете, считал он, «у всех заблуждавшихся... в национал-социалистском движении, а именно у его молодежи сильно развито национальное чувство»⁷. Ко всему прочему, его снова стали осаждать посетители и поступать письма с протестами, на сей раз и от офицеров действительной службы рейхсвера, таких как генерал-лейтенант барон Вернер фон Бломберг, командующий 1-м военным округом. Все они обращали его внимание на то, что охрана границы без частей СА, особенно на Востоке, окажется под угрозой. К тому же, как выяснилось, не все правительства земель были согласны с запретом национал-социалистских военизированных формирований, как об этом объявил Грёнер. Начальник руководства Сухопутных войск Курт барон фон Хаммерштайн-Экворд, преемник Хайе, передал президенту материалы, представлявшие левый «Рейхсбаннер»⁸ как организацию, опасную для общественного порядка.

Несмотря на недостаточность документов, Гинденбург хотел теперь выступить также и против «Рейхсбаннера», который так много сделал для его переизбрания. Через два дня после подписания «Чрезвычайного постановления по обеспечению государственного авторитета» он обратился к министру внутренних дел рейха. В послании, снова ссылаясь на свою надпартийность, он просил правительство рейха на основе предоставленных ему «обвинительных материалов» проверить, не располагают ли левые военизированными формированиями, которые, по логике, тоже следовало бы запретить. Фельдмаршал не остановился и перед тем, чтобы ознакомить прессу со своим указанием еще до того, как оно попало к министру. Грёнер обсудил его с Хельтерманом и заявил, что «Рейхсбаннер» не занимается воен-

ной подготовкой. К тому же организация распускает свои охранные части. Не удовлетворившись решением правительства не трогать «Рейхсбаннер», Гинденбург потребовал штрафных санкций, если охранные части вновь будут сформированы. Затем дополнительное второе «Чрезвычайное постановление о сохранении государственного авторитета» от 3 мая, по мнению старого господина, устраняло грубейшее неравенство. Были полностью запрещены все формирования крайне правых и установлен контроль министерства внутренних дел над подразделениями левых. В этом случае Гинденбург смог добиться только запрета коммунистического «Союза безбожников».

Было видно, что разногласия между президентом и Грёнером расшатывают позиции обоих. Как Верховному главнокомандующему рейхсвера, Гинденбургу докладывали о том, что в войсках растет недовольство неравноправным образом действий министра рейхсвера. Опасаясь за подрыв своего авторитета в военной среде, президент решил получить информацию от Шляйхера и шефов Сухопутных войск и Военно-морского флота, которые подтвердили, что министр рейхсвера больше не пользуется доверием личного состава. Лучшим выходом из создавшейся ситуации будет, считал Гинденбург, если Грёнер уйдет в отставку по собственному желанию. Тем более что, по мнению фельдмаршала, его овдовевший соратник подмочил репутацию с моральной точки зрения, недавно женившись на своей секретарше, женщине намного моложе себя, родившей ему сына уже через пять месяцев после свадьбы. В кругах рейхсвера отпрыска в шутку прозвали Нурми, по имени девятикратного финского чемпиона Олимпийских игр в беге на длинные дистанции. Шестидесятидвухлетний Грёнер, казалось, был полностью поглощен ролью мужчины, очастливленного поздним отцовством. Политика его больше не интересовала. Он наслаждался своей новой семейной идиллией, позволял себя фотографировать для иллюстрированных журналов с детской коляской, свалив все свои служебные дела на Шляйхера.

Но кризис в правительстве рейха назрел не только поэтому. На большой конференции по разоружению в Женеве Брюнингу мало чего удалось достигнуть. Германия, как и прежде, оставалась неравноправной с военной точки зрения. Выборы в ландтаги 24 апреля в Пруссии, Баварии, Вюртемберге, Гамбурге и Ангальте были омрачены серьезными столкновениями, особенно между национал-социалистами и социал-демократами. Однако эти выборы принесли большой успех НСДАП, особенно за счет немецких националистов. Брюнинг чувствовал: доверие президента к нему постоянно падает. Положение усугубилось еще и тем, что ему пришлось заменить своего министра экономики и пережить уход в отставку статс-секретаря рейха по финансам. Но хуже всего оказалось другое: Шляйхер,

очевидно, вступил в заговор с национал-социалистами, чтобы свергнуть его.

В начале мая Гинденбург высказал пожелание встретиться с отдельными лидерами партий, чтобы ознакомиться с их мнением по поводу напряженной политической обстановки в стране. Однако канцлер воспротивился, побоявшись, что внутри страны и вне ее это могут расценить как кризис кабинета. Со столь ослабленными позициями он не мог отправиться на конференцию Лиги Наций в Лозанне для решения вопроса о репарациях. В этом случае канцлеру оставалось только уйти в отставку. Он рекомендовал Гинденбургу принять руководителей партий после заседания вновь избранного прусского ландтага. Всей силой своего авторитета рейхспрезидент должен был бы подтолкнуть партии — от Центра до крайне правых — на совместное формирование правительства в Пруссии. И только после конференции в Лозанне можно будет открыть дорогу к преобразованию правительства рейха.

Тем временем Грёнер попытался в рейхстаге оправдать запрет СА, но все его старания кончились плачевно. После этого он решил, оставаясь министром внутренних дел, уйти в отставку с должности министра рейхсвера. А Гинденбург вообще больше не хотел видеть своего бывшего ценного советника в составе кабинета, по-видимому, потеряв всякое уважение к швабу. Нет никаких сомнений, что Шляйхер сделал все, чтобы полностью дискредитировать своего прежнего покровителя в глазах президента.

Но Брюнинг был не в состоянии передать Грёнеру распоряжение об отставке с поста министра внутренних дел, ему легче было в этом случае самому уйти в отставку. Поэтому Гинденбургу пришлось ограничиться сначала только отставкой Грёнера с должности министра рейхсвера, а дальнейшие действия обдумать в спокойной обстановке Нойдека и принять решение к Троице. Вечером 12 мая он отправился в свое поместье, чтобы там расслабиться на две с половиной недели, что, естественно, ему не удалось.

План Брюнинга о разделе угодий обанкротившихся восточно-пруссских крупных помещиков между 600 тысячами безработных как будущих поселенцев привел в действие «Рейхсландбунд». Соседи рейхспрезидента, помещики старинных родов, направили жалобу на намерения Брюнинга. После своего возвращения маршал хотя и утверждал, что не принимал в Нойдеке правых политиков и не вел с ними беседы о перемене политического курса, однако в дальнейшем стало ясно проявляться влияние юнкерских нашептываний. Особенно отличались этим, по мнению посла Британии, восточноэльбские крупные землевладельцы. «Для “Нойдекской клики”, — писал он в Лондон, — Гинденбург стал “легкой добычей”»⁹.

Двадцать пятого мая президента посетил статс-секретарь Майснер. Они обсуждали новое, пятое, внепарламентское постановление по сохранению экономики и финансов. Брюнинг, за спиной которого Шляйхер уже вел переговоры с национал-социалистами, выразил пожелание тоже прибыть на доклад в Нойдек. Но Гинденбург сначала захотел беседовать только с одним Майснером. Восточно-пруссские помещики обвиняли правительство Брюнинга в «аграрно-большевистских наклонностях» из-за его планов переселения на Восток для борьбы со сверхиндустриализацией и безработицей. В праве рейха проводить принудительные продажи с аукциона они видели угрозу для своих привилегий. Поэтому Гинденбург заявил статс-секретарю, что для него декрет о поселенцах в такой редакции неприемлем. Независимо от этого, он считал особенно несправедливыми с человеческой и социальной точек зрения предусматривавшиеся положения о сокращении обеспечения ветеранов войны. Он дал ясно понять, что впредь не желает видеть Грёнера в правительстве. Впрочем, президент стремился к необходимому, с его точки зрения, перемещению кабинета вправо только после конференции о репарациях в Лозанне.

Через день Майснер в беседе с канцлером с глазу на глаз сообщил о пожеланиях и представлениях Гинденбурга. В ответ Брюнинг, который собирался в Лозанне требовать отмены всех репараций с Германии, высказал свое подозрение, что в Нойдеке уже формируется новое правительство. Гинденбург, полагал он, под давлением военных и других сил уже сейчас хочет изменить власть. Вот почему Брюнинг принял решение подать в отставку, хотя в действительности Шляйхер все сделал для того, чтобы он ушел. Однако генерал сам не зарился на роль преемника Брюнинга, его вполне устраивало оставаться закулисным руководителем и подлинным теневым главой правительства.

Для роли марионетки Шляйхер уже подобрал кандидатуру канцлера — Франца фон Папена. Родившийся в 1878 году в Вестфалии, он был прусским королевским пажем, уланом, а затем направлен в качестве военного атташе в Вашингтон. Во время войны Папен из американской столицы готовил диверсионные акции в Северной Америке и как персона нон грата выслан в 1915 году из Соединенных Штатов. После этого командовал батальоном на Западном фронте, затем откомандирован в качестве офицера Генерального штаба при османской армии и, наконец, получил чин подполковника. С 1921 года он, как консервативный депутат Центра в прусском ландтаге, ничем особенным не выделялся, хотя уже во время первой президентской избирательной кампании 1925 года стал горячим сторонником кандидатуры Гинденбурга. Папен был известен не только своим талантом

спортсмена-наездника, но и тем, что числился членом правления различных сельскохозяйственных объединений по интересам, председателем наблюдательного совета католического берлинского печатного органа «Германия» и членом консервативного «Мужского клуба». Помещик-франкофил, выступавший за немецко-французское взаимопонимание, находившийся в свойстве с компанией «Виллерой & Бох» промышленников из земли Саар, он был элегантным, привыкшим к светскому обхождению кавалером старой школы. Казалось, что из-за политической «легковесности» он не предназначен для поста канцлера.

Двадцать девятого мая фельдмаршал возвратился в Берлин. В полдень он подчеркнуто холодно принял Брюнинга и почти час беседовал с ним с глазу на глаз. Канцлер потребовал от рейхспрезидента гарантий, чтобы иметь возможность для дальнейшей успешной работы. Проискам из рейхсвера следовало положить конец. Назначением новых рейхсминистров на освободившиеся ведомства Гинденбург должен был выразить ему свое доверие. Брюнинг заявил, что не может согласиться лишь на временные назначения в своем кабинете. Но у Гинденбурга уже кончалось терпение по отношению к канцлеру. Он стал требовать дальнейшего перемещения политики правительства вправо. Маршал больше не хотел подписывать внепарламентских постановлений этого кабинета, что было равносильно смертному приговору: если в 1930 году Брюнинг правил на основании 98 законов, принятых рейхстагом, и только пяти подписанных Гинденбургом внепарламентских постановлений, то в 1932 году все было практически наоборот. Президент ясно дал понять, что, по его оценкам, кабинет Брюнинга за последнее время потерял доверие и осмотрительность, а поэтому рейхстаг надо распустить и назначить новые выборы. Растрогавшись, президент заявил, что он, как и прежде, симпатизирует Брюнингу и желал бы его видеть в новом правительстве министром иностранных дел. Однако канцлер возразил, что исключает такую возможность, так как, по его мнению, не обладает для этого достаточным авторитетом. Оба они наконец прервали беседу, решив обдумать все до следующего дня. Разумеется, канцлер понял, что Гинденбург больше не готов его поддерживать.

Через день, после заседания совета министров, Брюнинг снова появился у рейхспрезидента. На разговор с ним было отведено всего несколько минут, так как ровно в 12 часов начинались ежегодные мероприятия в честь дня памяти морского сражения в Скагерраке. По установившемуся ритуалу рота почетного караула Военно-морского флота должна была пройти по Вильгельмштрассе, затем отделялся один взвод и в качестве почетного караула президента поворачивал во двор его дворца. Как обычно, здесь собиралась толпа, ожи-

дая, когда Гинденбург выйдет на балкон для приема парада. За эти несколько минут, что ему были отведены, Брюнинг от имени правительства обратился к главе государства с просьбой об отставке. Президент принял ходатайство, хотя по-человечески сделать ему это было нелегко. «Я вынужден вас уволить, поступившись моим именем и честью». Он снова предложил этому представителю Центра пост министра иностранных дел, но Брюнинг опять отказался, выразив надежду, что советники не заставят президента пойти на нарушение конституции. После этого потерпевший неудачу канцлер молча поклонился и вышел. У Гинденбурга больше не было времени, чтобы обдумать сказанное. Он вышел на портал и приветствовал роту почетного караула¹⁰.

Вечером 30 и в течение 31 мая Гинденбург принимал отдельных представителей партий, председателя рейхстага Лёбе и президента Рейхбанка Лютера. Гитлер, которого сопровождал Геринг, выдвинул два условия для «плодотворного» сотрудничества с новым правительством, формируемым рейхспрезидентом: во-первых, скорейший роспуск рейхстага и проведение новых выборов, во-вторых, срочная отмена «порочащих НСДАП постановлений». Казалось, что Гинденбургу нечего возразить на эти требования.

Наконец, вечером 31 мая он дал поручение Францу фон Папену сформировать новое правительство на внепартийной основе. Он хотел, чтобы канцлер не зависел ни от каких партий и сформировал кабинет «из подобных же людей». Папен выразил сомнение, что сможет это осуществить без поддержки Центра, недовольного отставкой Брюнинга. И все же Гинденбург заставил нового канцлера заняться решением этой задачи ради служения Отечеству. Как пруссак и бывший солдат, Папен, мол, не может бросить рейхспрезидента и страну на произвол судьбы в такой трудный момент. Облеченный столь большим доверием, глава кабинета приступил к делу и объявил о создании «имперского правительства национального сплочения».

Сразу после этого состоялось совещание Гинденбурга и Папена со Шляйхером, Майснером и Оскаром фон Гинденбургом. Канцлер согласился с предложениями главы государства по персональному составу нового правительства. Шляйхер, у которого был уже готов список министров, принял на себя в кабинете руководство рейхсвером. Из-за семи дворян, призванных занять министерские посты, газета «Форвертс» назвала правительство «кабинетом баронов». Оно и на самом деле представляло чрезвычайно узкий социальный слой и выражало преимущественно интересы военных, немецких националистов и старопрусской элиты. СДПГ, КПП, Центр, из которого Папен вышел уже 31 мая, Баварская народная партия и Государственная

партия находилась по отношению к нему в оппозиции. Но Гинденбург и без того 4 июня распустил рейхстаг, так как, по его мнению, после последних выборов в ландтаги парламент больше не отвечал политической воле немецкого народа.

Гинденбург и дальше не переставал подписывать чрезвычайные постановления: уже через десять дней после формирования правительства новым канцлером вышло еще одно. Снова сильно снижалось пособие по безработице, и это в то время, когда было зарегистрировано 5,6 миллиона безработных, усиливался жилищный кризис и люди голодали. Кроме того, фельдмаршал и его правительство выполнили второе условие Гитлера, отменив запрет СА и СС. Президент наивно надеялся тем самым положить конец внутривнутриполитической радикализации и насилию, а получилось все наоборот.

Избирательная кампания в рейхстаг вылилась в Пруссии в малую кровавую войну между национал-социалистами и коммунистами, не обошлось без людских жертв. 14 июля, находясь снова в Нойдеке, Гинденбург принял рейхсканцлера и министра внутренних дел. В то время как Папен мог похвалиться своими заметными успехами в Лозанне — по всему было видно, что вопрос о репарациях был окончательно решен в пользу Германии, — события в Пруссии, сходные с гражданской войной, требовали принятия суровых мер. Министр внутренних дел Вильгельм барон фон Гайль доложил маршалу о подготовке к назначению рейхскомиссара в Пруссии. Не определяя даты, Гинденбург предоставил правительству полномочия для издания постановления о восстановлении безопасности и порядка в Пруссии и подписал президентский указ о введении чрезвычайного положения в Берлине и Марке Бранденбург; этим президент нарушил конституцию, так как у рейха не было права просто так лишать одну из земель конституционного правительства.

Вступление 10 тысяч вооруженных членов СА в заселенные преимущественно коммунистами кварталы прусской Альтоны под Гамбургом привело к «Альтонскому кровавому воскресенью». Гибель 18 человек из гражданского населения послужила для Папена подходящим поводом приступить 20 июля, используя полученные им полномочия, к осуществлению в Пруссии диктаторского режима. Социал-демократическое правительство Брауна было смещено. На основании подписанного Гинденбургом постановления Папен становился рейхскомиссаром Пруссии, а также получал служебные полномочия министра-президента, сосредоточив, таким образом, в своих руках высшую исполнительную власть в крупнейшей земле Германии. Обер-бургомистр Эссена Франц Брахт занял место снятого с должности прусского министра внутренних дел Карла Зеверинга. В Берлине и Марке Бранденбург на шесть дней было вве-

дено чрезвычайное положение. Управление в прежней образцовой демократической земле вновь передавалось старым элитам. Государственный переворот, благословленный Гинденбургом, свершился.

И все же продолжали поступать сообщения о жертвах радикального политического противостояния между правыми и левыми. Лишь в день выборов 31 июля 1932 года из-за политических насильственных действий погибло двенадцать человек. Сами выборы дали НСДАП 37,4 процента отданных действительных голосов и 230 мандатов, сделав ее самой сильной фракцией в рейхстаге. При таком выигрыше 113 мандатов она явно превзошла СДПГ, получившую всего лишь 133 мандата. Но Гинденбург показал свое нежелание на этом основании делать Гитлера рейхсканцлером. Если прежде он предусматривал переход от президентского кабинета к правительству на широкой парламентской основе, то выборы нарушили его планы, так как без национал-социалистов и коммунистов было невозможно работоспособное большинство в рейхстаге.

Утром 10 августа Гинденбург снова возвратился из Нойдека и провел с рейхсканцлером совещание о возможной реорганизации правительства. Папен сообщил главе государства о переговорах между НСДАП и Центром. Шляйхер тоже вел длительные переговоры с Гитлером, требовавшим, не меньше чем канцлерства, поста прусского министра-президента и — в личной унии — ведомств внутренних дел, образования и сельского хозяйства в рейхе и Пруссии, а также министерства юстиции и вновь создаваемого министерства воздушных перевозок рейха.

Но президент высказал свои большие сомнения по поводу формирования нового правительства и прежде всего против назначения Гитлера рейхсканцлером, считая его «крепким орешком». Более того, Гинденбург заявил, что хочет придерживаться президентского кабинета под руководством Папена. Включение в правительство рейха «того или иного надежного и работоспособного национал-социалиста может, пожалуй, приниматься во внимание». Но он не может взять на себя ответственность за назначение Гитлера рейхсканцлером, «который тогда получит возможность определять основные направления всей политики. Гитлер — вождь партии, и руководимый им кабинет стал бы тогда не надпартийным, а кабинетом одной партии, проводя одностороннюю политику». Если раньше Гитлер заверял его, что после выборов будет поддерживать кабинет Папена, то теперь, как было видно, он делал все наоборот. Фюрер не давал Гинденбургу никакой гарантии, что, став канцлером, сохранит характер президентского правительства. Кроме того, Гинденбург считал, что у этого лидера мало опыта в делах администрирования и управ-

ления, не раз наблюдая, как тот не мог удержать в руках свою собственную партию¹¹.

Несмотря на это, во второй половине дня 13 августа, около 16 часов 15 минут, прошли переговоры между Гинденбургом и Гитлером. Фюрер национал-социалистов совершенно не подозревал, что главе государства даже в голову не приходило сделать его канцлером. Гитлер, прибывший на встречу в сопровождении Рема и Вильгельма Фрика, ничего не хотел и слышать о том, чтобы только участвовать в существовавшем до сих пор правительстве, как предлагал ему фельдмаршал. Рейхспрезидент, ассистируемый Майснером и Папеном, снова со всей определенностью заявил, что не может удовлетворить требование Гитлера предоставить ему пост канцлера. «Было бы безответственным перед Богом, своей совестью и Отечеством передать одной партии всю правительственную власть, к тому же партии, которая односторонне настроена против инакомыслящих». Кроме того, президент выразил озабоченность по поводу больших беспорядков и их воздействия на отношении зарубежных стран.

Когда разочарованный Гитлер заявил, что будет оставаться в оппозиции, Гинденбург призвал его «по-рыцарски вести себя, даже будучи в оппозиции, и сознавать ответственность и свой долг перед Родиной. Я не сомневаюсь в вашей любви к Отечеству. Однако против возможных актов террора и насилия, которые, к сожалению, совершают члены подразделений СА, я приму строгие меры. Мы оба — старые товарищи, — напомнил фельдмаршал, — и хотим такими оставаться, поскольку наши пути могут снова пересечься. Поэтому я хочу вам по-товарищески протянуть руку»¹², чего, однако, не сделал, прощаясь с Ремом и Фриком. Оба они были ему противны, и прежде всего фюрер СА из-за его гомосексуальных наклонностей. Опубликовав коммюнике, Гинденбург этим самым довершил унижение Гитлера. Рейхспрезидент действительно относился к Гитлеру почти так же, как обычно фельдмаршал относится к ефрейтору.

Через две с половиной недели, 30 августа, Гинденбург в Нойдеке провел совещание с Папеном, Шляйхером и министром внутренних дел Гайлем по поводу очевидного государственного кризиса. Его посетители намекали, что после роспуска рейхстага необходимо отодвинуть проведение новых выборов сверх срока в 60 дней, предусмотренного конституцией. Такое формальное нарушение последней в любом случае могло быть оправдано ссылкой на государственную необходимость. Всегда строго придерживавшийся конституции, фельдмаршал в данный момент, учитывая террористические акты и убийства, мог бы защитить немецкий народ от слишком поспешных новых выборов. Гинденбургу казалось, что такая аргументация является вполне убедительной для авторитарного президентского режима.

Поэтому он со спокойной совестью согласился перенести новые выборы в рейхстаг на более поздний срок.

Просьбу Геринга о посещении фельдмаршала в Нойдеке вновь избранным президиумом рейхстага, во главе которого он стоял, Гинденбург вежливо отклонил. Перед тем Геринг в парламенте высказался в том смысле, что рейхстаг располагает «крупным, работоспособным национальным большинством». Поэтому не было государственно-правовых оснований для чрезвычайного положения.

Девятого сентября, вернувшись в Берлин, глава государства наконец принял президиум рейхстага. Бывший летчик-истребитель и кавалер ордена «Pour le Mérite», к которому маршал питал определенные симпатии, в своей официальной речи, в тоне, неприемлемом для данной обстановки, охарактеризовал абсолютную работоспособность рейхстага. Возмущенный наглостью Геринга, старый генерал дал ему понять, что президиум рейхстага не орган для политических переговоров. «Что касается настоящего правительства, то я лично не вижу причины отправлять его в отставку потому, что этого хотят некоторые партии. Я полностью согласен с существующим министерством и одобряю его действия, основанные на патриотических мотивах. Я не вижу повода полностью или частично отказываться от правительства. Если у рейхстага другие взгляды, то он может использовать свои конституционные права, в чем я ему не хочу отказать, и вынести вотум недоверия. Но и в этом случае я не готов расстаться с правительством рейха»¹³.

Между тем хаотичное пленарное заседание 12 сентября заставило Гинденбурга серьезно усомниться в том, что Папен и его команда действительно представляют собой правительство, принимающее правильные решения. Хотя в этот день канцлеру удалось с помощью постановления главы государства распустить рейхстаг, Геринг и большая часть парламента, издеваясь над Папеном, объявили правительству вотум недоверия большинством голосов в четыре пятых. Гинденбургу стало ясно, что этот кабинет ни в коей мере не является «правительством национального сплочения». Его базис был узок, и он, очевидно, правил против воли народа. Ничего не могло исправить и то обстоятельство, что Папен зачитывал правительственное заявление не перед рейхстагом, а по радио и закончил его призывом: «С Гинденбургом и за Германию!» Затем кабинет большинством голосов решил назначить новые выборы на 6 ноября. Фельдмаршал заявил, что согласен с этим, и с определенным облегчением поставил свою подпись под соответствующим постановлением. Хотя это и был, с точки зрения конституции, самый поздний срок, но без нарушения права.

Восьмидесятипятилетний юбилей «справедливого управляюще-

го делами всего народа», каким хотел себя видеть глава государства, праздновался относительно скромно. В немецких городах, где стояли гарнизоны, играли Большую вечернюю зóрю. Берлинская фарфоровая мануфактура выпустила чашки, вазы и табакерки с изображением Гинденбурга. Многие современники, среди которых были Франц фон Папен, Вильгельм Кайль, президент Вюртембергско-Баденского ландтага, статс-секретари Пюндер и Майснер, свидетельствовали о его — соответствовавшей возрасту — душевной и физической бодрости. Профессор Хуго Адам, врач-специалист по внутренним болезням, а с 1926 года — домашний врач рейхспрезидента, охарактеризовал состояние здоровья Гинденбурга как хорошее. Позднее он утверждал, что маршал и за несколько недель до своей смерти полностью сохранял душевное равновесие. Много ходило анекдотов о его старческой немощи, но все они не соответствовали действительности. Домашний врач не замечал также, чтобы у президента происходило ослабление душевных сил во второй половине дня, о чем так много говорили. Только при обновлении президентского дворца в 1932—1933 годах против воли старого генерала был смонтирован лифт, но первое время он им не пользовался. Старый солдат страшился обнаружить свои физические недостатки.

Начавшаяся на этот раз вроде бы спокойно предвыборная гонка осложнилась затем возросшими политическими распрями. Многих буржуа напугало совместное выступление коммунистов и национал-социалистов во время забастовки берлинских транспортников в начале ноября. В то же время появились первые признаки улучшения экономического положения Германии — по завершении международных переговоров в Лозанне стало возможным прекращение репарационных выплат.

Шестого ноября 1932 года представительство НСДАП в рейхстаге сократилось до 196 мандатов. Оставаясь, как и прежде, по числу полученных голосов крупнейшей партией, она тем не менее понесла тяжелый урон, потеряв два миллиона избирателей. Утратили голоса и мандаты в пользу коммунистов и немецких националистов СДПГ и Центр. Обе партии, поддерживавшие правительство Папена, Немецкая национальная народная партия и Немецкая народная партия, получили 63 из 584 мест, как и раньше, оставаясь в меньшинстве.

Не желая отказываться от прежнего президентского правительства, маршал тем не менее намеревался пригласить к себе руководителей правых и центристских партий, чтобы обсудить с ними возможности формирования подлинного «правительства национального сплочения». Как и раньше, он прочно держался за Папена, сущность взглядов которого была ему глубоко симпатична. Гинденбург поставил перед ним задачу провести на правительственном

уровне переговоры с руководителями указанных партий. Однако канцлер пришел к выводу, что его персона стоит на пути образования «кабинета национального сплочения». 17 ноября Гинденбург получил от Папена ходатайство об отставке правительства. Рейхспрезидент принял ходатайство, но обратился к кабинету с просьбой пока продолжать ведение дел. Маршал все-таки пригласил к себе руководителей партий, но отказался на этот раз заслушать как коммунистов, так и социал-демократов, ибо они слишком явно выступили против его протее Папена.

Около полудня 19 ноября Гитлер снова прибыл на переговоры с Гинденбургом во дворец рейхспрезидента. На улице под предводительством Йозефа Геббельса группы молодежи привлекали внимание прохожих громкими выкриками «Хайль!». Сначала президент разговаривал с фюрером с глазу на глаз. Потом были приглашены Майснер и Геринг. Гитлер как вождь крупнейшего в Германии народного движения претендовал на формирование кабинета. Напротив, рейхспрезидент по-прежнему придерживался принципа создания правительства, не зависящего от какой-либо одной партии. Поэтому он предложил фюреру ввести нескольких национал-социалистов в кабинет, возглавляемый надпартийным руководителем. На это Гитлер возразил, что его движение стремится получить не власть, а только политическое руководство в правительстве, но оно должно быть единым, иначе они отказываются в нем участвовать. Конечно, пояснил вождь фашистов, у государства есть еще возможность какое-то время авторитарно править с помощью надпартийного кабинета, но такой процесс долго не продлится и к февралю разразится новая революция. Тогда Германию перестанут рассматривать как внешнеполитический фактор силы. В свою очередь Гинденбург пояснил Гитлеру свою позицию: «Я могу только снова повторить мою просьбу: помогите мне. Я вполне признаю великие идеи, которыми живете вы и ваша партия, и поэтому приветствовал бы участие вас и вашего движения в правительстве. Я совершенно не сомневаюсь в честности ваших намерений, но не могу решиться на однопартийный кабинет».

Гитлер подчеркнул, что не будет устанавливать контакты с другими партиями, в переговоры с которыми вступит лишь после того, как рейхспрезидент даст ему поручение сформировать правительство. Вождь НСДАП высказал уверенность, что получит от рейхстага закон о предоставлении чрезвычайных полномочий и, таким образом, все трудности будут разрешены. После этого Гинденбург заявил, что должен обдумать спокойно эти проблемы и потом вернуться к ним. Снова он апеллировал к Гитлеру: «Патриотическое и солдатское чувство долга и старое товарищество объединяют нас с фронта.

Пойдите мне навстречу в этом вопросе, чтобы стало возможным наше сотрудничество»¹⁴.

Через два дня, утром 21 ноября, Гинденбург снова принял вождя НСДАП. Рейхспрезидент опять подчеркнул, как высоко он ценит личность Гитлера и большую часть его идей, и попросил его «как вождя крупнейшей партии представить условия, на основе которых руководимое им правительство будет обладать надежным, работоспособным большинством с крепкой единой рабочей программой в рейхстаге». Президент передал Гитлеру следующее заявление: «Вы знаете, что я отстаиваю идею президентского кабинета. Под этим я понимаю правительство, которым руководит не вождь партии, а надпартийный человек, пользующийся моим особым доверием. Вы заявили, что предоставите ваше движение только в распоряжение кабинета, во главе которого будете стоять вы, вождь партии. Если исходить из этой предпосылки, то я вынужден потребовать, чтобы такой кабинет располагал большинством в рейхстаге. Поэтому я прошу вас как лидера крупнейшей партии установить, будете ли вы и при каких условиях располагать в рейхстаге для руководимого вами правительства надежным, работоспособным большинством с крепкой единой рабочей программой». Гинденбург сказал Гитлеру, что будет ждать от него ответа самое позднее до вечера 24 ноября.

Фюрер НСДАП тоже изложил свои мысли в письменной форме. Он указал на силу национал-социалистического движения, которое само сможет обеспечить для любого правительства уже две трети необходимого большинства в рейхстаге. Гитлер обещал подкрепить президентский кабинет теми конституционными гарантиями, которые необходимы для восстановительной работы. Но он просил у президента таких же полномочий и положения, как у Брюнинга и Папена. Поражение правительства с участием национал-социалистов привело бы к большевистскому хаосу. Если глава государства все же решил бы снова вернуться к «чисто старопарламентским формам правления», об этом ему надо открыто заявить. В этом случае Гитлер указал бы на «далекоидущие последствия» такого решения. На словах партийный фюрер добавил, что на пути переговоров с Центром встретятся очень большие, скорее всего непреодолимые трудности.

Отвечая Гитлеру, Гинденбург выдвинул свои условия формирования правительства, которые были переданы в письменном виде: «1. Предметно: Представление экономической программы. — Никакого возврата к дуализму рейха и Пруссии. — Никаких ограничений статьи 48. 2. Я оставляю за собой право окончательно утверждать список министров. Как представитель рейха в международных отношениях и Верховный главнокомандующий Вооруженных сил рейха, я имею гарантированное конституцией право назначать министров

иностранных дел и рейхсвера». Устную беседу Гинденбург закончил словами: «Чем завершатся дело и переговоры, только Богу известно. Мы этого не знаем. Одно я хотел бы только заметить: как бы наши переговоры ни закончились, мои двери всегда будут для вас открыты»¹⁵.

Однако фельдмаршал все еще не принял решения сделать партийного фюрера канцлером. 24 ноября Гинденбург отдал Майснеру распоряжение написать письмо Гитлеру, в котором благодарил последнего за готовность принять на себя руководство президентским кабинетом, но полагал, что «не может, зная немецкий народ, передать президентские полномочия вождю одной партии, которая постоянно подчеркивала свою исключительность и отрицательно относилась как к нему лично, так и к считающимся для него необходимыми политическим и экономическим мерам». В связи с этими обстоятельствами он опасался, что возглавляемый Гитлером президентский кабинет «вынужденно превратится в партийную диктатуру со всеми вытекающими отсюда последствиями, что чрезвычайно обострит противоречия в немецком народе, за которые он не сможет ответить перед своей присягой и совестью»¹⁶. Направив в прессу это сообщение, Гинденбург и его политические советники поставили общественность в известность о невозможности формирования правительства парламентского большинства и о необходимости нового президентского кабинета, но только не под руководством Гитлера.

Для проформы рейхспрезидент также поручил руководителю Центра прелату Каасу во время парламентских переговоров прозондировать почву, что в конечном итоге закончилось безрезультатно, так как Гитлер и Гинденбург дали понять, что для них нежелателен предмет обсуждения. Пришлось и Шляйхеру учитывать это обстоятельство во время своих бесед. Уже вечером 25 ноября Гинденбург сказал утомленно Каасу: «Я охотно готов уйти в любой момент, если ни в стране, ни за рубежом мне не будет оказано доверия, которого требую. Не хочу также, чтобы меня просили о том, что ущемляет мою гордость... Мне постоянно одной рукой показывают пряник, а другой — кнут... Я попадаю во все более тяжелое положение. У меня хотят отобрать человека, которому доверяю, и навязать мне канцлера»¹⁷.

Как и прежде, президент отказывался назначить Гитлера канцлером президентского правительства. Сомневался он и в том, что при очередном роспуске рейхстага сможет придерживаться конституционного срока новых выборов. Но об авторитарном изменении конституции в этот отрезок времени маршал и не помышлял. А тем временем встала задача предпринять ощутимые меры для улучшения условий жизни населения. Но становилось все очевиднее, что этого Папену никто не доверит.

По тому, как вел переговоры министр рейхсвера Курт фон Шляйхер, казалось, что вреда было бы меньше, если бы он сам возглавлял правительство, а не непопулярный Папен; к тому же социал-демократический профсоюз, возглавлявшийся Теодором Ляйпартом, скорее, чем СДПГ, согласился бы допустить назначение министра рейхсвера на пост канцлера. Генерал, в свою очередь, постарался создать «поперечный фронт» от «социалистического» крыла НСДАП во главе с рейхсляйтером Грегором Штрассером до свободных профсоюзов, дистанцировавшихся от линии СДПГ. А газета «Форвертс» предостерегала фельдмаршала: «Папен — это война! Рейхспрезидент не имеет права объявлять войну собственному народу!»¹⁸

Вечером 1 декабря Папен, Шляйхер, Майснер и Оскар Гинденбург обсуждали обстановку у Гинденбурга. Перед этим Гитлер отклонил предложение главы государства снова прибыть для переговоров: фюреру национал-социалистов было ясно, что фельдмаршал не доверит ему канцлерства. Собравшиеся пришли к выводу: канцлерство Шляйхера вызовет такую же неприязнь парламента, как и продолжение работы кабинета Папена. Канцлер высказался за конституционную реформу без подключения к этому процессу рейхстага. Он даже считал необходимым ввести чрезвычайное положение, управляя некоторое время на основании чрезвычайных постановлений, и применить силу оружия для подавления возможной попытки путча. Маршал просто уже не знал, доверить ли снова формирование кабинета Папену и наделять ли его президентскими полномочиями по отношению к рейхстагу, так как из-за этого могла вспыхнуть гражданская война.

Заметно стал охладевать Гинденбург и к Шляйхеру за его интриги против собственного главы правительства, двурушничество. Усугублялось это еще и тем, что в последнее время до фельдмаршала стали доходить слухи о любовных похождениях Шляйхера, вызвавших охлаждение дружеских чувств даже у сына Гинденбурга — Оскара к своему однополчанину. Но рейхспрезидент был не в состоянии расстаться с могущественным и ловким генералом. Доверенное лицо Шляйхера подполковник Ойген Отт наглядно объяснил кабинету, что полиция и рейхсвер больше не доверяют канцлеру и в случае всеобщей забастовки не могут быть использованы против национал-социалистов и коммунистов. При таких обстоятельствах и восточная граница подвергнется большой угрозе в случае польского вторжения. Под впечатлением этого доклада большинство членов старого кабинета высказались против дальнейшего канцлерства Папена.

Второго декабря Папен совещался с рейхспрезидентом. Фельдмаршал, усталый, почти отчаявшийся, был не в состоянии пойти против своей совести, нарушить присягу конституции и даже ока-

заться перед угрозой возникновения гражданской войны. Со слезами на глазах, с поникшей головой он вынужден был сказать своему близкому доверенному человеку: «Вы, дорогой Папен, можете посчитать меня подлецом за то, что я сейчас меняю свое мнение. Но я слишком стар, чтобы в конце моей жизни взять на себя ответственность за гражданскую войну. Поэтому мы с Божьей помощью должны дать попытать счастья господину Шляйхеру»¹⁹.

Папену он направил не только чрезвычайно сердечное благодарственное прощальное письмо, но и свой портрет с надписью: «Был у меня товарищ». И этого «товарища» он не захотел отпускать из Берлина. Шляйхер намеревался отправить Папена послом в Париж, но маршалу удалось уговорить своего высокочтимого экс-канцлера остаться в своем ближайшем окружении. Если учесть, что у Папена отсутствовал страх общения с Гитлером, то это решение Гинденбурга оказалось роковым.

Вскоре после того как глава государства распрощался с Папеном, он принял Шляйхера. Определенно он дал генералу поручение сформировать правительство. Министр рейхсвера медлил, но Гинденбург пообещал, что в любой момент предоставит ему полномочия для роспуска рейхстага. Теперь президент выдвинул в первый ряд самого генерала, который охотно действовал на заднем плане. Шляйхеру пришлось против воли выполнять задание, равное военному приказу. Паркетный генерал понимал, что ему не подходит роль шефа правительства и из-за такого назначения его звезда может закатиться, поэтому он незначительно изменил персональный состав кабинета своего предшественника, оставив за собой и пост министра рейхсвера. Не очень довольный этой персональной унией, Гинденбург все-таки заметил, что Шляйхер, «социальный генерал», каким он видел себя сам, вполне пользовался благосклонностью профсоюзов. Поэтому его правительство казалось не таким изолированным, каким было предыдущее.

В рейхстаге национал-социалисты снова стали выступать против главы государства. Так, вновь избранный старейший депутат, генерал в отставке Карл Лицман, не только приписал победу под Танненбергом себе и своей дивизии, но и заявил, что фельдмаршала проклянут потомки, если он не сделает Гитлера рейхсканцлером. Но Гинденбург считал национал-социализм и сопутствующие ему явления вульгарными, а Гитлера — истеричным «барабанщиком», за которым генералу гнаться не пристало.

Хотя и было известно, что многие союзы по интересам, такие, например, как «Рейхсландбунд», настроены против правительства, но последнему нельзя было отказать в том, что во время его правления наступила определенная стабилизация во внутренней политике. По-

этому президент с облегчением посчитал возможным 19 декабря отменить различные санкции против политических выступлений и упразднил введенные только в августе особые суды. Созыв рейхстага был отсрочен, и поэтому не было «Рождественского кризиса». С точки зрения внешней политики заметно улучшились отношения с Советским Союзом. Шляйхер, в отличие от Папена, был готов продолжать выгодное двустороннее военное сотрудничество. Существовало также мнение, что в случае войны «жизненная необходимость» — вопреки всем пактам — приведет к совместному выступлению обеих стран против Польши. К тому же Шляйхер прекратил бойкот Женевской конференции по разоружению, так как казалось, что западные державы признали претензии Германии на военное равноправие. В конечном счете — и это должно было обнадежить президента — канцлер пытался обеспечить правительству более широкую основу благодаря поддержке населения.

Маршал почувствовал, что на горизонте забрезжило ободряющей надеждой. В конце года Гинденбург направил Шляйхеру собственноручно написанное письмо, в котором были такие строки: «Я благодарю Вас за спокойное, тихое Рождество, самое спокойное время, которое я когда-либо переживал после вступления в должность... С радостью я выражаю Вам, мой дорогой молодой друг, свое глубокое удовлетворение тем, как вы руководите правительством»²⁰.

Возвратившись из Восточной Пруссии, фельдмаршал принял Грегора Штрассера. Сорокалетний аптекарь из Баварии вместе со своим братом Отто создал НСДАП в Северной Германии, став одной из самых могущественных и популярных личностей в партии. Этот радикальный антикапиталист оказался во все более враждебных отношениях с Гитлером и в декабре вынужден был уйти со своих партийных постов. Шляйхер, наоборот, был высокого мнения об этом лидере и устроил ему тайную аудиенцию у Гинденбурга. Неотесанный Штрассер в разговоре с глазу на глаз, видимо, произвел на рейхспрезидента неплохое впечатление, если последний даже дал понять, что готов допустить его назначение вице-канцлером, хотя для него Штрассер, само собой разумеется, с идеологической точки зрения был слишком радикально-«социалистическим».

В тот же день в Кёльне Папен встретился с Гитлером в доме банкира Курта фон Шрёдера. Действия Папена теперь были направлены против Шляйхера. Задумав наладить сотрудничество Гинденбурга с Гитлером, он этим самым рассчитывал снова укрепить свою позицию. Старому господину пришлось выслушать требования канцлера-генерала запретить Папену такие политические манипуляции. К тому же глава правительства в категорической форме попросил президента принимать экс-канцлера только в его присутствии, на что

фельдмаршал пообещал подумать. Папен же, наоборот, попытался представить свои переговоры с Гитлером как заманчивую и полную надежд перспективу на будущее. Старый господин склонен был теперь думать, что Гитлер больше не будет настаивать на передаче ему всей исполнительной власти и согласится на участие в коалиционном правительстве вместе с правыми. Гинденбург дал согласие Папену на строго доверительный контакт с Гитлером, ясно понимая, что при возможном преобразовании правительства Шляйхеру там не бывать.

Рейхсканцлер снова дал в прессу информацию о коррупции в «Восточной помощи». Старому господину, естественно, это пришлось не по вкусу. У него вызывал полное неприятие тот факт, что Шляйхер принял план Брюнинга о разделе нерентабельных прусских рыцарских имений. Разве сами Гинденбурги не потеряли в прошлом веке землю из-за тяжелого аграрного кризиса? А теперь Шляйхер был намерен тоже отобрать землю у богатых традициями, верных королю семей. Этим рейхсканцлер восстановил против себя президента, для которого, как и прежде, интересы восточноэльбских помещиков значили очень много, даже если некоторые из них были неизлечимыми мотами и совершенно неспособными предпринимателями. Крупнейший сельскохозяйственный союз, «Рейхсландбунд», начал действовать против Шляйхера в том же духе, как это он уже делал против Брюнинга. Вместе с национал-социалистами союз обвинил правительство в тенденциях, враждебных сельскому хозяйству, и в «большевизации немецкого народа». В то время как канцлер больше не хотел вести переговоры с членами правления «Рейхсландбунда», Гинденбург занял сторону крупных землевладельцев.

Его тесные связи с восточноэльбскими аграриями в конечном счете существенно навредили его имени, как раз в конце жизни. Получившие широкую огласку злоупотребления с общественными деньгами в рамках «Восточной помощи» возмутили общественность. Восточнопруссские аристократы использовали средства рейха не на погашение своих огромных долгов, а на покупку скаковых лошадей, штучных автомобилей и для поездок на Ривьеру. Старый друг рейхспрезидента Ольденбург-Януша оказался в особенно благоприятной ситуации от раздела общественных пожертвований. Теперь в обществе началась дискуссия вокруг дарения Нойдека по случаю восьмидесятилетия президента. Именно то, что имение было записано на Оскара фон Гинденбурга, чтобы не платить налог на наследование, вызывало озлобление и вредило репутации главы государства. Гинденбург, всегда чрезвычайно чувствительный к общественной критике, обиделся на Шляйхера за то, что канцлер не защитил его от обвинений в манипуляции с налогами.

Наоборот, фельдмаршал приветствовал действия Папена, которому, как ему казалось, удалось расположить Гитлера к участию в коалиции. Он снова принял Штрассера, который между прочим сообщил ему об отсутствии шансов у плана расколоть НСДАП. Папен интерпретировал президенту результаты выборов в ландтаг в маленькой Липпе как новое доказательство взлета престижа национал-социалистов (хотя при этом было всего подано меньше 100 тысяч голосов). И все-таки Гинденбург все еще не хотел назначать Гитлера рейхсканцлером. Но во время встречи его сына и Майснера с Гитлером, Герингом, Фриком и Папеном в Берлин-Далеме у Йоахима фон Риббентропа, связанного семейными узами с династией крупных немецких производителей шампанского, национал-социалисты продемонстрировали полную готовность пойти на уступки и требовали наряду с канцлерством лишь два министерских кресла.

Утром 23 января 1933 года явно взволнованный Оскар фон Гинденбург, Майснер и Папен сделали доклад рейхспрезиденту. Узнав об этой встрече, Шляйхер тут же поспешил к старому господину. Канцлер предложил ему распустить рейхстаг, но одновременно перенести новые выборы на осень, хотя еще в декабре прошлого года он советовал президенту вводить чрезвычайное положение в стране, страшая вспышки гражданской войны. Гинденбург не отказывался обдумать вопрос о роспуске парламента, но не хотел брать на себя ответственность за антиконституционный перенос сроков выборов. Прежде чем решиться на такой шаг, необходимо было опросить партийных лидеров, согласятся ли они признать факт чрезвычайной ситуации в государстве. Он не хотел, чтобы его обвинили в нарушении конституции именно сейчас, когда и так у всех на слуху были пересуды о дарении ему Нойдека. Кроме того, маршал планировал удалить Шляйхера, поддерживаемого крупными промышленниками и уже настроившего против себя немецких националистов.

Требование канцлера объявить чрезвычайное положение стало известно общественности. Партии и пресса выступили против него и потребовали его отставки. А в последний день января снова должен был собраться рейхстаг. Свержение правительства казалось неминуемым, так как именно веймарские партии, СДПГ и Центр, больше боялись временной диктатуры Шляйхера, чем конституционного участия Гитлера в правительстве. Совершенно очевидно, что Гинденбург надеялся на новое канцлерство Папена, который сам отнюдь не был уверен в осуществлении этой идеи. Тем более что общественность с серьезными сомнениями относилась к немецко-национальному «боевому кабинету» Папена-Гугенберга; опасались, что Гинденбург позволит «наезднику» устроить государственный переворот.

От Майснера фельдмаршал услышал об обещании Геринга, что,

став рейхсканцлером, Адольф Гитлер сохранит верность конституции и ни в коем случае не будет посягать на права рейхспрезидента. В противоположность этому Шляйхер требовал, чтобы Гинденбург доверил ему всю исполнительную власть без ограничений. Однако фельдмаршал, страшась возникновения гражданской войны, никоим образом не хотел наделять диктаторскими полномочиями канцлера, за которым практически не стояло больше никакой партии. В отличие от Шляйхера Гинденбург больше не намеревался откладывать выборы в рейхстаг. Маршал был не в состоянии нарушить конституцию. Ведь он поклялся перед Богом, что будет соблюдать ее, а это было главным для религиозного старого человека.

Двадцать восьмого января рейхспрезидент принял своего канцлера, которому больше не доверял. Шляйхер видел три альтернативы для преодоления кризиса: первая — пожалуй, нереальная — кабинет, состоящий в большинстве из сторонников Гитлера; вторая — правительство, где Гитлер был бы рейхсканцлером, но министры — члены НСДАП — составляли бы меньшинство, что означало бы неожиданное изменение образа мыслей главы государства; еще одна — сохранение существующего президентского правительства. С невозмутимым видом Гинденбург выслушал генерала и сразу же отказался выдать ему ордер на роспуск рейхстага. Шляйхер и не ожидал ничего иного. Посчитав, что усилия канцлера окончательно обречены на провал, маршал отказался заслушивать других членов правительства. Дав понять, что Шляйхер и его правительство должны уйти в отставку, он сказал: «Я благодарю вас, господин генерал, за все, что вы сделали для Отечества. А теперь мы посмотрим, как с Божьей помощью заяц побежит дальше»²¹.

Промышленники и профсоюзы выразили сожаление по поводу внезапной отставки Шляйхера. Политический центр настоятельно предупредил рейхспрезидента о возможности государственного переворота чрезвычайно непопулярного Папена. У фельдмаршала вызвала гнев статья в газете «Теглихе рундшау», считавшейся рупором Шляйхера, в которой говорилось о «возможном кризисе вокруг рейхспрезидента» в случае назначения Папена и наделения его диктаторскими полномочиями. После этого Гинденбург не захотел больше видеть Шляйхера даже министром рейхсвера.

Во время аудиенции негодование президента вызвали начальник руководства Сухопутных войск Хаммерштайн-Экворд и начальник Главного управления кадров Сухопутных войск генерал Эрих барон фон дер Бусше-Иппенбург. Оба офицера охарактеризовали отставку Шляйхера как нетерпимую для армии. Очевидно, и рейхсвер опасался вспышки гражданской войны при авторитарном кабинете Папена. Именно от известного своим пренебрежением к решению военных

задач Хаммерштайна Гинденбург не желал выслушивать поучения. Он решительно запретил военным вмешиваться в политические дела, ибо как победитель под Танненбергом и начальник Генерального штаба он во время войны мыслил и действовал по-другому.

Так или иначе, но Гинденбург, несмотря на все опасения общест-венности, поручил своему всеми презираемому любимцу прове-рить в переговорах с руководителями партий возможность создания правительства под руководством Гитлера в рамках конституции и при одобрении рейхстага. Так Папен приступил к переговорам с Гит-лером и Гутенбергом. Тем временем Гитлер дал понять, что готов принять доверенных лиц рейхспрезидента в свой кабинет. Эта уступ-ка оказала влияние на главу государства.

Во всяком случае, Гинденбург сразу назначил в качестве преемни-ка Шляйхера на посту министра рейхсвера генерал-лейтенанта Верне-ра фон Бломберга, командующего важным 1-м военным округом в Восточной Пруссии. 1878 года рождения, честолюбивый офицер враждовал со Шляйхером, после того как тот в 1929 году перевел его из руководства Сухопутных войск в Восточную Пруссию. Гинденбург считал, что передает рейхсвер в хорошие руки генерала, настроенно-го национал-социалистически, и распорядился откомандировать Бломберга с Женевской конференции по разоружению в Берлин. Прошел слух, что Шляйхер и Хаммерштайн намеревались устроить путч с помощью потсдамского гарнизона и арестовать президента вместе с его сыном. Утром 30 января Бломберг прибыл на Ангальт-ский вокзал, откуда адъютант Хаммерштайна должен был доставить его в министерство рейхсвера. Однако Оскар фон Гинденбург все же опередил его на платформе и отвез генерала на Вильгельмштрас-се. Там глава государства привел его к присяге в качестве министра рейхсвера, нарушив тем самым конституцию, поскольку рейхспрези-дент мог назначать рейхсминистра только по предложению рейхс-канцлера.

Переговоры между Папеном, Гитлером и Гутенбергом тем време-нем приобретали все более конкретные формы, хотя и ходили слухи, что Гинденбург вместе с экс-канцлером и лидером немецких националистов хотел попытаться сформировать кабинет без НСДАП. Со-гласованный Папеном, Гутенбергом и национал-социалистами спи-сок министров предусматривал Гитлера в качестве рейхсканцлера, за это высказывался и Зельдте из «Стального шлема». Папен должен был присоединиться к этому мнению не в последнюю очередь и по-тому, что НСДАП угрожала начать непримиримую борьбу с диктату-рой экс-канцлера. Но наряду с Гитлером в правительство должны были войти всего лишь два национал-социалиста. Гинденбург полу-чил от Папена вечером 29 января сообщение, что все согласны. Когда

президент узнал от своего протеже о том, что в кабинете Гитлера большинство составят люди из национально-консервативных кругов и специалисты, маршал вынужден был отбросить все свои сомнения по поводу «богемского ефрейтора». Может быть, все же удалось бы вовлечь радикала Адольфа Гитлера в борьбу за дело старой элиты, как его в этом пытался убедить Папен. В любом случае рейхспрезидент считал, что вынужден действовать, хотя все еще опасался попытки Шляйхера поднять путч и развязать таким образом гражданскую войну.

Тридцатого января 1933 года, в 11 часов, он готов был привести к присяге новый кабинет, хотя за четверть часа до этого в рабочей комнате Майснера разгорелась полемика между Гитлером и Гутенбергом по вопросу новых выборов в рейхстаг, на чем настаивал фюрер НСДАП, стремясь обеспечить себе «закон о предоставлении чрезвычайных полномочий» от парламента с национал-социалистским большинством. Немецких националистов, напротив, в случае новых выборов ожидало дальнейшее сокращение голосов, и потому Гутенберг резко воспротивился новым выборам. Рядом уже с нетерпением ожидал Гинденбург. Чтобы 15 минут заставлять ждать столь прославленного человека, было для него непривычно. Папен предотвратил скандал, и было принято решение просить рейхспрезидента об ордере на роспуск рейхстага. Наконец фельдмаршал смог приветствовать новых членов кабинета в своей рабочей комнате и вручить им грамоты о назначении.

Папен стал вице-канцлером и министром-президентом Пруссии в качестве человека Гинденбурга в «правительстве национального сплочения». Наряду с рейхсканцлером Гитлером национал-социалисты были представлены в правительстве Вильгельмом Фриком, министром внутренних дел, и Германом Герингом, министром без портфеля, уполномоченным прусским министром внутренних дел и рейхскомиссаром воздушных сообщений. Другие ведомства были заняты представителями консерваторов и немецких националистов. Гутенберг отвечал за экономику, Зельдте — за министерство труда. Константин барон фон Нейрат, Лютц граф Шверин фон Крозигк, а также Франц Гюртнер и Пауль барон фон Эльц-Рюбенах руководили, как и прежде при Папене и Шляйхере, министерствами иностранных дел, финансов, юстиции, почты и транспорта. При этом Гинденбург особенно полагался на рейхсвер, возглавлявшийся Бломбергом, и на чиновничество, от которых глава государства ожидал строгой беспартийности. После короткой речи Гитлера фельдмаршал попрощался с новыми членами правительства со словами: «А теперь, мои господа, с Богом вперед!»²²

Казалось, именно Эрих Людендорф предвидел беду, которую

принесет с собой это новое правительство. Уже через два дня после захвата власти национал-социалистами он написал Гинденбургу: «Назначением Гитлера рейхсканцлером Вы передали наше святое немецкое Отечество величайшему демагогу всех времен. Я Вам торжественно предсказываю, что этот злосчастный человек столкнет наш рейх в пропасть, приведет нашу нацию в непостижимо жалкое состояние и будущие поколения проклянут Вас в Вашей могиле за то, что Вы это совершили»²³.

Национал-социалисты сделали 30 января своим праздником: вечером части СА и «Стального шлема» маршировали через правительственный квартал. Пылающие факелы в руках тысяч людей рассекали мрак. Чтобы приобщиться к спектаклю, старый господин простоял три часа у окна, под которым было смонтировано паровое отопление. Гинденбург не шевелился, не сходя с перегретого места, следствием чего явилась сильная простуда; он не хотел никогда, даже и в преклонном возрасте, показывать свою телесную слабость. Проходившие торжественным маршем члены СА приветствовали главу государства, правда, более сдержанно, чем Гитлера, стоявшего в ста метрах от него на маленьком балконе новой рейхсканцелярии. Фельд-маршалу платили дань уважения за исторические заслуги и отдавали долг его библейскому возрасту. Ему выражали благодарность за то, что он сделал Адольфа Гитлера новым рейхсканцлером. Но Гитлер, и в этом не могло быть никаких сомнений, был носителем новых надежд немецкой нации. Ему принадлежали все ожидания и эмоции большей части населения. Он олицетворял новое время, а Гинденбург — лишь старую, давно ушедшую эпоху.

Сразу же национал-социалисты начали готовиться к следующему удару. После видимости переговоров с Центром, которые, естественно, прошли безрезультатно, Гитлер обратился к рейхспрезиденту с ходатайством о роспуске рейхстага. Он заявил старому господину, что с прежним парламентом невозможно работать. Маршал 1 февраля издал соответствующее постановление и еще одно, назначившее срок выборов на 5 марта. Гинденбург некоторое время медлил, но Папену, его незадачливому советнику, удалось его уговорить.

Очевидно, преклонный возраст рейхспрезидента брал свое. После того как маршал наконец перестал сопротивляться назначению Гитлера канцлером, теперь казалось, что он полностью полагается на массовое национал-социалистическое движение и его вождя. Папена же он сделал своим рупором и регулятором в правительстве. Первое время президент хотел, чтобы вице-канцлер тоже присутствовал на докладах Гитлера. Позднее Гинденбург стал больше доверять новому шефу правительства, поэтому такая необходимость отпала. Самому маршалу было тяжело постоянно плыть против течения, он

так же мало понимал новое время, как и в бытность, когда принял и считал по существу хорошей Веймарскую республику. Его сопротивление было сломлено. На склоне своей жизни он больше, чем когда-либо, стремился к покою, порядку и гармонии.

И Гитлер научился доставлять удовлетворение старому господину. Он оказывал ему должное уважение, даже раньше появлялся в рейхсканцелярии, чем это соответствовало его обычным привычкам, обещал маршалу, что выступит против эксцессов СА, и даже заверял, будто хочет восстановить монархию, как только Германия получит полный суверенитет. К тому же Гитлер сделал Вальтера Функа, старого друга семьи Гинденбургов, новым пресс-секретарем президентской канцелярии, который после этого сообщал о правительстве Гитлера только хорошие новости. Национал-социалисты снова возвели старика фельдмаршала на пьедестал. После длившейся годами клеветы они теперь превозносили его заслуги последних двадцати лет, уже не называли полководца безвольным инструментом в руках марксистов и иезуитов, а снова представляли народным героем войны, на которого с восхищением должен был взирать немецкий народ, ведь маршал дал нации нового рейхсканцлера.

Казалось, что опасения консервативной Баварии за свои права — ввиду действий в отношении Пруссии — не произвели на фельдмаршала большого впечатления. Он обещал ненационал-социалистическому Мюнхену, что Берлин не направит туда имперского комиссара. Однако 24 февраля князь Эттинген-Валлерштайн и барон фон Редвиц посетили старого господина. Они изложили план назначения кронпринца Рупрехта баварским генеральным государственным комиссаром и правителем южнее Майна. Но Гинденбург отнюдь не разделял эту идею, так как не желал подвергать опасности единство рейха. Соответственно, он предостерег эмиссаров от осуществления этого плана государственной измены.

Зато Папен хотел создать в качестве дополнения к национал-социалистам христианско-консервативное массовое монархическое движение. «Черно-бело-красный боевой фронт» должен был охватывать немецких националистов, «Стальной шлем» и другие консервативные группировки. В то же время Гутенберг собирал их под новым названием для Немецкой национальной народной партии. Конечно, «боевой фронт» рассматривал Гинденбурга — в противоположность позиции немецких националистов в последние годы — как свою руководящую фигуру. Народная партия, которая из-за Гутенберга не примкнула к «боевому фронту», в предвыборной кампании также использовала для вербовки своих сторонников имя Гинденбурга. Баварская народная партия ожидала, что президент защитит Баварию от перегибов правых.

Даже Брюнинг и вместе с ним Центр надеялись — впрочем, напрасно, — что старый полководец остановит жестокие эксцессы национал-социалистов. Только маршал не стал делать ничего подобного. Он все меньше прислушивался к голосам протеста. Наступательным образом действий против Гитлера и его сторонников он боялся вызвать гражданскую войну, за которую не хотел нести ответственности. Даже социал-демократы, центральный орган которых газета «Форвертс», была запрещена уже 4 февраля, все еще не могли расстаться с надеждой, что Гинденбург положит конец нарушениям конституции и государственному терроризму со стороны национал-социалистов.

Президент присутствовал на торжественном ужине, который Папен устроил в его честь в «Клубе господ» на углу Фосштрассе, когда 27 февраля произошел поджог рейхстага. Из окна был виден охваченный пламенем купол. Папен доставил домой Гинденбурга, который просил информировать его о дальнейшем развитии событий, однако казался не слишком взволнованным. Уже на следующий день он подписал представленное ему Гитлером постановление «О защите народа и государства». Это провозглашение чрезвычайного положения служило «отражению коммунистических, угрожающих государству актов насилия» и казалось узаконенным самой имперской конституцией. Правда, принятием этого постановления было отменено не менее семи статей конституции, касавшихся соблюдения личной свободы, права на беспрепятственное выражение мнения, на свободу собраний и прессы и тайну переписки, — «до дальнейших указаний». Кроме того, правительство Гитлера обладало правом вмешиваться в дела тех земель, которые были не в состоянии или не намеревались гарантировать общественный порядок. В связи с этим постановлением были арестованы более 10 000 человек, из них 95 процентов составляли коммунисты, которым приписали поджог.

Выборы в рейхстаг 5 марта 1933 года не принесли президенту ожидаемого успеха национально-консервативных сил в стране, как и абсолютного большинства для НСДАП. Несмотря на продолжавшийся неделями уличный террор, она выиграла только 92 мандата и, таким образом, располагала в рейхстаге 288 местами. СДПГ осталась второй по силе фракцией со 120 местами, обогнав КПП, обладавшую 81 мандатом. Центр даже увеличил свое представительство до 73 мандатов, в то время как Немецкая национальная народная партия стагнировала при 52 мандатах. Народная партия «усилилась» только двумя депутатами. Результаты выборов показали, что одно лишь имя Гинденбурга больше не является слишком притягательным для избирателей. Так, например, многие члены «Стального шлема» голосовали за партию Гитлера.

Действительно, старый маршал был менее чем когда-либо открыт для общественности, пребывая в состоянии полной пассивности. То, что НСДАП 8 марта все же получила большинство, просто аннулировав 81 мандат КПП, не обеспокоило его. Также и государственные перевороты национал-социалистов в Баварии и Вюртемберге, осуществленные в марте, отнюдь не побудили его к действиям.

Гитлер сумел оправдать назначение рейхскомиссаров тем, будто это предотвратит кровопролитие, и престарелый президент согласился с ним. Казалось, глава государства с полным безразличием относится к тому, что все больше прав переходит в руки правительства. Все сильнее он впадал в летаргию. Гинденбург перестал защищать конституцию и этим окончательно передал Германию национал-социалистам. Он согласился также с тем, чтобы исчезли республиканские государственные цвета, а знамя со свастикой было введено в качестве национального флага. И только с помощью Папена ему удалось настоять, чтобы этот флаг вывешивался вместе со старым, кайзеровским.

В праздничный день открытия нового рейхстага, 21 марта, ровно через 62 года с того момента, когда Бисмарк открыл первый рейхстаг после германского объединения, миллионы людей наблюдали инсценированное представление примирения старой и новой Германии у саркофага Фридриха Великого в гарнизонной церкви Потсдама. Это было последнее крупное выступление старой элиты, членов императорской фамилии, генералов в парадной форме, дипломатов и высокопоставленных лиц из министерства юстиции и администрации. Правительство сидело в церковном нефе, эскортируемое национал-социалистическими депутатами в коричневых рубашках. Снова в центре внимания находился Пауль фон Гинденбург. В королевском фельдмаршальском мундире он медленно прошел на свое место, отдал честь перед пустым стулом, предназначенным для находившегося в сей момент в Доорне экс-кайзера; маршальским жезлом приветствовал стоявшего за пустовавшим стулом своего отца кронпринца, облаченного в форму данцигских гусар с черепами. Еще снаружи, на лестнице, президента смиренно приветствовал Гитлер в черной визитке. Когда Гинденбург в сопровождении нового рейхсканцлера вошел в празднично украшенное помещение церкви, все участники церемонии поднялись и запели «Теперь благодарите все Бога» — хорал победоносной армии Фридриха Великого после сражения под Лейтеном. Глава государства занял место в кресле напротив алтаря, слева от него восседал одетый в гражданское Герман Геринг, справа — Адольф Гитлер.

После того как соборный хор закончил «Господи, душу мою благослови!», старый господин поднялся, надел свои очки в роговой

оправе и взял у Майснера текст речи. С невозмутимым лицом он произносил слова, призывавшие к надежде: «Моим постановлением от 1 февраля этого года я распустил рейхстаг, чтобы немецкий народ сам мог выразить свое отношение к вновь сформированному мной правительству национального единства. На выборах в рейхстаг 5 марта наш народ явным большинством последовал за этим, обремененным моим доверием, правительством и дал тем самым конституционную основу для его работы.

Задачи, которые вы, господин рейхсканцлер, и вы, мои господа рейхсминистры, видите перед собой, трудны и разнообразны. В области внутренней и внешней политики, в самом народном хозяйстве и в мире необходимо решать трудные проблемы и принимать важные решения. Я знаю, что канцлер и правительство с твердой волей подходят к выполнению этих задач, и я надеюсь на вас, членов вновь сформированного рейхстага, что вы, ясно осознавая обстановку и возникающие отсюда необходимые действия, пойдете за правительством и со своей стороны будете делать все, чтобы поддержать его в трудном деле.

Место, где мы сегодня собрались, призывает нас оглянуться на старую Пруссию, которая в богобоязни, верная долгу созидания, никогда не падая духом, в преданной любви к Отечеству стала великой и на этой основе объединила немецкие племена. Пусть старая одухотворенность этого славного места вдохновит сегодняшнее поколение, освободит нас от эгоизма и партийных раздоров и в национальном самосознании и духовном обновлении поведет всех нас к счастью единой, свободной, гордой Германии!»²⁴

После этого Гитлер говорил о «не сравнимом ни с чем подъеме» немецкого народа, в котором «за несколько недель была восстановлена национальная честь, и старое величие слилось воедино с молодой силой». Окончив свою речь, канцлер подошел к Гинденбургу и с глубоким поклоном протянул ему руку. По окончании собрания престарелый фельдмаршал присутствовал при возложении венков к саркофагу Фридриха Великого и его отца. Несколькими минутами позже вместе с другими высокопоставленными лицами он принял парад. Под звонкую музыку проходили части различных родов войск армии, за ними следовали подразделения охранной полиции, СА, СС, «Стального шлема», «Гитлерюгенда» и других молодежных союзов фёлькише. В течение двух часов рейхспрезидент мог убедиться в том, что Германия снова встала на путь, ведущий назад, к «национальному величию». Позади было время республиканских символов и идеологических распрей, партийных споров и влияния западных демократий. Как ему казалось, нация рывком сильной руки была направлена к единству. Коммунизм был подавлен, рейхсвер снова по-

лучил достойное место в государстве и обществе. Все это были знаки, доставлявшие Гинденбургу удовлетворение.

Уже через два дня Гитлер принес в переделанное для заседаний рейхстага здание Крольопер в Берлине закон «О преодолении бедственного положения народа и рейха», принятый 23 марта вопреки голосовавшей «против» СДПГ. Этот закон, наделявший правительство «чрезвычайными полномочиями», изолировал парламент, таким образом законодательная власть переходила к исполнительным органам. Кабинет теперь располагал практически неограниченной полнотой власти. Отныне правительство не зависело ни от рейхстага, ни от рейхспрезидента и имело возможность самовольно изменять конституцию. Менее чем через год, 14 февраля 1934 года, рейхстаг был окончательно распущен. Уже 31 марта 1933 года последовал «Временный закон об унификации земель с рейхом», неделей позже вышел окончательный закон. Земли получили рейхснаместников, назначавших земельные правительства. Ландтаги упразднились с 30 января 1934 года.

У старого президента уже не было сил бороться против всех этих преобразований, фактически «легальной революции». Он мог сосредоточиться только на незначительных формальностях, скажем, на просьбе рейхсминистра воздушных сообщений Геринга, мечтавшем о генеральском чине. В то время как Гинденбург предполагал присвоить ему звание генерал-майора, капитан в отставке уже самовольно заказал форму генерала инфантерии, основательно рассердив этим фельдмаршала. Однако последний чувствовал себя слишком старым, чтобы пойти из-за этого на серьезный конфликт.

Когда маршал выступал перед публикой, как, например, на большом митинге молодежи в Берлинер Лустгартен, он всегда говорил только слова, которые были по нраву новым властителям: «Вы — наше будущее! Вы должны будете принять на свои плечи наследие отцов, чтобы хранить, крепить и развивать его. Чтобы подходить для этой задачи, молодежь должна научиться подчинению, выполнению распоряжений и основательному чувству ответственности. Только благодаря мужскому воспитанию и духу самопожертвования, которые постоянно сохранялись в германской армии, может возникнуть поколение, способное решить великие задачи, поставленные историей перед немецким народом. Только тот, кто научился подчиняться, позднее сможет и командовать! И только тот, кто питает глубокое уважение к прошлому нашего народа, сможет справиться с его будущим»²⁵.

Все чаще доходили до Гинденбурга сообщения о бесчинствах СА, дискриминации даже немецких националистов и людей из «Стального шлема», о террористических актах против социал-демократов

и евреев. Президент вступился за несчастных евреев — судей, адвокатов и чиновников юстиции, которые из-за своего происхождения были отправлены в принудительные отпуска, а позднее им грозило увольнение. Подобное обращение ему казалось «абсолютно нетерпимым... если эти люди были достойны бороться за Германию и проливать за нее свою кровь, их надо рассматривать достойными для служения Отечеству согласно их профессии»²⁶. Он также демонстративно принял депутацию Союза еврейских фронтовиков. Однако королю Швеции Густаву он дал понять, что акции нацистов против евреев являются чисто внутригерманским делом. Гитлер избегал встречи с президентом не только тогда, когда возник вопрос об антисемитских репрессиях, но и по поводу возмущившего старого господина ареста евангелических священников и спора о назначении епископа рейха.

Тем временем национально-консервативный лагерь полностью развалился, чему способствовало тайное стремление Гитлера «избавиться от этой банды». Папен смирился с судьбой, Зельдте вступил в НСДАП, а «Стальной шлем» вошел в СА. Даже Гутенберг отступил, Немецкая национальная народная партия, Народная партия, Баварская народная партия, Немецкая государственная партия и Центр самораспустились. Лидер фракции немецких националистов Эрнст Оберфорен умер таинственной смертью, другие ведущие деятели старых правых были арестованы. СДПГ и КПГ были запрещены, создание новых демократических партий не разрешалось, а НСДАП утвердилась в качестве государственной партии. Профсоюзы были ликвидированы, их имущество конфисковано. С другой стороны, старый господин стал замечать признаки нового времени, которые, казалось, оправдывали его решение сделать Гитлера рейхсканцлером. Правительство, в котором число министров-нацистов в течение года возросло до восьми, приняло первые меры по ликвидации безработицы и поддержке сельского хозяйства. Снова большое внимание уделялось вооруженным силам. Престарелый фельдмаршал даже приветствовал выход Германии из Лиги Наций. Несмотря на рост внешнеполитической изоляции, нация, как казалось президенту, возрождала свою волю к единству.

Гитлер и Геринг успокоили президента, преподнеся ему существенный подарок. По примеру того, как когда-то Бисмарку подарили «Заксенвальд» с замком Фридрихсру, без предварительного уведомления глава государства получил принадлежавший ранее Гинденбургам Лангенау и участок леса «Пройсенвальд», находившийся между Лангенау и Нойдеком. Сначала маршал совсем не хотел принимать этого дара, но Гитлер так долго уговаривал его, что старый господин не мог не согласиться. Разве это не было в духе старой доброй прусской традиции, когда благодарный король преподносил в

награду земельные угодья таким заслуженным людям, как Бисмарк, Мольтке, Блюхер и Гнейзенау? Гинденбург принял почетный дар прусского правительства во время торжеств в Танненберге в колоссальном имперском мемориале. Он сделал это, как позже утверждал, не из-за заслуг, а по причине того, что корнями своими глубоко уходит в старопрусскую родную землю.

Летом в Нойдеке президент жаловался на боли в сердце и на отечность ног, дольше обычного в тот год оставаясь в своем поместье. И все же ему снова удалось справиться с силами и окрепнуть настолько, чтобы выразить свое несогласие с национал-социалистами по важному вопросу о рейхсвере. Бывший до сих пор начальником руководства Сухопутных войск, Хаммерштайн, гранд-сеньор старой школы, со скепсисом относившийся к новому режиму, больше не мог оставаться на своем посту. Гитлер хотел назначить его преемником чрезвычайно честолюбивого полковника Вальтера фон Райхенау, который, не считая его сомнительных политических амбиций и близости к НСДАП, показался Гинденбургу слишком молодым, да еще и в слишком низком военном чине. Рейхспрезидент дорожил своим доменом и дал Гитлеру понять, что ему следует больше заботиться о политических делах. Хотя министр рейхсвера генерал-лейтенант Вернер фон Бломберг и угрожал своей отставкой, но и это не произвело впечатления на старого маршала. Он и сам раньше часто пускал в ход такое оружие. Бломберг, как солдат, должен был подчиниться. Итак, глава государства провел свою кандидатуру — вызывавшего у него гораздо больше доверия, внушительного генерала артиллерии Вернера барона фон Фрича.

Двенадцатого ноября 1933 года должны были пройти выборы в новый рейхстаг. Впрочем, существовал только один список, оппозиции больше не допускалось. Одновременно в стране планировался референдум о внешней политике национал-социалистов, о выходе из Лиги Наций и об отказе участвовать в конференции по разоружению. При этом Гинденбург разрешил использовать себя в национал-социалистической пропагандистской машине. По радио он зачитал обращение к народу, которое подтвердило его связь с новыми властями: «Я и правительство рейха, единые в желании вывести Германию из разобщенности и бессилия послевоенных лет, призываем немецкий народ, чтобы он сам завтра решил свою судьбу и объявил всему миру, одобряет ли он избранную нами политику и хочет ли сделать ее своим собственным делом.

Долгие годы, в течение которых отсутствие единства ослабляло страну, остались позади. Благодаря волевому, целеустремленному и сильному руководству назначенного мной 30 января этого года рейхсканцлера Гитлера и его сотрудников Германия снова нашла

себя и обрела силы вступить на путь, предначертанный ее национальной честью и ее будущим... Если нам за границей приписывают военные намерения, то это ложь и клевета. Никто в Германии не ощущает стремления к насильственному противостоянию... Правительство рейха устами рейхсканцлера торжественно заверило другие народы, что мы искренне желаем взаимопонимания. Он снова высказал нашу готовность с радостью одобрить любое фактически осуществляемое разоружение в мире, а также объявил о своей готовности к полному разоружению, в случае, если другие народы решатся на это. Мы всем своим сердцем хотим мира, но мира честного и равноправного».

И Гинденбург обратился с призывом к немецкой общественности: «Единодушно продемонстрируйте завтра ваше национальное единство и честь, сплоченность вокруг правительства рейха, признайте вместе со мной и канцлером основы равноправия и мира во всем мире. Покажите всем странам, что мы снова приобрели и с Божьей помощью хотим утверждать немецкое единство!»²⁷

Всенародный референдум в результате агитации и угрозы репрессий принес одобрение внешней политики Гитлера 95,1 процента голосов. Выборы в рейхстаг дали национал-социалистам большинство в 92,2 процента голосов. Через два месяца Гинденбург в годовщину прихода Гитлера к власти направил ему собственноручно написанное благодарственное письмо: «Я доверяю Вам и Вашим соратникам в том, что Вы в будущем году продолжите и с Божьей помощью завершите так энергично начатое великое дело немецкого возрождения на основе, к счастью, достигнутого национального единства немецкого народа»²⁸.

Внешне все выглядело так, будто Гитлер в то время действительно пользовался доверием и благорасположением престарелого главы государства. Однако Гинденбург продолжал получать сообщения, беспокоившие его. Так, Геринг запретил в Пруссии даже все монархические организации. После неофициального празднования дня рождения Вильгельма приверженцы кайзера были подвергнуты дискриминации, а их организации распущены. Напрасно президент надеялся, будто Папен поможет «привести дела в порядок», ибо чувствовал, что сам ничего сделать больше не в состоянии.

В начале июня 1934 года Гинденбург отправился в Нойдек. В то время рейхспрезидент уже был тяжело больным человеком. Еще с апреля дало себя знать серьезное заболевание мочевого пузыря. В своем поместье он находился под постоянным наблюдением врача. В середине месяца Папен выступил с речью перед студентами в Марбурге, в которой предостерегал от радикальности нового режима. Эти справедливые слова послужили поводом к его отставке с поста

вице-канцлера. Гинденбург получил официальное уведомление, в котором указывалось, что экс-канцлер должен отвечать за свою недисциплинированность. Папену не удалось переговорить с президентом в его восточно-прусском владении. 21 июня президента посетил Гитлер, сообщивший ему о своей первой встрече с Муссолини в Венеции.

Девятью днями позже в Нойдеке появился Майснер, когда стали доходить вести о насильственном подавлении «путча Рема». По его мнению, этого морально опустившегося человека давно уже следовало сместить со всех постов и посадить под замок. Но когда фельдмаршал узнал, что среди 200 убитых оказался и Шляйхер со своей женой, был интернирован Папен, расстрелян Кар, едва избежал смерти Дюстерберг, Гинденбург потребовал судебного расследования случившегося. К тому же он не хотел верить в государственную измену и предательство Шляйхера, на что Гитлер сообщил президенту, будто бывший канцлер погиб по собственной вине, так как пытался с оружием в руках помешать своему аресту.

Этим сообщением маршал отнюдь не был удовлетворен и настойчиво требовал независимого судебного следствия и предоставления документов. Гитлер был вынужден согласиться, рассчитывая затянуть процесс и исходя из того, что глава государства стар и болен. В начале июля Гинденбург по совету Майснера подписал телеграмму, в которой — для успокоения общественности зарубежья — выразил рейхсканцлеру благодарность за подавление предательской вылазки. Гитлер сам поспешил в Нойдек, чтобы изложить свою версию подавления «путча» озабоченному и тяжелобольному президенту. Это позволило Гинденбургу считать Гитлера невиновным в зверствах 30 июня. Более того, он полагал, что рейхсканцлер потерял контроль над различными криминальными элементами в партии. Престарелый глава государства был слишком занят своей прогрессирующей болезнью, чтобы еще оказывать какое-либо сопротивление государственному террору НСДАП. Старому солдату было в высшей степени неприятно все больше нуждаться в уходе. Обе его дочери и профессиональный санитар приняли на себя заботу о нем. Он требовал, чтобы его будили в 7.30, однако вынужден был завтракать в постели. При одевании и бритье ему тоже требовалась помощь. Но старый человек сопротивлялся неминуемому, вставал, занимался служебными делами и ходил гулять по парку. Он все еще мог преодолевать свой недуг настолько, что принимал в Нойдеке иностранных гостей — короля Сиам Праядхипока с женой и свитой и японского принца Тсуненори Кайя с несколькими офицерами Генерального штаба. В конце июля маршал поехал в поле на традиционный праздник вязки снопов ржи во время уборки урожая. Как

пруссский помещик, он считал долгом поддерживать обычай прикалывать перевязанный букетик колосьев к плечу.

Убийство федерального канцлера Австрии Энгельберта Дольфуса национал-социалистическими путчистами тоже, разумеется, не способствовало улучшению его здоровья. В связи с этим событием озбоченного президента посетил статс-секретарь рейхсканцелярии Ганс Генрих Ламмерс, который, естественно, имел поручение от Гитлера успокоить старого господина. Для того чтобы не будоражить внешнеполитическую обстановку, Берлин направил в Вену в качестве посла со специальной миссией освобожденного из-под ареста Папена. В своем последнем письме фельдмаршал высказал ему надежду, что, быть может, удастся «установить нормальные и сердечные отношения с родственным австрийским народом».

В конце июля состояние Гинденбурга резко ухудшилось. К его нарастающей слабости добавилась уремия. В связи с отравлением мочой 1 августа у него стала наблюдаться потеря «четкого сознания», чего совсем недавно не было. К полудню в Нойдеке появился Гитлер, прилетевший на самолете с фестиваля в Байройте. Рейхсканцлер, давно дожидавшийся этого момента, вошел в маленькую спальню смертельно больного маршала, лежавшего на своей простой железной кровати уже в агонии. Очень может быть, что Гинденбург его и не узнал. Последние, малопонятные слова умирающего, сказанные в присутствии обеих дочерей, врачей и Гитлера, относились к «его» кайзеру и «его» Отечеству. В 9 часов утра 2 августа 1934 года восьмидесятишестилетний человек умер от «нарастающей общей слабости» и последовавшего затем «глубокого помрачения сознания», как говорилось в опубликованном медицинском заключении.

В свое время Гинденбург завещал, чтобы при его погребении были прочитаны слова из Откровения Святого Иоанна Богослова, главы 2-й, стиха 10: «Будь верен до самой смерти, и дам тебе венец жизни». Кроме того, он просил с особой благодарностью помянуть павших в мировой войне. «Я не хочу никаких хвалебных и прославляющих речей; доверьте меня милости Божьей»²⁹. Маршал хотел, чтобы его похоронили рядом с женой в Нойдеке или среди его солдат.

Гитлер, уже в день смерти Гинденбурга принявший пост рейхспрезидента, распорядился организовать помпезные государственные похороны 7 августа в мемориальном комплексе Танненберга. Даже мертвый, Гинденбург принадлежал немецкому народу. Церемонная, чудовищная инсценировка, устроенная новым режимом, по размаху милитаристского содержания соответствовала в целом представлению, которое мир имел о Гинденбурге, но не отвечала незамысловатому характеру и простой религиозности этого человека. «Фюрер и рейхсканцлер», которому теперь был подчинен и рейхсвер, не учел

того, что фельдмаршал всегда был глубоко верующим христианином, и прокричал покойному тевтонское прощальное приветствие из Рихарда Вагнера: «Почивший полководец, войди в Вальхаллу!»³⁰

Через восемь дней было опубликовано завещание Гинденбурга Германии. Оно было подписано 11 мая 1934 года и содержало пресловутую концовку, в подлинности которой все же можно сомневаться: «Я благодарю провидение, что оно под вечер моей жизни дало мне возможность пережить час восстановления силы. Я благодарю всех тех, кто в самоотверженной любви к Отечеству принял участие в деле возрождения Германии.

Мой канцлер Адольф Гитлер и его движение, имея великую цель привести немецкий народ через все сословные и классовые различия к внутреннему единству, сделали решительный шаг исторического значения. Я знаю, что многое еще предстоит сделать, и от всего сердца желаю, чтобы за актом национального подъема и народного сплочения последовал акт примирения, который охватил бы все немецкое Отечество.

Я расстаюсь с моим немецким народом с твердой надеждой, что то, чего я страстно желал в 1919 году и что, медленно созревая, привело к 30 января 1933 года, окончательно наберет силу до полного осуществления исторической миссии нашего народа. В этой твердой вере в будущее Отечества я могу спокойно закрыть мои глаза»³¹.

В день его рождения, 2 октября 1935 года, он был погребен в одном склепе с женой, останки которой были привезены из Нойдека. Менее чем через десять лет, в январе 1945 года, Красная Армия подошла к Танненбергу. Под руководством Оскара фон Гинденбурга саркофаги его родителей были перевезены в Кёнигсберг, а оттуда направлены в Берлин, в потсдамскую гарнизонную церковь. В довершение, немецкие саперы взорвали мемориал. Когда позже Советская Армия приблизилась к столице рейха, останки фельдмаршала, его жены вместе с деревянными саркофагами Фридриха Вильгельма I и Фридриха Великого были доставлены в шахту в Тюрингии. Затем американцы разрешили перевезти останки в церковь Элизабеткирхе в Марбурге, где Пауль фон Гинденбург покоится до сих пор.

ПРИМЕЧАНИЯ

I. Карьера офицера

¹ *Немецкий орден*, или орден госпиталя Св. Марии Немецкого дома, назывался также Тевтонским. Младший из трех крупнейших духовных рыцарских орденов (тамплиеров и иоаннитов), он был основан в 1190 г. в Палестине по образцу госпиталя Св. Йоханнеса. Владел землями в Палестине, Греции, Южной Италии и Германии. С 1211 г. вел захватнические войны на территории современных Венгрии, Польши и Прибалтики. В 1242 г. Немецкий орден потерпел поражение от новгородских дружин на льду Чудского озера. В начале XIV в. орденское государство укрепились в Эстонии, Померании и бранденбургском Ноймарке.

Во главе ордена, символом которого считался равноконечный черный крест с расходящимися концами, стоял Великий магистр. Столица до 1291 г. находилась в Акке (Палестина), затем — на Кипре и в Венеции, с 1309 г. — в Мариенбурге, а с 1457 г. — в Кёнигсберге.

После объединения Польши и Литвы в 1386 г. под властью короля Ягайло Немецкий орден оказался в сложном положении. В 1410 г. его войска потерпели тяжелое поражение под Танненбергом (Грюнвальдом). По мирному договору 1466 г. орден передал Польскому королевству большую часть земель. С XVI в. он постепенно теряет государственность и становится аристократической организацией. Окончательно Немецкий орден был запрещен в 1809 г. Наполеоном I.

В 1813 г. был учрежден в качестве военной награды орден «Железный крест», стилизованный под знак Немецкого ордена. Позже германские императоры повторно учреждали орден Железного креста с различными степенями во время войн 1870—1871, 1914—1918 гг., а Гитлер — во время Второй мировой войны 1939—1945 гг. (*Примеч. пер.*)

² *Габсбурги* — королевская и императорская династия немецко-швейцарско-австрийского происхождения. Тирольская мужская линия ее пресеклась в 1740 г. со смертью императора Карла VI. В результате брака наследницы престола Марии-Терезии с герцогом Францем Стефаном Лотарингским (император с 1745 г.) возникла новая линия — Габсбург-Лотарингская. С 1804 г. Габсбурги — императоры Австрии. (*Примеч. пер.*)

³ *Гогенцоллерны* — династия немецких королей и императоров, возникшая в X в. С 1415 г. Гогенцоллерны — бранденбургские маркграфы и курфюрсты, с 1701 г. — короли в Пруссии (Фридрих I). Вильгельм I в 1871 г. стал германским императором.

⁴ *Силезские войны* — три войны, которые король Пруссии Фридрих II Великий вел против австрийской императрицы Марии-Терезии за овладение Силезией.

Первую Силезскую войну (1740—1742 гг.) Пруссия вела в союзе с Францией. В результате Мария-Терезия вынуждена была уступить Пруссии большую часть Силезии.

Вторая Силезская война (1744—1745 гг.): успехи Марии-Терезии в борьбе за австрийское наследство создали угрозу прусским завоеваниям. Фридрих II возобновил союз с Францией и захватил Прагу. Затем его войска были вынуждены оставить Богемию, но одержали победу в сражении при Гогенфридберге, а позже — нанесли поражение австрийцам в битве при Сооре и их союзникам, саксонцам, в сражении у Кессельдорфа, заняв столицу Саксонии Дрезден. По Аахенскому мирному договору 1748 г. Пруссия получила Силезию, что поставило ее в ряд великих европейских держав, Фридрих II признал права Марии-Терезии на престол и Франца I — императором.

Третья Силезская, или Семилетняя, война (1756—1763 гг.) между коалициями, в которые входили Пруссия и Англия, с одной стороны, Россия, Франция, Саксония и Австрия — с другой, закончилась поражением Пруссии, русские войска вошли в Берлин. От потери трона Фридриха II спасло лишь вступление на русский престол Петра III. По мирному договору Пруссия сохранила за собой Силезию. Произошло закрепление прусско-австрийского равновесия среди немецких государств. (Примеч. пер.)

⁵ Фридрих II Великий — родился в 1712 г., правил в 1740—1786 гг., сын Фридриха Вильгельма I, короля Пруссии. В молодости был врагом своего отца, в 1730 г. пытался бежать за границу, но был арестован и заточен в Кюстрине, а его друг Кате — казнен. Затем Фридрих примирился с отцом и, будучи кронпринцем, жил в замке Райнсберг у Нойруппина. Вступив на престол, он предъявил претензии к Австрии по поводу якобы наследных земель Гогенцоллернов в Силезии. В результате Силезских войн Пруссия захватила Силезию.

В 1756 г. прусские войска вторглись в Саксонию, положив начало Семилетней войне. Австрия, Саксония, Россия и Франция создали коалицию. Несмотря на поддержку Англии, Фридрих II потерпел поражения под Колином, Хохкирхом и Кунерсдорфом. Однако одержанные во время его правления победы под Прагой, Росбахом, Лейтеном, Лигницею и Торгау закрепили за ним славу великого полководца. Численность армии при нем достигла небывалых размеров. Он провел реформы в сельском хозяйстве и праве. Вместе с Россией и Австрией он участвовал в 1772 г. в разделе Польши, после чего «король в Пруссии» Фридрих II принял титул «короля Пруссии».

Он осуществил ряд реформ в духе просвещенного абсолютизма: запретил пытки, объявил свободу совести и вероисповедания. Получил прозвание «философ из Сан-Суси», собирал вокруг себя известных ученых и писателей, французских просветителей.

Фридрих жил одиноко, вдали от супруги — нелюбимой им принцессы Брауншвейгской Элизабеты-Христины. Любил музыку, играл на флейте, сочинял марши, арии и сонаты. Был поклонником французского образования, нарождавшаяся национальная немецкая культура была ему чуждой, не любил молодого Гёте. В памяти потомков «Старый Фриц» остался как сторонник правового государства, много сделавший для укрепления позиций Пруссии в Священной Римской империи германской нации. (Примеч. пер.)

⁶ «*Pour le mérite*» — «За заслуги» (фр.) — высший прусский военный орден, учрежденный Фридрихом II. (Примеч. пер.)

⁷ Фридрих III (1831—1888) — король Пруссии, император Германии (1888 г.), сын Вильгельма I. Был женат на английской принцессе Виктории, оказывавшей на него большое влияние. Его либеральные взгляды шли вразрез с политикой Бисмарка. Участвовал в Австро-прусской войне 1866 г., Франко-прусской войне

1870—1871 гг. Вступил на престол после смерти отца, когда уже был смертельно болен раком. Правление его продолжалось только 99 дней. (*Примеч. пер.*)

⁸ *Hindenburg B. von. Feldmarschall von Hindenburg: Ein Lebensbild.* Berlin, 1917. S. 43.

⁹ *Глогау* (в наст. время — польский город Глогов), основан в XII в., расположен в живописной местности, входил в состав различных герцогств и королевств — Богемии, Австрии, Пруссии. Замок-крепость, собор и театр были почти полностью разрушены в 1945 г. (*Примеч. пер.*)

¹⁰ См.: *Hindenburg B. von.* Op. cit. S. 50 f.

¹¹ *Блюхер* Гебхард Леберехт, князь фон Вальштат (1742—1819) — прусский генерал-фельдмаршал. На прусской военной службе с 1760 г. В 1772—1787 гг. — в отставке. Проявил себя как командир кавалерии во время войны с революционной Францией в 1793—1794 гг. В 1801 г. получил чин генерал-лейтенанта. После сражения под Ауэрштедтом в 1806 г. Блюхер с частью войск пробился в Любек, где вынужден был капитулировать. По настоянию Наполеона I в 1811 г. Блюхера отстранили от командования войсками в Померании. В 1813 г. он стал командующим прусской армией, генерал Гнейзенау был его генерал-квартирмейстером. Во время освободительных войн с Наполеоном Блюхер одержал победы над французскими войсками при Кацбахе, Вартенбурге, Мёкерне (под Лейпцигом), в новогоднюю ночь 1814 г. перешел Рейн, разбил французские войска под Ла-Ротире и Ланом. В 1815 г. войска Блюхера потерпели поражение при Лигни, но вместе с английскими войсками Веллингтона одержали победу при Бель-Альянсе. Блюхер считается народным полководцем периода освободительных войн. (*Примеч. пер.*)

¹² Testament. Vom 12.3.1859. См.: *Hindenburg B. von.* Op. cit. S. 52.

¹³ *Lüders M. Der Soldat und das Reich: Paul von Hindenburg. Generalfeldmarschall und Reichspräsident. Leoni am Starnberger See,* 1961. S. 24.

¹⁴ *Schultze-Pfaelzer G. Hindenburg: Ein Leben für Deutschland.* Berlin, 1934. S. 27.

¹⁵ *Бисмарк Отто фон* (1815—1898) — граф (с 1865 г.), князь (с 1871 г.), основатель Германской империи (1871 г.). В 1836—1839 гг. состоял на прусской государственной службе, затем был управляющим поместья в Книпхофе. В 1845 г. пребывал в наследственном поместье Шёнхаузен, принадлежал к консервативным кругам земельной аристократии. В 1847 г. стал депутатом ландтага (парламента), занимал крайне правые позиции, являлся непримиримым врагом революции 1848 г. С 1851 г. — на дипломатической службе. Являлся посланником при бундестаге Германского союза, где отстаивал равноправие Пруссии в отношении Австрии. В 1859 г. был назначен послом в Петербурге, в 1862 г. — послом во Франции. В том же году становится министром-президентом Пруссии и министром иностранных дел. Вопреки либеральному большинству в палате депутатов проводит реформу в армии. Укрепил союз с Россией. Ведя искусную дипломатию, Бисмарк привлек Австрию в союзники для войны с Данией, Италию — для войны с Австрией. В результате Франко-прусской войны 1870—1871 гг. была создана Германская империя. В течение 19 лет Бисмарк оставался бессменным главой правительства Германии — имперским канцлером и министром-президентом Пруссии. (*Примеч. пер.*)

¹⁶ *Движение 1848 г.* — движение национально-либеральной буржуазии — одной из основных сил революции 1848—1849 гг. в Германии. (*Примеч. пер.*)

¹⁷ *Немецко-Датская война 1864 г.* — война Пруссии и Австрии против Дании. Закончилась поражением Дании. В результате во владение союзников перешли земли Шлезвиг-Гольштейн и Лауенбург. (*Примеч. пер.*)

¹⁶ *Освободительные войны* — войны Пруссии, Австрии и других германских государств за освобождение от власти наполеоновской Франции в 1813—1815 гг. (*Примеч. пер.*)

¹⁹ *Вильгельм I* (1797—1888) — король Пруссии (1861—1888 гг.), германский император (1871—1888 гг.). С 1857 г. в связи с психическим заболеванием и бездетностью своего старшего брата Фридриха Вильгельма IV стал регентом, а затем — королем Пруссии. Провел ряд либеральных реформ. В 1862 г. назначил Бисмарка министром-президентом. В результате победы во Франко-прусской войне провозглашен германским императором. Во внешней и внутренней политике в основном следовал курсу Бисмарка. (*Примеч. пер.*)

²⁰ *Hindenburg G. von. Paul von Hindenburg: Vom Kadetten zum Reichspräsidenten.* Leipzig, o. J. S. 22.

²¹ *Германский союз* (1815—1866 гг.) — союз немецких государств во главе с Австрией и Пруссией, был основан в результате поражения Франции в наполеоновских войнах на Венском конгрессе. Руководящим органом союза являлся бундестаг во Франкфурте-на-Майне, состоял из назначавшихся главами немецких государств представителей в ранге послов. Председательствовала в бундестаге Австрия. Выборные органы в союзе отсутствовали. Создание Германского союза не означало воссоединения страны. (*Примеч. пер.*)

²² *Битва под Соором.* Соор — город в Богемии (Чехия), где в сентябре 1745 г. войска Фридриха II одержали победу над австрийской армией. (*Примеч. пер.*)

²³ *Zobeltitz H.-C. von. Hindenburg: Ein Leben der Pflicht: Des Feldmarschalls und Reichspräsidenten Werden und Wirken.* Leipzig, 1926. S. 14; *Görlitz W. Hindenburg: Ein Lebensbild.* Bonn, 1953. S. 27.

²⁴ *Hindenburg B. von.* Op. cit. S. 69.

²⁵ «Привет Тебе в венке победителя» — немецкий триумфальный марш «Heil Dir im Siegerkranz».

²⁶ *Буш Вильгельм* (1832—1908) — немецкий поэт и художник-юморист.

²⁷ «*Эмская депеша*» — телеграмма тайного советника Абекена Бисмарка из Бад-Эмса от 13 июля 1870 г., в которой сообщалось о прекращении переговоров короля Пруссии Вильгельма I с французским послом Бенедетти по поводу кандидатуры Гогенцоллернов на испанский престол в связи с неприемлемостью для Пруссии требований, предъявленных Парижем. Бисмарк опубликовал депешу 14 июля в сокращенной редакции, благодаря чему она приобрела оскорбительный для Парижа смысл. Публикация вызвала взрыв возмущения во Франции, которая объявила Пруссии войну. (*Примеч. пер.*)

²⁸ *Hindenburg G. von.* Op. cit. S. 23.

²⁹ *Митральеза* (картечница) — многоствольное орудие на артиллерийском станке. Обладала повышенной скорострельностью за счет большого количества стволов и использования унитарного патрона, однако не обеспечивала ведения прицельного огня. Являлась прообразом пулемета. Находилась на вооружении многих армий во второй половине XIX в. (*Примеч. пер.*)

³⁰ *Трензель* — металлическая деталь упряжи, удерживающая во рту у лошади удила. (*Примеч. пер.*)

³¹ *Гинденбург* — родителям, 19.8.1870. Цит. по: *Hindenburg B. von.* Op. cit. S. 71.

³² *Гамбетта* Леон (1838—1882) — французский политический деятель, противник Второй империи. После поражения французской армии под Седаном он 4 сентября 1870 г. провозгласил Французскую республику, в правительстве которой занял посты министра внутренних дел, финансов и военного

министра. Пытался создать массовую армию для снятия осады с Парижа, но потерпел неудачу. После падения Парижа 6 февраля 1871 г. ушел в отставку. Затем — лидер крайне левых в Национальном собрании, но со временем перешел в «умеренные оппортунисты». В 1877—1881 гг. — председатель палаты депутатов. Своими выступлениями оказывал большое влияние на общественную мысль во Франции, был сторонником реванша. В 1881—1882 гг. — премьер-министр Франции.

Фавр Жюль (1809—1880) — французский политик, противник Наполеона III, наряду с Тьером был лидером демократических республиканцев. С сентября 1870 г. — министр иностранных дел в правительстве Третьей республики.

³³ ...день коронации первого прусского короля... — день провозглашения Фридриха I королем в Пруссии 18 января 1701 г. в Кёнигсберге. Отмечался прусской аристократией как судьбоносная для государства дата. (Примеч. пер.)

³⁴ Marcks E., Eisenhart Rothe E. von. Paul von Hindenburg als Mensch, Staatsmann, Feldherr / Hg. von O. Karstedt. Berlin, 1932. S. 43.

³⁵ Парижская коммуна (18 марта — июнь 1871 г.) — первое государство диктатуры пролетариата. Ее существование отмечалось экспроприацией частной собственности и обоюдным жестоким террором со стороны сторонников и противников коммуны. Была подавлена французскими республиканскими войсками национальной гвардии под командованием генерала Мак-Магона, бои закончились массовыми расстрелами коммунаров. Жестокость гражданской войны производила удручающее впечатление даже на выдавших виды и не отличавшихся гуманностью прусских офицеров, среди которых был и молодой Гинденбург.

³⁶ Imperial Defense College и Centre des Hautes Etudes Militaires — наименования английской и французской военных академий. (Примеч. пер.)

³⁷ Görlitz W. Op. cit. S. 33.

³⁸ Hindenburg [Paul] von. Aus meinem Leben. Leipzig, 1920. S. 53.

³⁹ Квалификационная записка Шлиффена о Гинденбурге, 1.1.1887, с пометкой Вальдерзее и пометкой «Согласен» Мольтке. Цит. по: Hubatsch W. Hindenburg und der Staat: Aus den Papieren des Generalfeldmarschalls und Reichspräsidenten von 1878 bis 1934. Göttingen, 1966. S. 151.

⁴⁰ Görlitz W. Op. cit. S. 39.

⁴¹ Schultze-Pfaelzer G. Op. cit. S. 59.

⁴² Гинденбург — генералу фон Мудра, 6.4.1903. Цит. по: Hubatsch W. Op. cit. S. 14.

⁴³ Hindenburg [Paul]. Briefe, Reden, Berichte / Hg. und eingeleitet von F. Endres. Ebenhausen, 1938. S. 20.

II. Победитель под Танненбергом

¹ Гинденбург — Штайну, 12.8.1914. Цит. по: Schultze-Pfaelzer G. Op. cit. S. 72/ Beilage.

² Гинденбург — своему сыну, 3.8.1914. Цит. по: Hubatsch W. Hindenburg ... S. 10.

³ Hindenburg [Paul]. Briefe... S. 27.

⁴ План Шлиффена — стратегический план войны Германии на два фронта, окончательно доработанный и представленный начальником Большого Генерального штаба прусской армии генерал-фельдмаршалом графом Альфредом фон Шлиффеном в 1905 г. План заключался в сосредоточении основных сил немецких войск на правом фланге Западного фронта против Франции. После этого он предусматривал нанесение удара по Франции через территорию нейтраль-

ной Бельгии, обход французских войск с севера и оттеснение их к швейцарской границе. На Восточном фронте против России на первом этапе военных действий предусматривалось ведение обороны с применением минимальных сил. (Примеч. пер.)

⁵ «Русский паровой каток» — пренебрежительное и в то же время устрашающее выражение, употреблявшееся русофобами в немецкой прессе начала XX в. для обозначения русской военной мощи как чего-то медлительного, неповоротливого, но огромного и тяжелого, давящего все на своем пути. (Примеч. пер.)

⁶ ...*Фальстафом немецких военных*. — Рыцарь Фальстаф — комический персонаж шекспировских пьес, имя нарицательное для хвастливых и пустых людей. (Примеч. пер.)

⁷ *Гугенотское происхождение*. — Гугеноты (кальвинисты) — представители протестантского вероисповедания во Франции. Кальвинизм проповедует отказ от праздности, рачительность, прилежание в труде, упорство в достижении цели. (Примеч. пер.)

⁸ Люнкер — Гинденбургу, 22.8.1914. Цит. по: *Hubatsch W. Op. cit. S. 14.*

⁹ Гинденбург — сыну, 3.9.1914. Цит. по: *Hubatsch W. Op. cit. S. 151.*

¹⁰ *Отдел развертывания* — отдел Генерального штаба, в компетенцию которого входит подготовка и проведение мероприятий по переводу вооруженных сил на военное положение, создание группировок для ведения боевых действий и завершение непосредственной подготовки к войне. (Примеч. пер.)

¹¹ *Hindenburg [Paul] von. Aus meinem... S. 78.*

¹² Как писал Гофман после Танненберга 4.9.1914. См.: *Die Aufzeichnungen des Generalmajors Max Hoffmann / Hg. von K. F. Nowak. Berlin, 1930⁶. Bd. 1. S. 53.*

¹³ *Ландвер* — категория военнообязанных 2-й очереди в Германии и Австрии, а также создававшиеся из них во время войны части и соединения. (Примеч. пер.)

¹⁴ *Ландштурм* — категория военнообязанных 3-й очереди в Германии и Австрии, а также создававшиеся из них части и соединения. (Примеч. пер.)

¹⁵ В 1410 г. *Немецкий орден был разбит поляками и литовцами...* — Имеется в виду сражение под Грюнвальдом (Танненбергом) в 1410 г., когда объединенные армии Польши и Литвы при участии русских полков Смоленского княжества нанесли тяжелое поражение Немецкому (Тевтонскому) ордену, от которого он уже не смог оправиться. Это событие отмечается как торжество славян над немецкими завоевателями. (Примеч. пер.)

¹⁶ См.: *Hindenburg [Paul] von. Aus meinem... S. 85.*

¹⁷ См.: *Hindenburg [Paul]. Briefe... S. 29.*

¹⁸ *Wheeler-Bennett, J. W. Der hölzerne Titan: Paul von Hindenburg. Tübingen, 1969. S. 41.*

¹⁹ См.: *Hindenburg [Paul] von. Aus meinem... S. 89.*

²⁰ См.: *Golovin N. N. The Russian Campaign of 1914. Fort Leavenworth, 1933. P. 294, 327.*

²¹ *Weerd H. A. de. Great Soldiers of Two World Wars. New York, 1941. P. 80.*

²² *Седан* — город-крепость на северо-востоке Франции, в окрестностях которого 1—2 сентября 1870 г. прусские войска окружили и пленили 120-тысячную армию французского маршала Мак-Магона и самого императора Наполеона III. (Примеч. пер.)

²³ Гофман 4.9.1914. См.: *Die Aufzeichnungen... Bd. 1. S. 53.*

²⁴ *Победа под Алленштайном*. — Два корпуса русской 2-й армии генерала Самсонова были окружены и уничтожены южнее Алленштайна, но по идеоло-

гическим соображениям «исторического реванша» за Грюнвальд (Танненберг) Людендорф и Гинденбург предложили Вильгельму II именовать это сражение «победой под Танненбергом». (Примеч. пер.)

²⁵ Гинденбург — жене, 30.8.1914. Цит. по: *Hubatsch W.* Op. cit. S. 152.

²⁶ *Большой крест ордена Св. Стефана* — одна из высших степеней австро-венгерского военного ордена Св. Стефана. (Примеч. пер.)

²⁷ Гинденбург — жене, 31.8.1914. Цит. по: *Hubatsch W.* Op. cit. S. 152.

²⁸ *Schultze-Pfaelzer G.* Op. cit. S. 81.

²⁹ *Görlitz W.* Hindenburg... S. 78 f.; *Wheeler-Bennett J. W.* Op. cit. S. 50. Ту же цитату можно найти также в кн.: *Vogel H.* Erlebnisse und Gespräche mit Hindenburg. Berlin, 1935. S. 59: «Я отвечал. Я знал одно: если битва будет проиграна, то никто не захочет разделить ответственность со мной, оспаривать этот пост у меня. Тогда виновным был бы только я один».

³⁰ *Североитальянский поход Наполеона 1796—1797 гг.* — поход генерала Наполеона Бонапарта 1796—1797 гг. в Северную Италию. В результате успешных действий Бонапарт одержал ряд побед над австрийскими войсками, заключил мир с североитальянскими государствами на кабальных условиях, вторгся в пределы Австрии и принудил ее заключить мир 17 октября 1797 г. (Примеч. пер.)

³¹ *Hindenburg [Paul] von.* Aus meinem... S. 91.

³² *Ibid.* S. 98.

³³ См.: *Ludendorff E.* Dirne Kriegsgeschichte vor dem Gericht des Weltkrieges. München, 1934. S. 28 f.

³⁴ *Hindenburg [Paul] von.* Aus meinem... S. 106.

³⁵ *Die Aufzeichnungen des Generalmajors Max Hoffmann.* Bd. 1. S. 57.

³⁶ Иногда у него складывалось о кайзеровских и королевских вооруженных силах совершенно иное, положительное впечатление. Встречая многочисленные австро-венгерские полки, сутками сидевшие в окопах под огнем противника, а теперь молодецкато проходившие маршем перед ним, он обращался к своему штабу со словами: «С такими людьми, господа, можно разбить русских при любом их численном превосходстве» (из сообщения австро-венгерского посла в Берлине своему министру иностранных дел: Гогенлоэ Берхтольд, 26.10.1914. См.: Österreichisches Staatsarchiv Wien. Haus-, Hof- und Staatsarchiv [HHStA]. Botschaftsarchiv Berlin. Karton 178).

³⁷ Конрад — генерал-полковнику Артуру барону Больфрасу, 17.10.1914 и 27.10.1914, а также 1.2.1915. См.: *Rauchensteiner M.* Der Tod des Doppeladlers: Österreich-Ungarn und der Erste Weltkrieg. Graz; Wien; Köln, 1993. S. 167, 203.

³⁸ *Hindenburg [Paul] von.* Aus meinem... S. 112.

³⁹ Хаймерле — Берхтольд, 11.11.1914. Цит. по: Haus-, Hof- und Staatsarchiv. Botschaftsarchiv Berlin. Karton 179.

⁴⁰ *Bülow B. Furst von.* Denkwürdigkeiten. Berlin, 1931. Bd. 3. S. 185.

⁴¹ *Vogel H.* Op. cit. S. 6.

⁴² *Linde P.* Gegen Rennenkampf und Joffre: Kriegserlebnisse von der Ost- und Westfront. [o. O.], [o. J.]. S. 10 f.

⁴³ *Hindenburg G. von.* Paul von... S. 72.

⁴⁴ *Unser Hindenburg: Sein Leben und Wirken, Anekdoten, Aussprüche und anderes / Hg. von H. E. Schlüter.* Leipzig, [o. J.]. S. 38.

⁴⁵ *Hindenburg G. von.* Op. cit. S. 73.

⁴⁶ Гинденбург — Штайну, 9.2.1914. Цит. по: *Schultze-Pfaelzer G.* Op. cit. S. 72 (Beilage).

III. Главнокомандующий Восточного фронта

¹ Гофман 2.7.1916. См.: *Janßen K.-H.* Der Kanzler und der General: Die Führungskrise um Bethmann Hollweg und Falkenhayn, 1914—1916. Göttingen, 1967. S. 217. Гофман в письме к жене. См.: *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. 10.1.1955.

² *Alter ego* — второе «я» (лат.).

³ *Görlitz W.* Hindenburg... S. 113.

⁴ *Moltke H. von.* Erinnerungen, Briefe, Dokumente: 1877—1916 / Hg. von E. von Moltke. Stuttgart, 1922. S. 397 f.; *Groener W.* Lebenserinnerungen: Jugend, Generalstab, Weltkrieg / Hg. von F. Freiherr Hiller von Gaertringen. Göttingen, 1957. S. 544.

⁵ ...поражение под Ипром. — Ипр — город в Бельгии, в окрестностях которого с 16 сентября 1914 г. по 15 октября 1914 г. произошло крупное сражение немецких 4-й и 6-й армий с английским экспедиционным корпусом и 8-й французской армией. Несмотря на большие потери с обеих сторон, оно закончилось безрезультатно и стало последним сражением периода маневренной войны. (Примеч. пер.)

⁶ См.: *Hindenburg [Paul] von.* Aus meinem... S. 119—122.

⁷ *Görlitz W.* Hindenburg... S. 93.

⁸ Запись Хефтена. Цит. по: *Janßen K.-H.* Op. cit. S. 39.

⁹ См.: *Hindenburg [Paul] von.* Aus meinem... S. 115.

¹⁰ *Ibid.* S. 120.

¹¹ *Обер-ост* — сокращение от нем. Oberbefehlshaber in Osten — командующий Восточным фронтом, в зависимости от контекста также и штаб командующего Восточным фронтом. (Примеч. пер.)

¹² *Görlitz W.* Op. cit. S. 95; *Wheeler-Bennett J. W.* Der hölzerne Titan... S. 70.

¹³ Гинденбург — Люнкеру, 10.1.1915. Цит. по: *Afflerbach H.* Falkenhayn: Politisches Denken und Handeln im Kaiserreich. München, 1994. S. 225.

¹⁴ Проект письма Гинденбурга Вильгельму II, 12.1.1915. Цит. по: *Janßen K.-H.* Op. cit. S. 76.

¹⁵ *Janßen K.-H.* Op. cit. S. 76.

¹⁶ См.: *Moltke H. von.* Op. cit. S. 404—418, 455.

¹⁷ См.: *Janßen K.-H.* Op. cit. S. 77 f.

¹⁸ См.: *Guth E. P.* Der Gegensatz zwischen dem Oberbefehlshaber Ost und dem Chef des Generalstabes des Feldheeres 1914—1915: Die Rolle des Majors von Haeften im Spannungsfeld zwischen Hindenburg, Ludendorff und Falkenhayn // *Militärgeschichtliche Mitteilungen*. 1984. 35. S. 96. Интриги против Фалькенхайна и действия Хефтена см. также: *Ritter G.* Staatskunst und Kriegshandwerk: Das Problem des «Militarismus» in Deutschland. München, 1964—1968. Bd. 3. S. 67—71; *Janßen K.-H.* Op. cit. S. 76—81; *Afflerbach H.* Op. cit. S. 224—232.

¹⁹ ...обвинил в аллюрах Валленштайна... — Валленштайн Альбрехт Евсевий Венцель (1583—1634) — главнокомандующий войсками Священной Римской империи в Тридцатилетней войне 1618—1648 гг. С 1625 г. — генералиссимус. Одержал ряд побед над войсками датского короля Кристиана IV и союза немецких протестантских князей. Однако в 1632 г. в сражении при Лютцене с войсками шведского короля Густава II Адольфа ему не удалось добиться успеха. Самовольно вступил в переговоры со шведами, за что был отстранен от командования. Убит своими офицерами. Прославился своеволием и поощрением грабежей, за счет которых кормилась его армия. (Примеч. пер.)

²⁰ См.: *Görlitz W.* Op. cit. S. 95.

²¹ Вюртембергский посланник в Берлине Аксель барон Варнбюлер фон унд цу Хемминген — премьер-министру Карлу фон Вайцзекеру, 15.2.1915. Цит. по: Ritter G. Op. cit. Bd. 3. S. 599; см. также сообщение баденского посланника в Берлине Фридриха Франца Йозефа Низера от 28.1.1915. См.: Janßen K.-H. Op. cit. S. 86.

²² Лерхенфельд — Гертлингу, 3.4.1915. См.: Janßen K.-H. Op. cit. S. 263 f.

²³ Hindenburg [Paul] von. Aus meinem... S. 126.

²⁴ Tirpitz A. von. Erinnerung. Leipzig, 1919. S. 485 f.; Oldenburg-Januschau E. von. Erinnerungen. Leipzig, 1936. S. 137; Brockhusen-Justin H.-J. Der Weltkrieg und ein schlichtes Menschenleben. Greifswald, 1928. S. 127; Moser O. von. Ernsthafte Plaudereien über den Weltkrieg: Eine kritische, militärpolitische Geschichte des Krieges für Fachleute und Nichtfachleute. Berlin, 1925. S. 163 f.; Janßen K.-H. Op. cit. S. 136.

²⁵ «...гигантские Канны». — Канны — селение в юго-восточной Италии, где 2 августа 216 г. до н. э. произошло сражение между римской армией Теренция Варрона и карфагенской армией Ганнибала. Закончилось окружением и уничтожением римских войск. Вошло в военную историю как классический пример окружения и уничтожения численно превосходящего противника меньшими силами, совершающими искусный маневр. (Примеч. пер.)

²⁶ ...для... открыток «Военной помощи»... — «Военная помощь» — благотворительная организация в Германии, проводившая сбор средств для оказания материальной помощи военнослужащим и членам их семей. Выпускала открытки, брошюры, сувениры, выручка от продажи которых использовалась в благотворительных целях. (Примеч. пер.)

²⁷ Бетман — Валентини, 22.8.1915. Цит. по: Valentini R. von. Kaiser und Kabinett-schef: Nach eigenen Aufzeichnungen und dem Briefwechsel des Wirklichen Geheimen Rats Rudolf von Valentini dargestellt von B. Schwertfeger. Oldenburg, 1931. S. 228 f.

²⁸ См.: Hindenburg [Paul] von. Aus meinem... S. 128.

²⁹ См.: Ibid. S. 128.

³⁰ Гинденбург — Штудту, 27.8.1915. Цит. по: Hubatsch W. Hindenburg... S. 153.

³¹ Brockhusen-Justin H.-J. Op. cit. S. 74 f.; Гофман 28.8.1915. Цит. по: Janßen K.-H. Op. cit. S. 155.

³² Рейхсмарине — официальное название Военно-морского флота в Германской империи. (Примеч. пер.)

³³ Запись Вильда 3.4.1915. Цит. по: Janßen K.-H. Op. cit. S. 268.

³⁴ «Железный Гинденбург» — акция, предназначавшаяся для сбора средств на ведение войны. Каждый бюргер мог купить гвозди и вбить их в деревянную статую Гинденбурга. Шляпки гвоздей постепенно покрывали всю поверхность статуи, превращая ее таким образом в «железную», что должно было символизировать единство и железную непреклонность немцев. (Примеч. пер.)

³⁵ См.: Janßen K.-H. Op. cit. S. 156.

³⁶ Wheeler-Bennett J. W. Op. cit. S. 82.

³⁷ Гинденбург — жене, 27.11.1915. Цит. по: Hubatsch W. Op. cit. S. 15.

³⁸ Hindenburg [Paul] von. Aus meinem... S. 135.

³⁹ АЭГ — нем. AEG — Allgemeine Elektrizitaets-Gesellschaft — крупнейшая немецкая электротехническая компания. (Примеч. пер.)

⁴⁰ Rathenau W. Tagebuch: 1907—1922 / Hg. von H. Pogge-von Strandmann. Düsseldorf, 1967. S. 194.

⁴¹ Гинденбург — жене, 11.2.1916. Цит. по: Hubatsch W. Op. cit. S. 15.

⁴² Бетман — Валентини, 14.6.1916. Цит. по: Valentini R. von. Op. cit. S. 230.

⁴³ Бетман — Грюнау для Люнкера, 23.6.1916. Цит. по: Ritter G. Op. cit. Bd. 3. S. 227.

⁴⁴ См.: *Regierte der Kaiser? Kriegstagebücher, Aufzeichnungen und Briefe des Chefs des Marine-Kabinetts Admiral Georg Alexander von Müller 1914—1918* / Hg. von W. Görlitz. Göttingen; Berlin; Frankfurt, 1959. S. 183.

⁴⁵ Ibid. S. 206.

⁴⁶ Запись Хефтена. Цит. по: *Janßen K.-H.* Op. cit. S. 235.

⁴⁷ Гинденбург — жене, 8.8.1916. Цит. по: *Hubatsch W.* Op. cit. S. 17 f.

⁴⁸ Гинденбург — Гатцфельду, 22.5.1915. Цит. по: *Militär und Innenpolitik im Weltkrieg 1914—1918* / Hg. von W. Deist. Düsseldorf, 1970. Reihe 2. Bd. 1/1. № 105.

⁴⁹ *Семилетняя война.* — См. *Силезские войны.* (Примеч. пер.)

⁵⁰ Гинденбург — жене, 21.2.1915. Цит. по: *Hubatsch W.* Op. cit. S. 20.

⁵¹ См.: *Der Weltkrieg 1914—1918* / Bearbeitet im Reichsarchivwerk. Berlin, 1936. Bd. 10. S. 558.

⁵² Гофман в письме от 18.8.1916. Цит. по: *Janßen K.-H.* Op. cit. S. 245.

⁵³ *Der Weltkrieg...* Bd. 10. S. 559.

⁵⁴ См.: Ibid. S. 636.

⁵⁵ Запись Вильда фон Хоенборна, 9.3.1916. Цит. по: *Militär und Innenpolitik...* Teil 1. № 142. Fußnote 9.

IV. На пути к военной диктатуре

¹ Гинденбург — жене, 30.8.1916. Цит. по: *Hubatsch W.* *Hindenburg...* S. 162 f.

² Карл фон Айнем — жене, 16.10.1917. Цит. по: *Militär und Innenpolitik...* Teil 2. № 425. Смену командования в ОХЛ приветствовали и в Австро-Венгрии, хотя прежде всего военные круги испытывали мрачные предчувствия, что именно Людендорф не замышляет ничего хорошего в отношении Дунайской монархии. Зарубежная пресса, прежде всего западных держав, обоснованно объяснила смену командования в германском Генеральном штабе в первую очередь как следствие поражения под Верденом, вступления в войну Румынии и возможным смещением акцентов немецких военных усилий с Запада на Восток, за что выступали Гинденбург и Людендорф.

³ *Диоскуры* — в древнегреческой мифологии — сыновья Зевса, неразлучные братья-близнецы Кастор и Полидевк. (Примеч. пер.)

⁴ *Hindenburg [Paul] von.* Aus meinem... S. 149, 151.

⁵ См.: Ibid. S. 168 f.

⁶ *Hindenburg G. von.* Paul von Hindenburg. S. 80.

⁷ Гинденбург — Бетману, 13.9.1916. Цит. по: *Urkunden der Obersten Heeresleitung über ihre Tätigkeit 1916—1918* / Hg. von E. Ludendorff. Berlin, 1920. S. 65—69; см. также проект Бауэра для Гинденбурга: *Militär und Innenpolitik...* Teil 1. № 188.

⁸ Гинденбург — Бетману, 15.11.1916. Цит. по: *Urkunden...* S. 85. Телеграмма в конце концов была отправлена 16.11; см. также: *Kitchen M.* *The Silent Dictatorship: The Politics of the German High Command under Hindenburg and Ludendorff 1916—1918.* London, 1976. P. 76 etc.; *Ritter G.* *Staatskunst...* Bd. 3. S. 258; *Militär und Innenpolitik...* Teil 1. № 201. Fußnote 9.

⁹ См.: *Hindenburg [Paul] von.* Aus meinem... S. 216 f.

¹⁰ Ibid. S. 199 f.

¹¹ Гинденбург — жене, 8.11.1916. Цит. по: *Hubatsch W.* Op. cit. S. 18.

¹² Гинденбург — Конраду, 11.9.1916 и 30.9.1916. См.: ННStA: Geheim. XLVII/3—12.

- ¹³ Письмо Циммермана к Гогенлоэ. Цит. по: *Ritter G. Staatskunst...* Bd. 3. S. 269.
- ¹⁴ *Польский манифест* — манифест Вильгельма II о предоставлении независимости Польше. (*Примеч. пер.*)
- ¹⁵ Гинденбург — Конраду Штудту, 24.9.1917. Цит. по: *Bülow V. Fürst von. Denkwürdigkeiten...* Bd. 3. S. 247 f.
- ¹⁶ См.: *Ritter G. Op. cit. Bd. 3. S. 257 f.; Kitchen M. Op. cit. P. 94.*
- ¹⁷ *Большой Железный крест* — высшая степень ордена Железный крест. (*Примеч. пер.*)
- ¹⁸ *Hindenburg [Paul] von. Aus meinem...* S. 183, 185 f.; *Hubatsch W. Op. cit. S. 23.*
- ¹⁹ *Hindenburg [Paul] von. Aus meinem...* S. 194.
- ²⁰ См.: *Ibid. S. 196.*
- ²¹ *Гаагская морская конвенция* — положения Гаагских конвенций 1899 и 1907 гг., определявшие правила ведения войны на море. (*Примеч. пер.*)
- ²² *Вудро Вильсон (1856—1924)* — президент США в 1913—1921 гг. (*Примеч. пер.*)
- ²³ *Hindenburg [Paul] von. Aus meinem...* S. 229.
- ²⁴ Гинденбург — Бетман-Гольвегу, 23.12.1916. См.: *L'Allemagne et les problèmes de la paix pendant la première guerre mondiale: Documents extraits des archives de l'Office allemand des Affaires étrangères / Éd. André Scherer et Jacques Grunewald. Paris, 1962. Vol. 1. № 435.*
- ²⁵ Гинденбург — Бетману, 23.12.1916. Цит. по: *Urkunden...* S. 315 f.
- ²⁶ Гинденбург — Бетману, 26.12.1917. См.: *Urkunden...* S. 319.
- ²⁷ *Valentini R. von. Kaiser und Kabinettschef...* S. 142.
- ²⁸ *Görlitz W. Hindenburg...* S. 136.
- ²⁹ *Ritter G. Op. cit. Bd. 3. S. 378.*
- ³⁰ Запись разговора между Бетманом, Гинденбургом и Людендорфом в Плесе, 9.1.1917. Цит. по: *Urkunden...* S. 323.
- ³¹ Гинденбург — жене, 22.3.1917. Цит. по: *Hubatsch W. Op. cit. S. 24.*
- ³² *Valentini R. von. Op. cit. S. 146.*
- ³³ Телеграмма Грюнау ведомству иностранных дел, 14.3.1917. См.: *Militär und Innenpolitik...* Teil 2. № 256.
- ³⁴ *Görlitz W. Op. cit. S. 133.*
- ³⁵ Гинденбург — Бетману, 20.4.1917. Цит. по: *L'Allemagne...* Paris, 1964. Vol. 2. № 81.
- ³⁶ *Шпандау* — район в Берлине, где находится одноименная тюрьма. (*Примеч. пер.*)
- ³⁷ *Hindenburg [Paul] von. Aus meinem...* S. 246.
- ³⁸ *Ibid. S. 241 f.*
- ³⁹ Гинденбург — Бетману, 19.6.1917. Цит. по: *Urkunden...* S. 395 f.
- ⁴⁰ Запись в дневнике шефа гражданского кабинета. См.: *Valentini R. von. Op. cit. S. 154.*
- ⁴¹ Гинденбург — Бетману, 7.7.1917. См.: *Urkunden...* S. 401—404.
- ⁴² Записка Мертца фон Квирнхайма, 9.7.1917. См.: *Militär und Innenpolitik...* Teil 2. № 314.
- ⁴³ Гинденбург — жене, 11.7.1917. Цит. по: *Hubatsch W. Op. cit. S. 168.*
- ⁴⁴ *Seeckt H. von. Aus meinem Leben: 1866—1917 / Unter Verwendung des schriftlichen Nachlasses im Auftrage von Frau Dorothee von Seeckt hg. von F. von Rabenau. Leipzig, 1938. S. 605.*

V. Заменяющий кайзера

- ¹ Грёнер 6.10.1917. Цит. по: *Groener-Geyer D. General Groener: Soldat und Staatsmann. Frankfurt, 1955. S. 73.*
- ² См.: *Groener W. Lebenserinnerungen... S. 375 f.*
- ³ Представление Хёнсбрёха, Зальм-Хорстмара, Кнорра, Кирдорфа и др. Людендорфу, 21.1.1917. Цит. по: *Militär und Innenpolitik... Teil 2. № 651.*
- ⁴ Гинденбург — жене, 21.7.1917 и 24.7.1917, а также 9.8.1917. См.: *Hubatsch W. Hindenburg und der Staat. S. 27.*
- ⁵ См.: *Hindenburg [Paul]. Briefe... S. 75.*
- ⁶ Гинденбург — жене, 2.8.1917. Цит. по: *Hubatsch W. Op. cit. S. 19.*
- ⁷ Гинденбург — Михаелису, 28.7.1917. См.: *L'Allemagne... Vol. 2. № 179.*
- ⁸ См.: *L'Allemagne... Vol. 2. № 487; а также: Fischer F. Griff nach der Weltmacht: Die Kriegszielpolitik des kaiserlichen Deutschland 1914—1918. Düsseldorf, 1961. S. 569 f.; Kitchen M. Op. cit. P. 142; Conze W. Polnische Nation und deutsche Politik. Köln, 1958. S. 323 f.*
- ⁹ См.: *Ritter G. Staatskunst... München, 1968. Bd. 4. S. 189—192; Kitchen M. Op. cit. P. 142 etc.*
- ¹⁰ Гинденбург — жене, 8.8.1916. Цит. по: *Hubatsch W. Op. cit. S. 21 f.*
- ¹¹ Гинденбург — Михаелису, 15.9.1917. Цит. по: *Das Werk des Untersuchungsausschusses der Verfassungsgebenden Deutschen Nationalversammlung und des Deutschen Reichstages: 1919—1928. Bd. 4. Reihe: Die Ursachen des Deutschen Zusammenbruches im Jahre 1918 / Hg. von A. Philipp. Berlin, 1928. Bd. 2. S. 140.*
- ¹² *Hindenburg [Paul]. Briefe... S. 41.*
- ¹³ *Hindenburg G. von. Paul von Hindenburg. S. 82 f.*
- ¹⁴ Гинденбург — Михаелису, 14.1.1918. Цит. по: *Urkunden... S. 456.*
- ¹⁵ Гинденбург — Михаелису, 25.12.1917. Цит. по: *Ritter G. Op. cit. Bd. 4. S. 114 f.*
- ¹⁶ Гинденбург — Гертлингу, 29.12.1917. Цит. по: *Ritter G. Op. cit. Bd. 4. S. 117.*
- ¹⁷ Гинденбург — Гертлингу, 31.12.1917. Цит. по: *Ritter G. Op. cit. Bd. 4. S. 117 f.*
- ¹⁸ Гинденбург — Вильгельму II, 7.1.1918. Цит. по: *Das Werk des Untersuchungsausschusses... Bd. 2. S. 123 f.*
- ¹⁹ См.: *Hertling K. Graf von. Ein Jahr in der Reichskanzlei. Erinnerungen an die Kanzlerschaft meines Vaters. Freiburg, 1919. S. 57; Regierte der Kaiser?... S. 344 f; Der interfraktionelle Ausschuß 1917—1918 / Bearbeitet von E. Matthias und R. Morsey // Quellen zur Geschichte des Parlamentarismus und der politischen Parteien. 1. Reihe: Bd.1/ II. Düsseldorf, 1959. S. 103; Ritter G. Op. cit. Bd. 4. S. 129 f.*
- ²⁰ *Hindenburg G. von. Op. cit. S. 81.*
- ²¹ Гинденбург — Гертлингу, 17.2.1918. Цит. по: *Das Werk des Untersuchungsausschusses... Bd. 2. S. 150.*
- ²² *Status quo ante bellum* — положение, которое было до войны (*лат.*).
- ²³ ОХЛ — Вильгельму II, 9.3.1918. См.: *Ritter G. Op. cit. Bd. 4. S. 333 f.*
- ²⁴ Гинденбург — Вильгельму II и Гертлингу, 23.6.1918. Цит. по: *Baumgart W. Deutsche Ostpolitik 1918: Von Brest-Litowsk bis zum Ende des 1. Weltkriegs. München, 1966. S. 80, 83.*
- ²⁵ См.: *Kuhlmann R. von. Erinnerungen. Heidelberg, 1948. S. 561 f.*
- ²⁶ *Hindenburg [Paul] von. Aus meinem... S. 300.*
- ²⁷ «*Маршал Вперед*» — прозвище фельдмаршала Блюхера. (*Примеч. пер.*)
- ²⁸ *Hindenburg [Paul] von. Aus meinem... S. 352 f.*
- ²⁹ См.: *Ibid. S. 349 f.*

³⁰ См.: *Urkunden... S. 107; Deutschland im Ersten Weltkrieg: Texte und Dokumente 1914—1918 / Hg. von U. Cartarius. München, 1982. S. 108—111.*

³¹ Гинденбург — жене, 13.7.1918. Цит. по: *Hubatsch W. Op. cit. S. 26.*

VI. Главное командование под знаком поражения

¹ *Hindenburg [Paul] von. Aus meinem... S. 362.*

² См.: *Foerster W. Der Feldherr Ludendorff im Unglück: Eine Studie über seine seelische Haltung in der Endphase des ersten Weltkrieges. Wiesbaden, 1952. S. 49 f.; Asprey R. B. The German High Command at War: Hindenburg and Ludendorff and the First World War. London, 1996². P. 452; Niemann A. Kaiser und Revolution: Die entscheidenden Ereignisse im Großen Hauptquartier im Herbst 1918. Berlin, 1922. S. 44 f.*

³ *Görlitz W. Hindenburg... S. 172.*

⁴ Гинденбург — группам армий (и т. д.) Запада, 25.9.1918. Цит. по: *Amtliche Urkunden zur Vorgeschichte des Waffenstillstandes 1918: Auf Grund der Akten der Reichskanzlei, des Auswärtigen Amtes und des Reichsarchivs / Hg. vom Auswärtigen Amt und vom Reichsministerium des Innern. Berlin, 1924². № 10d.*

⁵ Гинденбург — жене, 6.10.1918. Цит. по: *Hubatsch W. Hindenburg und der Staat... S. 35.*

⁶ *Max von Baden, Prinz. Erinnerungen und Dokumente. Berlin; Stuttgart, 1927. S. 331.*

⁷ Гинденбург — Максу Баденскому, 3.10.1918. Цит. по: *Amtliche Urkunden... № 33.*

⁸ Гинденбург — жене, 15.10.1918. Цит. по: *Hubatsch W. Op. cit. S. 35.*

⁹ Гинденбург — Максу Баденскому, 14.10.1918. Цит. по: *Amtliche Urkunden... № 49a.*

¹⁰ Гинденбург — всем группам армий и командованию Западного фронта, 18.10.1918. См.: *Amtliche Urkunden... № 59c.*

¹¹ Телефонный разговор Гинденбурга с Максом Баденским, 20.10.1918. Цит. по: *Amtliche Urkunden... № 63.*

¹² Гинденбург — Максу Баденскому, 20.10.1918. Цит. по: *Max von Baden, Prinz. Erinnerungen und Dokumente. S. 436.*

¹³ Указания ОХЛ комиссии по перемирию, 23.10.1918. См.: *Amtliche Urkunden... № 76a.*

¹⁴ Приказ всем войскам, разработанный заместителем начальника разведывательного отдела майором Отто Крёгером 24.10.1918. Цит. по: *Amtliche Urkunden... № 76b.*

¹⁵ *Палладиум* — в древнегреческой мифологии реликвия, защитница от сил зла и напастей; первоначально понятие относилось к Афине Палладе. (*Примеч. пер.*)

¹⁶ См.: *Hindenburg [Paul]. Briefe... S. 90 f.*

¹⁷ Из документов Берга. Цит. по: *Baumgart W. Deutsche... S. 67.*

¹⁸ *Hindenburg [Paul] von. Aus meinem... S. 397.*

¹⁹ Гинденбург — жене, 27.10.1918. Цит. по: *Hubatsch W. Op. cit. S. 35 f.*

²⁰ Гинденбург — жене, 30.10.1918. Цит. по: *Hubatsch W. Op. cit. S. 52.*

²¹ Так писал Грёнер жене о своей первой встрече с фельдмаршалом 11.1.1915 и 12.10.1918. Цит. по: *Groener W. Lebenserinnerungen... S. 214, 415.*

²² Гинденбург — жене, 27.10.1918 и 30.10.1918. Цит. по: *Hubatsch W. Op. cit. S. 52.*

²³ *Hindenburg [Paul]. Briefe... S. 92 f.*

²⁴ «Как Зигфрид от коварного броска копья свирепого Хагена...» — По преданию древних германцев, великан Хаген заманил героя Зигфрида на охоту, тот

погнался за оленем, а Хаген воспользовался этим и поразил его копьем в спину. (Примеч. пер.)

²⁵ *Hindenburg [Paul] von*. Aus meinem... S. 403.

²⁶ Так писал Грёнер в своем докладе военному кабинету 5.11.1918. Цит. по: *Groener W. Op. cit.* S. 447.

²⁷ Дневник Пенгца, 9.11.1918. См.: *Hubatsch W. Op. cit.* S. 36.

²⁸ Приписка Гинденбурга, 16.4.1919. Цит. по: *Westarp K. Graf von*. Das Ende der Monarchie am 9. November 1918 / Mit einem Nachwort hg. von W. Conze. Berlin, 1952. S. 52.

²⁹ Из совместного протокола «События 9 ноября 1918 г. в Большой ставке в Спа». Цит. по: *Westarp K. Graf von*. Op. cit. S. 117.

³⁰ Гинденбург — Вильгельму II, 28.7.1922. См.: *Hindenburg [Paul]*. Briefe... S. 94, а также: *Groener W. Op. cit.* S. 463 f.; *Hubatsch W. Op. cit.* S. 37—47; *Dorpalen A.* Hindenburg in der Geschichte der Weimarer Republik. Berlin, 1966. S. 39 f.

³¹ *Groener W. Op. cit.* S. 468.

³² Гинденбург — Эберту, 8.12.1918. См.: *Dokumente der Deutschen Politik* / Hg. von F. A. Six. Bd. 3; Bearbeitet von H. Volz. Teil 1. Berlin, 1942. S. 402—407.

³³ Гинденбург — правительству рейха, 13.12.1918. Цит. по: *Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik 1918—1945: Aus dem Archiv des Auswärtigen Amtes [ADAP]*. Göttingen, 1982. Serie A. Bd. 1. № 78

³⁴ Распоряжение ОХЛ, 23.12.1919. Цит. по: *Groener W. Op. cit.* S. 477.

³⁵ Гинденбург — жене, 5.3.1919 и 18.3.1919. См.: *Hubatsch W. Op. cit.* S. 49.

³⁶ «Памятный день». См.: *Yedenktag // Kreuz-Zeitung*. 27.1.1919.

³⁷ Гинденбург — редакции «Kreuz-Zeitung» и Вестарпу, 2.2.1919. Цит. по: *Westarp K. Graf von*. Op. cit. S. 15 f.

³⁸ «Почему кайзер уехал в Голландию». См.: *Warum der Kaiser nach Holland ging // Kreuz-Zeitung*. 19.3.1919.

³⁹ Замечания по поводу опубликованного в газете «Freiheit» и перепечатанного другими газетами меморандума генерала графа Шуленбурга см.: *Westarp K. Graf von*. Op. cit. S. 26.

⁴⁰ Вестарп — жене, 30.6.1919. Цит. по: *Westarp K. Graf von*. Op. cit. S. 31.

⁴¹ Гинденбург — жене, 17.4.1919. См.: *Hubatsch W. Op. cit.* S. 51.

⁴² Призыв Гинденбурга к обороне на Востоке, 14.2.1919. Цит. по: *Hindenburg [Paul]*. Briefe... S. 108.

⁴³ *Добровольческие корпуса (фрейкоры)* — военные контрреволюционные формирования в Германии 1918—1921 гг., в состав которых входили фактически демобилизованные после окончания войны офицеры и солдаты, не желавшие оставить военную службу. Фрейкоры участвовали в подавлении революционных выступлений, в боях против польской армии и в гражданской войне в Прибалтике. (Примеч. пер.)

⁴⁴ *Hindenburg G. von*. Paul von Hindenburg. S. 73.

⁴⁵ *Hindenburg [Paul] von*. Aus meinem... («Zur Einführung»).

⁴⁶ Гинденбург — Эберту, 1.5.1919. Цит. по: *Hindenburg [Paul]*. Briefe... S. 108 f.; сначала говорилось: «...тем более что, конечно же, известно, как стало тяжело мне, прусскому офицеру и многолетнему верному слуге моего кайзера и короля, в настоящее время продолжать исполнять мои должностные обязанности». См.: *Hubatsch W. Op. cit.* S. 54.

⁴⁷ *Schultheß' Europäischer Geschichtskalender*. 1919. Teil 1. S. 506 (Neue Folge. 35).

⁴⁸ См.: *Groener W. Op. cit.* S. 507.

⁴⁹ Объявление Гинденбурга о своей отставке войскам, 25.6.1919. Цит. по: *Hindenburg [Paul]*. Briefe... S. 110.

⁵⁰ *Groener W.* Op. cit. S. 511 f.

⁵¹ Грёнер — Рейнгольду Леглеру, 11.2.1935. Цит. по: *Groener-Geyer D.* General Groener... S. 47.

⁵² Гинденбург — Фошу, 3.7.1919, все письмо см. в: Schultheß' *Europäischer Geschichtskalender*. 1919. S. 268, 281 f.

VII. Долгий путь к кандидатуре

¹ Цит. по: *Hindenburg [Paul]*. Briefe... S. 118, 120. Кроме того, см.: *Hiller von Gaertringen F.* «Dolchstoß»-Diskussion und «Dolchstoß-Legende» im Wandel von vier Jahrzehnten // *Geschichte und Gegenwartsbewußtsein*. Festschrift für Hans Rothfels zum 70. Geburtstag. Göttingen, 1963. S. 122—160.

² Гинденбург — Бергу, 5.1.1920. Цит. по: *Hubatsch W.* *Hindenburg und der Staat*. S. 58 f.

³ Гинденбург — Вильгельму II, 6.3.1920. Цит. по: *Hubatsch W.* Op. cit. S. 60.

⁴ *Hubatsch W.* Op. cit. S. 64.

⁵ «*Поход на Рим*» Муссолини — политическая акция Б. Муссолини, в результате которой он пришел к власти в Италию в 1921 г. (*Примеч. пер.*)

⁶ *Hubatsch W.* Op. cit. S. 67.

⁷ Гинденбург — Людендорфу, 21.3.1925. Цит. по: *Hubatsch W.* Op. cit. S. 69.

⁸ Пасхальное послание Гинденбурга от 11.4.1925. Цит. по: *Deutsche Allgemeine Zeitung* 12.4.1925.

⁹ Речь Гинденбурга в Ганновере от 19.4.1925. Цит. по: *Hindenburg [Paul]*. Briefe... S. 143—146.

¹⁰ Записи тайного легационного советника Вальтера де Хааса о письме Берншторфа от 11.4.1925. См.: *ADAP. A.* Göttingen, 1994. Bd. 12. № 246.

¹¹ Докладная Хёша ведомству иностранных дел от 12.4.1925. Цит. по: *ADAP. A.* Bd. 12. № 249.

¹² Штреземан — в посольство в Вашингтоне, 9.4.1925. См.: *ADAP. A.* Bd. 12. № 244.

¹³ Гинденбург — представителям прессы, 19.4.1925. Цит. по: *Hindenburg [Paul]*. Briefe... S. 147.

¹⁴ Интервью Гинденбурга для прессы, 21.4.1925. Цит. по: *Hindenburg [Paul]*. Briefe... S. 147 f.

¹⁵ *Schultze-Pfaelzer G.* *Hindenburg...* S. 190.

¹⁶ См.: *Dorpalen A.* *Hindenburg...* S. 86 f.; *Fritzsche P.* *Presidential Victory and Popular Festivity in Weimar Germany: Hindenburg's Election 1925* // *Central European History*. 23. 1990. P. 205—224; *Winkler H. A.* *Weimar 1918—1933: Die Geschichte der ersten deutschen Demokratie*. München, 1994². S. 281—284; *Görlitz W.* *Hindenburg...* S. 258 f.

¹⁷ *Hindenburg-Jahrbuch*: 1926. Британский поверенный в делах в Берлине заметил по этому поводу следующее: «Фельдмаршал — человек в высшей степени принципиальный, и если он когда-либо поклялся на Библии в верности конституции, становится само собой разумеющимся, что никакая сила в мире не заставит его отступить от этой клятвы, и точно так же коль скоро он согласится следовать определенной политической линии, то никогда от нее не отступит. В хорошо информированных кругах полагают, что было бы ошибочным считать, будто он способен превратиться в марионетку своих соратников-нацио-

налистов» (Эддисон — Чемберлену, 28.4.1925. Цит. по: Documents on British Foreign Policy 1919—1939 [DBFP] / Ed. by W. N. Medlicott, D. Dakin and G. Bennett. London, 1986. Serie 1. Vol. 27. № 612).

VIII. Первый немец

¹ Hindenburg-Jahrbuch: 1926.

² *Ora et Labora* — время и труд (лат.).

³ Гинденбург в Совете министров, 17.11.1925. Цит. по: *Hubatsch W. Hindenburg...* S. 217 f.

⁴ Гинденбург — Лютеру, 4.12.1925. Цит. по: *Hubatsch W. Op. cit.* S. 221 f.

⁵ Гинденбург — Лютеру, 27.2.1926. Цит. по: *Hubatsch W. Op. cit.* S. 229 f.

⁶ Schultheß' Europäischer Geschichtskalender 1926. S. 82 f.

⁷ Гинденбург — Лютеру, 9.5.1926. Цит. по: *Poetsch-Heffter F. Vom Staatsleben unter der Weimarer Verfassung. Teil 2 (Vom 1. Januar 1925 bis 31. Dezember 1928) // Jahrbuch des Öffentlichen Rechts der Gegenwart. 17. 1929. S. 1—141.*

⁸ Гинденбург — Марксу, 9.8.1926. Цит. по: *Hubatsch W. Op. cit.* S. 240 f.

⁹ Гинденбург при торжественном открытии памятника в Танненберге, 18.9.1927. Цит. по: *Hindenburg [Paul]. Briefe...* S. 157.

¹⁰ *Feldgrau* (серый полевой) — цвет обмундирования германской армии, введенного в первые годы XX в. Традиционный цвет немецкой военной формы сохранялся почти без изменений до конца 80-х годов.

¹¹ *Schultze-Pfaelzer G. Hindenburg...* S. 215.

¹² Гинденбург — адмиралу Шрёдеру, 4.11.1929. Цит. по: *Hubatsch W. Op. cit.* S. 294—299.

¹³ ...*Железный крест 1-го класса, который носил даже на своем штатском костюме.* — На штатском костюме обычно носили розетку ордена. (*Примеч. пер.*)

¹⁴ *Pünder H. Politik in der Reichskanzlei: Aufzeichnungen aus den Jahren 1929—1932 / Hg. von Th. Vogelsang. Stuttgart, 1961. S. 66, 77.*

¹⁵ *Интроверт* — Человек, сосредоточенный на собственном внутреннем мире, с трудом устанавливающий контакты с окружающими. (*Примеч. пер.*)

¹⁶ *Санация* — оздоровление. (*Примеч. пер.*)

¹⁷ Гинденбург — Гуверу, 20.6.1931. Цит. по: *Hindenburg [Paul]. Briefe...* S. 167 f.

¹⁸ См.: Der Angriff. 31.5.1931; также цит. по: *Braun O. Von Weimar zu Hitler. Hamburg, 1949. S. 366 f.; Dorpalen A. Hindenburg...* S. 217.

¹⁹ См.: *Dorpalen A. Op. cit.* S. 219.

²⁰ Запись Майснера, 1.8.1931. См.: *Hiller von Gaertringen F. Die Deutschnationale Volkspartei // Das Ende der Parteien: 1933 / Hg. von E. Matthias u. R. Morsey. Düsseldorf, 1960. S. 623 f.; Schultheß' Europäischer Geschichtskalender: 1931. S. 165 f., 175 f., 179.*

²¹ *Bullock A. Hitler und Stalin: Parallele Leben. Berlin, 1991. S. 323; Weizsäcker E. von. Erinnerungen. München, 1950. S. 103.*

IX. Глава государства в тени Гитлера

¹ Гинденбург — Фридриху Бергу-Маркинсену, 25.2.1932. Цит. по: *Hubatsch W. Hindenburg...* S. 312—316. Берг, командор ордена иоаннитов и почетный маршал, выступал за повторное выдвижение кандидатуры Гинденбурга и поэтому подвергался ожесточенным нападкам со стороны национал-социалистов. Британ-

ский посол в Берлине заметил по поводу повторного выдвижения кандидатуры Гинденбурга, ссылаясь на разговор с новым шефом командования Сухопутных войск генералом Куртом бароном фон Хаммерштайн-Эквордом, который тоже служил в 3-м гвардейском полку: «Сторонники порядка в Германии и приверженцы умеренного общественного мнения, как правило, считают абсолютно необходимым уговорить президента Гинденбурга вновь выдвинуть свою кандидатуру. Это не вопрос сентиментальных отношений и не попытка использования преклонного возраста президента ради того, чтобы апеллировать к рыцарским чувствам нации. Президент является явным положительным фактором, и его сторонники не постеснялись использовать это благо и вовлечь личность фельдмаршала в состязание за пост президента. По сути дела, речь идет о личности Гинденбурга, противопоставляемой потенциальным силам беспорядка в Германии» (Румбольд — Симону, 1.3.1932. Цит. по: DBFP / Ed. by E. L. Woodward and R. Butler. London, 1948. Ser. 2. V. 3. № 101; см. также № 94 от 17.2.1932).

² Гинденбург — Ольденбургу-Янушау, 22.2.1932. Цит. по: *Hubatsch W.* Op. cit. S. 311.

³ Vorwärts, 10.3.1932; см. также: *Winkler H. A.* Weimar 1918—1933... S. 447.

⁴ Schultheß' Europäischer Geschichtskalender 1932. S. 58 f.

⁵ Предвыборная речь Гинденбурга по радио, 10.3.1932. Цит. по: *Dokumente der Deutschen Politik und Geschichte von 1848 bis zur Gegenwart / Hg. von J. Hohlfeld.* Berlin, 1951. Bd. 3. S. 424.

⁶ СА — SA (нем.), сокр. от Sturmabteilungen — массовая военизированная организация национал-социалистической партии в Германии. Штурмовики носили рубашки коричневого цвета и повязки со свастикой. Фюрером штурмовиков считался Эрнст Рем.

СС — SS (нем.), сокр. от Schutzstaffeln — охранные отряды — военизированная часть национал-социалистической партии, первоначально предназначавшаяся для охраны партийных митингов и собраний; затем превратилась в элитарную военно-полицейскую организацию нацистского государства. Организатором СС и их главой — рейхсфюрером СС — был Г. Гиммлер. (Примеч. пер.)

⁷ Запись Майснера беседы Гинденбурга с южнонемецкими министрами-президентами и президентами, 12.6.1932. Цит. по: *Vogelsang Th.* Reichswehr, Staat und NSDAP. Stuttgart, 1962. S. 470.

⁸ Левый «Рейхсбаннер» — военизированная организация социал-демократической партии Германии в 20—30-е годы. (Примеч. пер.)

⁹ «His advancing years are apparently telling on him» (Ньютон — Симону, 30.5.1932 и 31.5.1932, а также Румбольд — Симону, 4.6.1932 и 9.6.1932. См.: DBFP. Ser. 2. V. 3. № 115 etc., 122, 129). Австрийский посланник в Берлине снова говорил о влиянии «военной партии» на старого господина (Феликс Франк — федеральному канцлеру Энгельберту Дольфусу, 30.5.1932. См.: Österreichisches Staatsarchiv: Archiv der Republik: Gesandtschaft Berlin. Z. 142/Pol).

¹⁰ См.: *Brüning H.* Memoiren: 1918—1934. Stuttgart, 1970. S. 597—602.

¹¹ Записка Майснера об обсуждении вопроса о преобразовании правительства, 11.8.1932. См.: *Hubatsch W.* Op. cit. S. 336.

¹² Записка Майснера о переговорах между Гинденбургом и Гитлером, 13.8.1932. Цит. по: *Vogelsang Th.* Op. cit. S. 479 f.

¹³ Записка о приеме у Гинденбурга президиума рейхстага, 9.9.1932. Цит. по: *Akten der Reichskanzlei: Weimarer Republik: Das Kabinett von Papen: 1. Juni 1932 bis 3. Dezember 1932 / Bearbeitet von K.-H. Minuth. Boppard, 1989. Bd. 2. S. 527 f.*

¹⁴ Записка Майснера о переговорах Гинденбурга с Гитлером, 19.11.1932. Цит. по: Akten der Reichskanzlei: Weimarer Republik... Bd. 2. S. 984 f.

¹⁵ Записка Майснера о переговорах Гинденбурга с Гитлером, 21.11.1932. Цит. по: Akten der Reichskanzlei: Weimarer Republik... Bd. 2. S. 988—992.

¹⁶ Майснер — Гитлеру, 24.11.1932. Цит. по: Akten der Reichskanzlei: Weimarer Republik... Bd. 2. S. 998 f.

¹⁷ Запись Майснера о переговорах Гинденбурга с Каасом, 25.11.1932. Цит. по: *Hubatsch W.* Op. cit. S. 365.

¹⁸ Vorwärts, 29.11.1932, а также: *Winkler H. A.* Op. cit. S. 549.

¹⁹ *Papen F. von.* Der Wahrheit eine Gasse. München, 1952. S. 250.

²⁰ *Meißner H. O.* Die Machtergreifung: 30. Januar 1933. München; Berlin, 1983. S. 208 f.

²¹ *Brüning H.* Op. cit. S. 645.

²² *Vogelsang Th.* Op. cit. S. 400. За границей были убеждены, что на Гинденбурга оказывает влияние его сын (Андре Франсуа-Понсе Жозефу Поль-Бонкуру, 1.2.1933. См.: Documents Diplomatiques Français: 1932—1939. Paris, 1966. Série 1. Vol. 2. № 253; Румбольд — Симону, 30. 1. 1933. См.: DBFP. London, 1950. Ser. 2. V. 4. № 230). Британский посол считал, кроме того, что Гинденбург более или менее полностью находится под влиянием национал-социалистических кругов (№ 238 от 7. 2. 1933).

²³ *Frank H.* Im Angesicht des Galgens. München; Gräfelfing, 1953. S. 51 f.

²⁴ Речь Гинденбурга в гарнизонной церкви, 21.3.1933. Цит. по: *Hindenburg [Paul].* Briefe... S. 180 f.

²⁵ Гинденбург — немецкой молодежи, 30. 4.1933. Цит. по: *Hindenburg [Paul].* Briefe... S. 183.

²⁶ Гинденбург — Гитлеру, 4.4.1933. Цит. по: *Hubatsch W.* Op. cit. S. 376.

²⁷ Речь Гинденбурга по радио 12.11.1933. Цит. по: *Hindenburg [Paul].* Briefe... S. 184 f.

²⁸ Гинденбург — Гитлеру, 30.1.1934. Цит. по: *Hindenburg [Paul].* Briefe... S. 186.

²⁹ *Hindenburg [Paul].* Briefe... S. 187.

³⁰ ...тевтонское прощальное приветствие из Рихарда Вагнера: «Почивший полководец, войди в Вальхаллу!» — По поверью, таким восклицанием древние германцы провожали в последний путь погибших воинов; упоминается в опере Р. Вагнера «Кольцо Нибелунгов». Гитлер любил мистику германского эпоса и часто вступал в конфликт с христианской традицией, которой твердо придерживалось большинство немецкой, особенно прусской, военной аристократии. В древнегерманской мифологии Вальхалла — находящийся на небе и принадлежащий богу Одину дворец, обиталище душ храбрых воинов, павших в бою, где они пируют при свете сверкающих мечей. (Примеч. пер.)

³¹ Перепечатано в: *Hubatsch W.* Op. cit. S. 380—383.

ХРОНИКА ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПАУЛЯ ФОН ГИНДЕНБУРГА

- 1847, 2 октября — в Позене родился Пауль Людвиг Ганс Антон фон Бенекендорф унд фон Гинденбург.
- 1859, 1 апреля — кадет в Вальштате.
- 1865, 7 апреля — секунд-лейтенант 3-го гвардейского полка.
- 1866, 3 июля — участие в сражении при Кёниггреце.
- 1870—1871 — лейтенант Гинденбург принимает участие в войне против Франции.
- 1871, 18 января — Гинденбург присутствует на провозглашении императора в Версале.
- 1872, 13 апреля — премьер-лейтенант.
- 1873 — поступление в Военную академию.
- 1877, 15 мая — откомандирование в Большой Генеральный штаб.
- 1878
- 18 апреля — капитан.
- 9 июля — Гинденбург направлен в штаб II армейского корпуса в Штеттин.
- 1879, 24 сентября — женитьба на Гертруд Вильгельмине фон Шперлинг.
- 1880, 14 ноября — рождение дочери Ирменгард Паулины.
- 1881, 5 мая — назначение в 1-ю дивизию в Кёнигсберге.
- 1883, 31 января — рождение сына Оскара Вильгельма.
- 1884, 15 апреля — командир роты 58-го пехотного полка во Фрауэнштадте.
- 1885
- 14 июля — назначение в Большой Генеральный штаб в Берлине.
- 12 ноября — майор.
- 1888, 1 октября — 1-й офицер Генерального штаба в штабе III армейского корпуса в Берлине.
- 1890, 25 ноября — Гинденбург, преподававший уже в Военной академии, принимает в Военном министерстве отдел «А 2; Пешие войска».
- 1891
- 14 февраля — подполковник.
- 29 ноября — рождение дочери Аннемари.
- 1893, 17 июня — командир 91-го пехотного полка в Ольденбурге.
- 1894, 17 марта — полковник.
- 1896, 14 августа — начальник штаба VIII армейского корпуса в Кобленце.
- 1897, 22 марта — генерал-майор.
- 1900, 9 июля — генерал-лейтенант и командир 28-й дивизии в Карлсруэ.
- 1903, 18 мая — командир IV армейского корпуса в Магдебурге.
- 1905, 22 июня — генерал пехоты.
- 1911, 18 марта — увольнение с действительной службы.

1914

- 22 августа — приказ о назначении командующим 8-й армией.
- 23 августа — первая встреча генерал-полковника с Людендорфом на вокзале в Ганновере.
- 26—30 августа — сражение под Танненбергом.
- 1-я половина сентября — сражение на Мазурских озерах.
- 17 сентября — командующий 8-й и 9-й армиями.
- 28 сентября — начало наступления в Южной Польше.
- Октябрь —
- декабрь — бои и позиционный фронт в Польше.
- 1 ноября — Главнокомандующий Восточного фронта.
- 27 ноября — генерал-фельдмаршал.

1915

- 7—12 февраля — зимнее сражение на Мазурах.
- 2 мая — прорыв у Тарнова—Горлице, захват большой территории.
- Май —
- октябрь — наступление против России, линия фронта от Балтийского моря до Дубно.

1916

- 7 апреля — 50-летний юбилей пребывания на службе.
- 4 июня — начало Брусиловского прорыва.
- 28 июля — новый состав Восточного фронта, укрепление позиций Обер-оста.
- 29 августа — начальник Генерального штаба и 3-е ОХЛ.
- 5 ноября — провозглашение Польского государства.
- 5 декабря — Закон об отечественной вспомогательной службе.

1917

- 9 января — принятие решения о неограниченной подводной войне.
- 1 февраля — неограниченная подводная война.
- 6 апреля — наступление под Нивелем.
- 9 апреля — английское наступление под Аррасом.
- 14 июля — отставка Бетман-Гольвега, Михаелис становится новым рейхсканцлером.
- 19 июля — мирная резолюция рейхстага.
- 1 ноября — назначение Гертлинга рейхсканцлером.
- 22 декабря — начало мирных переговоров в Брест-Литовске.

1918

- 3 марта — мир в Брест-Литовске.
- 21 марта — операция «Михаель».
- 9 апреля — начало наступления во Фландрии.
- 27 мая — «Блюхер—Йорк».
- 15 июля — «Марнешуц—Реймс».
- 18 июля — французское контрнаступление при Виллер-Котрэ.
- 8 августа — английская танковая атака под Амьеном.
- 14 августа — Коронный совет в Спа: дискуссия о целесообразности дальнейшего продолжения войны.
- 2 сентября — английская танковая атака на рубеже Аррас—Камбре.

- 10 сентября — Гинденбург дает полномочия Хинтце на ведение мирных переговоров через Голландию и Испанию.
- 26 сентября — наступление союзников между Маасом и Аргоннами, а также в Шампани.
- 28 сентября — после крушения Болгарского фронта ОХЛ настаивает на предложении перемирия со стороны Германии.
- 29 сентября — Коронный совет принимает решение о переходе к парламентской системе.
- 3 октября — Макс Баденский становится новым рейхсканцлером.
- 3—4 октября — немецкое предложение Вильсону о перемирии.
- 8 октября — Первая ответная нота Вильсона.
- 14 октября — Вторая ответная нота Вильсона.
- 21 октября — Макс Баденский объявляет об отказе от неограниченной подводной войны.
- 23 октября — Третья ответная нота Вильсона однозначно требует капитуляции Германии и отречения кайзера.
- 26 октября — отставка Людендорфа, замена его Грёнером.
- 9 ноября — Макс Баденский объявляет в Берлине об отречении Вильгельма и кронпринца, Шейдеман провозглашает республику, Вильгельму в Спа дают совет эмигрировать. Гинденбург становится Верховным главнокомандующим армии, Фош передает условия перемирия.
- 10 ноября — Вильгельм выезжает в Голландию.
- 11 ноября — Эрцбергер подписывает соглашение о перемирии. Война закончена. Новое правительство обращается с просьбой к ОХЛ поддержать спокойствие и порядок.
- 28 ноября — отречение Вильгельма, короля Пруссии, от престола.
- 1919
- 7 мая — германская делегация получает в Версале условия мира союзников.
- 23 июня — Национальное собрание голосует за принятие мирного договора.
- 28 июня — подписание мирного договора.
- 3 июля — Гинденбург выходит в отставку и выезжает из штаб-квартиры в Кольберге в Ганновер.
- 27 июля — публикация протокола «События 9 ноября 1918 года в Большой ставке в Спа».
- 18 ноября — выступления Гинденбурга вместе с Людендорфом перед парламентским следственным комитетом («Немецкой армии вонзили нож в спину»).
- 1920 — выход в свет мемуаров «Из моей жизни».
- 1921, 14 мая — жена Гинденбурга умирает от ракового заболевания.
- 1925
- 9 апреля — Гинденбург выставляет свою кандидатуру на выборах рейхспрезидента.
- 11 апреля — пасхальное послание «К немецкому народу!».
- 26 апреля — кандидатура Гинденбурга получает на выборах 48,3 процента голосов.

- 16 октября — завершение Локарнской конференции.
- 1926
- 20 января — 2-й кабинет Лютера.
- 5 мая — постановление Гинденбурга о флагах.
- 16 мая — 3-й кабинет Маркса.
- 8 октября — увольнение Секта с должности начальника Главного управления Сухопутных войск.
- 1927
- 29 января — 4-й кабинет Маркса.
- 18 сентября — открытие памятника в Танненберге.
- 1928
- 19 января — Грёнер становится министром рейхсвера.
- 28 июня — кабинет Мюллера.
- 1930
- 13 марта — закон рейха о «плане Юнга».
- 30 марта — кабинет Брюнинга.
- 16 июля — «Внепарламентское постановление о преодолении финансового, экономического и социального чрезвычайного положения», инициированное Гинденбургом.
- 18 июля — роспуск рейхстага.
- 1931
- 9 февраля — уход «Национальной оппозиции» из рейхстага.
- 20 июня — телеграмма Гинденбурга президенту США Гуверу об одногодичном моратории на международные обязательства Германии.
- 10 октября — Гинденбург впервые принимает Гитлера (с Герингом).
- 1932
- 13 марта — первый тур президентских выборов.
- 10 апреля — второй тур и победа Гинденбурга.
- 13 апреля — запрет СА и СС.
- 30 мая — отставка Брюнинга.
- 30—31 мая — Гинденбург совещается с лидерами партий, в том числе с Гитлером.
- 1 июня — кабинет Папена.
- 4 июня — роспуск рейхстага.
- 14 июня — снятие запрета на деятельность СА и СС.
- 20 июля — введение чрезвычайного положения в Пруссии, смещение правительства Брауна.
- 13 августа — Гитлер и Папен у Гинденбурга.
- 12 сентября — роспуск рейхстага, вновь созванного только 30 августа.
- 17 ноября — отставка Папена.
- 19 ноября — Гитлер у Гинденбурга.
- 21 ноября — Гитлер снова у Гинденбурга.
- 3 декабря — кабинет Шляйхера.
- 1933
- 28 января — отставка Шляйхера.
- 30 января — назначение Гитлера рейхсканцлером.
- 1 февраля — роспуск рейхстага.
- 27 февраля — пожар рейхстага.

- 28 февраля — постановление рейхспрезидента «О защите народа и государства».
- 21 марта — «День Потсдама».
- 24 марта — «Закон о полномочиях».
- Июнь—июль — самороспуск партий и запрет СДПГ.
- 19 октября — выход Германии из Лиги Наций.
- 1934
- 30 июня—
- 2 июля — «путч Рема».
- 2 августа — смерть Гинденбурга:
- 7 августа — торжественные похороны в Танненберге.

ЛИТЕРАТУРА

I. Мемуары, свидетельства очевидцев, публикации

- Agricola*. Als ich im Stabe Hindenburgs war. Leipzig, 1934.
- Akten der Reichskanzlei: Weimarer Republik: Diverse Bände. Boppard, 1970, 1982—1990.
- Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik 1918—1945: Aus dem Archiv des Auswärtigen Amts. Serie A (1918—1925), B (1925—1933), C (1933—1937). Göttingen, 1982—1995; 1966—1983; 1971—1973.
- Amtliche Urkunden zur Vorgeschichte des Waffenstillstandes 1918: Auf Grund der Akten der Reichskanzlei, des Auswärtigen Amtes und des Reichsarchivs. Berlin: Auswärtiges Amt und Reichsministerium des Innern, 1924.
- Bauer M.* Der Große Krieg in Feld und Heimat: Erinnerungen und Betrachtungen. Tübingen, 1921.
- Bethmann Hollweg Th. von.* Betrachtungen zum Weltkrieg: 2 Bde. Berlin, 1919—1921.
- Bewer Max.* Beim Kaiser und Hindenburg im Großen Hauptquartier. Dresden, 1917.
- Blücher E. Fürstin von.* An English Wife in Berlin. London, 1920.
- Braun O.* Von Weimar zu Hitler. Hamburg, 1949.
- Brockhusen-Justin H.-J.* Der Weltkrieg und ein schlichtes Menschenleben. Greifswald, 1928.
- Brüning H.* Memoiren: 1918—1934. Stuttgart, 1970.
- Bülow B. Fürst von.* Denkwürdigkeiten / Hg. von F. von Stockhammern. Berlin, 1931. Bd. 3.
- Conrad von Hötzendorf F. Freiherr.* Aus meiner Dienstzeit: 5 Bde. Wien, 1921—1925.
- Curtius J.* Sechs Jahre Minister der deutschen Republik. Heidelberg, 1948.
- Das Heer und die Republik: Quellen zur Politik der Reichswehrführung 1918 bis 1933 / Hg. von O.-E. Schüddekopf. Hannover; Frankfurt, 1955.
- Das Werk des Untersuchungsausschusses der Verfassungsgebenden Deutschen Nationalversammlung und des Deutschen Reichstages 1919—1928: 10 Bde.: 4. Reihe: Die Ursachen des Deutschen Zusammenbruches im Jahre 1918 / Hg. von A. Philipp. Berlin, 1925—1928.
- Der interfraktionelle Ausschuß: 1917—1918 / Bearbeitet von E. Matthias und R. Morsey // Quellen zur Geschichte des Parlamentarismus und der politischen Parteien: 1. Reihe. Düsseldorf, 1959. Bd. 1/2.
- Deutschland im Ersten Weltkrieg: Texte und Dokumente 1914—1918 / Hg. von U. Cartarius. München, 1982.
- Die Aufzeichnungen des Generalmajors Max Hoffmann / Hg. von K. F. Nowak: 2 Bde. Berlin, 1930.
- Die Tagebücher von Joseph Goebbels: Sämtliche Fragmente / Hg. von E. Frählich. Teil 1. München, 1987. Bd. 2.
- Documents Diplomatiques Français 1932—1939. Paris, 1964—1979. Série 1: (1932—1935). Vol. 1—7.
- Documents on British Foreign Policy 1919—1939. London, 1947—1975. Series 1—2.

- Dokumente der Deutschen Politik und Geschichte von 1848 bis zur Gegenwart / Hg. von J. Hohlfeld. Berlin, 1951. Bd. 3.
- Dokumente der Deutschen Politik / Hg. von F. A. Six; Bearbeitet von H. Volz. Teil 1. Berlin, 1942. Bd. 3.
- Duesterberg Th.* Der Stahlhelm und Hitler. Wolfenbüttel; Hannover, 1949.
- Eisenhart-Rothe E. von.* Im Banne der Persönlichkeit. Berlin, 1931.
- Ernst F.* Aus dem Nachlaß des Generals Walter Reinhardt. Stuttgart, 1958.
- Erzberger M.* Erlebnisse im Weltkrieg. Stuttgart; Berlin, 1920.
- Falkenhayn E. von.* Die Oberste Heeresleitung 1914—1916 in ihren wichtigsten Entschlüssen. Berlin, 1920.
- Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers: 1932—1934. Washington, 1947—1951.
- François H. von.* Hindenburgs Sieg bei Tannenberg: Das Cannae des Weltkriegs in Wort und Bild. Leipzig, [o. J.].
- François H. von.* Marneschlacht und Tannenberg. Berlin, 1920.
- Freytag-Loringhoven G. von.* Menschen und Dinge, wie ich sie in meinem Leben sah. Berlin, 1923.
- Gallwitz M. von.* Meine Führertätigkeit im Weltkrieg: 1914—1916. Berlin, 1929.
- Gessler O.* Reichswehrpolitik in der Weimarer Zeit / Hg. von K. Sendtner. Stuttgart, 1958.
- Goltz C. Freiherr von der.* Denkwürdigkeiten. Berlin, 1929.
- Groener W.* Lebenserinnerungen. Jugend, Generalstab, Weltkrieg / Hg. von F. Freiherr Hiller von Gaertringen. Göttingen, 1957.
- Haefsten H. von.* Hindenburg und Ludendorff als Feldherren. Berlin, 1937.
- Helfferrich K.* Der Weltkrieg: 3 Bde. Karlsruhe, 1919.
- Hertling K. Graf von.* Ein Jahr in der Reichskanzlei: Erinnerungen an die Kanzlerschaft meines Vaters. Freiburg, 1919.
- Hindenburg-Jahrbuch: 1926.
- Hindenburg.* Briefe, Reden, Berichte / Hg. und eingeleitet von F. Endres. Ebenhausen, 1938.
- Hubatsch Walter.* Hindenburg und der Staat: Aus den Papieren des Generalfeldmarschalls und Reichspräsidenten von 1887 bis 1934. Göttingen, 1966.
- I Documenti Diplomatici Italiani. Roma, 1959. Ser. 7. V. 3.
- Kühlmann Richard von.* Erinnerungen. Heidelberg, 1948.
- L'Allemagne et les problèmes de la paix pendant la première guerre mondiale: Documents extraits des archives de l'Office allemand des Affaires étrangères / Éd. A. Scherer et J. Grunewald: 4 Vol. Paris, 1962—1978.
- Lindenberg P.* Hindenburg-Denkmal für das deutsche Volk. Berlin, 1927.
- Lobberg F. von.* Meine Tätigkeit im Weltkriege: 1914—1918. Berlin, 1939.
- Löbe P.* Der Weg war lang: Lebenserinnerungen. Berlin, 1954.
- Ludendorff E.* Die überstaatlichen Mächte im letzten Jahre des Weltkrieges. Leipzig, 1927.
- Ludendorff E.* Dirne Kriegsgeschichte vor dem Gericht des Weltkrieges. München, 1934.
- Ludendorff E.* Kriegführung und Politik. Berlin, 1922.
- Ludendorff E.* Meine Kriegserinnerungen: 1914—1918. Berlin, 1919.
- Ludendorff E.* Tannenberg: Geschichtliche Wahrheit über die Schlacht. München, 1934.
- Ludendorff E.* Vom Feldherrn zum Weltrevolutionär und Wegbereiter Deutscher Volksschöpfung: Meine Lebenserinnerungen von 1919 bis 1925; 1926—1933: 2 Bde. München, 1940—1951.
- Ludendorff M.* Als ich Ludendorffs Frau war: 1909—1926. München, 1929.

- Ludendorff M.* Erich Ludendorff: Sein Wesen und Schaffen. München, 1940.
- Luther H.* Politiker ohne Partei. Stuttgart, 1960.
- Mackensen A. von.* Mackensens Briefe und Aufzeichnungen aus Krieg und Frieden / Hg. von W. Foerster. Leipzig, 1938.
- Baden Max von, Prinz.* Erinnerungen und Dokumente. Berlin; Stuttgart, 1927.
- Meinecke F.* Die deutsche Katastrophe: Betrachtungen und Erinnerungen. Wiesbaden, 1947.
- Meissner O.* Staatssekretär unter Ebert, Hindenburg, Hitler: Der Schicksalsweg des deutschen Volkes 1918—1945, wie ich ihn erlebte. Hamburg, 1950.
- Michaelis G.* Für Staat und Volk. Berlin, 1922.
- Militär und Innenpolitik im Weltkrieg: 1914—1918* / Hg. von W. Deist. Düsseldorf, 1970. Reihe 2. Bd. 1/1.
- Moltke H. von.* Erinnerungen, Briefe, Dokumente 1877—1916 / Hg. von E. von Moltke. Stuttgart, 1922.
- Niemann A.* Kaiser und Revolution: Die entscheidenden Ereignisse im Großen Hauptquartier im Herbst 1918. Berlin, 1922.
- Niemann A.* Revolution von oben, Umsturz von unten. Berlin, 1928.
- Noske G.* Erlebtes aus Aufstieg und Niedergang einer Demokratie. Offenbach, 1947.
- Oldenburg-Januschau E. von.* Erinnerungen. Leipzig, 1936.
- Papen F. von.* Der Wahrheit eine Gasse. München, 1952.
- Payer F. von.* Von Bethmann Hollweg bis Ebert: Erinnerungen und Bilder. Frankfurt, 1923.
- Politik und Wirtschaft in der Krise, 1930—1932: Quellen zur Ära Brüning: 2 Bde.* / Bearbeitet von I. Maurer, U. Wengst und J. Heideking. Düsseldorf, 1980.
- Pünder H.* Politik in der Reichskanzlei: Aufzeichnungen aus den Jahren 1929—1932 / Hg. von Th. Vogelsang. Stuttgart, 1961.
- Rathenau W.* Tagebuch: 1907—1922 / Hg. von H. Pogge-von Strandmann. Düsseldorf, 1967.
- Regierte der Kaiser? Kriegstagebücher, Aufzeichnungen und Briefe des Chefs des Marine-Kabinetts Admiral Georg Alexander von Müller: 1914—1918* / Hg. von W. Görnitz. Göttingen; Berlin; Frankfurt, 1959.
- Riezler K.* Tagebücher, Aufsätze, Dokumente / Hg. von K. D. Erdmann. Göttingen, 1972.
- Bayern Ruprecht von, Kronprinz.* Mein Kriegstagebuch: 3 Bde. / Hg. von E. von Frauenholz. München, 1929.
- Scheidemann Ph.* Der Zusammenbruch. Berlin, 1921.
- Schmidt-Hannover O.* Umdenken oder Anarchie: Männer — Schicksale — Lehren. Göttingen, 1959.
- Schultheß Europäischer Geschichtskalender: 1914—1934.*
- Schwerin von Krosigk L., Graf.* Es geschah in Deutschland: Menschenbilder unseres Jahrhunderts. Tübingen; Stuttgart, 1951.
- Seeckt H. von.* Aus meinem Leben: 1866—1917 / Unter Verwendung des schriftlichen Nachlasses im Auftrage von Frau Dorothee von Seeckt hg. von F. von Rabenau. Leipzig, 1938.
- Severing C.* Mein Lebensweg. Köln, 1950. Bd. 2.
- Stein H. von.* Erlebnisse und Betrachtungen aus der Zeit des Weltkrieges. Leipzig, 1919.
- Stenographische Berichte der Verhandlungen des Deutschen Reichstages.* Berlin, 1871—1934.
- Stresemann G.* Vermächtnis / Hg. von H. Bernhard. Berlin, 1932.
- Stürgkh K., Graf.* Im Deutschen Großen Hauptquartier. Leipzig, 1921.

- Thaer A. von.* Generalstabsdienst an der Front und in der OHL: Aus den Briefen und Tagebuchaufzeichnungen 1915—1919 / Hg. von S. A. Kaehler und H. K. G. Rönnefarth. Göttingen, 1958.
- Tirpitz A. von.* Erinnerungen. Leipzig, 1919.
- Unser Hindenburg: Sein Leben und Wirken, Anekdoten, Aussprüche und anderes / Hg. von H. E. Schlüter. Leipzig, [o. J.].
- Urkunden der Obersten Heeresleitung über ihre Tätigkeit 1916—1918 / Hg. von E. Ludendorff. Berlin, 1920.
- Valentini R. von.* Kaiser und Kabinettschef: Nach eigenen Aufzeichnungen und dem Briefwechsel des Wirklichen Geheimen Rats Rudolf von Valentini dargestellt von B. Schwertfeger. Oldenburg, 1931.
- Vogel H.* Erlebnisse und Gespräche mit Hindenburg. Berlin, 1935.
- Weizsacker E. von.* Erinnerungen. München, 1950.
- Weistarp K. Graf von.* Das Ende der Monarchie am 9. November 1918 / Mit einem Nachwort hg. von W. Conze. Berlin, 1952.
- Wild von Hohenborn A.* Briefe und Tagebuchaufzeichnungen des preußischen Generals als Kriegsminister und Truppenführer im Ersten Weltkrieg / Hg. von H. Reichold und G. Granier. Boppard am Rhein, 1986.
- Wilhelm II, Kaiser.* Ereignisse und Gestalten aus den Jahren 1878—1918. Leipzig; Berlin, 1922.
- Wilhelm, Kronprinz.* Erinnerungen / Hg. von K. Rosner. Berlin, 1922.
- Wilhelm, Kronprinz.* Meine Erinnerungen an Deutschlands Heldenkampf. Berlin, 1923.
- Zechlin W.* Pressechef bei Ebert, Hindenburg und Kopf. Hannover, 1956.

2. Биографии и генеалогия Гинденбурга

- Bink H.* Das Geschlecht von Hindenburg als deutsche Grundbesitzer // Reichslandbund. 7. 1927. № 39.
- Bloem W.* Hindenburg als Reichspräsident. Berlin, 1934.
- Bloem W.* Hindenburg der Deutsche. Berlin, 1932.
- Buat E.* Hindenburg. München, 1922.
- Bütow W. J.* Hindenburg. Bergisch-Gladbach, 1984.
- Dorpalen A.* Hindenburg in der Geschichte der Weimarer Republik. Berlin, 1966.
- Gebhardt P. von.* Ahnentafeln großer Deutscher: 1933.
- Gebhardt P. von.* Hindenburgs Ahnen // Archiv für Sippenforschung. 11. 1934.
- Goldsmith M., Voigt F. A.* Hindenburg. The Man and the Legend. London, 1930.
- Görlitz W.* Hindenburg: Ein Lebensbild. Bonn, 1953.
- Helmolt H.* Hindenburg, das Leben eines Deutschen. Karlsruhe, 1926.
- Hindenburg B. von.* Feldmarschall von Hindenburg: Ein Lebensbild. Berlin, 1917.
- Hindenburg Generalfeldmarschall [Paul] von.* Aus meinem Leben. Leipzig, 1920.
- Hindenburg G. von.* Paul von Hindenburg: Vom Kadetten zum Reichspräsidenten. Leipzig, o. J.
- Hindenburg H. N. von.* Hindenburg at Home: An Intimate Biography. New York, 1931.
- Hindenburg-Bibliographie: Verzeichnis der Bücher und Zeitschriftenaufsätze von und über den Reichspräsidenten Generalfeldmarschall von Hindenburg. Leipzig, 1938.
- Hindenburg-Denkmal für das deutsche Volk: Eine Ehrengabe zum 75. Geburtstag des Generalfeldmarschalls / Hg. von P. Lindenberg. Berlin, 1927.

- Hindenburg: Was er uns Deutschen ist: Eine Festgabe zum 80. Geburtstag / Hg. von Staatsminister a. D. von Loebell. Berlin, 1927.
- Lucas F. J. Hindenburg als Reichspräsident. Bonn, 1959.
- Lüders M. Der Soldat und das Reich: Paul von Hindenburg. Generalfeldmarschall und Reichspräsident. Leoni am Starnberger See, 1961.
- Marcks E. Hindenburg: Feldmarschall und Reichspräsident. Göttingen, 1963.
- Marcks E., Eisenhart Rothe E. von. Paul von Hindenburg als Mensch, Staatsmann, Feldherr / Hg. von O. Karstedt. Berlin, 1932.
- Maser W. Hindenburg: Eine politische Biographie. Rastatt, 1990².
- Metzsch H. von. Hindenburg. Leipzig, 1932.
- Niemann A. Hindenburg: Ein Lebensbild. Leipzig, 1926.
- Niemann A. Hindenburg: Vom Kadett zum Feldmarschall. Leipzig, 1931.
- Olden R. Hindenburg oder der Geist der preußischen Armee. Hof, 1935.
- Ruge W. Hindenburg: Porträt eines Militaristen. Köln, 1981.
- Schulenburg D. von der. Welt um Hindenburg: Hundert Gespräche mit Berufenen. Berlin, 1935.
- Schultze-Pfaelzer G. Hindenburg: Ein Leben für Deutschland. Berlin, 1934.
- Schultze-Pfaelzer G. Wie Hindenburg Reichspräsident wurde. Berlin, 1925.
- Vogel H. Als ich Hindenburg malte. Berlin, 1927.
- Watson A. M. K. The Biography of President of Hindenburg. London, 1930.
- Wheeler-Bennett J. W. Der hölzerne Titan: Paul von Hindenburg. Tübingen, 1969.
- Ybarra T. R. Hindenburg: The Man with Three Lives. New York, 1932.
- Zobeltitz H.-C. von. Hindenburg: Ein Leben der Pflicht. Des Feldmarschalls und Reichspräsidenten Werden und Wirken. Leipzig, 1926.

3. Избранные работы по истории кайзеровской Германии и Веймарской республики

- Afflerbach H. Falkenhayn: Politisches Denken und Handeln im Kaiserreich. München, 1994.
- Asprey R. B. The German High Command at War: Hindenburg and Ludendorff and the First World War. London, 1996.
- Bach J. A. Franz von Papen in der Weimarer Republik: Aktivitäten in Politik und Presse 1918—1932. Düsseldorf, 1977.
- Bald D. Der deutsche Generalstab: Reform und Restauration in Ausbildung und Bildung 1859—1939. München, 1977.
- Basler W. Deutschlands Annexionspolitik in Polen und im Baltikum: 1914—1918. Berlin, 1962.
- Baumgart W. Deutsche Ostpolitik 1918: Von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges. Wien; München, 1966.
- Berghahn V. R. Der Stahlhelm: Bund der Frontsoldaten 1918—1935. Düsseldorf, 1966.
- Bracher K. D., Sauer W., Schulz G. Die nationalsozialistische Machtergreifung: Studien zur Errichtung des totalitären Herrschaftssystems in Deutschland 1933—1934. Köln; Opladen, 1960.
- Bracher K. D. Die Auflösung der Weimarer Republik: Eine Studie zum Problem des Machtverfalls in der Demokratie. Stuttgart; Düsseldorf, 1955.
- Breucker W. Die Tragik Ludendorffs. Oldenburg, 1953.
- Buchta B. Die Junker und die Weimarer Republik: Charakter und Bedeutung der Osthilfe in den Jahren 1928—1933. Berlin, 1959.

- Bullock A.* Hitler und Stalin: Parallele Leben. Berlin, 1991.
- Carsten F. L.* Reichswehr und Politik: 1918—1933. Köln, 1964.
- Clemente S. E.* For King and Kaiser! The Making of the Prussian Army Officer: 1860—1914. New York, 1992.
- Conze W.* Polnische Nation und deutsche Politik. Köln, 1958.
- Craig G. A.* Die preußisch-deutsche Armee 1640—1945: Staat im Staate. Düsseldorf, 1960.
- Deist W.* Militär, Staat und Gesellschaft: Studien zur preußisch-deutschen Militärgeschichte. München, 1991.
- Delbrück H.* Ludendorff, Tirpitz, Falkenhayn. Berlin, 1920.
- Demeter K.* Das Deutsche Offizierskorps in Gesellschaft und Staat: 1650—1945. Frankfurt, 1965.
- Der Weltkrieg 1914—1918:* 14 Bde. Berlin: Bearbeitet im Reichsarchivwerk, 1925—1956.
- Deutsche Militärgeschichte 1648—1939:* 6 Bde. München: Militärgeschichtliches Forschungsamt, 1983.
- Diehl J. M.* Paramilitary Politics in Weimar Germany. Boomington, 1977.
- Dupuy T. N.* A Genius for War: The German Army and General Staff 1807—1945. London, 1977.
- Dupuy T. N.* The Military Lives of Hindenburg and Ludendorff of Imperial Germany. New York, 1970.
- Elze W.* Tannenberg. Breslau, 1928.
- Erdmann K. D.* Der Erste Weltkrieg. München, 1985.
- Erger J.* Der Kapp-Lüttwitz-Putsch: Ein Beitrag zur deutschen Innenpolitik 1919—1920. Düsseldorf, 1967.
- Evans E. L.* The German Center Party 1870—1933: A Study in Political Catholicism. Carbondale, 1981.
- Falter J. W.* The Two Hindenburg Elections of 1925 and 1932: A Total Reversal of Voter Coalitions // *Central European History*. 1990. 23. P. 225—241.
- Fest J. C.* Hitler: Eine Biographie. Gütersloh, 1993.
- Fischer F.* Griff nach der Weltmacht: Die Kriegszielpolitik des kaiserlichen Deutschland 1914—1918. Düsseldorf, 1961.
- Foerster W.* Der Feldherr Ludendorff im Unglück: Eine Studie über seine seelische Haltung in der Endphase des ersten Weltkrieges. Wiesbaden, 1952.
- Foerster W.* Hindenburg als Feldherr. Berlin, 1934.
- Frank H.* Im Angesicht des Galgens. München; Gräfelfing, 1953.
- Frentz H.* Der unbekannte Ludendorff: Der Feldherr in seiner Umwelt und Epoche. Wiesbaden, 1952.
- Fritzsche P.* Presidential Victory and Popular Festivity in Weimar Germany: Hindenburg's Election 1925 // *Central European History*. 1990. 23. P. 205—224.
- Gessner D.* Agrarverbände in der Weimarer Republik: Wirtschaftliche und soziale Voraussetzungen agrarkonservativer Politik vor 1933. Düsseldorf, 1976.
- Geyer M.* Aufrüstung oder Sicherheit: Die Reichswehr in der Krise der Machtpolitik 1924—1936. Wiesbaden, 1980.
- Golovin N. N.* The Russian Campaign of 1914. Fort Leavenworth, 1933.
- Goodspeed D. J.* Ludendorff: Soldier, Dictator, Revolutionary. London, 1966.
- Gordon H. J.* The Reichswehr and the German Republic: 1919—1926. Princeton, 1957.
- Görlitz W.* Der deutsche Generalstab: Geschichte und Gestalt, 1657—1945. Frankfurt, 1955.

- Groener-Geyer D.* General Groener: Soldat und Staatsmann. Frankfurt, 1955.
- Guth E. P.* Der Gegensatz zwischen dem Oberbefehlshaber Ost und dem Chef des Generalstabes des Feldheeres 1914—1915: Die Rolle des Majors von Haefen im Spannungsfeld zwischen Hindenburg, Ludendorff und Falkenhayn // Militärgeschichtliche Mitteilungen. 1984. 35. S. 75—111.
- Gutsche W.* Aufstieg und Fall eines kaiserlichen Reichskanzlers: Theobald von Bethman Hollweg 1856—1921: Ein politisches Lebensbild. Berlin, 1973.
- Handbuch zur deutschen Militärgeschichte. München: Militärgeschichtliches Forschungsamt, 1975—1976; 1968. Bde. 4—5.
- Haungs P.* Reichspräsident und parlamentarische Kabinettsregierung: Eine Studie zum Regierungssystem der Weimarer Republik in den Jahren 1924 bis 1929. Köln, 1968.
- Hentschel V.* Weimars letzte Monate: Hitler und der Untergang der Republik. Düsseldorf, 1978.
- Herzfeld H.* Der Erste Weltkrieg. München, 1982.
- Hildebrand K.* Das vergangene Reich: Deutsche Außenpolitik von Bismarck bis Hitler 1871—1945. Stuttgart, 1995.
- Hiller von Gaertringen F.* «Dolchstoß»-Diskussion und «Dolchstoß-Legende» im Wandel von vier Jahrzehnten // Geschichte und Gegenwartsbewußtsein: Festschrift für Hans Rothfels zum 70. Geburtstag. Göttingen, 1963.
- Hiller von Gaertringen F.* Die Deutschnationale Volkspartei: Das Ende der Parteien 1933 / Hg. von E. Matthias und R. Morsey. Düsseldorf, 1960.
- Hoffmann H.* Das Deutsche Offizierkorps 1860—1960. Boppard, 1980.
- Holzbach H.* Das «System Hugenberg»: Die Organisation bürgerlicher Sammlungspolitik vor dem Aufstieg der NSDAP. Stuttgart, 1981.
- Hörster-Philipps U.* Konservative Politik in der Endphase der Weimarer Republik: Die Regierung Franz von Papen. Köln, 1982.
- Hughes D. J.* The King's Finest: A Social and Bureaucratic Profile of Prussia's General Officers 1871—1914. New York, 1987.
- Hull I. W.* The Entourage of Kaiser Wilhelm II, 1888—1918. London, 1982.
- Hürter J.* Wilhelm Groener: Reichswehrminister am Ende der Weimarer Republik (1928—1932). München, 1993.
- Ironsides Sir Edmond.* Tannenberg: The First Thirty Days in East Prussia. Edinburgh, 1925.
- Janßen K.-H.* Der Kanzler und der General: Die Führungskrise um Bethmann Hollweg und Falkenhayn, 1914—1916. Göttingen, 1967.
- Janßen K.-H.* Der Wechsel in der Obersten Heeresleitung 1916 // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte. 1959. 7. S. 337—371.
- Janßen K.-H.* Die graue Exzellenz zwischen Staatsräson und Vasallentreue: Aus den Papieren Karl Georg von Treutlers. Frankfurt, 1971.
- Jarausch K. H.* The Enigmatic Chancellor: Bethmann Hollweg and the Hubris of Imperial Germany. London; New Haven, 1973.
- Jasper G.* Die gescheiterte Zähmung: Wege zur Machtergreifung Hitlers 1930—1934. Frankfurt, 1986.
- Jones L. E.* German Liberalism and the Dissolution of the Weimar Party System, 1918—1933. Chapel Hill, 1988.
- Kielmannsegg P. Graf.* Deutschland und der Erste Weltkrieg. Stuttgart, 1980.
- Kitchen M.* The German Officercorps: 1890—1914. Oxford, 1968.
- Kitchen M.* The Silent Dictatorship: The Politics of the German High Command under Hindenburg and Ludendorff 1916—1918. London, 1976.

- Krüger P.* Die Außenpolitik der Republik von Weimar. Darmstadt, 1985.
- Leopold J. A.* Alfred Hugenberg: The Radical Nationalist Campaign against the Weimar Republic. New Haven, 1977.
- Linde P.* Gegen Rennenkampf und Joffre: Kriegserlebnisse von der Ost- und Westfront. [o. O.], [o. J.].
- Longerich P.* Die braunen Bataillone: Geschichte der SA. München, 1989.
- Meier-Welcker H.* Seeckt. Frankfurt, 1967.
- Meißner H. O.* Die Machtergreifung: 30. Januar 1933. München; Berlin, 1983.
- Messerschmidt M.* Militär und Politik in der Bismarckzeit und im Wilhelminischen Deutschland. Darmstadt, 1975.
- Mommsen H.* Die verspielte Freiheit: Der Weg der Republik von Weimar in den Untergang 1918 bis 1933. Berlin, 1989.
- Moser O. von.* Ernsthaftige Klaudereien über den Weltkrieg: Eine kritische, militärpolitische Geschichte des Krieges für Fachleute und Nichtfachleute. Berlin, 1925.
- Nipperdey Th.* Deutsche Geschichte: 1866—1918. München. 1992. Bd. 2. Offiziere im Bild von Dokumenten aus drei Jahrhunderten. Stuttgart: Militärgeschichtliches Forschungsamt, 1964.
- Ostertag H.* Bildung, Ausbildung und Erziehung des Offizierskorps im deutschen Kaiserreich 1871 bis 1918: Eliteideal, Anspruch und Wirklichkeit. Frankfurt, 1990.
- Poetsch-Heffter F.* Vom Staatsleben unter der Weimarer Verfassung // Jahrbuch des Öffentlichen Rechts der Gegenwart. 1929. 17. Teil 2: Vom 1. Januar 1925 bis 31. Dezember 1928. S. 1—141.
- Rabenau F. von.* Seeckt: Aus seinem Leben 1918—1936. Leipzig, 1940.
- Rauchensteiner M.* Der Tod des Doppeladlers: Österreich-Ungarn und der Erste Weltkrieg. Graz; Wien; Köln, 1993.
- Ritter G.* Der Schlieffenplan: Kritik eines Mythos. München, 1965.
- Ritter G.* Staatskunst und Kriegshandwerk: Das Problem des «Militarismus» in Deutschland. München, 1964—1968. Bd. 3, 4.
- Rohe K.* Das Reichsbanner Schwarz-Rot-Gold: Ein Beitrag der Geschichte und Struktur der politischen Kampfverbände zur Zeit der Weimarer Republik. Düsseldorf, 1966.
- Röhl J. C. G.* Kaiser, Hof und Staat: Wilhelm II. und die deutsche Politik. München, 1987.
- Ruppert K.* Im Dienst am Staat von Weimar: Das Zentrum als regierende Partei in der Weimarer Demokratie 1923—1930. Düsseldorf, 1992.
- Schildt A.* Militärdiktatur mit Massenbasis? Die Querfrontkonzeption der Reichswehrführung um General von Schleicher am Ende der Weimarer Republik. Frankfurt, 1981.
- Schulte B. F.* Die deutsche Armee 1900—1914: Zwischen Beharren und Verändern. Düsseldorf, 1977.
- Schulz G.* Zwischen Demokratie und Diktatur: 3 Bde. Berlin, 1963—1992.
- Schulze H.* Otto Braun und Preußens demokratische Sendung. Frankfurt, 1977.
- Schulze H.* Weimar: Deutschland 1917—1933. Berlin, 1982.
- Schwertfeger B.* Das Weltkriegsende: Gedanken über die deutsche Kriegsführung 1918. Potsdam, 1937.
- Shanafelt G. W.* The Secret Enemy: Austria-Hungary and the German Alliance, 1914—1918. New York, 1985.
- Steinert M.* Hitler. München, 1994.
- Stone N.* The Eastern Front: 1914—1917. London, 1975.

- Stürmer M.* Koalition und Opposition in der Weimarer Republik: 1924—1928. Düsseldorf, 1967.
- Tuchman B.* August 1914. Frankfurt, 1990.
- Turner H. A. jr.* Hitlers Weg zur Macht: Der Januar 1933. [o. O.], 1997.
- Turner H. A. jr.* Stresemann: Republikaner aus Vernunft. Berlin, 1968.
- Vogelsang Th.* Reichswehr, Staat und NSDAP: Beiträge zur deutschen Geschichte. Stuttgart, 1962.
- Wallach J. L.* Das Dogma der Vernichtungsschlacht: Die Lehren von Clausewitz und Schlieffen und ihre Wirkungen in zwei Weltkriegen. Frankfurt, 1967.
- Wawro G.* The Austro-Prussian War: Austria's War with Prussia and Italy in 1866. Cambridge, 1996.
- Weerd H. A. de.* Great Soldiers of Two World Wars. New York, 1941.
- Wehler H.-U.* Das Deutsche Kaiserreich: 1871—1918. Göttingen, 1973.
- Wehler H.-U.* Deutsche Gesellschaftsgeschichte. München, 1995. Bd. 3.
- Wenninger Ritter von.* Die Schlacht von Tannenberg. München, 1935.
- Wette W.* Gustav Noske: Eine politische Biographie. Düsseldorf, 1987.
- Wheeler-Bennett J. W.* The Nemesis of Power: The German Army in Politics 1918—1945. London; New York, 1954.
- Winkler H. A.* Der Schein der Normalität: Arbeiter und Arbeiterbewegung in der Weimarer Republik 1924—1930. Berlin, 1988.
- Winkler H. A.* Der Weg in die Katastrophe: Arbeiter und Arbeiterbewegung in der Weimarer Republik 1930—1933. Berlin, 1990.
- Winkler H. A.* Von der Revolution zur Stabilisierung: Arbeiter und Arbeiterbewegung in der Weimarer Republik 1918—1924. Berlin, 1985.
- Winkler H. A.* Weimar 1918—1933: Die Geschichte der ersten deutschen Demokratie. München, 1994.
- Zabel J.-K.* Das preußische Kadettenkorps: Militärische Jugenderziehung als Herrschaftsmittel im preußischen Militärsystem. Frankfurt, 1978.
- Zechlin E.* Friedensbestrebungen und Revolutionierungsversuche im Ersten Weltkrieg // Aus Politik und Zeitgeschichte. 1961. B 20; 1961. B 24; 1961. B 25; 1963. B 20; 1963. B 22.
- Zechlin E.* Krieg und Kriegsrisiko: Zur deutschen Politik im Ersten Weltkrieg. Aufsätze. Düsseldorf, 1979.
- Zimmer F.* Bismarcks Kampf gegen Kaiser Franz Joseph; Königgrätz und seine Folgen. Graz; Wien, 1996.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Август Вильгельм Прусский, принц 256
Август Вюртембергский, герцог 30
Августа-Виктория, императрица 74
Адам Хуго 276
Айнем Карл фон 104
Альбрехт Вюртембергский, герцог 40, 137
Анри Жомини 8
Андраши Юлиус, граф 95
- Бартенверфер Пауль фон 106
Бауэр Густав 195
Бауэр Макс 106, 108—110, 113, 131, 132, 138, 158, 162, 168, 203, 207
Белезер Ганс-Гартвиг фон 114
Бель Йоханнес 196
Белов Отто фон 42, 45, 48, 57, 152, 195, 196, 209, 258
Бенекендорпе Йоханнес де 22
Бенекендорф Асмус фон 22
Бенекендорф Ганс Генрих фон 23
Бенекендорф Ганс фон 22
Бенекендорф Георг фон 22
Бенекендорф Йохан Отто Готфрид фон 23
Бенекендорф унд фон Гинденбург Аннемари фон 33
Бенекендорф унд фон Гинденбург Бернхард фон 24
Бенекендорф унд фон Гинденбург Гертруд Вильгельмине фон (урожд. Шперлинг) 33, 206
Бенекендорф унд фон Гинденбург Ида фон 24
Бенекендорф унд фон Гинденбург Ирменгард Паулине 33, 37
Бенекендорф унд фон Гинденбург Луиза Вильгельмине фон (урожд. Швикарт) 24
Бенекендорф унд фон Гинденбург Оскар Вильгельм фон 16—18, 33, 35, 37, 40, 200, 220, 230, 235, 238, 243, 253, 266, 271, 280, 283, 284, 286, 299
- Бенекендорф унд фон Гинденбург Отто фон 24
Бенекендорф унд фон Гинденбург Роберт фон 24
Бенекендорф унд фон Гинденбург Эрнст Людвиг фон 23
Берг-Маркинен Фридрих-Вильгельм фон 130, 146, 166, 203, 204
Бернгарди Фридрих фон 5, 37
Берншторф Йохан Генрих, граф фон 135, 220
Бетман-Гольвег Теобальд фон 65, 67, 69, 70, 73, 76—79, 82, 87, 89, 91—93, 95—98, 100—102, 105, 106, 110—114, 116, 118—128, 130—136, 140, 150, 157
Бисмарк Отто, князь фон 6, 9, 27—29, 34, 58—60, 82, 140, 221, 225, 238, 291, 294, 295
Биссинг Мориц Фердинанд, барон фон 112
Бломберг Вернер, барон фон 266, 286, 287, 295
Блюхер фон Вальштат Gebхард Леберехт, князь 44, 59, 225, 295
Боен Ганс фон 160
Бок унд Полах фон 37
Бош Карл 19
Браун Отто 212, 259, 262, 272
Брахт Франц 272
Бриан Аристид 242
Брокдорф-Ранцау Ульрих, граф фон 193, 195
Брокхузен-Юстин Ганс Йахим фон 37, 86, 201
Брусиллов Алексей 90
Брюнинг Генрих 13—16, 19, 246—248, 250—256, 258—260, 262, 265—271, 278, 283, 290
Брюнингхауз Франц Вильгельм фон 239

- Буриан фон Райец Стефан, граф 94, 97, 114, 132
- Бусше-Иппенбург Эрих, барон фон дер 285
- Бюлов Бернхард, князь фон 58, 125, 128
- Бюлов Карл фон 37
- Вагнер Рихард 299
- Валентини Рудольф фон 92, 101, 124—126, 135, 145, 146
- Вальдерзее Альфред, граф фон 6, 34
- Ведель Клеменс, граф фон 37, 213
- Верди дю Вернуа Юлиус фон 33—35
- Вестарп Куно, граф фон 132, 185, 188, 189, 241, 246, 261
- Вильгельм I, король Пруссии, с 1871 г. также германский император 5, 20, 27, 34, 183, 214, 299
- Вильгельм II, германский император 6, 8, 11, 35—37, 48, 50, 53—55, 57, 68, 69, 71, 74, 75, 82, 83, 87, 89, 90, 93—96, 99, 100, 104, 110, 113, 116, 123—126, 128, 130—134, 137, 140, 144—146, 161, 172, 175, 176, 178—180, 187, 188, 190, 194, 197, 198, 203, 204, 207, 214, 217, 218, 259, 296
- Вильгельм Прусский, кронпринц 233, 264
- Вильд фон Хоенборн Адольф 74, 80, 87, 94, 101, 106
- Вильсон Вудро 118, 121, 164, 165, 167—171, 175, 194
- Винтерфельдт Детлеф фон 146, 172
- Вирт Йозеф 248, 252, 255
- Войрш Ремус фон 57, 86, 100
- Гайль Вильгельм, барон фон 272, 274
- Гальвиц Максимилиан фон 83, 175, 245
- Гамбетта Леон 31
- Ганнибал, карфагенский полководец 9, 50
- Гатцфельд Герман, князь фон 98
- Гebbельс Йозеф 261, 264, 277
- Гельферих Карл 19, 93, 110, 119, 122, 124, 201, 202
- Герард Карл Теодор фон 255
- Геринг Герман 18, 256, 271, 275, 277, 284, 285, 287, 291, 293, 294
- Гертлинг Георг, граф фон 135, 141, 147, 157, 158, 161, 163, 165
- Герхард Ритгер 7
- Геслер Отто 212, 234, 235, 239, 260
- Гётч Отто 192
- Гинденбург Отто Фридрих фон 23, 37
- Гинденбург Шоластика Катарина фон 23
- Гитлер Адольф 12, 15—20, 209, 210, 250, 254—256, 258—262, 264—266, 271—274, 277—294, 296—299
- Гнейзенау Август Нойтхардт, граф фон 44, 59, 295
- Гольдман Пауль 60
- Гольц Рюдигер фон дер 148, 258
- Гольц Кольмар фон 8
- Готхайн Георг 125, 201
- Гофман Макс 8, 9, 42, 44, 49, 50, 56, 62, 67, 69, 70, 76, 81, 87, 88, 99, 100, 142—145
- Грёнер Вильгельм 11, 16, 63, 80, 94, 98, 110, 112, 119, 134, 174—183, 186, 188—190, 192, 195—197, 207, 234, 235, 238, 240, 246, 255, 266—269
- Грюнау Вернер, барон фон 178
- Грюнерг 44
- Гувер Герберт 251, 252
- Гуенберг Альфред 15, 18, 227, 241, 246, 249, 252, 254, 256, 258—261, 286—289, 294
- Гуго Стиннес 10
- Густав, король Швеции 294
- Гутьер Оскар фон 152
- Гюртнер Франц 287
- Д'Абернон Эдгар Винсент 220
- Давид Эдуард 125
- Дальвиц Николаус фон 125
- Данкль Виктор, барон фон 57
- Дольфус Энгельберг 298
- Дуйсберг Карл 128, 260, 265
- Дюстерберг Теодор 261, 264, 297
- Жилинский 42, 45
- Зам Генрих 260
- Зеверинг Карл 272
- Зельдте Франц 242, 286, 287, 294
- Зильверберг Пауль 19, 265

- Каас Людвиг 241, 279
 Кайль Вильгельм 276
 Калькройт 17
 Капелле Эдуард фон 119
 Капп Вольфганг 205, 206
 Кар Густав риттер фон 208—210, 297
 Карл, эрцгерцог, позднее кайзер Австрии, король Венгрии 95, 99, 100, 113, 124, 125
 Кемниц Матильде фон (Людендорф) 237
 Кемпнер Франц 226
 Кепплер Петер 17
 Кернер 18
 Керенский 129, 142
 Класс Генрих 240, 244
 Клаузевиц Карл фон 8, 54
 Клемансо Жорж 134, 214
 Книффка Альбертине 27
 Койдель Вальтер фон 213, 214
 Конрад фон Гётцендорф Франц, граф 53—55, 57, 66, 70, 75, 79, 89, 94—97, 113, 114, 141
 Кох-Везер Эрих 229
 Крупп фон Болен унд Гальбах Альфред 19, 265
 Куль Герман фон 175
 Куно Вильгельм 225
 Куртгус Юлиус 243, 248, 249, 252, 255
 Кюгельген фон 200
 Кюльман Рихард фон 136—138, 143—145, 147—150, 158

 Ламмерс Ганс Генрих 298
 Леветцов Магнус фон 172
 Ленин Владимир Ильич 142
 Леопольд Баварский, принц 86, 97, 141
 Лерснер Курт, барон фон 122
 Лерхен фельд-Кёферинг Хуго, граф фон 78
 Лёбе Пауль 221, 238, 271
 Лёбель Фридрих Вильгельм фон 232
 Либерман Макс 261
 Либкнехт Карл 178
 Линзинген Александер фон 71, 91, 94, 95, 97
 Лицман Карл 281
 Ллойд Джордж Дэвид 134
 Лосберг Фридрих фон 160, 195

 Людендорф Эрих Матильде 7—12, 43, 44, 48—50, 54—56, 58, 60—63, 65—67, 69—74, 76, 78—80, 82—84, 86—88, 90—102, 104—107, 110—114, 116—120, 122—125, 129—139, 142, 144—156, 158—162, 164—175, 183, 190, 191, 194, 197, 201—203, 205, 207, 209, 210, 212, 227, 230, 237, 239, 243, 288
 Люнкер Мориц, барон фон 71, 92—94, 98, 100, 101, 104, 126, 128, 131, 135
 Лютвиц Вальтер, барон фон 205, 206
 Люттер Ганс 16, 220, 221, 225, 227—229, 231, 271
 Ляйпарт Теодор 280

 Майнеке Фридрих 262
 Майснер Отто 14, 16—18, 223, 224, 226, 232, 235, 253, 259, 269, 271, 274, 276, 277, 279, 280, 284, 285, 287, 292, 297
 Макдональд Этьен Жак Жозеф Александр 25
 Макензен Август фон 42, 45, 48, 56, 57, 66, 79, 80, 82, 84, 86, 227, 243
 Мак-Магон Патрис Морис 14, 220, 253
 Макс Баденский, принц 165, 166, 168—170, 172, 175, 178, 179, 188
 Малколм Нейл, сэр 12
 Марвиц Георг фон дер 152
 Маренхольц Маргарете, баронесса фон 214
 Маркс Вильгельм 212, 219, 225, 235—237, 241
 Мартос 48
 Маршалль Ульрих, барон фон 74, 177, 178, 188—190
 Мереи Каеган фон 114
 Мерк Эрвин 17
 Меркер Георг 187
 Мертц фон Квирнхайм Герман 191, 192
 Мирбах Вильгельм, граф фон 149
 Михаелис Георг 135, 136, 139, 140
 Мольтке Гельмут, граф фон (младший) 9, 40—43, 53, 59, 61, 63, 69, 72—74
 Мольтке Гельмут Карл Бернхард граф фон (старший) 6, 28, 29, 34, 58, 59, 295
 Мудра Бруно фон 175

- Муссолини Бенито 210, 297
 Мюллер Георг Александер фон 23, 93, 123, 145
 Мюллер Герман 196, 240, 241, 245—247
 Мюллер-Майнинген Генрих Эрнст 13, 125
 Мюнтер 140, 192
- Надольный Рудольф 224
 Наполеон I Бонапарт 23, 51, 195
 Наполеон III, 30, 31, 183, 253
 Нейрат Константин, барон фон 287
 Нивель Робер 130
 Николай Николаевич, великий князь 56
 Ниман Альфред 177
 Носке Густав 187, 192, 205, 221, 261
- Оберфорен Эрнст 294
 Ольденбург-Янушау Элард фон 10, 38, 73, 238, 261, 283
 Онкен Герман 262
 Оскар Прусский, принц 206
 Отт Ойген 280
- Пайер Фридрих 141, 166, 172
 Папен Франц фон 16—18, 239, 269, 271—291, 294, 296—298
 Пенлеве Поль 220
 Пентц Кристиан фон 177, 192
 Пернет Маргарите (Людендорф) 44
 Плессен Ганс Георг фон 101, 130, 135, 177, 179, 188—190
 Праядхипок, король Сиама 297
 Притвиц унд Гаффон Максимилиан фон 41, 42, 53
 Пюндер Герман 276
- Райхенау Вальтер фон 295
 Райнхардт Вальтер 195, 205
 Раппард Ирменгард фон 30, 33
 Ратенау Вальтер 89, 90, 207
 Редвиц, барон фон 289
 Рем Эрнст 20, 255, 274, 297
 Ренненкампф Павел 7, 9, 41, 42, 45, 46, 48—52, 54
 Риббентроп Йоахим фон 18, 284
 Рупрехт Баварский, кронпринц 93, 208—210, 289
- Самсонов Александр 7, 41, 45, 46, 48, 49, 51
 Сект Ганс фон 79, 80, 95, 97, 99, 133, 192, 205, 209—212, 233—235, 256, 258
 Сименс Карл фон 19
 Симонс Вальтер 222
 Сципион Африканский 225
- Таппен Герхард 81, 92, 93
 Тельман Эрнст 212, 219, 220, 264, 265
 Тирпиц Альфред фон 10, 36, 77, 79, 81, 87, 125, 128, 212, 213, 216, 227, 243
 Тиса Стефан, граф 97
 Тиссен Фриц 17, 19, 264
 Тишовиц фон 174
 Тройтлер Карл Георг фон 93
 Троцкий Лев Давыдович 147
 Тсуненори Кайя, принц 297
- Фабек фон 40, 43
 Фавр Жюль 31
 Фалькенхайн Эрих фон 10, 34, 53—55, 58, 59, 63—68, 70—84, 86—96, 98—101, 104, 133, 160
 Фёглер Альберт 19
 Финк 19
 Флик Фридрих 265
 Фош Фердинанд 154, 155, 159, 164, 168, 180, 192, 198
 Франсуа Герман фон 41, 42, 46, 48, 49
 Франц Иосиф, кайзер Австрии, король Венгрии 50, 95, 113
 Фридрих II Великий, король Пруссии 9, 20, 23, 60, 238, 291, 292, 299
 Фридрих Вильгельм I, король Пруссии 20
 Фридрих Вильгельм II, король Пруссии 23
 Фридрих Вильгельм III, король Пруссии 24
 Фридрих Вильгельм IV, король Пруссии 28
 Фридрих Карл Гессенский 149
 Фридрих, эрцгерцог Австрийский 55, 96, 97
 Фрик Вильгельм 18, 274, 284, 287
 Фрич Вернер, барон фон 295
 Функ Вальтер 289

- Хайе Вильгельм 162, 165, 234, 237, 266
Хаймерле Франц Йозеф, барон фон 58
Хаммерштайн-Экворд Курт, барон фон 266, 285, 286, 295
Ханиель 19
Хауптман Герхарт 261
Хедин Свен 77, 190
Хееринген Йозиас фон 43
Хельд Генрих 212
Хельдорф-Дроссдорф фон 37
Хельпах Вилли 212
Хергт Оскар 185, 204
Хефтен Ганс фон 72—73, 161, 169, 171, 172, 175
Хельтерман Карл 261, 266
Хёш Леопольд фон 216
Хинтце Пауль фон 158, 161, 163, 165, 166, 173, 177—179
Хольцендорф Хеннинг фон 119, 121, 123, 126
Цеппелин Фердинанд, граф фон 139
Циммерман Артур 55, 93, 114, 116, 122, 124, 126, 136
Чернин Оттокар, граф 127, 132, 136, 137, 150
Шарнхорст Герхард Йохан Давид фон 59
Шахт Яльмар 17, 19, 256
Шверин фон Крозигк Лютц, граф 287
Шеер Райнхард 118, 172, 179, 258
Шейдеман Филипп 131, 132, 178, 186, 187, 190, 195, 236
Шиле Мартин 247
Шлиффен Альфред, граф фон 6—8, 34—36, 40, 43, 53, 65, 70, 102
Шляйхер Курт фон 13, 14, 16—18, 20, 192, 235, 239, 243, 245—247, 253, 255, 256, 259, 266—269, 271, 273, 274, 279—285, 287, 297
Шойх Генрих 113, 167
Шольц Фридрих фон 46, 48
Шольц Эрнст 240
Шрёдер Курт фон 17—19, 282
Штайн Герман фон 34, 37, 40, 61, 126, 131, 132
Штрассер Грегор 280, 282, 284
Штрассер Отто 282
Штреземан Густав 131, 132, 186, 203, 204, 213, 217, 220, 223—227, 231—235, 238
Штюрк Карл, граф 97
Шуберт Рихард фон 54
Шуленбург Ведиго фон дер 225
Шуленбург Фридрих Бернхард, граф фон дер 162, 177, 178, 187, 188, 190, 239
Эберт Фридрих 131, 178, 180, 182—187, 193, 196, 205, 211, 224
Эйхгорн Герман фон 5, 75, 96, 97, 174
Эккнер Хуго 258
Эльц-Рюбенах Пауль, барон фон 287
Энвер-паша 149
Эрцбергер Матиас 92, 131, 132, 181, 207
Эттинген-Валлерштайн, князь фон 289
Ягов Готлиб фон 93, 114, 116, 119
Яррес Карл 212—215, 258

СПИСОК ФОТОГРАФИЙ С УКАЗАНИЕМ ИСТОЧНИКОВ

На суперобложке (первая страница): Генерал-фельдмаршал Гинденбург. Открытка полевой почты времен Первой мировой войны. (Архив фотографий Института современной истории. Вена.)

На суперобложке (вторая страница): Адольф Гитлер приветствует Гинденбурга перед Берлинской государственной оперой в День народного траура 12 марта 1933 г. (Архив фотографий Австрийской национальной библиотеки. Вена.)

Фото на с. 21: Гинденбург — молодой лейтенант, 1866 г. (Архив фотографий Австрийской национальной библиотеки. Вена.)

Фото на с. 39: Гинденбург со своим штабом, сентябрь 1914 г. Справа — Эрих Людендорф, слева — Макс Гофман. (А. Гросс. Архив фотографий Австрийской национальной библиотеки. Вена.)

Карта на с. 47: Сражение под Танненбергом 26—30 августа 1914 г.

Карта на с. 85: Восточный фронт в 1915—1917 гг.

Фото на с. 103: Гинденбург, Вильгельм II и Людендорф в Большой ставке, 1917 г. (Архив фотографий Австрийской национальной библиотеки. Вена.)

Карта на с. 115: Западный фронт с осени 1914 г. до весны 1918 г.

Фото на с. 199: Гинденбург и Гитлер, 3 июля 1934 г. (Архив фотографий Австрийской национальной библиотеки. Вена.)

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Б. М. Туполев</i> . Гинденбург: от Танненберга до Марбурга	5
ЖИЗНЬ ПЕРЕД СЛАВОЙ	
I. Карьера офицера	22
ПОЛКОВОДЕЦ НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ	
II. Победитель под Танненбергом	40
III. Главнокомандующий Восточного фронта	62
НАЧАЛЬНИК ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА	
IV. На пути к военной диктатуре	104
V. Заменяющий кайзера	134
VI. Главное командование под знаком поражения	159
РЕЙХСПРЕЗИДЕНТ	
VII. Долгий путь к кандидатуре	200
VIII. Первый немец	221
IX. Глава государства в тени Гитлера	258
Примечания	300
Хроника жизни и деятельности Пауля фон Гинденбурга	318
Литература	323
Именной указатель	332
Список фотографий с указанием источников	337

Раушер Вальтер

Гинденбург: фельдмаршал и рейхспрезидент: Пер. с нем. — М.: Ладомир, 2003. — 338 с.

ISBN 5-86218-441-4

Известный австрийский историк Вальтер Раушер глубоко, взвешенно и всесторонне описывает военную и политическую карьеру Пауля фон Гинденбурга, фельдмаршала и рейхспрезидента, являвшегося одной из ключевых фигур германской истории времен Первой мировой войны и Веймарской республики, когда этот убежденный монархист был избран главой государства. В книге показано почти божественное почитание, каким Гинденбурга окружали немцы в течение двух десятилетий. Исследованы обстоятельства и причины, побудившие Гинденбурга предоставить пост рейхсканцлера Адольфу Гитлеру.

Научное издание

Вальтер Раушер
ГИНДЕНБУРГ

Редактор И. Ф. Лысенко

Технический редактор М. А. Страшинова

Корректоры Г. Н. Володина, Н. М. Соколова

Компьютерная верстка Е. С. Веселковой

ИД № 02944 от 03.10.2000 г.

Подписано в печать 12.02.2003 г.

Формат 60x90^{1/16}. Гарнитура «Миньон».

Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.

Печ. л. 22. Тираж 1500 экз. Зак. № 1375.

Научно-издательский центр «Ладомир»

124681, Москва, К-681, ул. Заводская, ба.

Тел. (095) 537-98-33. E-mail: ladomir@mail.compnet.ru

Отпечатано с оригинал-макета

ООО ПФ «Полиграфист»

160001, Вологда, ул. Челюскинцев, 3

Р. АРОН

МЕМУАРЫ

50 лет политических размышлений

Эта книга — повествование о встрече, встрече жестокого Века и могучего Ума, жаждавшего познать его. Ее автор, французский философ и журналист-политолог, живя в 30-е годы в Германии, одним из первых разглядел в социально-политических процессах этой страны надвигающуюся всемирную катастрофу. С тех пор стремление понять политическую жизнь людей стало смыслом его существования.

Тем, кто откроет книгу, предстоит насладиться «роскошью общения» с Ш. де Голлем, Ж.-П. Сартром и другими великими личностями, которых хорошо знал автор, этот «Монтень XX века», как его окрестили соотечественники.

Р. БАДЕНТЭР, Э. БАДЕНТЭР

КОНДОРСЕ

Ученый в политике

Фундаментальная, основанная на достоверных документах биография Антуана Николя де Кондорсе (1743–1794) — выдающегося французского математика, социолога, философа, общественного деятеля, депутата Законодательного собрания, создателя проекта Конституции. В книге прослеживается вся жизнь Кондорсе — от детства и первых шагов в науке до восхождения к вершинам политической власти и затем гибели в разгар Террора. Повествование об одном из последних просветителей, друге Вольтера и Даламбера, который восторженно, с верой в торжество Свободы и Разума приветствовал революцию и был уничтожен ею, переключается с событиями отечественной истории и потому будет особенно интересно российскому читателю.

А. М. ЗИГМУНД

ЖЕНЩИНЫ НАЦИСТОВ

Восемь женских «портретов» — жен высших руководителей Третьего рейха (К. Геринг, Э. Геринг, М. Геббельс, Е. Браун, Г. фон Ширах) и женщин из ближайшего окружения высокопоставленных нацистских бонз (Л. Рифеншталь, Г. Шольц-Клинк, Г. Раубаль).

Скрупулезное исследование их «официальной» и «закулисной», частной жизни, их взаимоотношений с виднейшими руководителями страны позволили автору не просто воссоздать «народный» портрет немецкой женщины, о котором так любила рассуждать Гитлер и сановные представители нацистской элиты, но и отразить малоизвестные факты жизни Гитлера, Геринга, Геббельса и ряда других лиц из ближайшего окружения фюрера.

Г. КИССИНДЖЕР

Нужна ли Америке внешняя политика?

К дипломатии для XX века

Великолепное знание истории дипломатии, тайной и явной, закулисных переговоров и подкованной борьбы, определивших лицо современного мира, позволило самому известному политику XX века изложить свое видение того, как в условиях, когда холодная война ушла в прошлое, СССР канул в лету, а процессы глобализации породили такие проблемы, о которых совсем недавно еще никто и помыслить не мог, так вот, как в этих новых условиях США следует плести внешнеполитическую интригу, чтобы всякий раз оказываться в выигрыше.

Будто колоду карт тасует д-р Киссинджер государства со всем их прошлым и настоящим. В этой колоде — как традиционные союзники США, так и недруги. Раскладывая свой пасьянс, сталкивая лбами недавних друзей и усаживая за стол переговоров казалось бы непримиримых противников, этот искусный игрок мировой дипломатической сцены умело ведет читателя сквозь политические лабиринты, предлагая такие дипломатические многоходовки, от которых просто дух захватывает, словно от хорошего детектива.

Ж. ЛЕ ГОФФ

Людовик Святой

Жак Ле Гофф (род. 1924) — выдающийся французский историк-медиевист, один из ярчайших представителей «Новой истории», вышедшей из школы «Анналов», у истоков которой стояли М. Блок и Л. Февр.

Оставаясь верным концепции тотальной истории, автор вписывает исторический портрет французского короля Людовика IX (1241–1270) в широкомасштабное исследование социально-экономической, политической и культурной жизни средневековой Франции и современного Людовику Святому мира Запада и Востока. «Глобальность» исследования естественно сочетается с «микроисторическим» анализом.

Монография написана ярко и увлекательно, автор вовлекает читателя в самый процесс исторического исследования. На языке оригинала книга опубликована в 1996 году.

Ж. ДЮБИ

ВРЕМЯ СОБОРОВ

Искусство и общество (980–1420)

Жорж Дюби — один из самых известных французских историков-медиевистов, последователь направления, получившего название «новой исторической науки». «Время соборов» завершает цикл его работ, посвященных западноевропейскому Средневековью (X–XV вв.). Основанное на новом прочтении исторического материала, это исследование знакомит нас с удивительной эпохой, поворотным моментом которой стал 1000 г. Тревожное ощущение конца света, повседневная жизнь монархов и простолюдинов, судьбы Церкви и Государства, отразившиеся в произведениях искусства, вообще всё происходившее в мире средневекового человека дается настолько полно, объемно и образно, что читатель ощущает себя очевидцем, а порой даже и участником описываемых событий.

РАШИД АД-ДИН

СБОРНИК ЛЕТОПИСЕЙ

В 2-х томах

Настоящий подарок всем любителям истории. Один из основных источников Л.Н. Гумилева. Великая степь и Халифат, кочевники и древние евреи, Газневиды и Римские папы — герои всемирной истории в изложении знаменитого иранского ученого-энциклопедиста и государственного деятеля.

РУКОПИСИ, КОТОРЫХ НЕ БЫЛО:

ПОДДЕЛКИ В ОБЛАСТИ СЛАВЯНСКОГО ФОЛЬКЛОРА

На протяжении XIX—XX веков в России и других славянских странах появилось множество псевдофольклорных текстов и фальсифицированных описаний народных верований. Со временем подделки были разоблачены, однако их несомненные литературные достоинства и тот след, который они оставили в истории культуры, делают их весьма любопытным, а подчас и забавным чтением.

В книгу включены русские переводы Краледворской и Зеленогорской рукописей — знаменитых подделок чешской эпической поэзии; фольклорно-мифологические фальсификаты, возникшие в России XIX века (в том числе «Белорусские народные предания» П. М. Шпилевского), а также произведения так называемого «советского фольклора»: сложенные в былинном духе песни о вождях — Сталине, Ворошилове и др., плачи на смерть Кирова и т. п. В статьях, сопровождающих публикацию текстов, вскрыты механизмы создания литературных мистификаций на фольклорной основе.

Книга адресована филологам и историкам, а также всем читателям, интересующимся фольклором и отечественной историей.

Л. А. АНДРЕЕВА

Религия и власть в России

Религиозные и квазирелигиозные доктрины как способ легитимизации политической власти в России

Столетиями во главе России находились правители, мнившие себя «наместниками Бога» на земле. Иррациональные религиозно-политические доктрины служили единственным оправданием деспотической власти царей. Политическое повиновение приравнивалось к религиозному послушанию Всевышнему.

В предлагаемой книге рассматривается влияние христианской мифологии власти на ход политического развития России с момента принятия христианства в 988 году и до крушения власти последнего «наместника Христа» из династии Романовых — царя Николая II. Анализируется также процесс перерождения христианской модели наместнической власти в социально-футуристическую версию, сложившуюся в Советской России.

С. ШВЕЙЦЕР

АНДРЕ СИТРОЕН (1878—1935)

История автомобилестроения тесно связана с именем Андре Ситроена, яркая личность которого высветилась сразу же после Первой мировой войны. Он был человеком мысли и риска. Предприниматель необыкновенной финансовой и технической смелости, Ситроен взошел на вершину автомобилестроения и господствовал там в течение двадцати лет. Его «производственной» судьбе и посвящена эта увлекательная книга, ставшая международным бестселлером.

Для самого широкого круга читателей.

Р. АРОН

ИСТОРИЯ XX ВЕКА

Подготовленная Обществом друзей Раймона Арона антология произведений крупнейшего французского философа и журналиста включает в себя главы из его книг и статей, которые, подобно мозаике, сложились в грандиозную картину истории прошедшего столетия.

В центре внимания автора — мир и война, международные экономические и социальные отношения, политические режимы и, конечно, проблемы Франции. Он всегда был «вовлеченным зрителем» событий века, чрезвычайно информированным и критичным. «Историк настоящего времени должен забыть о собственных предпочтениях», — утверждал Раймон Арон, но сам далеко не всегда следовал этому принципу. Его оценки и взгляды, порой очень личны и пристрастны, часто они не совпадают с общепринятыми. И тем не менее в этой большой и мудрой книге французский мыслитель предстает перед нами как необыкновенно яркая, масштабная и оригинальная личность.

В. ЖИСКАР Д'ЭСТЕН

ФРАНЦУЗЫ

Размышления о судьбах народа

Бывший президент Французской Республики (1974—1981) пытается, анализируя прошлое, выяснить причины политического упадка Франции в тот момент, когда мир вступает в третье тысячелетие, когда экономика приобрела интернациональный характер, когда мировым языком стал английский, и задается вопросом: а не обрекает ли страну на застой вечное противодействие любым конкретным реформам при готовности на словах предпринять шаги самого радикального свойства?

Ж. КЕПЕЛЬ

Джихад

Экспансия и закат исламизма

Жиль Кепель широко известен в научном мире как видный востоковед, специалист по исламу и мусульманскому миру. В своем новом труде автор подводит итог последнему по времени 25-летнему историческому отрезку развития исламизма, всесторонне анализирует это движение в различных его аспектах: историческом, культурном, социальном. Особое внимание уделяется периоду расцвета исламизма (в 70-е гг.), победе революции в Иране (1979), джихаду против СССР (1980), закату (вторая половина 90-х гг.). Кепель делает вывод, что период религиозного фанатизма в истории мусульманских стран заканчивается и начинается эра приобщения этих государств к ценностям западной цивилизации. Автор не просто обрисовывает картину современного мусульманского мира, он как бы вводит в этот мир западного читателя и позволяет понять одно из основных политико-религиозных явлений конца XX в.

Г. КИССИНДЖЕР

Годы обновления

Воспоминания доктора Генри Киссинджера, политического деятеля, консультанта, аналитика, вполне можно было бы подвести под рубрику «Как это было». Как Америка уходила из Вьетнама, как администрация Никсона и Форда вела с советскими руководителями переговоры о разрядке международной напряженности и сокращении стратегических ядерных вооружений, как перспективы военного столкновения двух сверхдержав сменялись перспективами долговременного «худого мира», который, как известно, всегда лучше «доброй ссоры».

И. КЕРШО

ГИТЛЕР

Т. 1. Хюбрис. 1889–1936

Исследование Иэна Кершо «Гитлер» — одна из самых полных и достоверных биографий одной из самых мрачных и мерзких личностей XX столетия. К изданию готовится первая часть, озаглавленная «Хюбрис», то есть «гордыня», термин древнегреческой трагедии, обозначающий исходную стадию маниакальной одержимости, рано или поздно приводящей человека к гибели.

Данный том охватывает период с 1889 по 1936 г., иными словами, не только период формирования Гитлера как личности, но и становления его как политика и вождя Германской национал-социалистической рабочей партии. Известная формула «вождь — партия — класс — массы» прослеживается применительно к Гитлеру и гитлеризму во всей своей полноте.

В конце тома Гитлер предстает перед читателем, казалось бы, на гребне внутривосточного успеха: он уже не только глава правительства — рейхсканцлер, он после смерти престарелого фельдмаршала Гинденбурга — глава государства, рейхс-президент. Читатель знает, что будет дальше. Читатель знает, каким будет конец. Но читатель не знает, как именно это будет изложено Иэном Кершо, одним из ведущих германистов мира. А гарантией того, что это будет заведомо интересно и времена-ми неожиданно, служит содержание первого тома.

В настоящее время на русский язык переводится второй том биографии Гитлера «Мемезис (Возмездие): 1936–1945».

Р. МАКНАМАРА

РЕТРОСПЕКТИВА

Трагедия и уроки Вьетнама

Эта книга несет в себе «эффект присутствия»: читатель как бы участвует в беседах с президентами Кеннеди и Джонсоном, в ночных совещаниях в Овальном кабинете, в заседаниях комиссий Конгресса США и в совещаниях в Пентагоне

Моральный подъем, заставивший автора предпринять все возможные усилия для победы, — и нарастающая убежденность в том, что во Вьетнаме победить нельзя. Книга — это монолог после тридцатилетнего молчания, анализ свершившегося и несвершившегося.

Д. РАНКУР-ЛАФЕРЬЕР

РОССИЯ И РУССКИЕ ГЛАЗАМИ АМЕРИКАНСКОГО ПСИХОАНАЛИТИКА

В поисках национальной идентичности

В этой нашумевшей книге американский литературовед-психоаналитик совершенно «безжалостен» к нашему прошлому и представлениям о самих себе. В частности, он утверждает, что никакой «русской идеи» не существует и никогда не существовало — это такой же миф, как и «русская душа», что история России отнюдь не «тысячелетняя», а всего лишь несколько вековая, да и сами мы, привыкшие считать себя «великой нацией», великие мазохисты, вечно смиренные, покорные судьбе, подчиненные воле общества, склонные к непротивлению злу, самоуничтожению и разрушительному пьянству.

Да, диагноз не утешительный. Но точно поставленный, он уже — путь к выздоровлению. «Болезнь Россия» в конце концов станет здоровой — в это искренне верит автор.

Л. РИФЕНШТАЛЬ

МЕМОУАРЫ

Воспоминания знаменитой немецкой актрисы и кинорежиссера Лени Рифеншталь (род. 1902), создательницы таких культовых кинолент как «Триумф воли» (1935) и «Олимпия» (1936–1938).

РИШЕЛЬЁ

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗАВЕЩАНИЕ

Для русского читателя Арман Жан дю Плесси Ришельё (1585–1642) – в первую очередь персонаж «Трёх мушкетеров» Александра Дюма. Но с реальным историческим деятелем романый образ имеет очень мало общего. Каким в действительности был кардинал Ришельё? Полнее всего на этот вопрос отвечает его собственное «Политическое завещание», написанное для короля Людовика XIII. Это уникальное сочинение – плод изощренного ума и колоссального политического опыта – не может не поразить отечественного читателя. Ведь проблемы, над которыми бился и которые успешно разрешил автор – актуальнейшие для современной России: укрепление границ государства, реформа армии, возрождение флота, борьба с сепаратизмом гугенотов, колоссальные внешний и внутренний долги, изгнание с «хлебных» должностей льстецов и интриганов, искоренение коррупции и воровства, обуздание всевластия губернаторов, искоренение бедности, угрожавшей самому существованию государства и, наконец, поиск сплывающей национальной идеи...

Любые из имеющихся на складе книг «Ладомира» можно заказать наложенным платежом по адресу:

124681, Москва, Заводская, д. 6а, НИЦ «Ладомир».

Тел.: (095) 537-98-33;

тел. склада: (095) 533-84-77.

E-mail: ladomir@mail.compnet.ru

Для получения бесплатного перспективного плана издательства и бланка заказа вышлите по этому же адресу маркированный конверт.

Книги можно приобрести также в фирменном магазине «ЛОМОНОСОВ» (схему проезда см. далее).

Тел.: (095) 279-38-86.

Магазин научной книги

«**ЛОМОНОСОВ**»

специализируется на розничной продаже,
реализации книг по почте,
комплектовании литературой под заказ
вузов, техникумов, лицеев, научных
и коммерческих организаций.

**Поставщиками являются более 200
московских и региональных издательств.**

Представлена литература
по следующим областям знаний:

1. Естественные, точные и технические науки

Математика. Математические науки. Физика. Физические науки. Химия. Химические науки.
География. Геодезия. Картография. Страноведение. Биология. Зоология. Ботаника.

Общетехнические науки. Инженерные дисциплины.

2. Общественные и гуманитарные науки

Социология. Социальная работа. Конфликтология. Философия. Логика. Этика. Эстетика. Религия.
Религиоведение. Патрология. Мистика. Окультизм. История. Этнография. Антропология.
Внешняя политика. Международные отношения. Дипломатия. Геополитика. Культурология. Культура.
Искусство. Юриспруденция. Деловая и экономическая литература. Филология. Литературоведение.

Языкознание. Психология.

3. Справочные и энциклопедические издания

4. Мемуарная и художественная литература

На что просим обратить особое внимание:

*Широкий выбор учебных пособий для высшей школы и абитуриентов.
Весь ассортимент книг научно-издательского центра «ЛАДОМИР» –
по льготным ценам!*

*К услугам коллекционеров и любителей элитарного чтения – «Литературные
памятники» и другие известные серии.*

**Ознакомиться с ассортиментом литературы
и сделать покупку или заказ можно по адресу:**

109432, г. Москва, ул. Трофимова, дом 18а
E-mail: lomonosowbook@mtu-net.ru, тел./fax. 279-38-86 (с 11-00 до 19-00)

Схему расположения магазина смотрите на обороте.

Ждём Вас!!!